

Кто мне друг, кто мне враг – разберусь как-нибудь:
Я российский солдат – прям и верен мой путь.
Даже мать и отца, даже брата забыл,
Но в груди до свинца лишь Россию любил...
/ А.Дольский /

Предисловие

Что вы предпримете, если узнаете, что человек, с которым вы прожили бок о бок энное количество лет, совсем не тот, за кого себя выдавал? Существует несколько вариантов последующих событий: вы уходите с гордым видом, поджав губы, показывая тем самым свою глубочайшую обиду, или попытаетесь разобраться в возникшей ситуации, докопаетесь до истины, а уже потом, в зависимости от полученного результата... уйдете, поджав губы. Или продолжите общение с этим засекреченным индивидуумом. Есть еще масса вариантов, если есть желание докопаться до истины...

У меня такое желание было, только я не знала, с чего начать. Я напоминала себе старуху, сидящую у разбитого корыта не в начале сказки, а в ее конце, когда развитие событий закончено и от жизни уже ничего хорошего не ждешь.

Все началось со шкатулки, которая в нашей семье хранилась много-много лет. Сначала моя бабушка складывала туда свои немногочисленные ценности в виде нескольких золотых украшений, потом, по мере износа, шкатулка перешла по наследству моей маме, которая прятала в ней свои вещицы, а затем досталась мне.

Шкатулку привез мой дед в пятьдесят первом году из Китая, где базировалась его военная часть, в которой молодой лейтенант Александр Алышев был командиром роты. В те времена СССР и Китай находились на пике дружбы и братства, и наша страна снабжала Китай различной военной техникой. Дед со своей частью провел там полтора года, передавал опыт братскому народу, отъедался после тяжелых военных лет и затаривался одеждой и обувью, бывших в дефиците в нашей стране. Приодел, приобрел свою молодую жену и сына, который родился через два месяца после отъезда отца.

Поженились они в сорок девятом, когда моя бабушка Нина Криштопина поехала в отпуск в Минск к своей старшей сестре, которая была замужем за военным. Перед отъездом Нина рассорилась со своим женихом Владимиром и поэтому пребывала в расстроенных чувствах. Её мать, моя прабабушка, Вера Васильевна, была женщиной умной и наблюдательной, всегда верховодила в собственном доме и любила полное подчинение себе всех домочадцев. Жених дочери ей не нравился, но против любви, как известно, не попрешь. Вера Васильевна пыталась, но безуспешно. Нина безумно любила Вовку, хотя, все недостатки его замечала, но смотрела на них «сквозь пальцы».

- Он же бабник! Всю жизнь будет на сторону смотреть. И хорошо, если только смотреть, – печально вздыхала сердобольная мать, пытаясь облагоразумить дочь. – Неужели тебя это устраивает?!

Нина слушала предводительницу и молчала.

- Гуляющий муж хуже мужа-пьяницы! – не унималась Вера Васильевна.

- Почему? – с напускным удивлением спрашивала Нина, желая увести мать с «наезженного пути». – По мне так и то и другое – равнозначно плохо.

И Вера Васильевна сразу хваталась за возможность пуститься в воспоминания, каждый раз начиная повествование со слов: «Вот помню, был у нас случай...»

Про мою прабабушку, которую я, к большому моему сожалению, не застала в живых, стоит рассказать особо.

Я не знаю почему, но моя мама называет себя ведьмой в третьем поколении. Начало «ведьминского» древа, естественно, исходит от Веры Васильевны. У нее не было ничего общего с бледнолицей старухой с крючковатым носом и большими алчными губами, она не наводила на людей порчу, не была сварливой и злой бабой, проклинающей всех и вся. Именно, таких в повседневной жизни презрительно называют ведьмами. Предсказательницей прабабушку тоже трудно назвать, так как она не вещала о будущем, прикрыв глаза, словно видит все грядущее четко и ясно. Она не насылала болезни, не руководила погодой, Вера Васильевна относилась к тем женщинам, которые много знают и могут влиять на ход событий. Поэтому ее называли в семье ведьмой, за глаза, потому как высказываться открыто никто не решался. Прабабушку побаивались. Если она «заимет на тебя зуб», то бойся! А заимет она его только в случае сильной обиды, которая касается не только её, но и её близких людей. Особенно, близких! Прабабушка не скажет худого слова, она просто обидится на этого человека и перестанет с ним общаться. Вы подумаете: и что в этом страшного? Ну, не хочет разговаривать и не надо! Подумаешь! Но через некоторое время с обидчиком или его родственниками случаются неприятности разного рода. Нет-нет, Вера Васильевна, не произносит таинственных заклинаний, она, как я уже сказала, просто обижается...

Бабушка Нина уверяла, что мать Веры Васильевны, будучи беременной, проглотила ненароком кусочек угля во время приготовления вечерней трапезы, поэтому на свет появилась прирожденная ведьма. Бывают еще ученые ведьмы. Это те, которые приобретают силу таинственного мастерства у прирожденных ведьм, которые более добродушны к людям, нежели ученые ведьмы, и твердо знают, что всегда добьются цели.

Вот и Вера Васильевна предчувствовала: одну дочь отпускать в Минск ни в коем случае нельзя. Там случиться может всякое, и это всякое способно коренным образом изменить ее жизнь. Но при этом должна присутствовать мать, чтобы вовремя среагировать: дать отмашку-разрешение или заблокировать это изменение, если внутреннее чутье прирожденной ведьмы сработает. А оно сработает, в этом она не сомневалась.

Итак, обе дамы прибыли в город-герой Минск, где их встретила старшая дочь Катерина с мужем Николаем. Вера Васильевна рассказала ей о проблемах на «личном фронте» у Нины. Катя сразу нашла выход из создавшейся сложной ситуации: предложила познакомить сестру с молоденьким лейтенантом, который недавно прибыл в их часть.

- Мам, Сашка парень хороший, фронтовик, окончил Рязанское автомобильное училище с отличием, – быстро перечислила достоинства потенциального зятя старшая дочь.

Мать задумалась и на следующий день дала добро на знакомство младшей дочери и Александра Альшева.

Нина не обратила внимания на сослуживца Николая, все ее мысли были об оставленном в родном городе любимом Вовке, тяготила размолвка, в голову протискивались мечты о будущей встрече. И чего скрывать, о примирении. Вера Васильевна поняла настроение дочери и перешла к непродолжительной осаде. Для продолжительной отпускного времени было недостаточно. Просто сидеть сложа руки и ждать не входило в планы матери.

- Ты посмотри, как живет твоя сестра! У военных и зарплата выше, да, и люди они более ответственные. Не то, что... - мать замолчала, предчувствуя, что сравнение Александра и Владимира пока преждевременно. Душевная рана дочери еще кровоточит, и упоминание имени нового знакомого рядом с Вовкой может повлечь за собой антипатию со стороны Нины к новоявленному жениху, которого выбрали мать и Катерина.

- Надо вести игру тонко и осторожно, не ускоряя событий, - задумчиво произнесла Вера Васильевна, когда они остались наедине с Катериной.

- Времени не так уж и много, - напомнила она.

- Я мы его остановим, - неожиданно выдала прирожденная ведьма, зыркнув в сторону старшей дочери светло-кариими глазами, совсем не черными, какими положено быть глазам матерой ведьмы.

Когда прабабушка ставила себе цель, то обязательно добивалась желаемого. Так было и на этот раз. Вера Васильевна не вела душевные беседы с дочерью, не уговаривала ее, просто «капала на темечко», как говорили в нашей семье, когда кто-то каждый день говорит одну фразу – заклинание, которая вбивается в мозг слушателя.

В данном случае этой фразой стало высказывание, которое всегда начиналось словами: Саша – хороший парень... А потом следовали различные вариации, раскрывающие все плюсы этого парня. То ли Нина устала от взбрыкиваний Вовки, то ли захотела спокойной жизни рядом с хорошим и надежным парнем, но осада вскоре закончилась победой: в самом конце отпуска Нина и Александр расписались. Молодая жена ненадолго покинула мужа и отправилась в родной город, чтобы завершить свои дела.

В первый день по возвращении к ней прибежал Владимир, чтобы в очередной раз покаяться и помириться. В успехе он был полностью уверен, зная отходчивый характер Нины и веря в ее неугасающую любовь к нему. На пороге его встретила будущая теща и сообщила, что она уже не будущая, а состоявшаяся теща одного хорошего парня и выставила Вовку за дверь.

Сначала тот опешил, но затем быстро опомнился и решил бороться за девушку. Он подкараулил ее на улице, подальше от ее дома, не желая попадать в поле зрения Веры Васильевны. Владимир взывал к пониманию, обещал измениться, напоминал о прекрасном чувстве, которое испытывает молодая жена не к мужу, а к нему. Нина, молча, выслушала бывшего жениха. Когда его красноречие иссякло, она напомнила, что вышла замуж и будет век верна своему избраннику. Что-то в этом роде. Надо сказать, моя бабушка обладала обширным словарным запасом и смогла подобающим образом ответить Вовке, дабы тот не тешил себя надеждой на ее возвращение.

Вскоре она вернулась в Минск...

Бабушка как-то раскрыла мне тайну.

- Знаешь, Сашенька, я никогда не любила твоего деда, но прожила счастливую жизнь. Он был замечательным человеком...

Да, мой дед был, именно, таким. Боевой офицер, прошедший Великую Отечественную войну, дослужившийся до командира батальона, немногословный, ответственный, порядочный человек. В общем, настоящий мужчина. Когда я слышу песню группы «Любе» «Комбат» у меня всегда наворачиваются слезы. Эта песня о моем дедушке, который никогда «не прятался за спины солдат».

Жаль, что я плохо помню его. Он умер, когда мне исполнилось пять лет.

И вот теперь прошло восемнадцать лет после его ухода, и я получаю от него своеобразный привет, привет из шкатулки, которую он привез из Китая в тысяча девятьсот пятьдесят первом году.

Это великолепие китайского производства является таковым и не вызывает кривую ухмылку при произношении этого сочетания. Не каждая современная вещица может столько лет прослужить своим хозяевам. Поколениям хозяев. Последняя владелица шкатулки – я, Александра Козловская, названная в честь деда. Девушка двадцати трех лет, незамужняя... пока, стройная красотка ростом метр семьдесят, с длинными русыми волосами и серо-голубыми глазами. Как у деда.

За пять совместно прожитых лет с дедушкой он мне дал столько, сколько другие предки не вкладывают в своих чад за всю жизнь. Бабушка утверждала, что он больше всех на свете любил меня и свою дочь, мою мать Жанну Козловскую, в девичестве Алышеву. При этом в голосе чувствовалось обиды: за себя, которая не слышала слов любви от сдержанного в эмоциях супруга, за сына, который впервые увидел отца, вернувшегося из

длительной командировки, будучи «взрослым» парнем – ему был год и восемь месяцев. Не думаю, что так было на самом деле, просто дед привык держать чувства в узде. Он выказывал любовь не на словах, а на деле. Как все интеллигентные люди, которые не выставляют на всеобщее обозрение свои эмоции, свою радость или свое горе.

Когда шкатулка перешла ко мне по наследству, она являла собой жалкое зрелище, такая нереставрированная семейная реликвия, готовая к утилизации. Мой отец взялся ее восстановить. Благодаря его «золотым» рукам шкатулка получила новую жизнь.

Прошло пятнадцать лет после последней и единственной реставрации. Коричневое покрытие шкатулки порядком вытерлось, металлическая окантовка покрылась коррозией и превратилась в «вековую» зелень, приклеенный некогда обод крышки отвалился, оголив брешь в благородной шелковой подкладке розового цвета. Взрослая девица Саша Козловская не придумала ничего лучше, как засунуть в образовавшуюся брешь два пальчика и проверить содержимое. Не знаю, что я хотела там найти. Может, имя мастера: эту шкатулку сделал мастер Ли, о чем указывается на... визитке с иероглифами. Типа нашей упаковщицы номер два...

Или я все же ведьма в четвертом поколении, которая знает, что делает?..

В моих руках оказался обрывок записки, где рукой моего деда было написано: «Я давно хотел признаться, что на самом деле не тот, за кого себя выдавал». И почерк какой-то корявый, будто писали второпях и «на коленях», но вполне читаемый, а главное – узнаваемый. Дед всегда писал мелко, буквы шли стройными рядами, причем были кругленькими, ладненькими, что говорит о покладистом характере пишущего и желании идти на компромисс, желая избегать споров, ссор и выяснения отношений. Таким был мой дед – Александр Григорьевич Алышев.

Который на самом деле оказался не Алышевым, а непонятно кем на самом деле.

Я сразу решила обратиться к позднему и любимому ребенку деда – моей матери.

Она несколько раз прочла записку, даже не записку, а ее часть, потому как остальная часть текста отсутствовала. Потом повертела бумаженцию в руках, я даже подумала, что она ее понюхает или попробует на зуб, но моя мамуля была женщиной здоровой, притом ведьмой в третьем поколении, поэтому предложила свою версию.

- Ты заметила, Сашуня, что почерк отца не совсем обычен. – В подтверждении ее слов я бойко кивнула. – Буквы какие-то пляшущие, - задумчиво добавила она и еще раз пробежала глазами по написанному тексту. – Я догадываюсь, когда он мог ЭТО написать.

- Когда? – спросила я, удивленно вскинув брови: скорых объяснений услышать не ожидала. Подхватила с места, подошла к матери и встала у нее за спиной, заново перечитывая выученный наизусть текст.

- Помнишь, мы с бабушкой рассказывали тебе, что у деда случился инсульт, когда тебя еще не было на свете. Отец находился в нормальной памяти, но у него отнялась речь, и парализовало правую половину тела. Он пролежал недели две, потом врачи разрешили ему вставать, но реабилитация проходила достаточно долго. Речь восстановилась гораздо быстрее, чем двигательная функция правой рукой на том уровне, на котором она действовала до болезни. Мне кажется, что почерк не стал прежним уже никогда. Хотя, эта фраза, - мать потрясла в руке пресловутый обрывок, - написана спустя полгода после инсульта. Я помню, как он разрабатывал руку и подолгу сидел за письменным столом. Это был переходный период от совсем непонятной писанины и ее лучшему варианту, который остался до конца жизни.

- И что нам это дает?

- А то и дает, что это всего лишь фраза... Может, он развивал руку и переписывал отрывок из книги, - предположила она. – Человек просто пишет, не задумываясь над написанным, он сосредоточен лишь на каллиграфии, желая вернуть свой привычный почерк.

- А потом идет к шкатулке, аккуратно распарывает подкладку, и прячет туда эту тренировочную для восстановления почерка бумагу, – монотонным голосом закончила я.
- Все может быть, – пространно заметила моя маман и спрятала глаза. Я воззрилась на нее, не понимая странного поведения.
А когда я чего–то не понимаю, то иду до конца.
- Ты же сама утверждала, что дед находился в здравом рассудке. Даже во время болезни, не говоря уже о том времени, когда была нацарапана эта странная записка, – не унималась я.
- Саша, ну какая эта записка! – возмутилась Жанна Александровна и возвела к небу свои злато-карие миндалевидные глаза. – Так, кусочек бумаги с вырванным текстом.
- Мам, ты всегда уверяла меня и Нину, что твой отец не похож на родителей и его многочисленных братьев и сестер.
- Это... мои предположения. – Жанна изучила небо за окном, потеряла ложбинку под носом указательным пальцем и тихо изрекла. – Он не только не похож внешне, он другой...
- И глаза у него не такие, как у всех Алышевых, у них темно-темно–карие, а у него серо–голубые, как у меня.
- Это у тебя, как у твоего деда, – усмехнулась мама, потрепала меня по голове и расцеловала в обе щеки. – Я тебя очень люблю, Сашка...
- Я тебя тоже.
- Поэтому не хочу, чтобы с тобой... – она неожиданно смолкла, словно споткнулась обо что-то. Я терпеливо ждала продолжения. – Я не хочу, чтобы ты лезла в это дело... Пусть все остается по–прежнему. Александр Григорьевич Алышев всегда останется в нашей памяти настоящим мужчиной, воином–защитником, преданным Родине и своей семье... – Ее голос дрогнул. Несмотря на громкие слова, в них не было пафоса. Явно слышалась тоска, боль и непроходящее чувство скорби. По ее щеке пробежала одинокая слеза. Я не удержалась и поддержала ее обильным слезным потоком.

После разговора с матерью, который меня запутал еще больше, но дал возможность предположить, что в жизни деда были темные пятна, я решила направить стопы к своей бабушке.

Нине Степановне стукнуло восемьдесят лет, ее здоровье нас беспокоило, но радовал ее интерес к жизни, к происходящим событиям в мире и в России в частности. Поэтому минут тридцать мы уделили обсуждению последних новостей, поведению одной культовой фигуры на политическом олимпе, который, как всегда, обратил на себя внимание и вызвал споры, воспели президента, и перешли к земным проблемам, главной из которых было мое замужество. Мой выбор бабуля одобряла, в очередной раз поинтересовалась, когда назначен день бракосочетания, я увильнула от ответа, потому что сама не решила, выйду замуж или повременю? Сейчас меня волновал совсем другой вопрос – прошлое моего деда.

- Нина, расскажи мне об Алышевых, – попросила я, сделав милое личико прилежной первоклассницы.
- С чего это вдруг? – удивилась ведьма во втором поколении.
- Просто так, – пространно заявила я.
- Темните, девушка, – выдала бабуля и пронзила меня взглядом вылинявших глаз моей мамы.

Я сжалась: сейчас она перейдет к допросу, я не выдержу и открою ей все карты. Выложу про обнаруженный в шкатулке обрывок бумаги с непонятным текстом, у нее подскочит давление, уровень сахара в крови, и как итог – я получу нагоняй от мамы за доставленные бабушке неприятности. Если эти процессы в старом, нет, в пожилом организме, можно

назвать неприятностями. Я недаром поправилась. Мою бабулю ни в коем случае нельзя назвать старушкой, она следит за собой, любит наряжаться, подкрашивает бледно-розовой помадой губы, покрывает перламутровым лаком длинные ногти и красит волосы в огненно-красный цвет. Только в детстве я называла ее бабуша, а сейчас обращаюсь к ней по имени, показывая этим незначительную разницу в возрасте. Иногда она бурчит, выказывая свое недовольство таким обращением, но в глазах я улавливаю удовлетворение. Она хитрит и желает услышать комплимент в свой адрес. Я не скупа на комплименты и начинаю петь хвалебные оды.

Иногда между нами происходят стычки, когда Нина слишком далеко углубляется на мою территорию. Она привыкла руководить мужем и детьми и старается это проделать со мной. Но я обладаю жестким мужским характером и быстро ставлю заслон ее желаниям влезть в мою жизнь. Она обижается, напоминает о полной своей самоотдаче мне в раннем детстве, когда мама вышла из отпуска по уходу за ребенком, то есть за мной, и оставила меня заботам бабушки. Можно подумать, меня выставили на улицу, а она подобрала. Основная забота всегда лежала на маме, она не перестала это делать и сейчас, когда я окончила институт и поступила в аспирантуру. Мама всегда держит руку на пульсе, но в отличие от Нины, не переходит разрешенных границ. Наверное, она сумела сделать выводы о воспитании взрослых детей на своем собственном опыте.

Теперь к заботам обо мне добавилась постоянная тревога за Нину. Поэтому, зная мою настойчивость и желание идти до конца, мама предвидела мой визит в бабушке и настойчиво попросила не вовлекать ее в процесс расследования прошлого деда.

- Да и тебе надо подумать о защите кандидатской диссертации, - в заключение сказала она, - а не выяснять родословную предков.

- Диссертация давно готова, - заверила я мамулю и отправилась к бабушке, желая ее разговорить.

Особого труда это не составило, Нина всегда любила поболтать, а с годами и вспомнить далекое прошлое. Своими рассказами о молодости она напоминала прабабушку Веру Васильевну, которая, со слов моей мамы, дожив до девяноста лет, забывала, что было полчаса назад, но с удовольствием описывала в мельчайших подробностях день своего бракосочетания, свой свадебный наряд и еще многое другое, на первый взгляд, незначительное, что произошло более полувека назад...

- Я не знаю, что тебе рассказать об Альшевых, - пожала плечами Нина. – Мы столько раз говорили на эту тему, что ничего нового ты из моего рассказа не почерпнешь.

- Я уже ничего не помню, - протянула я. – Расскажи еще раз!

- Ладно, - спокойно согласилась бабушка, не стала при этом задавать лишних вопросов.

- Я знаю совсем немного и только то, что мне поведал твой дед, а не его родители, которые не любили распространяться на эту тему.

- Почему? Неужели им было, что скрывать?

- Твой дед легко поднимался по служебной лестнице и каждый раз, при очередном повышении, его... проверяли, - она возвела очи к потолку. - И, удивительно, что не накопили компромата.

- А... было, что накопать? – опешила я. Начало меня заинтриговало, чего ждать дальше?

- Однажды муж обмолвился, что его семью раскулачили во второй половине двадцатых годов, но я не придавала этому значения, так как раскулачиванию и ссылке подвергались многие. Те, у кого было, что забрать. Раз не «гол, как сокол», значит, кулак! Отдавай свою немногочисленную живность, целых две коровы и захудалую лошадку, и вон из деревни. В то время Сталин призвал «ударить по кулакам» и «пустить в ход чрезвычайные меры», вот его приспешники и расстарались, гребли всех кого надо и кого не надо, выполняя приказ вождя.

- Но мой дед не был похож на крестьянина, даже и зажиточного! – вставила я.

- Его вывезли на Урал в двухлетнем возрасте! Какой же он крестьянин!

- А гены? Гены всегда сказываются... И у него сказались. Он больше похож на дворянина...

В памяти пятилетнего ребенка укрепился образ лощенного джентльмена, каковым являлся мой дед: отглаженный костюм, обязательный галстук в тон, приличная сорочка, гладковыбритое лицо, аккуратная стрижка. Дома он тоже не опускался до треников с вытянутыми коленками.

- Да, он всегда отличался аристократическим лоском, - подтвердила мои мысли бабушка. – Твоя мать пошла в него. В них есть... какая-то... отстраненность от всех. Я не имею в виду, что они ставят себя выше других, они стараются отгородиться, чтобы не вступать в полемику, если это будет необходимо. Оба способны постоять за себя, тем более за своих близких, но стараются избегать конфликтных ситуаций.

- Это плохо? Ведь, не всегда нужно давать сдачи. Христианский принцип призывает: подставь правую щеку, когда получил по левой. Но мне это изречение не нравится.

- Я тоже не понимаю этого... - Наша предводительница привыкла, чтобы последнее слово всегда оставалось за ней. И высказать свое мнение по любому вопросу она считала обязательным. Мы с мамой поступаем иначе: обнародуем вслух мысли только при желании своего собеседника.

- Нина, мы пустились в философские рассуждения, а я просила тебя рассказать об Алышевых! – призвала я, переключаясь на нужную волну. – Где они жили до того, как их раскулачили?

- Не знаю, - хмыкнула бабушка.

- Никогда не поверю, что ты не интересовалась!

- Интересовалась несколько раз, но ни разу не получила ответа и махнула рукой. Твой дед сразу перескакивал на тысяча девятьсот двадцать восьмой год, когда молодая семья с двухлетним ребенком появилась в слободе при Мотовилихинском заводе, который в конце девятнадцатого века стал главным центром производства артиллерии в России. Это сейчас он один из районов Перми, а тогда это было небольшое село при заводе. В двадцатые годы Пермь была заштатным городишком, жалким районным центром, потому что не была большевистской. Ее считали мещанским городом. В отличие от Екатеринбурга, названного второй столицей большевиков, Пермь слыла кадетским центром, а большевиков в семнадцатом году насчитывалось около десятка человек. Через этот город проходила «государственная дорога на каторгу» – Сибирский тракт.

- Что при царе ссылали по Сибирскому тракту, что при Советской власти, – вздохнула я. – Значит, семья Алышевых осела в слободе при заводе. Что дальше?

- Сначала в слободе, потом они перебрались в Пермь. Вскоре у них родился второй ребенок – дочь, затем - сын, потому еще одна дочь, и еще. В семье работал один отец, а нахлебников было шестеро.

- Поэтому они решили на один рот убавить, - зло высказалась я.

- Сашка, ты напоминаешь мне твою мать, которая всегда возмущалась поступком родителей своего отца! С этого все и началось!

- Что началось? – ухватила я за случайно оброненную фразу.

- Ну... Жанна утверждала, что своего ребенка родители никогда не отдали чужим людям, как бы им не было тяжело.

- Я с ней полностью согласна! – с чувством заметила я.

- Но Алышевы его не в детдом сдали, а определили трубачом в музыкальный взвод при артиллерийском полке, расположенном в Перми.

- Конечно, зачем им чужой ребенок, когда своим есть нечего! – съязвила я.

- Это все домыслы!

- Не домыслы, а версии, которые пока не нашли подтверждения.

- Твоя стезя – экономика, а не юриспруденция! Каждый должен заниматься своим делом!

- Нина была права.

Потом мы принялись рассматривать фотографии деда того времени. Вот на пожелтевшем снимке молоденький мальчишка Сашка Алышев в буденовке со звездой, в шинельке и с приятной улыбкой, едва тронувшей его пухлые губы.

Я в очередной раз пожалела этого десятилетнего пацаненка, которого выставили из родного дома, и в очередной раз осудила поведение его родителей.

...Война застала Александра под Смоленском, где их часть попала под бомбежку. Всех воспитанников отправили в тыл. Саша стал работать на Авиационном моторном заводе, за одну неделю освоил профессию токаря и стал трудиться самостоятельно. До июня сорок второго молодой парень безуспешно обивал порог военкомата, стремился на фронт. И в шестнадцать лет был направлен в запасной стрелковый полк, который базировался в селе Алкино под Уфой. На срочную службу его так и не зачислили - не хватало возраста. В сорок третьем перешел в Артиллерийскую часть имени Салавата Юлаева. Там он встретился с командиром Артполка, в котором служил в музыкальном взводе. И упросил командира взять его на фронт, тот согласился. Они прибыли в село Парфеньево, близ Коломны, погрузились в эшелоны и отправились на фронт. Было начало ноября. Уже по дороге они узнали, что наши войска освободили Киев.

Дед воевал в артиллерийском полку вплоть до сорок четвертого года, потом перешел служить в разведку. Остальная фронтовая жизнь покрыта мраком. Известно, что Александр Алышев воевал на третьем Украинском фронте и закончил войну на озере Балатон в Венгрии...

Скрытность деда всегда бесила мою мать, любую информацию о военных годах из него надо было вытаскивать клещами. Только в День Победы, когда Александра Григорьевича приглашали в школу, где училась его дочь, он коротко рассказывал о каком-либо эпизоде, произошедшем на фронте. Рассказ был посвящен его боевым товарищам, но не собственным ратным подвигам...

С фотографий военных лет на меня смотрел серьезный парень в папаче, лихо сдвинутой на бок. Вот совсем маленькое фото: он сидит в окопе и смотрит в бинокль, наверное, изучает позиции фашистов. На другой фотографии дед снялся с друзьями, они улыбаются, словно войны и нет. И везде на снимках на голове Саши Алышева неизменная папача. Из одежды - штаны-галифе и аккуратная гимнастерка, затянутая на тонкой талии ремнем. На ногах начищенные сапоги. Видимо, тщательно готовился в фотосъемке.

Я всегда чувствую запах кожи и слышу скрип сапог, когда долго изучаю фотографии деда тех военных лет. Мне кажется, что он где-то рядом. Прошел неспешно мимо, засунув руки в карманы галифе...

После окончания войны Александр поступил в Рязанское автомобильное училище и окончил его с отличием в сорок восьмом году. На фотографии тех лет худощавый парень стоит с товарищами у волейбольной сетки с мячом в руках.

Интересно, выиграла команда моего деда? – каждый раз думала я и всегда утверждала, что его команда выиграла. Иначе, нельзя.

По фоткам можно проследить весь боевой путь Александра Алышева от мальчишки из музыкального взвода до полковника...

Серьезный интеллигентный человек с безупречной репутацией... Таким был мой дед для меня, для его дочери и его жены...

Глава первая

Гимназист Павел Леонов тихонько поднялся с кровати, быстро оделся, накинул долгополую шинельку, надел фуражку, поверх нее накинул башлык, обмотал его вокруг шеи и вышел в морозную ночь. Взглянул на звездное небо, передернул плечиками и бойко зашагал прочь.

- Я должен это сделать, я должен это сделать! – как заклинание бубнил он себе под нос. Вот и кладбище.

Мальчик остановился, вжал голову в плечи и стал испуганно озираться по сторонам. Ветер кинул иголки–снежинки ему в лицо, он отпрянул, как от удара, приложил к щекам руки, очнулся и продолжил свой путь, постоянно стреляя глазами по сторонам, чтобы вовремя отреагировать на любую опасность.

- Надо бояться живых, - убеждал он себя шепотом. Нервы мальчика были на пределе, один тихий звук мог заставить его пуститься наутек.

Чтобы отвлечься он стал думать о прочитанной накануне книге – «Рассказы о Суворове».

- Уж, Суворов никогда бы не побоялся пойти ночью на кладбище! –прошептал Павлик, с трудом размыкая застывшие на морозе губы.

Он старался идти уверенным шагом, с трудом удерживая себя от огромного желания вернуться назад. И не просто вернуться, а так припустить, что время возвращения в теплую казарму Петровско–Полтавского Кадетского корпуса было вдвое, а то и втрое, меньше времени, затраченного сейчас...

Почему, именно, этот кусочек своей насыщенной на события тридцатилетней жизни вспомнил подполковник Павел Алексеевич Леонов перед эвакуацией из Севастополя в ноябре тысяча девятьсот двадцатого года? Ни учебу в Михайловском артиллерийском училище, ни участие в Первой мировой войне, ни развал Русской армии в декабре семнадцатого, ни борьбу с большевиками в составе Добровольческой армии, которая с боями пробивалась к Москве и дошла до Орла... А потом от Орла было отброшена до Новороссийска...

Павел Алексеевич долго всматривался в личико спящего на его руках трехмесячного сына, потом поднял глаза на супругу Лидию Андреевну, которая держалась из последних сил, и тихо сказал:

- Лидуся, я не могу взять вас с собой. – Эту фразу он повторил уже несколько раз за последний час. – Я не знаю, что с нами может произойти... Но я обязательно, ты слышишь, я обязательно вернусь за вами. За тобой и Владимиром.

Слезинки бегло побежали по лицу Лидии Андреевны. Она быстро смахнула их кружевным платочком.

- Не волнуйся, Павлуша, с нами все будет хорошо. Мы уедем подальше... С нами Катюша и Григорий, они не дадут нам пропасть.

Стоявшие поодаль Катерина и ее муж Григорий не сводили глаз со сцены прощания хозяина и хозяйки. Еще мать Кати служила горничной в доме отца Павла Леонова, генерала Гордея Ильича Леонова, участника обороны Севастополя.

Мысли подполковника вновь вернулись в прошлое...

Последний раз он видел отца перед войной, в четырнадцатом году. Тот крепко расцеловал сына на прощание и сказал:

- Будь всегда честным и преданным нашей России. Долг перед Отечеством исполни до конца! Побеждает тот, кто готов отдать всего себя!..

Судорога пробежала по лицу потомственного военного.

- Нет больше России, - прошептал он. – Жестоко карает судьба русский народ, соблазненный большевиками.

- Павлуша, тебе пора, - напомнила Лидия. Короткая фраза далась ей с трудом.

- Поезжайте в Москву, там легче затеряться. - Молодая женщина удивленно посмотрела на мужа. – Да–да, только в Москву, - задумчиво повторил он. – Я заберу вас с Володей... или вернусь сам.

Незаметно подошла Катюша, взяла из рук хозяина ребенка. Павел Алексеевич обнял жену, потом резко отодвинул от себя, всмотрелся в любимые черты, желая запечатлеть их в памяти, крепко поцеловал в губы, покрыл поцелуями руки, потом снова прильнул к губам...

- Мы будем вместе! – заверил он Лидию, пытаясь убедить и себя, чтобы расставание не было таким горьким. Поцеловал сына, развернулся и взбежал, не оглядываясь, по трапу парохода «Херсон»...
- Пойдемте, Лидия Андреевна, - позвала Катюша, - не будем рвать душу Павлу Алексеевичу...
- Сейчас, сейчас, - пролепетала Леонова, отступая на несколько шагов назад, чтобы не пропустить момент, когда знакомая широкоплечая фигура промелькнет на палубе...

Русская Армия генерала Врангеля в количестве ста тридцати плавсредств прибыла в Константинополь. Люди не могли сойти на берег, так как оккупационное командование Франции для начала должно было принять непростое решение - где всех разместить? Наконец, после двух недель ожидания прибывших беженцев распределили по трем лагерям. Один из лагерей располагался возле города Галлиполи, на европейском берегу пролива Дарданеллы.

Двадцать второго ноября двадцатого года два парохода - «Херсон» и «Саратов» - встали на рейде у портового города Галлиполи. На «Херсоне» и «Саратове» находился весь Первый Армейский Корпус под командованием генерала Кутепова.

Месторасположение русским было предоставлено в районе каменистой реки Биюкдере. Они сразу прозвали его «Голым полем» за пустынную. Высадка проходила под проливным дождем.

Даже природа играет против бедных русских, сломленных морально и физически, - подумал Павел Леонов, оглядывая перепуганных людей.

По прошествии многих лет, Павел Алексеевич с чувством благодарности вспоминал командира корпуса Александра Павловича Кутепова, который в то нелегкое время взял на себя все проблемы, попытался встряхнуть растерянных людей. Он издал указ, который не все оценили правильно, нашлось много недовольных жесткостью этого указа, и не все поняли самого командира, грозившего полевым судом за каждое неповиновение или нарушение воинской дисциплины. Но со временем осознали своевременность такого решения. Они – армия, а не сброд из дезертиров и предателей. Люди как-то подобрались, подтянулись и поверили в будущее.

Когда Армейский корпус обустроился, Леонов запоздало пожалел, что не взял с собой семью. Но тогда он не был уверен до конца, что его пароход пришвартуется на пристани Константинополя. Он не мог рисковать жизнью близких людей...

Через несколько месяцев «Голое поле» было не узнать. Место, некогда заросшее кустами шиповника и заселенное одними змеями, теперь представляло собой обжитый военный лагерь. Здесь проводились парады, смотры, устраивались концерты. Действовали два театра: один в самом Галлиполи, где расположился штаб, а другой – в лагере. Проводились спортивные состязания, футбольные матчи. Малыши посещали детский сад, дети постарше - военные училища. Но все понимали, что это временное пристанище. А куда потом?

После Галлиполи полковник Леонов в декабре двадцать первого года оказался в Болгарии, через год перебрался в Сербию...

В марте тысяча девятьсот двадцать четвертого года Павел Алексеевич переехал в Париж. Все эти годы он ничего не знал о своих самых дорогих людях - жене и сыне. Оставалось лишь мечтать о встрече.

В Париже Леонов вступил в Русский Обще-Воинский Союз, идея создания которого принадлежала барону Врангелю. РОВС должен был объединить стихийно возникшие военные союзы в один. Во главе Союза стал Александр Павлович Кутепов. Полковник Леонов поддерживал генерала, который был сторонником активных военных действий против Советов, выступал за развитие контактов с тайными организациями на территории Советской России.

Павел Алексеевич надеялся попасть в Советскую Россию не только для проведения террористических актов, главное для него - найти жену и сына. Генерал Кутепов возложил на полковника Леонова организацию «Союза боевиков», и тот активно включился в работу. Через три месяца первая группа была готова для заброски в Советскую Россию. Павел Алексеевич решил возглавить эту группу, но Кутепов был категорически против.

- Я не могу обезглавить «Союз боевиков», - так он объяснил свой отказ.

Леонов не мог найти выхода из сложной ситуации. Понимал, что генерал, как всегда, прав. Долг на первом месте. А как же семья?

- Господин генерал... Александр Павлович, - твердо выговаривая слова, произнес он, - я должен пойти с первой группой!

Кутепов прищурился, в его взгляде читалось недоверие. В этот момент генерал напомнил Леонову последнего императора. Стало неуютно, почувствовал себя предателем интересов РОВСа. Решил отказаться от своего решения, но не успел. После некоторого раздумья генерал коротко произнес:

- Желаю удачи! – И протянул на прощание руку...

Боевики в количестве трех человек тайно пересекли финскую границу в мае тысяча девятьсот двадцать пятого года, вышли на станцию Левашово и сели на поезд, следующий в Ленинград.

Перед группой Леонова стояла задача: установить связи с антисоветскими организациями, узнать истинное положение дел в Советской России и понять настроение людей.

Когда полковник бывшей Русской Армии ступил на перрон, его сердце учащенно забилось. Он вернулся на Родину!

Но это была уже не его Родина, совсем не та Россия... Те же здания, те же улицы, некоторые из которых получили новые названия, но все было иначе. Другими были люди, идущие по прежним улицам. Эти люди были иначе одеты и выглядели, как больные с высокой температурой. Объяснялось все просто - их глаза горели нездоровым блеском. Революционный задор охватил все массы. Трое боевиков были чужими на их празднике жизни, и сразу это почувствовали. Косые взгляды дружной человеческой массы, пребывающей в безумной радости от своего господства и вседозволенности, были направлены на трех мужчин, которые старались не выделяться из толпы. Но даже под обносками прирожденную интеллигентность не спрячешь, а глаза не заставишь светиться безумием.

Они купили газету «Комсомольская правда», причем ее первый номер, о чем свидетельствовал заголовок на первой странице. Здесь же сообщалось о проведении второго конкурса на проектирование памятнику вождю мирового пролетариата у Финляндского вокзала. Следующая статья повергла Леонова в шок: «Раскрыто «Дело лицестов»! Обвинение в создании «Контрреволюционной монархической организации» предъявлено восьмидесяти одному человеку»... Назывались несколько фамилий известных в прошлом людей, закончивших в разные годы Императорский Александровский Лицей, больше известный как Пушкинский. Этот лицей в Царском Селе окончил Александр Сергеевич Пушкин. В середине девятнадцатого века лицей переехал в Санкт-Петербург и был переименован в Императорский Александровский лицей в честь императора Александра I.

Четырехэтажное здание лицея располагалось на Каменноостровском проспекте между Большой Монетной и улицей Рентгена. В годы Первой Мировой войны в нем располагался офицерский лазарет, где раненный в ногу капитан Леонов познакомился со своей будущей женой Лидочкой Насоновой, выпускницей Женского Медицинского института. Лидия Андреевна была из семьи потомственных врачей, но первая из женщин

рода Насоновых получила высшее медицинское образование. Лазарет был совсем небольшим: всего шесть палат на пятнадцать коек. Павел Алексеевич часто посмеивался, что германская пуля свела его с женой...

Леонов отвлекся от воспоминаний о прошлом и вернулся к первому номеру газеты «Комсомольская правда». Быстро пробежал глазами непрочитанные страницы, узнал, что сборная СССР по футболу провела один официальный матч со сборной Турции и выиграла со счетом 2:1. Также в газете были напечатаны стихи пятнадцатилетней поэтессы Ольги Бернгольц, но их Алексей читать не стал.

Леонов посмотрел на своих единомышленников. Новости из газеты их огорчили.

- Рискнем пойти на явочную квартиру? – спросил он.
- И угодим прямо в лапы ОГПУшников, - ответил один из боевиков по фамилии Михайлов.
- Не хотелось бы сразу оказаться на одной скамье с бывшими лицеистами, не успею отомстить за них, - не слишком настойчиво поддержал его капитан Епифанов.
- Согласен, здесь находится опасно. Сейчас начнут хватать всех подозрительных. Едем в Москву! – Поставил точку в обсуждении руководитель боевой группы.

Троица попала в вагон, где ехал комсомольский актив Ленинграда. И опять все тот же фанатичный блеск глаз. Добавились заученные, скорее всего, внушаемые с рождения, фразы. Они разговаривали лозунгами, их это не смущало и не удивляло. Так жили и общались все вокруг, другой жизни одни не знали, другие не помнили, третьи смирились с судьбой и пытались забыть.

Полковник задумался.

От фанатизма излечить невозможно. Здесь, в России фанатизм подобен эпидемии. Вакцину пока не изобрели. Если уничтожить этих фанатиков, им на смену придут другие.

Павел Алексеевич продолжал прислушиваться к разговорам патриотической советской молодежи. Не сомкнул глаз всю ночь. Он слушал чужие непонятные разговоры и думал о сыне. Владимиру скоро исполнится пять лет. Неужели он может стать таким, как эти молодые люди? В такой стране, где все подчинено пропаганде и борьбе с классовыми врагами, где только и твердят о преимуществах советского строя, возможно все...

Уже на подъезде к Москве он утвердился в своем решении отыскать семью и перевести ее во Францию, пока Володя не пропитался социалистической заразой...

Поезд в Москву пришел рано утром. Боевики сразу отправились на явочную квартиру, которая находилась на Маросейке. В этой квартире проживал руководитель антисоветской организации – Владимир Зенонович Аноев. Леонов представился сам и познакомил хозяина со своими спутниками. Аноев оказался высоким мужчиной средних лет с волевым взглядом, маленькими усиками, орлиным носом и узкими губами. Беседа продолжалась пару часов. Леонов остался доволен: организация, руководимая Владимиром Зеноновичем, имела связи в Красной Армии и насчитывала в своих рядах несколько десятков человек. Аноев настаивал на встрече с Кутеповым, но Павел Алексеевич посчитал ее преждевременной. Обсудив дальнейшее сотрудничество, они расстались.

Боевики устроились в небольшой гостинице. Михайлов и Епифанов легли спать, а Леонов незаметно покинул номер.

Он решил навестить подругу своей жены Анастасию Яворскую, которая вместе с Лидой училась в Женском медицинском институте. До Павла доходили слухи, что муж Яворской перешел на вражескую сторону еще в восемнадцатом году и сейчас достиг определенных высот. Леонов знал, что рискует, явившись к бывшим знакомым, но желание узнать о Лиде и Володе пересилило.

До революции Яворские жили на Большой Ордынке. Алексей не знал, с чего начать поиски, и отправился по старому адресу.

Удача была на его стороне: на звонок вышла... Анастасия и вопросительно уставилась на посетителя.

- Здравствуй... те, Анастасия Романовна, - тихо произнес Леонов.

- Вы... к Антону Ивановичу, но...

- Я к вам, - перебил ее мужчина и протиснулся в прихожую, любезно отодвинув хозяйку.

- Что вы себе позволяете, я сейчас... - задыхнулась она.

- Настя, ты меня не узнаешь?

Яворская надела пенсне, которое до этого держала в руке и внимательно посмотрела на наглеца.

- Павел?! – удивилась она и приложила ладонь к губам, желая погасить следующее восклицание.

- Да, это я.

- Но как ты... здесь? – Женщина окинула его взглядом, будто внешний вид мужчины мог ответить за него на все вопросы.

- Я ищу Лидию, - прошептал он, не вдаваясь в подробности своей биографии. Сказал и замер, ожидая приговора: если лучшая подруга жены ничего не знает о ней, то последняя надежда будет потеряна. А вдруг Лиды и сына нет в живых? Вдруг оголтелая толпа революционных фанатиков растерзала их? И бедную слабую женщину, и ее неразумное дитя, которое не может отвечать за поступки своего отца...

- Проходи в гостиную, - пригласила его Анастасия. – Не волнуйся, я одна в доме. Антон уехал инспектировать военную часть под Москвой.

Последнюю фразу Леонов пропустил мимо ушей, ему было все равно, где в данный момент находится предатель Яворский. Хозяйка усадила гостя за стол и предложила чай.

- Нет, спасибо, - покачал головой Павел. – Я хочу узнать о...

- Не волнуйся, с ними все хорошо! – перебила его женщина.

Наконец! Наконец, она сказала то, что так надеялся услышать Леонов.

- Где они?

- Они живут на улице Герцена...

- На какой улице? – не понял он.

- Бывшей Большой Никитской, - пояснила Яворская и назвала номер дома. – Лида работает в Детской городской клинической больнице Святого Владимира. Я ее туда устроила.

- Спасибо, - задумчиво поблагодарил Леонов, еще раз сказал «спасибо» и поспешил к выходу.

- Павел... - остановил его голос хозяйки.

- Что-то еще?

– Нет, ничего.

- Спасибо, - еще раз повторил он и исчез, будто его и не было...

Анастасия Яворская опустила на стул, потеряла пальцами виски и погрузилась в размышления. А она могла быть на месте Лидочки... Могла...

Молодой врач Анастасия Ожерельева сразу заприметила симпатичного офицера Павла Леонова. Она часто забегала в палату, где лежал раненый капитан. Молодой мужчина рассказывал о войне, причем его рассказы не навевали ужас, совсем напротив, они наполняли сердце радостью, что у нас, в России, есть такие верные сыны, готовые победить врага. На соседней койке лежал подполковник Яворский. Он слушал рассказы молодого Леонова со снисходительной улыбкой опытного вояки, который прошел несколько войн. Со временем Настя стала замечать особое к себе расположение Антона Яворского. Особо относился к ее подруге Лидочке Насоновой молодой офицер Леонов. Увы, не к ней.

Насоновы приняли Анастасию в свою семью, когда она в пятнадцатилетнем возрасте осталась сиротой. Относились они к Насте, как к родной дочери.

Когда Ожерельева заметила взаимный интерес Лиды к Леонову, то решила отступить...

Воспоминания десятилетней давности сменились картиной появления Лидии Леоновой с ребенком на руках в квартире Яворских.

- Где Павел? – сразу задал вопрос Антон Иванович.

- Не знаю, - пожалала худенькими плечиками Лидочка и опустила на стул, не выпуская из рук малыша. В прихожей жалась верная прислуга – Катерина и Григорий.

- Не смей! – прошипела Анастасия, прожигая мужа своими изумрудными глазами. – Не смей пытаться ее!

- Я... просто интересуюсь! – опешил от решительности жены Антон.

- Поинтересуйся у своих хозяев, зачем они Россию залили кровью?

- Настенька, не надо произносить вслух таких слов! – прошептал он и повертел головой. – Даже думать...

Яворская отмахнулась от мужа и занялась подругой.

- Давай сюда ребенка! – приказала она. – Поживешь пока у нас, а потом будет видно.

- Но... - хотел возразить Антон Иванович, но умолк под убийственным взглядом жены.

- Скажи спасибо, что я осталась с тобой, - на ходу бросила она.

- Настюша, может не надо, - попыталась вставить слово Леонова.

- Я уже все решила! – отрубил подруга, решительно забрала малыша из рук уставшей матери, внимательно изучила его личико и с улыбкой проговорила, - вылитый отец! Копия! Как его зовут?

- Владимир. – Лида встала рядом с подругой и с умилением посмотрела на сына. – Мы к тебе так долго добирались. Слава богу, что ты живешь в той же квартире. – Она уткнулась в плечо Насти и горько заплакала. Впервые после расставания с любимым мужем в Севастополе...

Анастасия Яворская не задумывалась о последствиях, она знала одно: надо помочь подруге, ставшей ей родным человеком, отплатить в ее лице всем Насоновым за доброту и любовь. Уже нет в живых отца и матери Лидочки, расстрелянных большевиками еще в семнадцатом, убит её старший брат Владимир Андреевич Насонов, блестящий хирург, спасший много человеческих жизней.

Настя не знала, почему осталась рядом с мужем–предателем, может, испугалась остаться одна в такое страшное время. Ей хотелось жить, лечить людей и не важно, на чьей они стороне...

Павел Леонов остановился у нужного ему дома, расположенного на улице Герцена. Огляделся по сторонам, не заметил ничего подозрительного, и скрылся в парадном.

Дверной звонок не работал, пришлось осторожно поскрестись. Никто на робкие призывы не откликнулся. Павел постучал чуть громче. Защелкали замки, и его взору предстала заспанная горничная Катюша. Про сон она мигом забыла.

- Па... Павел Алексеевич, - заикаясь, произнесла девушка, отступая вглубь квартиры. Гость не заставил себя ждать, проник внутрь и прикрыл за собой дверь.

- Лидия Андреевна дома? – поинтересовался Леонов. Онемевшая прислуга закивала в ответ и показала рукой на одну из дверей. Павел решительно подошел к двери и потянул её на себя. И сразу увидел спящего в кроватке сынишку, а рядом с кроваткой - его мать. Лидия безмятежно спала, прислонившись к спинке детской кровати. На ее коленях лежала раскрытая детская книга.

Женщина резко проснулась от непонятого звука, открыла глаза и с непониманием посмотрела на стоящего перед ней мужчину. Тяжело вздохнула и снова закрыла глаза, пробормотав что-то себе под нос.

- Лидочка, - шепотом позвал ее супруг.

Молодая женщина не пожелала вновь открыть глаза. Только отрицательно затрясла головой.

- Лидочка, это я, - повторил Павел.

Она дернулась, книга упала на пол.

- Па... Павлуша... Павлушенька, - прошелестела она, попыталась подняться и лишилась чувств. Леонов подхватил ее на руки и позвал Катерину. Прибежавшая прислуга стала хлопотать около хозяйки, больше суетилась, чем оказывала помощь. На странные звуки явился Григорий и устоял на Леонова, как на прищельца с того света.

- Павел Алексеевич?

- Да, это я, - подтвердил «призрак» с хозяйкой на руках. Хотел что-то сказать, но Лидия Андреевна пришла в себя.

- Павлуша...

- Все хорошо, родная, все хорошо, - успокоил ее мужчина ласковым голосом. Дошел до спальни и уложил супругу на кровать. В дверях застыли Катерина и Григорий.

- Точно, Павел Алексеевич, а ты сомневалась, - обратился Григорий к Катерине. Та не стала противоречить, хотя, сомнений по этому поводу не высказывала. Лишь смахнула слезу и потянула за собой мужа.

- А Володечка спит себе и не знает, что батюшка вернулся! – прошептала Катюша, прикрыв дверь спальни.

- Как думаешь, Павел Алексеевич совсем вернулся? – так же шепотом поинтересовался Гришка.

- Не знаю, - пожала плечами жена. И после некоторого раздумья заявила, Павел Алексеевич обещали забрать Лидию Андреевну с Володей, вот теперь приехали за ними.

- И тяжело вздохнула. С одной стороны, она радовалась, что семья соединиться, а с другой – не хотела расставаться с Лидией Андреевной и Володечкой, к которому прикипела всем сердцем.

- Катерина, ты не права, - выдал муж, прочитав ее мысли.

- Да, все я понимаю, - отмахнулась она и отправилась на кухню...

Павел сидел около жены и не сводил с нее влюбленных глаз.

- Я не чаял увидеть тебя и сына, - говорил он жене и целовал ей пальчики, каждый в отдельности, причем делал это с такой нежностью, что сердце женщины замирало.

- Я очень люблю тебя, Павлуша. Сколько раз за эти годы я мысленно признавалась тебе в любви, пересказывала нашу с Володей жизнь, словно письма писала. Мне всегда становилось легче. Будто бы на самом деле поговорила с тобой... Ужасно жить в неведении. Отгоняешь плохие мысли, а они нет-нет и приходят в голову.

- Не плачь, мой ангел, все позади, мы теперь всегда будем вместе. – Он промокнул своими губами ее слезинки.

- Ты хочешь взять нас с собой?

- За этим я и вернулся, - признался Павел и пристально посмотрел на жену. А согласна ли она на бегство из России? Или она привыкла жить вдвоем с сыном. Без мужа. У Лидочки здесь работа. А что там? Полная неопределенность. Но там они будут вместе.

Вместе... Леонов сам не знал, что будет через месяц. Служба в РОВСе связана с риском, даже, если он не будет покидать пределы Франции. Сотрудники ОГПУ уже просочились через границу, они могут пойти на крайние меры. Фанатики.

Полковник Леонов неоднократно докладывал генералу Кутепову, что в их организацию затесался шпион, но Александр Павлович этого не допускает, он утверждает, что ему, Леонову, повсюду мерещатся враги. Но полковник уверен, что как только «Союз Боевиков» станет опасен для Советов, если их вылазки будут результативными, то ОГПУшники постараются обезглавить организацию. Павел Алексеевич не боится смерти, много раз смотрел ей в лицо. Он офицер Русской Армии, в любой момент может пожертвовать собой, но что будет с семьей? С другой стороны, в теперешней России им

тоже грозит опасность. Случайно встреченный знакомый из прошлой жизни, сочувствующий существующему строю, пытаюсь выслужиться перед этим строем, легко сдаст органам жену высокопоставленного белогвардейского офицера Леонова. А не тот ли это Леонов, который возглавил за границей организацию, проводящую на территории Советской России террористические акты? Вот так удача!

Эти нелюди не пожалели восьмидесятилетних стариков, вся вина которых заключалась в том, что они в разные годы окончили Императорский лицей. Что говорить о жене злейшего врага...

- Павлуша, почему ты так на меня смотришь? Неужели ты мог подумать, что я откажусь?.. Я поеду с тобой! Мы с Володечкой поедem с тобой.

Леонов прижал к себе Лиду и забыл обо всем...

Он покинул квартиру на улице Герцена на рассвете...

Отъезд Павел отложил на два дня, взял отсрочку для изучения настроений в Москве. Ему хотелось «вдохнуть советский воздух», влезть в шкуру фанатично настроенных людей, чтобы понять их. Зная врага, с ним легче воевать, его легче победить. Хотя, простых жителей Москвы он не считал врагами, Леонов искренне жалел их. Руководство страны зомбировало их советской пропагандой.

Вскоре он понял, что люди-зомби, резко вышагивающие по улицам Москвы с радостными улыбками на устах, вполне счастливы. Их такая жизнь устраивает. Они культивируют руководство страны и готовы в любую минуту встать на его защиту.

Но отказываться от своих планов он не спешил. Организация будет действовать на территории Советской России...

Пришло время отъезда.

Семья Леоновых, по давней традиции, присела перед дальней дорогой. Тишину нарушали частые всхлипывания Катюши. Неожиданно в дверь постучали.

Михайлов и Епифанов достали револьверы и замерли по обеим сторонам от входной двери.

- Мать божия, царица небесная, - запричитала Катя и несколько раз перекрестилась.

Павел опустил сына с рук и легонько подтолкнул его к матери.

- Идите в детскую! – твердо произнес он.

- Павлуша, это, наверное, Настя, - предположила Лидия, не двигаясь с места. – Она обещала зайти попрощаться.

- Ты ей сказала, что мы уезжаем?

- Я не могла иначе. Она мне очень помогла. Если бы не она... Страшно подумать, что с нами было.

Павел Алексеевич подошел к двери, прислушался. Робкий стук повторился. Он решительно распахнул дверь...

- Добрый вечер, Павел, - деловито произнесла Яворская и зашла в квартиру. Спокойным взглядом окинула двух стражей двери, которые при виде прекрасной незнакомки подтянулись и щелкнули каблуками, не забыв незаметным движением спрятать оружие. Анастасия гордо кивнула им и проследовала в гостиную.

Подруги бросились друг к другу.

- Слава богу, я успела, - сказала Анастасия. Они присели и стали перешептываться. Но Лидия чувствовала на себе требовательный взгляд супруга.

- Настенька, нам пора, - растерянно произнесла она. Женщины всплакнули, к ним присоединилась Катюша. Григорий цыкнул на нее, подхватил небольшой чемоданчик, и направился к выходу, но Павел перехватил у него из рук поклажу.

- Я сам, не нужно всем вместе появляться на улице и привлекать к себе внимание.

К разговору женщин Павел не прислушивался, но вдруг до него долетела фраза, которая заставила его вмешаться.

- Ты вся горишь! – озабоченно сказала Яворская и приложила руку ко лбу подруги. – Как ты себя чувствуешь?

- Не волнуйся, Настенька, все нормально, - с трудом произнесла она.

- Лидочка, что с тобой? – забеспокоился Леонов, выпуская из рук чемодан. Жена снова опустилась на стул и приложила ладони к горящим щекам.

- Легкое недомогание, - еле слышно сказала она и откинулась на спинку. – Наверное, простудилась.

- Мне кажется, это не простуда, - задумчиво произнесла Яворская, не сводя взгляда с подруги. – Поясница болит?

- Побаливает...

- Покажи язык! – приказала она.

- Что с ней? – вмешался Леонов, внимательно следя за манипуляциями Яворской.

- Я думаю... это почечные колики. Но сказать точно смогу после проведения обследования...

- Обычный пиелонефрит, ничего страшного, - сказала Лида. Её лицо было пунцовым.

- Конечно, ты сама врач и давно разобралась в своей проблеме. Удивляет то, что ты ничего не предприняла. Запустила болезнь, теперь придется тебя госпитализировать.

- Нет- нет! – покачала головой больная. – Я не поеду в больницу. Нам пора ехать. Я буду лечиться там, в Париже. Да, Павлуша?

Павлуша ничего не ответил, обратил немой вопрос к единственной компетентной инстанции.

- Если доберешься до своего Парижа, а не скончаешься по дороге, - поморщилась прямолинейная докторица Яворская.

- Ты сгущаешь краски, - попыталась улыбнуться Лидия, выгнула спину и непроизвольно приложила ладонь к пояснице.

- Я называю вещи своими именами, - вздохнула подруга.

- Все так... серьезно? - напряженно осведомился Павел.

- Серьезней не бывает, - тихо сообщила Анастасия. – Ей нужно лечиться. Прямо сейчас, а не откладывать лечения до Парижа.

- Лидочка, тебе нужно в больницу, - вздохнул он. – Но ты не волнуйся, я скоро вернусь, и тогда мы уедем отсюда навсегда...

- Павлуша, забери с собой Володю, - попросила она, незаметно смахивая слезы. – Я не хочу, чтобы он оставался здесь...

- Но я...

- Я прошу тебя! – уже громче произнесла Лидия.

- Я думаю, так будет лучше, - поддержала ее Яворская.

Павел увел ее в сторону.

- Анастасия, не надо скрывать от меня правду. С моей женой все настолько серьезно, что... ребенок может остаться один?

- Дело не в Лидочке, а в тебе, - в сердцах заявила Анастасия. Понижила голос и призналась, - я боюсь, что на Лиду могут донести... Но я никогда не соглашусь на ее отъезд. Это смерти подобно. Я всё сделаю, что в моих силах. А ты, Павел, спаси ребенка.

- Я забираю ее с собой! И не спорь.

- Ну, если тебе...

- Хорошо, я все понял, - перебил он Яворскую. Но, видно, понял не все, раз задал следующий вопрос, - какова вероятность, что Лидочка сможет перенести переезд?

- Почти нулевая...

Леонов посмотрел на притихшего сына, который испуганными глазенками поглядывал то на мать, то на дяденьку, который назвался его отцом. Он видел его на фотографии.

Мамочка показывала на бравого офицера и уверяла, что это его папа – Павел Алексеевич Леонов. Но тот, на фотографии, совсем не похож на этого...

Папа–дяденька приблизился к Владимиру и взял его на руки.

- Сынок, мы с тобой уезжаем, - без уверенности сообщил он, словно сомневался, уезжают они или остаются.

- А... мамочка? – спросил перепуганный мальчик, он готов был разреветься, если мамочка останется здесь. Губки уже приготовились изогнуться коромыслом, глазки начали заполняться слезами.

- Ну–ну, не плачь! – Мужчина погладил его по голове. Этот жест почему–то быстро успокоил пятилетнего ребенка. - А мама придет позже, - заверил отец, чем окончательно вселил в Володю уверенность, что все будет хорошо.

Владимир перевел взгляд на мать, та кивнула, подтверждая слова дяденьки.

- Иди ко мне, мой мальчик! – Лидия протянула руки к сыну. Отец опустил его на пол, и он бросился к матери, спрятал голову у нее на коленях и затаился. Захотелось снова заплакать, но он передумал. Неожиданно он осознал, что сегодня стал взрослым. Рядом не будет мамочки, не будет Катюши и Григория, которые много времени проводили с ним, баловали, уговаривали скушать булочку или конфетку, которые так любил мальчуган, но еще больше любил, чтобы его уговаривали... Теперь никто уговаривать не будет – это Владимир понял сразу, никто не будет с ним сюсюкать, читать книжки на ночь, целовать и удивляться, какой он умный и красивый мальчик! Лучше всех! Теперь он будет, как все...

Мамочка расцеловала сына, едва сдерживая слезы. А младший Леонов уже был далеко от матери, он представлял себя лихим военным в фуражке и с золотыми погонами, как у отца на фотографии...

Весь опасный путь до Парижа Леонов думал о жене, успокаивал себя, что совсем скоро вернется за ней, что она выздоровеет, что заберет её из этой ужасной Советской России, что они всегда будут вместе. Владимир показал себя настоящим мужчиной: не хныкал, не задавал вопросы, просто шагал рядом с отцом, подпрыгивая иногда, стараясь попасть в ногу. Или сидел рядом в вагоне, прислонившись к нему, и тихо посапывал.

Они возвращались тем же путем, каким пришли. Можно было сократить путь и перейти границу в другом месте, но боевики не стали рисковать.

В Париже Павел Алексеевич нашел сыну няню – вдову поручика Громова, с которым воевал еще в Первую Мировую войну, потом они вместе были в Галлиполи, в Сербии. Во Франции Громов работал таксистом и умер прямо за рулем автомобиля от сердечного приступа. Анна Федоровна осталась без средств к существованию. Громова была потомственной дворянкой и происходила из известного рода Моновых, закончила Бестужевские курсы при Смольном институте благородных девиц в 1915 году. Своих детей у Громовых не было, и Анна Федоровна сразу привязалась к голубоглазому мальчику Володе Леонову. Тот понял: теперь можно снова капризничать и изображать из себя барчука, как называла его Катюша.

Однажды отец пришел домой и застал сцену обеда любимого дитяти. Анна Федоровна подносила к его губам ложку с супом и приговаривала:

- Скушай еще одну ложечку, Володенька!

Мальчик дул со всей силы на ложку с супом, жидкость летела во все стороны, обрызгивая самого баловника и няню.

- Это еще что такое! – взревел отец. Сын подскочил на стуле и попытался скрыться, но Павел Алексеевич успел схватить его за худенькое плечико. – Стоять! – Приказал он. – Анна Федоровна, Владимир вполне взрослый ребенок и может кушать сам. А сейчас он быстро уберет за собой. – Внятно произнес Леонов, сделав ударение на слове «быстро». Больно надавил на плечо и спросил, - ты понял меня?

- П... понял, - испуганно закивал сын.

- Извините меня, Анна Федоровна, - качнул головой бравый полковник, - и Владимира тоже извините. – Упомянутый Владимир повторил жест отца и вызвал у него легкую усмешку.

Усмешка не позволила ослушаться. Но на всякий случай мальчик тяжело вздохнул, чтобы показать, как ему нелегко живется.

В этот день окончательно закончилось его беззаботное детство...

По возвращении в Париж, полковник Леонов прибыл на доклад к генералу Кутепову. Он кратко изложил результаты поездки в Ленинград и Москву, закончив словами:

- Господин генерал, я считаю, что систематический террор в Советской России возможен, но не целесообразен.

Кутепов удивленно вскинул брови и внимательно посмотрел на полковника, ожидая пояснений сказанному.

- Мы отправим людей на верную смерть. Принесет ли их гибель пользу делу освобождения Родины? Одиночными взрывами и поджогами мы ОГПУ не запугаем, а общественное мнение взволнуем.

- Вы хотите свернуть деятельность «Союза боевиков» в самом начале, хотите отказаться от борьбы? – Голос генерала набирал силу, последние слова он произнес достаточно громко и грозно, будто подозревал Леонова в измене. – Если вы, господин полковник, отказываетесь от подготовки боевиков, то я найду другого человека, - с презрением добавил он.

- Я не отказываюсь от борьбы и не отказываюсь от подготовки террористов, я хочу найти другие способы...

- Способ один, - перебил его генерал, - устранение Сталина, Бухарина, Менжинского и других руководителей ОГПУ. Идите, Павел Алексеевич, и работайте в этом направлении...

В составе «Союза боевиков» было всего тридцать два человека. Леонов не хотел терять людей, но жертвы были.

Через семь месяцев после первого посещения России полковник снова оказался в Ленинграде для проведения террористического акта в одной из частей Ленинградского военного округа. Один из боевиков проник на территорию части, добрался до кабинета представителя ОГПУ, застрелил его из револьвера и скрылся.

Целью самого Леонова была Москва. Он и еще три человека прибыли в столицу. Задуманная операция была дерзкой и рискованной. Боевики бросили бомбу в бюро пропусков ОГПУ. Один из них был убит, второй ранен, а Леонову и еще одному боевику удалось уйти.

Надо было быстро покинуть Москву, но Павел должен был забрать Лидию.

Поздним вечером одинокая мужская фигура остановилась у знакомого дома по улице Герцена. В окнах интересующей квартиры было темно. Леонов осторожно поднялся по лестнице и прислушался. В квартире было тихо. Он поскребся, как это уже проделывал семь месяцев назад, в мае этого года. Сейчас на дворе был конец декабря.

Послышались шаги, и дверь со скрипом отворилась. На пороге стояла Катя.

- Я чувствовала, что это вы, Павел Алексеевич, - без эмоций произнесла она, будто они расстались только вчера, и посторонилась.

- Лидия Андреевна здорова? – напряженным голосом спросил он, потирая озябшие на морозе руки.

- Слава богу, здорова! Она сегодня на дежурстве...

- Как нехстати... - покачал головой Павел. – Я забежал на минуту, хотел забрать ее с собой... Когда она вернется?

- Утром, часов в десять, – доложила Катерина и стала усердно рассматривать носки своих поношенных туфель.

- Ты... что-то недоговариваешь, – догадался Леонов. – Катерина, что случилось? Лида, правда, на работе?

Катерина усиленно закивала головой.

- Да-да, и Григорий там. Он устроился в больницу санитаром. Но...

- Не тяни!

- В общем, не знаю, имею ли я право первой сообщить вам новость... - замялась девушка. – Павел склонил голову на бок и терпеливо стал ждать продолжения. - Но я думаю, что Лидия Андреевна на меня не обидится, если...

- Если ты выложишь мне все сию же минуту!

- У вас будет еще один ребенок! – выпалила на одном дыхании Катя.

Павел опустил на стул, стоящий здесь же в прихожей, стянул головной убор и непонимающе уставился на Катерину. Новость потрясла его, одновременно обрадовала и напугала. Что же теперь делать? Через границу не потянешь беременную женщину. А потом родится ребенок и снова переезд отложится на неопределенное время. Малышу надо будет подрасти, Лидочке окрепнуть.

- А ей можно рожать? – опомнился Павел Алексеевич. – У нее проблемы с почками...

- Анастасия Романовна говорила, что ей, вообще, нельзя рожать, - не подумав, ляпнула Катерина, но быстро опомнилась. – Ой, вы не слушайте меня, Павел Алексеевич!

Леонов пока не принял окончательного решения, заберет он Лиду или снова им придется пожить врозь. Решил дождаться ее возвращения.

И сразу заметил ее утомленный вид, сильно отекавшие ноги, нездоровый цвет лица. И понял, что не имеет права рисковать ее здоровьем и здоровьем неродившегося малыша.

Целый день они провели вдвоем. Павел все рассказывал и рассказывал о Владимире.

- Я очень соскучилась, - вздохнула печальная мать.

- А я волнуюсь за тебя, - не сдержался Павел.

- Не волнуйся, все пройдет хорошо. Ребенок должен родиться в конце февраля. Как мы его назовем?

- Его или ее? – усмехнулся мужчина и положил руку на округлившийся животик жены.

- Павлуша, ты хочешь мальчика или девочку?

- Я хочу быть рядом с вами, когда все это случится.

- Во время родов первенца ты тоже был далеко.

- Надеюсь, при рождении третьего ребенка я буду примерным отцом и мужем.

- О, нет! – погрозила пальчиком супруга. – Остановимся на двоих...

- Давай назовем сына Александром, в честь Кутепова, а если родится дочь, то Настенькой, в честь Яворской. А весной, я на это очень надеюсь, ты уже сможешь перебраться ко мне во Францию.

- Не будем загадывать...

Двадцать третьего февраля тысяча девятьсот двадцать шестого года Лидия Леонова родила здорового мальчика. Но у самой роженицы отказали почки, и она скончалась через два часа после того, как ее сын свой первый крик.

- Александр, - последнее, что успела произнести Лидия Андреевна.

Анастасия Яворская приняла решение усыновить малыша, взять на себя все заботы о нем до тех пор, пока не объявится Павел. Другого выхода не было – мальчик мог оказаться в чужой семье или в доме малютки.

Сначала Настя была занята похоронами Лидочки, потом оформлением бумаг на усыновление Александра. Когда все было готово, и чета Яворских прибыла за малышом, то оказалось, что он бесследно исчез. Прислуга Лидии Андреевны – Катерина и Григорий - исчезла вместе с ним...

Все попытки найти сбежавшую пару успехом не увенчались...

Через четыре месяца в Москву инкогнито прибыл Леонов. В квартире жены проживали посторонние люди. Павел не стал задавать лишних вопросов и быстро ретировался. Он отправился к Яворской.

Спрятавшись за толстоствольным тополем-старичком, Леонов окинул взглядом притихший двор. Покидать укрытие он пока не торопился. И тут к парадному подкатил автомобиль, из которого вывалился вальяжный Антон Иванович Яворский, бывший подполковник Русской Армии. Павел прижался к стволу дерева. Яворский проследовал к себе на квартиру, автомобиль умчался. Снова двор погрузился в ночную дремоту.

Встречаться с Антоном в планы Павла не входило, но желание узнать, что с Лидией и ребенком, пересилило. Он вывернулся из своего укрытия, не успев сделать и шага, как услышал стук каблучков. Леонов пригляделся. Это была Яворская.

Павел Алексеевич тихо окликнул женщину, та вздрогнула от неожиданности, затем, не раздумывая, приблизилась к дереву, возле которого стоял мужчина.

- Где Лида? – спросил он, забыв поздороваться. Анастасия прижала руки к груди и тяжело вздохнула.

- Пойдем ко мне, - прошептала она.

- Там твой муж.

Анастасия удивленно вскинула брови. Видно, супруг своими визитами в родной дом не баловал.

- Почему ты молчишь? Что случилось? – Леонов догадался, что ему сейчас скажет близкая подруга жены, но до последней минуты надеялся на лучшее...

- Владимир, мамы больше нет, - едва шевеля губами, сказал Павел Алексеевич, прижимая к себе сына. – И твой младший брат... пропал.

Мальчик непонимающе уставился на отца.

- Мамочка в Москве, - промямлил он. – Но скоро приедет в Париж... Она обещала. – Потом подумал немного и добавил. – У меня нет брата. – И пожал худенькими плечиками. Образ матери стал быстро стираться из памяти ребенка, последнее время в его жизни происходило столько событий, что он стал забывать ее. Она часто приходила к нему во сне, мальчик прятал голову в ее коленях, мать гладила его и рассказывала, как она скучает по своему Володеньке... После этого он просыпался в слезах, и Анна Федоровна долго не могла его успокоить.

- Есть, брат, есть, но он исчез... А мамочка не приедет к нам.

- Но она же обещала! – закричал мальчик. Отец усадил его на колени и погладил по голове. Глаза Володи наполнились слезами, затем они стали ручьем бежать по лицу, но он не издавал при этом ни звука, не вытирал их кулачками, размазывая по щекам, как это всегда делал.

Так они и сидели: вдовец с плачущей душой, и его осиротевший сын, беззвучной рыдающий на его коленях...

Повзрослевший Владимир Леонов свое детство делил на три части: первая – жизнь без отца, вторая – жизнь с отцом–дядей, которого он никак не мог принять в качестве своего родного отца, и третья – жизнь без любимой мамочки, но с отцом – единственным родным человеком на земле...

В августе тридцать девятого года Леоновы стояли у могилы Анны Федоровны Громовой на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, где покоятся многие русские эмигранты. Здесь же была символическая могила генерала Кутепова...

Александр Павлович был похищен сотрудниками ОГПУ в январе тридцатого года, когда вылазки боевиков стали сильно беспокоить руководство Советской России. Они решили обезглавить РОВС и им это удалось. Что случилось с Кутеповым, никто не знал,

хотя, прошло уже более девяти лет. Свидетели утверждали, что его насильно усадили в большой автомобиль неподалеку от собственного дома на улице Руссель и увезли в неизвестном направлении. Больше его никто не видел. Ни живым, ни мертвым. Русские эмигранты решили поставить памятник генералу на кладбище, где похоронены белые офицеры.

После похищения Кутепова РОВС возглавил генерал Миллер, но и он был похищен сотрудниками ОГПУ в тридцать седьмом году. Решающую роль в этом похищении сыграл бывший командир армии Корнилова генерал Скоблин, которого завербовали вскоре после исчезновения Кутепова. Похищение Александра Павловича пошатнуло ряды РОВСа. Одни офицеры разъехались по странам Европы, другие сменили профессию, получили «гражданское» образование. Павел Леонов хотел переехать в Бельгию, но передумал. Владимир недавно закончил Военно-Училищные курсы, и начал учебу на офицерских курсах РОВСа, совсем скоро получит звание унтер-офицера. Отец не решился уехать один и бросить пусть и взрослого сына, на попечение старой няни.

Теперь Анны Федоровны не стало. Леоновы были ее семьей.

Они стояли у могилы, но говорили не об усопшей, а тихо обсуждали взрывоопасную обстановку в Европе.

- Я не удивлюсь, если Гитлер нападет вскоре на Польшу, а потом проглотит и другие страны Европы, - промолвил Павел Алексеевич. – Посмотри, что творится в Испании...

- Ну, почему ты сам не поехал в Испанию и меня не отпустил?! – в который раз возмутился взрослый сын.

- Потому что гражданская война в Испании – это ее внутреннее дело. Я тебе об этом говорил.

- Но многие наши сторонники поехали помочь генералу Франко! И генерал Миллер объявил участие в этой войне продолжением «белой борьбы»? – не унимался Владимир.

- Я так не считаю, - произнес отец после некоторого раздумья. Он хотел объяснить сыну собственную точку зрения, но не стал этого делать. Последнее время полковник Русской армии стал сомневаться в правильности своего выбора. Что дали террористические акты против Советов? Почти ничего. Несколько покушений и взрывов, не всегда удачных, но унесших жизни многих боевиков. Антисоветская организация на территории Советской России, с руководителем которой Леонов встречался в Москве, оказалась липой. Она состояла из членов ОГПУ и была в курсе всех дел РОВСа.

- А я... - начал сын.

- Тебе не кажется, что это не самое подходящее место для дискуссии, - перебил его отец и двинулся к выходу с кладбища.

- Ты сам завел разговор на эту тему, - пробубнил себе под нос Владимир. Но так, чтобы жесткий отец не услышал. Прошептав слова благодарности своей почившей няне, Володя двинулся следом за родителем...

Вторая Мировая война началась вторжением гитлеровской Германии на территорию Польши, как и предсказывал Павел Леонов. Уже через пару дней Франция вместе с Англией объявила войну Германии. Русские офицеры-эмигранты замерли в ожидании, они пока не знали, на чьей стороне им выступать. Полковник Леонов принял решение соблюдать нейтралитет. Пока. А после будет видно...

Двадцать второго июня тысяча девятьсот сорокового года Франция капитулировала. Павел понял, что держать нейтралитет в такое время позорно. Нельзя оставаться в стороне, его теперешняя Родина - страна, которая приняла его – находится в опасности, она нуждается в помощи таких знающих людей, как он. Надо сражаться с фашистскими захватчиками. Другие офицеры РОВСа имели иное мнение, они считали Советскую власть, уничтожившую лучших людей страны, хуже фашистской оккупации, и

призывали оказать помощь Гитлеру для скорейшего освобождения России от большевизма.

- План Гитлера – это химера! – отвечали они. - Завоевать всю Россию для Германии непосильная задача! И тогда у фюрера будет два выхода – считать войну проигранной или предоставить возможность русскому народу сбросить советское иго, обеспечив нейтралитет на Востоке, и тем самым выиграть войну на Западе. – Обращали недовольный взгляд на соратника и вкрадчиво интересовались, - а вы, господин Ленов, желаете выступить на стороне красных? Мечтаете о мировом господстве большевизма?

- Я не собираюсь воевать плечом к плечу с большевиками, но считаю, мы должны оказать СССР посильную помощь, не личным участием, а своим влиянием на западных союзников. Материальная помощь тоже не помешает. Но в этом случае СССР должен пойти нам на уступки.

- Что вы имеете в виду? Выторгуете у них часть России?

- Россия должна быть единой! История осудит не тех, кто остался на Родине и честно исполнил свой долг, а тех, кто заискивал перед ее врагами и предал ее интересы.

Противники Леонова недоуменно поглядывали на пожилого полковника, возраст которого приближался к шестидесяти. Считали, что он повредился рассудком на почве переживаний, и стали его избегать.

Сначала Владимир не принимал идей отца, но его слова отложились в его памяти. Россию он помнил плохо, как и свою мать. Его воспоминания больше были связаны с книжками, которые читали ему на ночь, с холодом, ветром и суровыми людьми, снующими по улицам Москвы. Но младшему Леонову, который большую часть жизнь провел вне Родины, не хотелось, чтобы фашисты топтали ее землю своими сапогами. В России он родился, там жили его предки, там покоится его мать. И где-то, возможно, живет его младший брат.

Приятель Владимира, с которым они вместе учились на Офицерских курсах, стал звать его в Югославию, где Русский Корпус под командованием генерала Штейфона воевал против партизан, руководимых коммунистом Тито. Прежде чем дать ответ, молодой унтер-офицер решил посоветоваться с отцом. Павел Алексеевич внимательно выслушал сына, а потом недовольно спросил:

- Тебе напомнить об Испании?

- При чем здесь Испания? Я говорю о Югославии. - Володя покосился на взбешенного родителя, с трудом удерживающего свой гнев. Подумал, что недоброжелатели отца в чем-то правы, намекая на странное поведение и резкие безумные высказывания.

- И к военным действиям к Испании, и к военным действиям в Югославии, мы не имеем никакого отношения. Мы живем во Франции. И должны защитить Францию, как её граждане.

- Но каким образом? – задумчиво поинтересовался Владимир, мысленно соглашаясь с отцом.

- Я вступил в Движение Сопротивления, - доложил Павел Алексеевич будничным тоном. Владимир потерял дар речи от такого заявления, а когда речь вернулась, с придыханием спросил:

- Отец, ты... маки? – Из короткой фразы выделил последнее слово.

- Можешь считать меня партизаном. Пока я не участвую в боевых вылазках, я развожу листовки и антифашистские газеты по городам, на конспиративной квартире принимаю бежавших из концлагерей пленных разных национальностей.

- Ты... видел русских коммунистов? – со страхом в глазах спросил сын, словно коммунисты были инородными существами.

- Видел, - кивнул головой отец. – Это... хорошие люди, они преданы своей Родине. – Последнее слово он произнес еле слышно и с такой болью, что у младшего Леонова

запершило в горле. «Своей» он почти проглотил, не решившись сказать «нашей». И подтвердил тем самым, что Россия им уже не принадлежит. Они – граждане Франции.

Странно, что Владимир упустил момент, когда отец перестал призывать своих соратников воевать за Россию. Понял, что сие невозможно. Но складывать руки не стал, нашел способ борьбы с фашистами на территории страны, где живет.

- Я хочу быть рядом с тобой, - уверенно заявил сын...

Леоновых арестовали в сорок третьем и отправили на восток Франции в концлагерь, расположенный в городе Буле. Оба жили надеждой на побег и на продолжение борьбы с фашистами. Первый побег был неудачным, двое из пяти бежавших погибли. Павлу и Владимиру повезло, если можно назвать везением возвращение в лагерь. Вторую попытку они предприняли через три месяца.

Полковник Леонов, русский офицер, воевавший за свободу Францию, был смертельно ранен. Перед смертью он успел сказать сыну всего несколько слов.

- Найди брата Александра... Прошу тебя... - И потерял сознание. Владимир решил, что всё, это конец, но отец открыл глаза и слабым голосом попросил, - беги, сын, оставь меня...

- Я отомщу, - пообещал он, - отец, ты слышишь, я отомщу!

Он уже ничего не слышал.

Через две недели безнадежных плутаний Владимир, наконец, повстречался с франтирерами, которые вели активную партизанскую войну против немецко-фашистских захватчиков и их пособников. Франтиреры предпочитали вести внезапную борьбу, совершая вылазки небольшими группами по три – четыре человека. В одну их таких групп вошел сбежавший из концлагеря Вади Леон. Теперь его так называли товарищи по оружию.

Сын русского полковника храбро сражался за освобождение Франции. В июне сорок четвертого года он принял активное участие в национальном восстании, а в сентябре – в полном освобождении Франции от фашистов.

Франция свободна. Что теперь делать Владимиру Леонову? Вернуться в Париж и встать под знамена РОВСа? Какой смысл продолжать борьбу с коммунистами, если они уверенно шагают по Европе, вытесняя фашистов? Честно говоря, Леонов не видел больше в лице коммунистов врагов. Он воевал рядом с французскими коммунистами, отважными и порядочными ребятами, но их идеи его не вдохновили.

Владимир решил где-то отсидеться, но не собирался скрываться от бывших соратников по РОВСу. Хотел осмыслить свою двадцатичетырехлетнюю жизнь. Захотелось найти себя в этом сложном запутанном мире, в котором у него никого не осталось. Главный советчик его покинул, приходится рассчитывать только на себя.

Об отце он в последнее время думал все чаще. Строил догадки, чем бы тот занимался после войны. Осмысливал его отношение к коммунизму. Володе казалось, что Павел Алексеевич остался бы верен своим убеждениям. Не знал, в какой форме он продолжил бы войну с Советской Россией, но точно бы не смирился с существующим там строем. Или смирился? Раньше он считал самодержавную монархию единственно правильным строем. Но будучи здравомыслящим человеком, в последнее время понимал, что возвращение монархии невозможно. Скорее всего, жил бы себе спокойно во Франции, вспоминал прошлое, лелеял мечту вернуться в Россию. Он любил прежнюю Россию, эту, Советскую Россию, он не понимал.

Владимир своей Родины не помнил, он знал ее по рассказам отца, потомственного офицера Русской Армии. Сын продолжил династию, стал унтер-офицером. Унтер-офицером Русской Армии в изгнании. До второй Мировой войны ее члены еще лелеяли надежду на возвращение к старой жизни, а теперь уже даже самый ярый фанатик понял, что это утопия.

Владимира Леонова нельзя упрекнуть за нелюбовь к стране, в которой он родился. Мысли о Родине тянули за собой неразгаданное волнение. Может, он вспоминал о матери, которую почти не помнил. Или мысли о Родине неразрывно связаны с отцом, с человеком, который всегда был рядом, который постоянно говорил о своей Родине. Да, отец и ЕГО Россия неразрывно связаны. Есть еще брат, у которого своя Россия. Он не догадывается, кто его родители. Он вырос в иной среде, воспитан на других ценностях. Нужны ли ему чужие родственники с чужими взглядами? Допустим, старший брат отыщет младшего, придет к нему и заявит: «Я должен открыть тебе правду - ты не сын прислуги, ты сын полковника Царской Армии!» Что дальше? Они кинутся в объятия друг другу? Вряд ли Александр захочет принять братскую любовь классового врага. Так воспитаны люди в СССР...

Нет, Владимир не отказывается от поисков, тем более, что это была последняя просьба отца. Для начала он хочет разобраться в себе, встать на ноги, а потом уже заниматься поисками брата.

В жизни часто так бывает: руку помощи протягивает тот, от кого ты этого не ждешь...

В одной группе с Вади Леоном воевал Поль Верьен, сторонник «Свободной Франции» и ее лидера Шарля де Голля, недавно возглавившего Временное правительство. Двадцатидвухлетний Поль видел смысл своей жизни в борьбе за демократические свободы и социально-экономические реформы, о которых говорил генерал Шарль де Голль. Верьен пытался заразить своими идеями и Вади Леоном, но тот оказался как пассивным слушателем, так и пассивным борцом. Поль стал замечать, что его друг, с которым они вместе воевали против фашистов, все больше погружается в невеселые думы. Это уже не тот Вади Леон – решительный и смелый парень. Он замкнулся в себе, казалось, что решает сложную задачу и никак не может найти правильный ответ. Верьен догадался, что Вади стоит на перепутье...

- Надо помочь другу, - решил Поль, - растормошить, оживить.
- Давай махнем в гости к моему старику! – однажды предложил он.
 - Куда? – безразличным тоном поинтересовался Вади.
 - Судя по голосу, тебе все равно, - усмехнулся Поль.
 - Ты прав, друг.
 - Мы отправимся в Бургундию! – мечтательно протянул Верьен, - хочешь в Бургундию?
 - У меня есть возможность отказаться? – усмехнулся приятель.
 - Сам знаешь, нет!
 - Твой отец занимается виноделием? – попытался угадать Вади. Его познания об этом крае сводились к бургундскому вину.
 - Виноделием? Нет, не виноделием. Ты все узнаешь позже...

Вади и Поль прибыли в столицу Бургундии город Дижон – прекрасный старинный город, возникший еще в шестом веке до нашей эры, тихий, зеленый, величественный, с чудесной архитектурой, с садами, парками. Оказавшись в этом городе, никто не мог предположить, что он находился в фашистской оккупации на протяжении четырех с лишним лет.

В старом торговом квартале на улице Верье стоял большой деревянно-каменный дом, где проживала семья Верьен.

- Семья Верьен на улице Верье! – выдал каламбур Владимир.
- Дверь им открыла симпатичная девушка и с визгом бросилась на шею Поля.
- Амели! Сестричка! – воскликнул Поль и сгреб ее в объятия.
- Как я рада, как я соскучилась! – причитала она, не отликая от брата.

Рядом кто-то осторожно кашлянул, напомнив о себе. Девушка повернулась и с вызовом уставилась на незнакомца, осмелившегося помешать бурному выражению чувств.

- Амели, познакомься, это мой друг Вади Леон, мы вместе воевали за освобождение нашей Франции! – несколько пафосно заявил он.

- Владимир.

- Владимир, - повторила она за ним, произнося его имя на французский лад, сделав ударение на последнем слоге. – А я Амели, сестра Поля. - При этом она слегка наклонила голову, словно оценивала гостя, затем сверкнула своими темно-кариими глазами, встряхнула гривой каштановых волос, струящихся по спине, и с лукавой улыбкой пригласила в дом.

Леонов замешкался, не сразу сообразил, чего от него хотят, пока друг Поль легонько не подтолкнул его в спину.

- Моя сестра оказывает на всех мужчин странное завораживающее действие, - шепотом сообщил он другу. А тот следовал за прекрасной девицей с фигурой статуэтки, и мысленно повторял ее имя, мягкое, ласкающее слух.

Поль плелся рядом и хитро поглядывал на него.

- А вы не похожи, - произнес Владимир, кивая в сторону сестры. Надо было что-то сказать, вот он и сказал.

- Все говорят, что Амели похожа на прабабку по линии отца, - пояснил Поль. – Она была необыкновенной красавицей. А я пошел в породу моей мамы... Она умерла... Давно. Мне было четыре года, а сестре - два.

В это время девушка и двое мужчин оказались в гостиной. Гостя мало интересовала обстановка, он не сводил глаз с хозяйки. Но та неожиданно исчезла. Вскоре вернулась со статным мужчиной лет пятидесяти.

- Сынок! – вздохнул он и привлек к себе Поля.

Сердце в груди Владимира громко застучало, он представил другую встречу – встречу со своим отцом...

Володя почувствовал себя лишним в этом доме, ненужным свидетелем чужого счастья.

Амели почувствовала напряжение в госте, заметила потухший взгляд, устремленный в пол. Приблизилась и встала перед ним. В поле зрения гостя попали ладные тувельки, он поднял голову, заглянул в ее глаза и... снова забыл обо всем. А догадливая девушка приподнялась на цыпочки, и звонко чмокнула его в щеку. Отпрянула, не сводя с него оценивающего взгляда, желая угадать реакцию, затем уверенно произнесла:

- Все уже позади, все позади.

Потерявший способность соображать Владимир Леонов приложил ладонь к щеке, словно боялся, что быстрый поцелуй сбежит, потом неожиданно расцвел счастливой улыбкой и выдал.

- Да, все уже позади. Спасибо вам.

- За что?

- За то, что поняли мое состояние.

- Тогда, пожалуйста, - усмехнулась она. Опять приподнялась на цыпочки и опять запечатлела поцелуй на его другой щеке. Прикладывать другую ладонь еще и к этой щеке молодой человек не решился, хотя, очень этого хотелось. И очень хотелось прижать ее к себе и вдохнуть запах роскошных волос.

Отец и брат спокойно наблюдали за ее действиями. Когда смелая девушка с вызовом взглянула на них, они опомнились, переглянулись.

- Отец, позволь представить тебе моего друга Владимира Леона. – Первый раз за все время знакомства Поль назвал его так, как до этого сделала Амели. Раньше он был просто Вади.

- Жан Верьен. Очень рад, что сын пригласил вас погостить.

- Владимир Леонов.

- Вы русский? – без удивления спросил хозяин дома.

- Да. Мой отец был русским офицером. Он эмигрировал из России в двадцатом году... Отец погиб при побеге из концлагеря...
- Вам надо гордиться таким отцом! - Верьен привлек к себе Леонова. Рядом захлопала носом Амели.
- Так, все успокоились! – вмешался Поль. – Вади... Владимир, - поправился он, - приехал со мной, чтобы отдохнуть, забыть обо всех ужасах, а вы...
- И Володя почувствовал себя не гостем, а членом дружной семьи Верен.
- А потом все сели за стол. Подняли бокалы за освобождение Франции. Леонов успевал слушать Жана и поглядывать на его красавицу дочь. Поль замечал заинтересованные взгляды друга и радовался, как правильно поступил, что уговорил его поехать в это райское место.
- Дижон славился своей горчицей еще с раннего средневековья! - вещал между тем глава семейства, радуясь присутствию нового знакомого, готового слушать его бесконечно. – Производители поставляли ее даже королям Франции! Спустя время люди утратили интерес к горчице, но дижонцы решили спасти любимую приправу. В восемнадцатом веке в голову к одному нашему умельцу пришла идея делать горчицу с добавками: каперсами, анчоусами, эстрагоном, лимоном. И слава о дижонской горчице снова загремела. Незадолго до начала войны даже вышел декрет, закрепляющий за дижонской горчицей название и охраняющий ее производство.
- У отца небольшой завод и несколько лавок, - вставил свое слово Поль.
- Увы, производство сейчас в упадке, - печально вздохнул Жан. – Война...
- Скоро все наладится! – заверил его сын и похлопал по руке.
- Работать надо, а не слушать речи Шарля де Голля, - отмахнулся Верьен-старший. – А знаете, что он недавно сказал? – Он обвел присутствующих напряженным взглядом, - он сказал: «Жизнь не является работой, безостановочная работа может свести с ума!» Как вам это «глубокомысленное» высказывание?! Давайте ничего не делать! Только сидеть и рассуждать о том, как улучшить жизнь, как вернуть все, что мы потеряли за годы оккупации.
- Отец, ты не прав, - попытался охладить его возмущение Поль - ярый сторонник Шарля де Голля.
- Ты тоже не хочешь сходить с ума от безостановочной работы?! Так? - Не дождавшись ответа, он запричитал, - а я так надеялся, что передам свое дело в надежные руки.
- У тебя есть еще дочь! – проницательно глядя на сестру, произнес сын. Та скорчила мину, показывая свое нежелание стать наследницей дела отца.
- А чем вы занимаетесь, Амели? – прервал долгое молчание Владимир.
- Я шью костюмы для актеров нашего оперного театра, - с вызовом ответила она.
- Леонов сразу догадался, что профессия дочери не вызывает восторг у ее отца.
- Она с детства шила наряды своим куклам, - не замедлил вмешаться Жан.
- Наверное, это здорово, когда твое увлечение становится профессией! - Леонову стало жаль Амели, занятие которой отец считает продолжением игры в куклы.
- Девушка кивнула в ответ, не желая разжигать дискуссию на эту тему. Верьен-старший улыбнулся, желая замазать неловкость, обратился к сыну.
- Ты надолго приехал? Или, как обычно, на пару дней?
- Как обычно, - вздохнул Поль. – Но я оставляю тебе Владимира! – Выставил он козырь. Жан удивленно вскинул кустистые брови, некоторое время осмысливал заявление сына, затем усиленно потер ладони друг о друга, выказав высшую степень радости, что подтвердил следующим высказыванием:
- Это замечательно! Это великолепно!
- Радость была такой искренней, что все невольно заулыбались в ответ, не сообразив, что кроется за всем этим. Никто не решился задавать уточняющие вопросы, но разговорчивый хозяин и здесь не подкачал.

– Предлагаю тост за нового производителя дижонской горчицы! – воскликнул он.

- Э-э-э... Я... я... пока... - Нужных слов Леонов подобрать не смог, воззрился на друга, который выглядел вполне довольным.

Пока Жан пел оду в честь дижонской горчицы, его сын придвинулся к приятелю и зашептал:

- Я не понимаю, чего ты испугался: предложению отца или того, что сестра все время будет рядом?

Вопрос повис в воздухе. Леонову заявление хозяина уже не казалось таким пугающим. Рядом всегда будет Амели. Ну, за исключением тех моментов, когда будет шить костюмы для артистов оперного театра. Он несмело взглянул на девушку, чтобы угадать, какое впечатление на нее произвело неоспариваемое решение отца. Она выглядела безучастной. Владимиру вновь захотелось покинуть этот дом. Но если первый раз это желание возникло от зависти, чего скрывать, от зависти в меньшей степени, а в большей степени от боли, которую смог растворить один невинный поцелуй. Два поцелуя. И убеждение, что все уже позади. Сейчас пришла обида. Ему показалось, что его обманули. Почему обманули? Никто ему ничего не обещал. Он услышал то, чего она не говорила. Напридумал, нагородил что-то в голове. И теперь обманулся сам.

Значит, ей все равно: уедет он или останется.

Владимир не заметил, как опрокинул в себя содержимое бокала, не услышал, о чем заговорил Жан Верьен.

А Жан расхваливал свой любимый город Дижон и уверял, что лучше и красивее нет города во всем мире. Заметив отстраненность Леонова, он бесцеремонно хлопнул его по плечу и по-родственному обратился к нему:

- Не волнуйся, сынок, я все тебе покажу и расскажу, со временем ты станешь великолепным специалистом!

- Со временем, - шевеля одними губами, повторил за хозяином Леонов, опешивший не так от скорого решения, как от позабытого обращения.

- Вади, если тебе здесь не понравится, насильно никто удерживать не станет, - заверил его Поль. Жан отчаянно закивал в поддержку сына...

На следующий день Амели предложила Владимиру прогуляться по городу. Поль, сославшись на дела, отказался поддержать компанию.

Когда молодые люди стояли на пороге дома и поджидали Амели, ее брат с осуждением заметил:

- Я тебя не узнаю, Вади Леон! Неужели ты боишься какой-то девчонки?!

- Не девчонки, а очень красивой девушки с необыкновенными глазами, - поправил его Владимир.

- Все понятно! – вынес свой вердикт Верьен и удалился.

Из дома выплыла Царевна-Лебедь Амели. Именно, с героиней сказки Пушкина ее сравнил Леонов. Эту сказку ему читала няня. Книжка была старенькая, из прошлой жизни. Она, как и маленький Володя, приехали из России.

- Амели, вы никогда не хотели стать балериной? – неожиданно поинтересовался он, любовным взглядом окидывая хрупкую девичью фигуру.

- Нет! Но моя прабабка, на которую я, как все уверяют, очень похожа, была артисткой балета. А я тоже в некотором роде причастна к нему.

- Ну, да, в некотором роде, - кивнул головой Леонов.

Амели уверенно взяла его под руку.

- Мой отец был прав, возвеличивая наш город. Я считаю его одним большим музеем. – Этими словами она начала долгую экскурсию...

Молодые люди вернулись домой поздно.

- Как тебе Дижон? – поинтересовался Верьен-старший.

- Великолепный город! – Владимир был искренним, такого великолепия он не видел. – Один собор Богоматери чего стоит.

- Тринадцатый век, - протянул Жан. – А до совы ты дотрагивался?

К северной стене собора примостилась сова – талисман города. Согласно преданию, если прикоснуться к ней и загадать желание, то желание обязательно исполнится. Леонов прикоснулся. И загадал. Он хотел, чтобы девушка, которая находилась рядом с ним, стала его женой. Такое неожиданное желание.

- Дотрагивался, - ответила за него Амели и пронзила гостя взглядом, желая узнать его мысли.

- А что тебе понравилось больше всего? – не унимался Жан.

Владимиру хотелось сказать: «Не что, а кто! Ваша дочь! И не просто понравилась, а...»

Но он обуздал свои эмоции, вслух заметил:

- Сад Дарси понравился. – Это первое, что он вспомнил. Потом добавил. – Ну, и храм Сен-Флибер.

- Ты удивишься, сынок, но мне в нашем Дижоне нравятся старинные особняки. Вы были с Амели на улице Вобан? Ты видел самый известный особняк – Легуз де Жерлан? Молодец! А дом купца Гийома Мильера? Молодец! Прошло почти четыреста пятьдесят лет, а он стоит! – Обрадовался, как ребенок Верьен, словно выстроил из кубиков высокий домик, а он выстоял и не развалился.

Этот мужчина все больше нравился Леонову своей неподдельной детской радостью, открытостью, искренностью, преданностью и любовью к делу всей жизни. Умиляла даже его напористость и вера во все, что он говорит...

На следующий день роль экскурсовода перешла к Жану, который повел Владимира знакомить со своим заводиком, как он ласково его называл.

- Держись! – напоследок поддержали его брат и сестра и тяжело вздохнули...

Незаметно пролетел год.

Ленов не ожидал, что его так увлечет простой, на первый взгляд, процесс приготовления горчицы. Вроде бы взял порошок из очищенных семян черной горчицы, добавил к нему кислый сок незрелого винограда или белое вино, перемешал с помощью каменных жерновов и готово. Но, нет! Это только план твоего сочинения, теперь тебе необходимо раскрыть тему, добавить в эту смесь некую изюминку, которая станет отличительной чертой ТВОЕЙ горчицы. Дижонских горчиц много, но есть горчица месье Верьена!

Увлечение не мешало чувствам.

Свадьба Владимира и Амели была назначена на конец сентября – лучшее время года в столице Бургундии. Да, Владимир Леонов женится на Амели Верьен! Неизвестно, кто был рад этому союзу больше других?! Жених, невеста, ее брат или месье Верьен? Наверное, последний, так как теперь он может со спокойной душой отдать дело всей жизни в надежные руки зятя, которого за истекший год полюбил, как родного сына.

А Леонов полюбил всю семью Верьен. От Амели он давно потерял голову.

- Я люблю тебя, Амели! – не уставал он ей повторять. А она каждый раз трепетала и отвечала:

- Я тоже люблю тебя, Володя!

Она стала так обращаться к нему совсем недавно, спросив однажды, как называли его родители. Теперь его «домашнее» имя звучало по-новому: по-кошачьи мягко, с тягучим «я». Имя Амели тоже претерпело изменения: когда они оставались наедине, он называл ее Машенькой, так как второе имя девушки было Мари – Амели Мари Верьен, теперь Леон.

- Дети должны носить французскую фамилию! – настоял Жан. – Это не неуважение к твоим предкам, сынок, а защита ваших будущих детей от лишних вопросов.

Владимир не стал спорить с будущим тестем и согласился. При этом подумал, что у них с Машенькой будет много детей...

А через полтора года после свадьбы у них родилась дочь, которую назвали Софи Лиди. Второе имя она получила в честь русской бабушки – Лидии Андреевны Леоновой, в девичестве Насоновой.

Роды были очень тяжелыми. Через два дня врач сообщил Амели, что она больше не может иметь детей...

- Машенька, успокойся, - ласково успокаивал ее супруг. Гладил ее по голове, как маленькую, и приговаривал, - у нас есть Софи. Посмотри, какая она красавица! Вся в мать!

- Красавица! – соглашалась сквозь слезы Амели. – Но ты так хотел иметь много детей!

- Возьмем не количеством, а качеством, - усмехнулся Владимир.

Софи росла спокойным ребенком, хорошо кушала и крепко спала. Молодая мать даже волновалась, что она почти не плачет.

- Значит, ее ничего не беспокоит! – со знанием дела утверждал молодой отец.

Деду хотелось носить малышку на руках, сюсюкать, но строгие родители запрещали её баловать. Верьен много проводил время у ее колыбели, а когда девочка подросла, любил гулять с ней по старым улицам Дижона. Софи с интересом слушала рассказы дедушки Жана об истории города, и молча, кивала, когда он задавал ей вопрос. Это был утвердительный или отрицательный кивок. Так она выражала свое отношение ко всему. Софи исполнилось два года, а родные еще не слышали ее голоса.

- Но она все понимает! – успокаивал Жан расстроенных родителей, которые таскали ребенка по врачам, но те только разводили руками, не понимая причины немоты девочки.

- Зря мы разговариваем с ней на двух языках, - качала головой мать, - она не может их усвоить одновременно.

- Наоборот, - возражал Владимир, - дети легко усваивают все языки, на которых разговаривают в их доме.

Машенька достаточно бегло говорила на русском языке. Еще до женитьбы Леонов начал давать ей уроки, старался разговаривать с ней только на своем родном языке.

- У нее в голове каша! – вздыхала расстроенная мать и устремляла взгляд своих прекрасных глаз на молчаливую дочь, которая поворачивала головку то в сторону говорившего отца, то в сторону вторившей ему матери...

Еще на рождение дочери муж сделал жене подарок – купил небольшую мастерскую по пошиву одежды, которая через два года усилиями Амели превратилась в модный салон. Молодая женщина так и не получила специального образования, но у нее был дар, данный ей от рождения, как утверждал ее супруг, и этот дар оценили по достоинству все модницы Дижона послевоенной поры. В ту пору всем вдруг захотелось одеваться модно и красиво.

Сначала салон специализировался на создании сценических костюмов, что было знакомо мадам Амели Леон. Со временем она решила всерьез заняться моделированием женской одежды на все случаи жизни. Параллельно увлеклась созданием нарядов для маленьких барышень. Моделью стала дочь Софи. Женщина выпустила собственную коллекцию одежды для детей и представила ее публике. Показ имел большой успех. Главной манекенщицей выступала Софи Лиди. Она шагала по небольшому подиуму с гордо поднятой головой, родители и дед любовались ею, а в душе молили бога, чтобы свершилось чудо, и девочка, наконец, заговорила...

Однажды мадам Леон сидела в мастерской, где портниха примеряла платье одной ее знакомой. Женщины обсуждали новый наряд, заказчица вертелась перед зеркалом, с восхищением рассматривая себя.

- Амели, ты гений! – восклицала она уже не в первый раз. – Только ты способна скрыть платьем все мои недостатки.

И тут ее безудержный монолог был прерван тихим детским голоском.

- Мадам, вам очень идет это платье! И мне нравится ваш парфюм!

Все присутствующие повернулись в сторону прозвучавшего голоса: на стульчике сидела Софи. До этого девочка занималась своим любимым занятием – рассматривала книжку с картинками, но ее отвлекли от важного дела восторженные восклицания женщины. Она оторвалась от книги, долго оценивала новый наряд и потом... высказала свое мнение. Подруга матери ничего не поняла, так как девочка произнесла эту фразу на чистом русском языке. Амели все поняла, но замерла с открытым ртом. Девчушка пожалала плечами, удивляясь непониманию взрослых и повторила тоже самое, но на французском.

- До... доченька, - заикаясь, промолвила мать, - ты... разговариваешь? – Та привычно кивнула в ответ. – Нет, ты не молчи, ты говори! – Попросила она, осторожно приближаясь к ребенку, будто могла своим напором напугать девчушку. – Софи, пожалуйста, скажи еще что-нибудь!

- Почему папа называет меня Лидочка, а ты – Софи? – Первую половину фразы она произнесла по-русски, а вторую – по-французски.

- Я же говорила, что у нее в голове каша! – всхлипнула счастливая мать, прижимая к себе ребенка. Потом она бросилась к телефону, чтобы сообщить Владимиру радостную новость.

- Ну, вот, - протянула Софи, обращаясь к притихшим женщинам, - сначала тебя просят поговорить, а потом оставляют без ответа...

Первая произнесенная фраза стала пророческой, в той ее части, которая касалась парфюма.

Уже в пять лет Софи научилась бегло читать и потребовала от родителей приобрести для нее книги по парфюмерии. Еще через три года, когда комната девочки была завалена литературой по этой тематике, от дочери поступило новое заявление.

- Мама, папа, - заявила она по-русски, - мне нужны деньги!

- Ты хочешь купить книги? – поинтересовался отец.

- Сколько? – прямо спросила мать.

Когда дочь назвала сумму, они опешили.

- Зачем тебе такая огромная сумма? – удивился оба.

- Я их вам верну... со временем.

- Мы не спрашиваем, вернешь ты их или нет, мы интересуемся, куда ты хочешь потратить эти деньги? – взяла на себя роль переговорщика строгая мать, поглядывая на доброго отца, который не мог ни в чем отказать дочери.

- Я хочу потратить эти деньги на создание собственного оригинального парфюма. Достаточно теории, надо переходить к практике. И я хочу, чтобы мне никто не мешал! Прошу предоставить мне помещение для моей лаборатории! – деловито потребовала восьмилетняя девочка.

Родители взяли время на обдумывание.

- Это все детские забавы! – выговаривала Владимиру жена, когда они уединились в спальне. – Ребенок еще мал! – Муж сидел на кровати и следил за мечущейся по комнате Машей.

- А если у нее талант, и мы загубим его на корню? Тебе не нравилось, что отец с пренебрежением относился к твоему увлечению шитьем. Хорошо, что ты уверенно шла к своей цели, не отступила...

- Благодаря твоей поддержке! – Амели присела рядом с ним, положила голову на плечо и вздохнула. – Да, мы взяли не количеством, а качеством. Может, наша дочь станет известным парфюмером?!

И она стала. В пятнадцать лет Софи Лиди Леон создала свою первую парфюмерную линию, которую назвала именем русской бабушки – «Лидия».

Девушка долго рассказывала родственникам о различных нотах, присутствующих в созданном ею аромате: о начальной, базовой и ноте сердца. Те согласно кивали, вырывая из длинного повествования знакомые слова: бергамот, лимон, базилик...

- Парфюм создан для уверенных в себе женщин, но при этом романтичных в душе, - так объяснила Софи стиль аромата. - Я не зря назвала его в честь Лидии Андреевны Леоновой, врача по профессии и просто красивой женщины, которую я, увы, видела только на фотографии!

На глаза Владимира навернулись слезы. Жаль, что этих слов не слышит мама, - подумал он.

Следующий парфюм Софи посвятила своей матери, назвав его «Мари».

- Довольно... интересный аромат! - задумчиво протянула Амели, нанося капельку духов на локтевой сгиб и принюхиваясь.

- Расскажи нам... о нотах нового парфюма? - со знающим видом попросил отец.

- Сначала о стиле... Он создан для темпераментных женщин, преданных своему делу и идущих до конца в достижении цели. - Девушка взглянула на мать. - А если говорить о нотах, то вы удивитесь, но сочетание составляющих больше подходит... приправе. Здесь соединены красный и черный перец, гвоздика и смесь пряностей - карри, тмин и кориандр.

- Ну, и дела! - удивился дед и взял из рук дочери флакон, решив оценить не запах, а цвет жидкости. - А кожу не прожжет? - Выдал он, сосредоточенно наморщив лоб.

- Это же не горчица! - усмехнулась внучка и чмокнула его в щеку. Жан был единственным человеком в семье, с кем Софи была нежна. Она любила родителей, но чувств по отношению к ним не проявляла. Амели с Владимиром не обижались, они давно поняли, что их дочь чересчур сдержанна и все так же немногословна. Единственно, о чем Софи могла говорить часами - это создание формул ароматов.

Через пять лет Амели завела за столом разговор о замужестве дочери, когда та пришла к ним в гости. Теперь она жила отдельно от родителей и Жана.

- Зачем? - односложно поинтересовалась дочь, терпеливо выслушав монолог матери.

- Чтобы с тобой рядом был надежный и любимый человек, от которого тебе захотелось родить ребенка, - пробубнила непонимающая мать.

- Детей можно рожать и без мужа! - отрубил Софи. За столом стало так тихо, что, казалось, было слышно, как паук расправляется со своей жертвой мухой где-то в углу.

Первым прервал затянувшуюся паузу бойкий дед, который сегодня был немногословен.

- Это... как? - Жан оторвал взгляд от тарелки и недоуменно посмотрел почему-то на дочь и зятя, будто предыдущее заявление шло от них.

- Это я про то, что замуж для этого выходить необязательно! - громко высказалась девушка.

- Ваше поколение отличается от нашего поколения, - с осуждением в голове произнес дед и тихо добавил, - это же аморально.

- Что ты подразумеваешь под аморальным? Все плохое и неправильное с твоей точки зрения?

- Софи, ты хочешь сказать, что у каждого человека есть своя мораль? - не сдержался Владимир.

- Да! - резко заявила дочь. - Что для одного плохо, то для другого хорошо.

- Но есть же нормы поведения в обществе, которых надо придерживаться! - возмутился отец.

- Ты еще расскажи о нравственности современной молодежи! - язвительно сказала девушка.

- А что ты хочешь услышать? Что согласно Канту, нравственность это ощущаемая зависимость частной воли от общей? Что нравственность позволяет индивидууму соотносить свои интересы и желания с интересами и желаниями общества? А тебе, как я понимаю, плевать на это общество! – Последнюю фразу Владимир произнес по-русски и обреченно тихо.

- Что–то качество подкачало, - прошептала Амели.

Дочь никогда не видела отца в таком состоянии.

- Папа, - попыталась успокоить она взбешенного родителя, - сейчас совсем другое время, середина шестидесятых годов. На многие вещи надо смотреть иначе!

- Есть рамки приличия, за которые выходить нельзя! Ни в шестидесятые, ни в сороковые, когда мы познакомились с твоей матерью, ни в те годы, когда были молодыми наши родители! Я не желаю продолжать дискуссию! А знаешь, почему? Потому что нахожусь в полной уверенности, что ты все равно останешься при своем мнении! Разговор окончен! – Леонов резко поднялся и покинул столовую.

Он зашел в спальню и прилег на кровать. Первый раз в жизни у него заболело сердце. Не мимолетный укол, а серьезная нарастающая боль. Он потер рукой левую половину груди. Боже мой, мой единственный ребенок – моральный урод! – подумал он.- Неужели современное общество сделало Софи такой? Общество... Я хочу снять с себя ответственность за ее воспитание, убедить всех и в первую очередь самого себя, что был занят бизнесом, хотел создать нормальные условия для жизни своей семье. Но это не оправдание! Мой отец тоже был занят, но находил время для общения со мной. С детьми нужно разговаривать, не выступать в роли указки: надо сделать так–то и так–то, пойдти налево, а не направо, потому что там дорога лучше, и ты не набьешь себе шишку. Не постоянная опека им нужна, а умение общаться на равных! Быть в курсе не только их интересов, но и взглядов на жизнь. С интересами Софи мы разобрались еще в ее раннем детстве, разобрались и успокоились: есть у маленького человека дело и хорошо, никакая дурь в его голову не попадет, так как голова эта занята постоянным мыслительным процессом. Однако, на пути девушки, живущей в своем мире, попадается человек, внушающий ей собственные взгляды на тот мир, который находится за порогом ее мира, и о котором она ничего не знает. Софи принимает их за аксиому, а как иначе, ведь об этом говорит уже не он один, но и его приятели, представленные ей. Она с удовольствием слушает их рассуждения, впитывает, как губка их гнилую мораль... - Владимир подхватился с кровати, - а может еще не все потеряно? Может, она так не думает, а сказала, чтобы позлить нас? Надо было дослушать ее до конца, разобраться, покопаться в ее мыслях!.. Интересно, когда этот человек смог пролезть ей в душу? Почему я пропустил этот момент? Но дочь настолько увлечена созданием новых ароматов, что ни о чем другом даже не думает. Скорее всего, на какой–нибудь очередной презентации нового парфюма. Начал петь оды в ее честь, подобрал ключик к ее душе, преследуя свои гадкие цели: размечтался жениться на богатой девушке и обобрать ее до нитки. Черт, я снова свожу все к деньгам! А то, что обман убьет дочь, убьет ее веру в хороших людей, я не подумал. Надо спасать мою девочку от этого хиппи. Конечно, это хиппи! Вон, сколько их развелось в последнее время, все понимающих и все знающих цветов жизни...

Леонов решил вернуться и серьезно поговорить с Софи, но на пороге спальни столкнулся с женой.

- Она ушла, - вздохнула Амели и с тревогой посмотрела на мужа.

- Какую новость она еще озвучила?

- Софи... беременна, и через семь месяцев мы станем дедушкой и бабушкой, - произнесла Амели будничным тоном, словно сообщала о чем–то незначительном. Не хотела пугать мужа, на котором и без этой новости лица не было.

- Как?

- Ты забыл, как происходит зачатие? Или тебя интересует, кто отец нашего будущего внука? Или внучки...
- Машенька, ты... хорошо себя чувствуешь?
- Отлично! – выдохнула она и сосредоточенно потерла виски. – До меня никак не доходит, неужели наша девочка ждет ребенка? Она сама еще ребенок!
- Ей двадцать лет, и ты сама завела разговор о замужестве.
- А если бы не завела, то мы ничего бы и не узнали? Мы посторонние люди, которых необязательно ставить в известность, что через семь месяцев у нее родится малыш.
- Кто отец? – запоздало осведомился Володя.
- Софи сказала, что это не имеет значения. Она все равно не собирается за него замуж. Он не личность!
- Он... хиппи?
- Почему хиппи? – удивилась Амели.
- Ну, я так решил...
- Может, и хиппи, - отмахнулась она.
- Но тогда у нашего внука будет плохая наследственность.
- Главное, чтобы он родился здоровым, а мы с тобой займемся его воспитанием...

Малыша назвали Жаном Полем. Фамилию он получил от матери – Жан Поль Леон. Амели и Владимир стали сразу искать изъяны во внешности внука, но быстро успокоились: мальчик выглядел вполне нормальным ребенком. Да и врачи уверяли, что со здоровьем у малыша все в порядке. Уже через полгода Софи отдала его на попечение бабушки и дедушки, так как была занята созданием новой парфюмерной линии, презентацию которой она решила провести в Париже, где ее уже знали.

Вскоре неожиданно скончался во сне всеми любимым и уважаемым Жан Верьен. На похороны из Парижа приехали Поль и Софи. На сына смерть отца не произвела впечатления, он отвык от семьи, снова был погружен в классовую борьбу, восхвалял Шарля де Голля, который год назад победил на выборах президента во втором туре, с трудом обойдя кандидата левых - Франсуа Миттерана. Поль вскользь заметил, что сыграл не последнюю роль в восхождении президента на олимп власти, и пустился в рассуждения о правильности экономической политики, проводимой Шарлем де Голлем, основанную на защите прав предпринимателей, на укреплении французских национальных колоний и их позиций в мировой войне. Первой не выдержала Софи.

- Дядя, может, ты заткнешься!? – резко оборвала она Поля. – Здесь не трибуна, а мы не избиратели. Умер твой отец, если ты не забыл.

Тот заткнулся, а через день вернулся в Париж, совершенно не расстроив родственников скорым отъездом.

- Это совсем не тот Поль, который воевал со мной в одной группе, - разочарованно заметил Владимир, провожая взглядом умчавшийся автомобиль шурина.

Софи пробыла неделю, повозилась с сыном и тоже последовала за дядей в столицу Франции, заверив родителей, что у нее все хорошо и вскоре она вернется, чтобы погостить подольше, а сейчас она, как всегда, занята работой.

- Дай бог, чтобы скоро вернулась, - прошептал дед, стоя на пороге дома с внуком на руках. Жан Поль захныкал. – Что, малыш, расстроился? Не плачь, мой дорогой, у тебя есть бабушка и дедушка, которые тебя очень любят. Рядом стояла упомянутая бабушка, все такая же молодая и красивая. Она поцеловала ручку ребенка и с чувством подтвердила слова мужа и деда в одном лице.

- Очень- очень любят, маленький!..

Когда Жану исполнилось пятнадцать лет, его мать преподнесла сюрприз – родила второго сына, отец которого также был известен ей одной. Она назвала малыша Алексом.

Родители и Жан прибыли в Париж, чтобы увидеть новорожденного. В душе они надеялись, что дочь отдаст его им на воспитание, как отдала когда-то Жана Поля.

- Нет-нет! – сразу заявила дочь. – Вы уже немолоды, вам надо больше думать о себе, отдыхать, гулять.

- Нас еще рано списывать! – обиделся отец. – Мне всего шестьдесят один год, а матери и того меньше.

- Это неприлично обсуждать мой возраст! – кокетливо заметила Амели, которой исполнилось пятьдесят семь лет.

- Я никаких цифр не называл, но все равно прости, дорогая! – Владимир галантно приложился к ее ручке. – Ты у меня такая же красавица, как и тридцать семь лет назад, когда я впервые увидел тебя...

Глава вторая

Вчера мы похоронили Нину, командира нашей семьи, наш стержень. Она много лет оберегала нас, мы тянулись к ней, как мотыльки на свет, она грела нас своей любовью, а теперь мы остались одни... Нас, будто бросили в лесу на полянке, мы оглядываемся по сторонам, видим несколько тропинок, но не знаем, какую из них выбрать. Мы так привыкли к подсказкам, что не можем принять правильное решение. И откуда мы знаем, что оно будет правильным? Нина всегда знала. Ее жизненной уверенности можно было позавидовать.

- Надо учиться жить без мамы, - со слезами на глазах сказала Жанна и прижала меня к себе...

Я ехала в автобусе, смотрела в окно и все время мысленно повторяла слова своей мамы: «Надо учиться жить без бабушки, надо...»

Потом в моем мозгу что-то щелкнуло, словно невидимая рука переключила мою настройку на другую радиоволну.

- Стоп, стоп, стоп! – вслух произнесла я и поймала на себе косые взгляды пассажиров. Я поводила глазами по притихшему салону, пригвоздив каждого из любопытных к месту. Почему-то мой прищур им не понравился, и они поспешили полюбоваться медленно плывущей за окном панорамой города. Я тоже уставилась в окно, оценила местонахождение, боясь пропустить нужную остановку. Время позволяло уйти в себя.

Т-а-к, - мысленно протянула я, не желая больше шокировать публику. – Что же я услышала вчера такое, что оно улеглось на полку моей памяти? Это было что-то нужное и значимое, но я, ввиду вчерашнего состояния, не смогла уловить смысла сказанной кем-то фразы, но поняла: эта новость не согласуется с уже известными мне фактами... Фактами чего? И кто же сыграл роль эхолота, послал моей голове ультразвуковой импульс, который она с удовольствием приняла и не отразила, понимая, что он, этот посыл, мне необходим? Для чего? Чтобы занять работой мои мозги, которые и так загружены до предела «становлением системы информационной инфраструктуры». Это я не умничаю, как любила говорить моя бабушка, просто так звучит тема моей диссертации, защита которой приближается быстрыми шагами... Но о ней я вспоминать не хочу! Пока не хочу, до встречи с моим руководителем. Я посмотрела на часы: еще есть в запасе сорок минут, которые я могу посвятить выдергиванию из головы засевших сведений, полученных накануне. А это, надо признать, дело совсем непростое. Моя умная, как утверждают родители и просто знакомые люди, голова представляет собой огромный баул, в который складывают, складывают разные вещи, время от времени кое-что достают, а затем возвращают на место. Как начали складировать с детских стишат, так и закончили конспектами по экономике и другим не менее важным дисциплинам. Ой, не закончили и никогда не закончат, так как моя голова – это пылесос, который втягивает в себя все

нужное, иногда прихватывая и всякую ерунду. Но ее там совсем мало, в связи с тем, что я человек серьезный и всякой такой ерундой не интересуюсь.

Я вышла из автобуса на нужной остановке и медленно зашагала, приговаривая про себя: «Надо вспомнить, надо вспомнить?» Кого или что? Лучше кого. Автора сказанной фразы, тогда можно попросить этого автора повторить ее на бис. Только слово в слово, как ее запрограммировал мой мозг, иначе может произойти сбой. В этом случае я не смогу понять, почему оброненная фраза меня заинтересовала.

Значит, так: это было вчера на похоронах. Я тяжело вздохнула: воспоминания рвали мне душу. Я должна сосредоточиться, отбросить все личное... Мы стояли... перед гробом бабушки, смотрели на ее восковое лицо, совершенно неизменившееся. Казалось, что она спит... Я потрясла головой, возвращая мысли в нужное русло. Кто-то стоял рядом со мной и, именно, в этот момент, момент, когда закроется крышка гроба и всё, мы уже никогда не увидим ее лица, ее маленьких ухоженных ручек, сложенных почему-то на груди..., я услышала эту фразу. Слишком живы воспоминания, я не могу сосредоточиться, но знаю, что должна это сделать не только для себя, но и для моей Нины.

Кто же стоял рядом? Я мысленно вознеслась над местом захоронения бабушки, увидела себя, маму, отца, поддерживающего ее под руку, а возле меня... соседку и подругу Нины - Серафиму Ильиничну. Она прижимала к губам платочек, а глаза были совершенно сухими, без единой слезинки, только взгляд отрешенный, словно пожилая женщина полностью ушла в себя. Меня не удивило ее неучастие в общей скорби. Я помнила высказывания бабушки, когда уходили из жизни ее ровесники, она смотрела на это философски, мол, скоро все там будем, хватит, пожилые свое. Скорее всего, Серафима Ильинична рисовала в уме картину собственных похорон или придумывала, как сей момент отодвинуть, если жизнь по-прежнему дорога, или приблизить, если она не в радость...

Я резко тормознула, да так, что сзади на меня налетел какой-то человек. Он извинился, я кивнула, даже не взглянув на него. Только отметила, что у него тембр голоса не соответствует внешнему виду. Откуда родился такой вывод, если я не пыталась его рассмотреть? Проскользнуло мимо что-то несурзное и неопрятное, но с приятным голосом.

Не отвлекаться! – приказала я себе. К мелькнувшему озарению, в котором я пока не разобралась, прибавилось еще прилагательное «молодой» и существительное «мужчина». Эти два слова я с превеликим трудом вырвала из приоткрывшейся щели воспоминаний. И еще. Серафима сказала... о помощи и о молодом мужчине, который... был в белом халате...

Я поклацала зубами, своеобразно призывая мозги к действию. Ну, же, Саша, вспоминай! Я стояла посередине тротуара с закрытыми глазами, до боли прикусив губу, и изо всех сил старалась дословно вспомнить фразу Серафимы...

- Наверное, помощь пришла слишком поздно. – Кажется, так. Или очень близко к тексту.

А я? Я с трудом оторвала взгляд от лица бабушка, воззрилась на ее подругу и спросила.

- Какая помощь?

- К Ниночке же врач приходил, я сама видела, как она впустила его. Молодой мужчина в белом халате...

- Что за бред! – достаточно громко высказалась я, наплевав на приличия и на интерес к моей персоне прохожих.

Сейчас врачи скорой помощи не надевают белых халатов. Мы часто вызывали неотложку, когда у Нины случались приступы гипертонии или диабетическая кома. Врачи являлись на наш призыв, облаченные в униформу: брюки и курточка с множеством карманов. Причем цвет у костюма был... какой-то яркий, то ли синий, то ли зеленый, то ли сочетания этих цветов. Я не помню, но точно знаю: они были не в мешковатых белых халатах, напоминающих одежду продавцов советских времен, примостившихся за пустым

прилавком. Может, это был врач из поликлиники? Но где вы видели, чтобы терапевт навещал больных, перемещаясь от одного к другому, напялив на себя белый халат. Я сомневаюсь, что они, вообще, берут его с собой... Возникает вопрос, вернее, два вопроса. Первый: к чему этот маскарад? И второй: если бабушка вызывала на дом участкового врача, то почему не поставила в известность свою дочь. Нина в вопросах лечения полагалась на мою мать, которая за многие годы научилась устанавливать диагноз болезни не хуже врача. Поэтому вызов на дом неотложки или участкового терапевта был исключительным событием. В любом случае, бабушка позвонила бы маме, доложила о своем недомогании, та прилетела бы к ней и на месте сориентировалась.

К тому же Серафима сказала, что видела, как Нина сама открыла дверь пришедшему врачу.

У меня к соседке накопилось много вопросов, которые надо задать сию минуту, не откладывая на потом...

Я зашла в кабинет профессора Белоусова, который являлся моим научным руководителем, и заявила.

- Виталий Михайлович, я себя неважно чувствую. Можно мы перенесем нашу встречу на другой день?

- Конечно! Александра, у вас нездоровый вид! Идите, отлежитесь пару дней, а потом приходите ко мне.

Я кивнула, расшаркалась и удалилась. Уже спускаясь по ступенькам университета, я встретила свою сокурсницу, которая тоже готовилась к защите кандидатской. Она остановилась и уже открыла рот, чтобы забросать меня вопросами по поводу моей готовности, но я приложила к щеке руку, помахала головой, изображая неимоверную зубную боль, и быстро побежала вниз. За десять минут две удачно сыгранные роли! Может, не туда вы, будущий кандидат экономических наук, пошли учиться?

Расстояние от универа до автобусной остановки я преодолела в рекордные сроки, побив предыдущий, установленный в день госэкзамена по английскому языку. Теперь у меня были дела более важные: я должна навестить соседку Нины и задать ей несколько вопросов...

Надо было ехать на такси, - подумала я, изнывая в медленно двигающемся общественном транспорте. Я ерзала на сидении, постукивала подошвами туфелек, поднимая и опуская их на каблуках. Монотонности в этом постукивании не было, оно, то учащалось, то замедлялось, то обе ноги поднимались в унисон, то постукивание осуществлялось поочередно: то левой ногой, то правой. Причем правая нога ударяла по поверхности резинового настила громче, чем левая. Меня заинтересовал сей факт. Для начала я решила убедиться в его ровности и однородности. Отодвинула ноги и взглядом опытного специалиста по покрытиям убедилась в совершенной идентичности настила под обеими ногами. Значит, что-то не так с подошвами моих туфель! – решила я и попыталась проверить каждую, приподнимая поочередно ноги и оценивая взглядом подошвы. Так и есть! К левой туфле прилепилась жевательная резинка, уже достаточно грязная, несколько потерявшая свои липучие свойства, но смягчающая удар по поверхности пола. Это событие меня порадовало: я докопалась до истины. Так, одна задача решена, переходим к более сложному заданию, - размышляла я, наконец, покидая салон автобуса.

Дом бабушки стоял торцом к улице, по которой без перерыва на сон сновали автомобили. Я подняла глаза на окна ее квартиры, ожидая увидеть знакомый силуэт. Глаза наполнились слезами: Нина никогда не будет стоять у окна и ждать меня. Никогда! Я поняла, к чему были эти поиски в автобусе: я пыталась заблокировать свои чувства, свой крик, рвущейся наружу. Мне захотелось выть, громко и долго, подняв голову вверх.

Чтобы она там, на небесах, услышала, как мне плохо без нее, чтобы дала какой-нибудь знак: она не ушла, она будет рядом, мой дорогой ангел-хранитель...

Я открыла дверь своим ключом, проделывая все достаточно громко, будто предупреждала о своем приходе.

- Нина, я пришла! – по привычке крикнула я с порога и замерла. Потом скинула туфли и на цыпочках подошла к распахнутой двери в спальню бабушки. Ее не было на привычном месте. Она всегда сидела в кресле. При моем появлении она снимала очки, откладывая в сторону газету и радостно улыбалась мне.

Кресло было пустым. Я постояла несколько минут, с ненавистью глядя на это кресло, словно оно было виновато, что его хозяйка ушла.

Я закрыла глаза, мысленно представив бабушку, сидящую в кресле, и спросила:

- Нина, к тебе приходил врач?

В квартире стояла тишина хрущевского дома, когда слышны голоса соседей за стеной, воспитывающих нерадивых детей, бубнящий телевизор, по которому пятый год показывают один и тот же сериал, а его перипетии с удовольствием обсуждают кумушки на скамейке. Помещение, в котором находилась я, осталось глухо к моему ответу. Только тиканье часов напомнило мне, что время идет, а я так и не встретилась с Серафимой Ильиничной. Я глубоко вдохнула запах бабушки, витающий в ее доме, задержала дыхание, желая удержать его в себе. У меня сильно закружилась голова, я ухватила одной рукой за дверной косяк, а другую руку приложила к виску. Ледяная рука привела меня в чувство. Наконец, я решилась переступить порог спальни Нины и начать визуальный осмотр, вырывая из привычной обстановки еле заметные изменения.

- Когда приходит врач, он делает укол, - по-детски растягивая слова, произнесла я. – И остаются ампулы. Их я не вижу, как не видела в тот день, когда... переступила порог квартиры, громко заявив о своем приходе, и не получив ответа. Я не испугалась: слух у Нины был, мягко говоря, не очень хороший. А потом я увидела ее... Она лежала на кровати...

Бабушка никогда не ложилась днем, даже дремала, сидя в любимом кресле, подставив под ноги маленькую скамеечку, сохранившуюся со времен моего детства. Она утверждала, что ей так удобно...

Почему в ТОТ день она оказалась в кровати? Я опустила глаза и приступила к визуальному осмотру ковра. Вдруг в лучах солнца что-то блеснуло. Я наклонилась и осторожно взяла в руки маленький осколок стекла. Совсем крохотный осколок.

- Очень тонкое стекло, - заключила я, разглядывая находку, лежащую на моей ладони. – Может ЭТО быть осколком от ампулы? – Задалась я вопросом и сама ответила, - может!

Дальнейший обыск квартиры ничего не дал. Поэтому я направила стопы к соседке.

- Ой, Сашенька! – поприветствовала меня Серафима и пропустила в квартиру. – Как ты?

Я уставилась на нее, как на пришельца с другой планеты, который был не в курсе моих переживаний. Что можно ответить в этой ситуации? Нормально, плохо или хорошо! Эти варианты могут подойти любому. Первый, если вы знали о тяжелой болезни и ждали конца, второй – если смерть наступила неожиданно, но это не родной вам человек, а просто близкий знакомый, третий... Я не знаю, до какой степени можно ненавидеть человека, чтобы радоваться его уходу в мир иной. Я чувствовала себя очень, очень, очень плохо! Моя боль была неопишуемой, ее нельзя выразить словами. Поэтому я не стала ничего объяснять, проигнорировав вопрос.

Мы прошли на кухню – излюбленное место посиделок пенсионеров. Серафима засуетилась, но я ее остановила.

- Я ничего не хочу! – Хозяйка недоуменно уставилась на меня, не понимая причину моего визита. – Как ваше здоровье? – Задав этот вопрос, я понимала: монолог Серафимы

займет не меньше часа, но я вытерплю, главное, чтобы поток красноречия не иссяк. Толкни ком с горы, он и покатиться...

- Да, какое там здоровье! – отмахнулась пожилая женщина... Я отключилась, не забывая покачивать головой в знак согласия. - ... А на врачей какая надежда! – Нужное слово-пароль вернуло меня на кухню соседки.

- Серафима Ильинична, - осторожно начала я, обволакивая ее ласковым голосом. – Вы вчера что-то сказали о враче, который приходил к бабушке?

Женщина наморщила лоб: сразу переключиться с себя любимой на другого человека ей было тяжело.

- В белом халате, - медленно выговаривая слова, подсказала я.

- А-а-а, - протянула Серафима. – Бабушка всегда говорила о соседке, как о человеке недалекого ума, но будем надеяться, что я не задала архисложный вопрос. – Был, был врач! – Наконец, заявила она, а я заерзала на стуле.

- Вы... его знаете?

- Так я его не рассмотрела, видела только со спины. Слышу, - произнесла она заговорщицким шепотом, - по лестнице кто-то поднимается, я прильнула к дверному глазку, вижу, высокий мужчина в белом халате замер возле двери Нины, постоял немного, а потом позвонил, раз, другой. Мы же старые, слышим плохо, да, и ноги болят. Пока дошаркаем... Вот и Нина долго не открывала, а потом распахнула дверь, а этот, в белом халате, и говорит: «Здравствуйте, Нина Степановна, что же вы в районную поликлинику не приходите? Вы же у нас стоите на учете!»

- А вы... хорошо расслышали? – вкрадчиво поинтересовалась я, вспомнив недавнее заявление о плохом слухе.

- Он говорил громко, видно привык иметь дело со стариками.

- А потом?

- Потом Нина спросила с удивлением: «Так вы решили сами ко мне придти?» И впустила его в квартиру.

- Долго он там пробыл?

- Я его прозевала, - вздохнула Серафима. – Новости начались по второму каналу, я и заслушалась.

- А вы случайно не обратили внимания, машина «скорой помощи» не стояла у подъезда?

- Но он же из поликлиники!

- Я не так выразилась. Может, заметили чужой автомобиль во дворе?

- Сейчас этих автомобилей развелось, весь двор заставили! И не знаешь, где чей! – раздосадовано заметила пожилая женщина.

- Понятно, - вяло отозвалась я. – Значит, бабушка врача не вызывала, он сам к ней пришел. Из районной поликлиники. Пришел и назвал ее по имени и отчеству...

- Я редко туда хожу и не могу с уверенностью утверждать, но мне кажется, я его там не видела, - трагическим шепотом произнесла Серафима.

- Поликлиника большая, - протянула я, - всех врачей вы знать не можете.

- Но он точно не наш участковый терапевт!

- Нина состояла на учете у эндокринолога.

- А у нас их два и обе женщины: одна молодая, а другая... постарше.

- Предположим, это был практикант? Пришел в нашу поликлинику на стажировку, вот его и отправили с обходом, врачам недосуг таскаться по микрорайону, а его надо чем-то занять, - выдала я быстро придуманную версию, в которую сама не очень верила. Я не припоминаю, чтобы к бабушке на дом приходил эндокринолог. Терапевт по вызову – это понятно, а эндокринолог... Только с подачи того же терапевта, если он посчитает этот визит необходимым.

- Саш, а почему ты интересуешься этим доктором в белом халате?

- Сама пока не знаю. В последнее время Нина чувствовала себя нормально, почти не жаловалась на здоровье. Накануне я была у нее, мы долго разговаривали, вспоминали деда, смотрели фотографии.

- Может, разволновалась после воспоминаний?

- Не знаю, - пожала я плечами. – Но мама ей звонила вечером, интересовалась ее самочувствием, и она заверила, что все хорошо.

- Не хотела волновать?

- Не думаю. Она всегда рассказывала о любом недомогании, даже незначительном.

- Не знаю, чем тебе помочь, – расстроилась Серафима.

- Вы ее в тот день больше не видели?

- Нет. Только в дверной глазок, когда доктор пришел. И мне показалось, что она выглядела вполне здоровой, насколько я могла заметить за то короткое время. И голос у нее был бодрый. Но сочетание возраста и здоровья у людей нашего преклонного возраста – понятия мало совместимые.

- А в котором часу приходил врач?

- Когда же это было, - задумалась она. – Около одиннадцати! Точно! Я же говорю, по второму каналу начались новости!

- По российскому?

- Да! – кивнула Серафима. – А за ним - сериал...

- Спасибо, - поспешила я поблагодарить хозяйку, не желая слушать про сериал.

Прощавшись с соседкой, я несколько минут постояла на лестничной площадке перед дверью бабушки, не решаясь войти.

- И что мы имеем? – решила я подвести итог нашей беседы с Серафимой. – Мы имеем мужчину в белом халате, назвавшимся врачом из районной поликлиники. Если у него был обход больных, стоящих на учете, то он должен был посетить всех, а не одну Нину. – Я развернулась на сто восемьдесят градусов и приложила палец к звонку. Дверь снова открылась. – Серафима Ильинична, еще один вопрос. Скажите, никто из жильцов вашего дома не рассказывал о посещении врача... без вызова? Это такая редкость, что кто-нибудь обязательно похвалился бы неожиданной заботой.

- Никто, - после некоторого раздумья ответила соседка.

- Вы не знаете, кто еще состоит на учете у эндокринолога?

- Паша из первого подъезда! – пораскинув мозгами, заверила она.

- И все?

- С сахарным диабетом у нас только Нина и Паша, остальные сердечники и гипертоники, - доложила Серафима.

- И то, слава богу! – вздохнула я и отправилась в первый подъезд.

Выслушав охи-ахи еще одной приятельницы моей бабушки, я поинтересовалась.

- Па... Прасковья...

- Павлина Игоревна, - подсказала та. Мне захотелось проверить: есть ли у достопочтимой дамы красивый хвост? Я даже попыталась заглянуть ей за спину... Да, защитная реакция моего организма работала без сбоев!

- Павлина Игоревна, - медленно выговорила я. – К вам не приходил врач из поликлиники?

- Когда?

- Три дня назад.

- Нет, а почему ты спрашиваешь?

- К бабушке приходил врач, сказал, что он из нашей поликлиники, обходит всех, кто состоит на учете у эндокринолога. Я и подумала...

- Вот, сволочь! Два человека в доме с сахарным диабетом, а он... - задыхнулась от возмущения пожилая женщина.

- Успокойтесь, - призвала я. – Еще неизвестно, откуда этот врач и зачем приходил, - попыталась я успокоить разгневанную старушку.

- Как... откуда? Ты же сама только сказала, что он из поликлиники.

- Не знаю, - пожала я плечами. Сегодня я занимаюсь гимнастикой для плечевого пояса...

- Причину смерти Нины установили? – в лоб спросила Павлина Игоревна.

- Отказала поджелудочная железа.

- Ее вскрывали?

- Нет.

- Значит, это отписка! Они посмотрели ее историю болезни, узнали о сахарном диабете, которым она страдала более двадцати лет, и написали причину смерти.

- Вы так думаете? Может, они определили по каким-то симптомам?

Павлина вздохнула и с участием посмотрела на меня.

- Причина теперь не важна, главное - Нину не вернешь...

- Не вернешь, - согласилась я, а про себя подумала: Но я должна все выяснить!

Напоследок я узнала фамилию врача-эндокринолога, к которому был прикреплен дом моей бабушки, и отправилась в поликлинику. Можно проехать две остановки на автобусе, а можно пройти пешком. Я выбрала второй вариант...

Посещение районной поликлиники окончательно запутало меня. Как я и ожидала, никто к моей бабушке не посылал мужчину в белом халате: ни врача, ни практиканта. Да, и медиков-мужчин можно было пересчитать по пальцам, а в рядах эндокринологов они, вообще, не числились.

Странные дела творятся в нашем королевстве, - подумала я, стоя на пороге многоэтажного здания поликлиники. – Сначала записка из шкатулки, потом странная смерть бабули. А, может, я все придумываю? Может, дед, действительно, разрабатывал парализованную руку, выводя на бумаге переписанные из книги фразы, а у бабушки на самом деле отказала поджелудочная железа. Сердце забило в груди, как свобододлюбивая птица в клетке, словно предупреждало меня о чем-то.

Я не знала, что предпринять далее, и решила взять тайм-аут. Может, появится зацепка или подсказка...

По возвращении домой, я не стала говорить родным о своих подозрениях. Мама и так пребывала в невменяемом состоянии, не хватало ей еще узнать, что Нина не сама ушла из жизни, а ей помогли. Хотя, такие скоропалительные выводы я делаю преждевременно. Зачем незнакомому мужчине проникать в квартиру бабушки и делать ей смертельную инъекцию? Нина не уводила женихов у своих подруг шестьдесят лет назад, чтобы теперь явился ее внук и совершил вендетту за свою обиженную бабушку. Это вам не Сицилия с Корсикой. И, вообще, жила тихо, никому зла не желала, ни с кем не ссорилась, каверзы не устраивала.

А вдруг это маньяк, убивающий старушек из сострадания, как он сам считает? Каким-то образом узнает о больных пожилых людях и помогает им покинуть этот мир, якобы избавляет их от мучений... Этаким вершителем человеческих жизней, который знает, что кому предначертать. Странное предположение. Геббельс утверждал: «Чем невероятнее ложь, тем люди больше в нее верят». Я переиначу: «Чем невероятнее предположение, тем оно... легче найдет подтверждение». Легче? Каким же это способом? Всплывет на поверхность само по себе, без моего участия? Я буду заниматься диссертацией, отложу решения проблемы на потом, и... тут явление Христа народу: ко мне приходит мужчина в белом халате и заявляет: «Я причастен к смерти твоей бабушки!» Или другой вариант: его поймают на очередном убийстве, и он покается во всех предыдущих: мы не корысти ради, мы - избавитель от мук больных пожилых женщин, уставших пребывать в этом мире...

- Саша! Чем ты занимаешься? – вырвал меня из плена мыслей грозный голос отца.

Я подскочила на стуле, как на катапульте.

- Диссертацией! – встрепелулась я.
- Мне показалось, что ты витаешь в облаках. Ты была у Белоусова?
- Была, - вздохнула я.
- Возникли проблемы?
- Нет-нет! Все идет, как надо, - неопределенно ответила я.
- Назначили дату защиты? – продолжал допытываться отец.
Какую дату? Мне еще пахать и пахать, - подумала я без сожаления, а вслух с умным видом заметила:
- Еще рано об этом говорить! Все случится месяца через два. Не раньше.
- Как, через два!? – взвился отец. – Ты уверяла нас с матерью, что все давно готово, остались всякие мелочи, а теперь...
- Теперь надо написать автореферат, напечатать его в типографии, разослать по адресам, получить подтверждение, что они отправлены, а самое главное – найти людей, имеющих ученую степень, которые напишут положительную рецензию на мою диссертацию.
- А где найти таких людей? – подобрался отец, словно стоял на старте, готовый в любую минуту отправиться на поиски.
- Пока не знаю, - протянула я, устремляя взгляд на монитор компьютера. Боже мой, когда я успела влезть на сайт криминальных новостей. Я быстро вернула свою писанину, сделав сосредоточенное лицо.
- Занимаешься авторефератом? - Я кивнула. – Если понадобится моя помощь, то обращайся, будем искать людей с ученой степенью. – Озабоченно произнес он и удалился.
- До автореферата ли мне, - покачала я головой и снова увлеклась чтением криминальных новостей за последний месяц.

Уже через два часа мои глаза болели и чесались, будто я долгое время сидела в обнимку с кустом амброзии. Может, у меня на нервной почве зрение падает? Или я ошарашена разнообразием и количеством преступлений, происходящих каждую минуту? А я сижу целыми днями за диссертацией и, слава богу, ничего не знаю. Начитаешься милицейских сводок, а потом по улице будешь бояться ходить. Я выключила компьютер и села перед окном. Высоко в небе висел круглый блин луны.

- Еще и полнолуние в придачу! – вздохнула я и принялась придирчиво рассматривать ночное светило. У меня создалось впечатление, что луна собралась спать: она возлежала на пушистой перине–облаке и тянула на себя такое же пушистое одеяло. Я стала с интересом наблюдать за напользанием «одеяла» на круглый желтый блин. Вот луна спряталась наполовину, вот видна всего четверть. Вот совсем исчезла под одеялом. - Август, ночи холоднее и короче, - протянула я, не сообразив, зачем упомянула третий месяц лета, будто только в августе «озябшая» луна накрывается пушистым одеялом. Поежилась от прохлады, сочившейся из распахнутого окна, сладко зевнула и отправилась спать.
- Что же ты, ведьма во втором поколении, не распознала супостата? – Это были мои последние слова за тяжелый истекший день, который окончательно запутал мои мысли и увел от работы над диссертацией...

Утро порадовало хорошей погодой и ярким солнцем, пришедшим на смену лунно-мерзлячке.

Я решила быть прилежной аспиранткой и позвонила профессору Белоусову. Тот порадовался моему «выздоровлению» и назначил аудиенцию на вечер.

- Чем бы заняться? – задалась я вопросом, кося глазами на компьютер, как на источник новостей из мира криминала, но не как на помощника в создании текста автореферата. Я

сделала вид, что совсем не замечаю блестящего пол лучами солнца монитора и пошла на кухню испить кофейку.

После чего послонялась по квартире, радуясь, что пребываю в одиночестве, в связи, с чем отпадает необходимость отвечать на вопросы родителей: почему болтаюсь без дела, когда на носу... И так далее.

- Защита кандидатской! – пропела я глубоким контральто, стараясь придать голосу бархатистый тембр, присущий обладательницам этого голоса. Потом я перешла к балетным «па»: подергала ножкой, плавно подняла и опустила руки, не забыв сделать несколько круговых движений. Потом опустилась на диван и закрыла лицо руками. У меня явный сдвиг по фазе на нервной почве: разговариваю сама с собой, бурное веселье мгновенно сменяется приглушенной истерикой.

- Нина, ну, почему ты ушла? Кто тебе дал право бросить нас? – Я закусила губу, стараясь удержать в себе слезы. – Нельзя сидеть и ныть! Надо действовать!

Еще вчера я решила взять тайм-аут, выждать и понаблюдать за развитием событий, а сегодня призываю себя к продолжению расследования. Что будет завтра? Хорошо, когда у человека есть это завтра...

- Я не буду кваситься! – громко заявила я. – Нина так хотела, чтобы я стала кандидатом экономических наук. Это было ее главным желанием на текущий момент. Следующим в очереди желаний идет мое замужество. – Первое мне выполнить гораздо легче, - вздохнула я. - А вот второе...

Мое увлечение знакомством по интернету приносило плоды: у меня всегда был приятель, с которым можно посетить кафе, театр, прогуляться по вечерним улицам города. И что самое удивительное – все молодые люди были приятной наружности, с высшим образованием, интеллигентные и хорошо воспитанные. Хвала интернету – современной свахе, дающей возможность приличным парням, проводящим досуг перед монитором компьютера, а не в ночных клубах, знакомиться с девицами из приличных семей, коротающих свободное от учебы и работы время в уютной домашней обстановке.

За все время мне не встретился ни один парень, от которого хотелось бы сбежать уже в начале общения. Но проблема заключалась в том, что, никто из них не вырисовывался рядом со мной в качестве жениха, претендующего на руку и сердце. Нет, они все желали этого. Или почти все. Но не получали ни того, ни другого. Если руку я еще могла предложить, шествуя по неосвещенной улице, потому как отличалась куриной слепотой, то сердце мое оставалось глухо. На робкие проявления чувств очередного кавалера я не реагировала, а настойчивому ухаживанию сразу давало отпор, выражающийся в вычеркивании из списка потенциальных кавалеров оной кандидатуры. Был друг-приятель и весь вышел! Не терплю типов, переходящих границы дозволенного.

Не иначе мои корни уходят глубоко во дворянство, а мои прапрабабушки учились в пансионах благородных девиц...

Я не заметила, как в лени и мечтах пролетел день. Я наскоро собралась и полетела на встречу с научным руководителем. Рандеву, назначенное на восемнадцать часов, задержалось минут на сорок. Я нервничала и с негодованием несла вахту у кабинета профессора, меряя шагами длинный коридор. Я знала, что свое неудовольствие надо оставить при себе, при появлении глубокоуважаемого руководителя мое лицо должно озариться приветливой улыбкой, выражающей необычайную радость от долгожданной встречи. Да, уж, встреча, и впрямь, слишком долго-долгожданная.

Наконец, появился он – указующий перст моего кандидатского бреда. Зыркнул на меня своими очами, ожидая уловить малейшее возмущение. Но я знала профессора много лет - пять институтских и два года аспирантуры научили подстраиваться под настроение этого человека с достаточно сложным характером. Он любил доводить студентов придирами, вызывать в них ярость и затем... отыгрываться на экзаменах. Все знали эту... особенность

профессора, но многие не могли сдержаться. И получали напротив своей фамилии галочку за... нелояльность к преподавателю. При этом нельзя было показывать совершенную безвольность, тогда для этого тряпичного человека наступали страшные времена: Белоусов регулярно «вытирал об этого человека ноги», унижал постоянными упреками и жутким громогласным криком. Да, повышать голос было излюбленным занятием профессора.

Сегодня я получила за приветствие «пять», что выразилось в легком похлопывании по плечу и приглашению в кабинет. Затем он вскользь поинтересовался моим здоровьем, не дослушав короткий ответ до конца, перешел к рассказу о своих проблемах, что заняло приблизительно час. Я кивала, поддакивала, продолжая играть роль прилежной аспирантки, готовой на все ради своего руководителя. Наконец, все новости личной жизни были преданы гласности в моем лице, и мы перешли к тому, зачем я, собственно, и пришла – к предстоящей защите кандидатской диссертации...

Когда я вышла на улицу, то с удивлением заметила, что уже темным-темно. Я с опаской оглянулась по сторонам. Какого черта нужно было читать сводки происшествий? – некстати подумала я. – Знала бы, что наша встреча продлится так долго, позвала очередного воздыхателя для препровождения моей особы до дома.

Я расправила плечи и походкой манекенщицы на подиуме пошла по улице. Мой университет находился в центре города, на тихой улице, где проживали уважаемые граждане и навязчиво к ним примкнувшие. К первой категории относилась бывшая состарившаяся партийная элита, а про вторую объяснять не нужно, и так понятно. Улица отличалась тем, что в ее центре была широкая пешеходная часть, а по краям – две проезжие со встречным односторонним движением. Вдоль широкого тротуара расположились скамейки, занятые в данный момент веселыми компаниями. Улица была хорошо освещена, но это меня не успокаивало. Хотя бы куриная слепота не напоминала о себе, и то ладно. Не споткнусь, не упаду, не набью шишку.

Фонари давали мягкий рассеянный свет, словно обволакивали окружающее пространство туманом. Я с гордым видом шагала по тротуару, искоса поглядывая на облепленные народом скамейки. Некоторые мужские компании были разбавлены прекрасным полом, и поэтому не внушали мне опасения. Также к этой группе относились парочки, и мужчины, находящиеся на грани полнейшего отключения ввиду «усталого состояния» после трудового дня. Страх внушали парни, пребывающие в эйфории вседозволенности и желании показать себя такими гусарами, способными пленить сердце любой проходящей дамы.

Последних явно не хватало. Свернуть в переулок я не решилась: там можно встретить и более «интересных» граждан. Поэтому продолжала свой путь под пристальными взглядами и отпускаемыми в мой адрес репликами. Когда очередная реплика с неблагоприятным предложением достигла моих ушей, я не сдержалась и резко осадилась многословного оратора. Я знала, что иногда меня «заносит», но что поделать, если я с детства не выношу грубость и хамство.

- Что ты сказала?! – взвился «любитель вечерних посиделок» и оторвал свой зад от скамейки. Другая девушка на моем месте уже была бы далеко, показывая высокую скорость бега, а я стояла и смотрела на это существо мужской наружности, испытывая неприязнь к нему и гордость за себя неустрашимую. Компания на скамейке притихла и стала ждать развития событий. Я понимала, что просто так мне не уйти, парень захочет порисоваться перед публикой, а я не уступлю. Почему – то в мою голову пришла прибаутка про дедушку, который в поле нашел пулемет и больше в деревне никто не живет. Я представила себя лихой Анкой – пулеметчицей, срезающей толпу наглецов хлесткими ударами свинца. Парень медленно приближался ко мне, я вросла в землю и наблюдала за ним, наклонив голову на бок, словно оценивала умение двигаться. Чем ближе он подходил, тем замедлялся темп, почти забуксовавший, когда до меня осталось

около метра. Одна рука парня была засунута в карман джинсов, а в другой он держал полупустую бутылку с пивом.

- Ты чо, учить меня вздумала? - хриплым голосом спросил он и покосился на публику, ради которой и разыгрывалось действие.

- Не-а! – беспечно заявила я. – Уже поздно...

Парень вытащил руку из кармана и посмотрел на наручные часы, решив, что я имею в виду время. Я не выдержала и прыснула от смеха.

- Ты еще и лыбишься! – сурово протянул любитель пива и сжал в кулак батистовую блузу на моей груди. Ткань затрещала.

- Оставь девушку в покое! – раздался совсем рядом грозный призыв. Мы вздрогнули от неожиданности и повернулись на голос. Перед нами неожиданно возник крепкий парень в джинсах и черной футболке, обтягивающей его рельефный торс. Мой обидчик оценил защитника взглядом и выпустил мою потрепанную одежду. Потом повернулся к своей компании, указал большим пальцем на парня и заявил с кривой ухмылкой.

- Во, лошара!

Компания поднялась и дружным строем двинулась к нам. Я быстро сосчитала: их пятеро против одного, я не в счет.

Защитник не стал ждать продолжения и сделал неуловимое движение в сторону моего обидчика. Тот хрюкнул и бревном завалился на тротуар. Раздался неприятный стук: то ли головы, то ли бутылки, выпавшей из рук парня. Компания замерла.

- Подходите, не стесняйтесь, - предложил мой защитник, но те, оценив состояние приятеля, вернулись на свой насест. Не убежали, не бросились к нему на помощь, а вернулись на привычное место, посчитав его надежным убежищем.

Качок взял меня за локоть.

- Я вас провожу! – галантно высказался он. Я кивнула и последовала за ним, не забывая оглядываться на поверженную компанию. – Не волнуйтесь, они вас больше не тронут, - успокоил меня защитник. – Я снова кивнула. Сегодня у меня новая гимнастика - для растяжения шейных позвонков.

Мы, молча, шли по улице, напоминая со стороны странную пару - нарушителя, коим являлась я, и милиционера, поймавшего этого нарушителя и сопровождающего его в участок. У моего спасителя было задумчивое лицо, совершенно не подходящее к внешнему облику братка. Он был острижен почти наголо, выставляя напоказ красивую форму головы с прижатыми ушами. Голова сидела на крепкой бычьей шее, незаметно переходящей в крепкие плечи. Раньше я всегда сравнивала таких качков с орангутангами - родом больших обезьян, весьма близко похожих на человека не только внешним видом, но и наличием асимметрии между левым и правым полушарием, которые у качков и орангутангов гораздо меньшего размера, чем у человека разумного. Такую параллель в этом парне провести нельзя: в его глазах, которые я успела оценить, присутствовала завораживающая одухотворенность, его взгляд был наполнен палитрами чувств и эмоций, доброты и любви к окружающим, которые он явно желал скрыть от всех за маской парня-увальня с двумя классами образования. К чему эти игры? Я осталась собой довольна: парня я быстро раскусила. И понимала, почему он до сих пор не произнес ни слова: он боится раскрыться, скинуть маску. Пусть думает, что я нахожусь в стрессовой ситуации после инцидента и мало что соображаю.

Несколько произнесенных отрывочных предложений мой спаситель посчитал недостаточными для разгадки его истинного «Я». Теперь он будет играть в молчанку. Я решила выступить соло.

- Спасибо вам э-э-э... - протянула я, надеясь, что мой сопровождающий назовет свое имя. Он упорно молчал. – Спасибо, что освободили меня от посягательств хулигана, - закончила я, не дождавшись подсказки.

Вечер кивков продолжил качок. Только его кивок не походил на мой, у него это движение больше напоминало ритмичное подергивание головой вперед-назад под музыку, которую слышал он один.

- Я, наверное, дальше пойду сама, - неуверенно предложила я и попыталась освободиться.

- Вы где живете? – очнулся он, повернул голову в мою сторону и пронзил меня добрыми глазами.

- Там, - неопределенно махнула я в сторону, где располагался спальный район, в котором проживала моя семья.

- Я провожу... до остановки, - заверил парень, не сбавляя уверенного шага и не выпуская мой локоть, затерявшийся в его огромной лапе. При всей своей силе он держал меня бережно и аккуратно, не давил, а слегка поддерживал, но достаточно цепко, освободиться я не могла. Честно, и не пробовала. Рядом с ним мне было спокойно и комфортно.

- Хорошо, проводите... до остановки, - согласилась я с опозданием минут на пять, потому что пребывала в разгадывании ребуса: попросит он номер моего телефона или нет? И назовет, в конце концов, свое имя? Я не прошу заполнить анкету и указать все данные, но элементарно представиться приличный человек просто обязан. А почему я решила, что он порядочный? Потому что спас меня от компании хулиганов? Может, он мышцы тренирует, ходит по улицам и ищет живую грушу для битья. В этом случае не я его должна благодарить, а он меня за пособничество.

В молчании мы дошли до остановки.

- Спасибо, - снова поблагодарила я. Он не ушел, посчитав свою миссию выполненной. Только выпустил мой локоть. Стал рядом со мной, как часовой, и окинул оценивающим взглядом публику.

Размышляет, можно меня бросить одну или лучше составить мне компанию в ожидании нужного автобуса? Усадить в него, а затем отправиться восвояси с чувством выполненного долга... А жениться? – усмехнулась я мысленно, - раз рыцарь спас принцессу, то теперь обязан на ней жениться...

- У вас что-то случилось? – выдал он, не поворачиваясь в мою сторону, словно разговаривал с кем-то другим.

Я округлила свои и так немаленькие глаза, выражая наивысшую степень удивления, и с вызовом произнесла:

- С чего вы решили?

- У вас в глазах боль...

- Не ваше дело! – грубо отрезала я, чего сама не ожидала. Тоже мне, психолог человеческих душ! – подумала я и отвернулась, сложив руки колечком на груди, не забыв все-таки высказаться. - До свидания и еще раз спасибо!

- Дайте мне номер телефона, я хочу убедиться, что вы благополучно добрались до дома, – великосветским тоном потребовал он, позабыв, что он качок-орангутанг. Не хватало обращения «достопочтимая сударыня». От неожиданности я забыла о своей обиде, резко развернулась и... ударила о его взгляд.

- Лучше вы продиктуйте свой номер телефона, - нашлась я, еле совладав с собой.

- Вы относитесь к той категории девушек, которые ни при каких обстоятельствах первыми не позвонят малознакомому мужчине, - произнес догадливый умник, позабывший свою игру.

Что-то он расслабился. Неужели моя неземная красота так на него повлияла? Раздумал быть плохим мальчиком, захотел меня убедить, что он самый-самый.

- Тем более незнакомому мужчине, - фыркнула я.

- Извините, я забыл представиться – Алексей Гладышев.

И зачем было изображать из себя тайного агента в виде человека с ограниченными умственными способностями?!

- Александра Козловская. – Я рассчитывала, что далее последуют сведения о возрасте моего визави и семейном положении, но он молчал и выжидательно смотрел на меня. – Номер телефона? – Догадалась я и назвала номер своего мобильного. Сразу подошел нужный мне автобус, будто ожидал окончания нашего знакомства за углом.

Мы вежливо распрощались, и я зашла в салон, не забыв покоситься в сторону Алексея, который стоял у кромки тротуара и наблюдал за мной. Я махнула рукой, автобус тронулся, а молодой человек все стоял и провожал его взглядом...

Переступив порог собственной квартиры, я уже не расставалась с телефоном. Сначала он сопровождал меня в ванну, потом на кухню, приник к тарелке с ужином и замер в ожидании. Как и я.

Звонок раздался, когда я сидела у раскрытого настежь окна и любовалась надкусанной луной, которая сегодня собиралась бодрствовать в том смысле, что не лежала на перине и не тянула на себя одеяло-облако. Я схватила трубку, не забыв взглянуть на дисплей. Высветился незнакомый номер.

- Он! Это он! Это точно он! – пробубнила я себе под нос, не пряча дикую радость. Отдышалась и томно протянула, - алло-о-о.

И жутко на себя разозлилась: и за ожидание, и за непривычную мне томность, и за... влюбчивость в первого встречного. Не хватало еще добавить при этом: «О, мой Рыцарь, ты ли это?!» Тьфу!

- Саша, это Алексей. У вас все в порядке?

- Все хорошо, - заметила я, артистично подавив рвущийся наружу зевок.

- Я вас разбудил?

- Да, я сплю, - невежливо доложила я.

- Тогда извините, что разбудил и спокойной вам ночи.

Я с ненавистью посмотрела на телефон – виновника сегодняшних ожиданий. Затем покрутила его, зажав между большим и указательным пальцем, и отбросила в сторону.

- Спокойной ночи! – скривилась я и сделала книксен, который мне хотелось сделать целый день, то при встрече с научным руководителем, чтобы ядовито выразить свое отношение к его пренебрежению чужим временем, то при прощании с Алексеем, чтобы выразить глубокую степень признательности за спасение и намекнуть, что я тоже неискренна.

Рядом со мной никого не было, не на кого было сорвать злость. Только заглядывала в окно наглая луна, которую кто-то успел попробовать на зуб.

– Ты еще светишь! Рассветилась тут, нормальным людям спать мешаешь! – Я снова пристроилась у окна, и приступила к изучению ночного неба. Моментально луна из стана врагов перешла в стан приятелей: я нуждалась в слушателе. – Он ненормальный, поверь мне. Спрашиваешь, почему я так решила? Да, потому, что не спросил, когда мы увидимся вновь? Я, конечно, не писаная красавица, но и не уродина, чтобы избежать встречи со мной. – Я еще что-то болтала, а луна сдвинулась правее, уходя от разговора. – Ну, вот, и ты не хочешь меня выслушать! И не надо! – Я дернула за шнурок и опустила жалюзи...

Ночью мне снился увалень на худой кляче. Он скакал по полю и кричал:

- Принцесса Александра, я спасу тебя!

А я в это время сидела на высоком дубе, одиноко приютившимся на краю поля, и из зарослей наблюдала за странным рыцарем, не покидающим пределы этого поля. Он размахивал детским пластмассовым мечом и произносил одну и ту же фразу. Метания рыцаря не сместили меня, хотя, с этим детским мечом, на изможденной кляче, и с одной и той же выкрикиваемой фразой, мог рассмешить любого. Мне было страшно. Не знаю причины. Я прильнула к стволу старого дерева и молила бога, чтобы эти скачки по замкнутому пространству ему надоели, измотали, и он отправился бы... спасти другую

принцессу. Вдруг зазвонил колокол, я оглянулась по сторонам, ожидая увидеть пожар, но вокруг было светло и свежо. А колокол звонил и звонил, я с ненавистью посмотрела на всадника, который стал медленно испаряться, как дым...

А колокол все звонил...

Я открыла глаза и поняла: разрывается мой мобильник, устроившийся рядом с моей подушкой.

Это был Илья Кожевников, с которым мы познакомились месяца два назад. У него было две мечты: первая – жениться на мне, о чем он заявил на второй день знакомства, а вторая – открыть собственное рекламное агентство. Его заявление о желании жениться не шокировало меня, Илья мне тоже сразу понравился. От всех знакомых он выгодно отличался: здраво смотрел на жизнь, не строил иллюзорных планов, рассчитывал на себя, не оглядывался на родителей, имел приятную внешность, следил за собой без фанатизма, не ставил себя любимого во главу угла, и одевался со вкусом. Вторая мечта Ильи была тоже вполне осуществима, так как он поднаторел в рекламном бизнесе, корпя на этой стезе с институтских лет. Пока его останавливало отсутствие необходимого капитала, но было бы желание, опыт и умная экономная жена рядом, коей могу стать я, вполне соответствуя всему вышеперечисленному, и дело обязательно выгорит, как говорила моя бабушка.

- Сашенька, я хочу тебя увидеть! – сразу заявил Илья громким голосом, отчего у меня заложило ухо. Он не был в городе десять дней, и не знал о моем горе. Сообщать по телефону я не стала.

- Илюша, ты не...

- Я все знаю, - перебил он, - извини, что не смог приехать на похороны.

Я не стала спрашивать, откуда он узнал. Мне было не интересно. Как неинтересен он сам со вчерашнего дня. Когда я вспомнила о событиях, произошедших накануне, у меня в груди что-то сжалось, потом развернулось и... хлопнуло, как раскрываемый автоматически зонт. Это крылья, - решила я и подошла к зеркалу, желая рассмотреть их. Я вертелась и так, и сяк, но крыльев не увидела.

- Саш, ты меня слышишь? – прозвучал голос у самого моего заложенного уха. Я с удивлением заметила, что продолжаю держать в руке мобильник.

- Знаешь, Илюша, - деловито произнесла я. – У меня совсем нет времени... - Я стала излагать возникшие сложности при подготовке диссертации. – И вообще... - Бойко начала я и осеклась. Да, мне захотелось сделать заявление о нашем расставании, но что-то меня остановило. Я представила расстроенное лицо Ильи, его печальные темно-карие глаза. Он смотрел на меня с осуждением и непониманием. И я монотонным голосом доложила, - Илья, я хочу побыть одна.

- Я понимаю, эта потеря очень тяжела для тебя, - посочувствовал он, но в голосе чувствовалась обида. – Когда захочешь увидеть меня, позвони. Мы помолчали немного: он хотел услышать от меня заверение, что наша разлука будет недолгой, а я желала услышать волшебное слово, которое заставит меня забыть нового знакомого. Я не знала, что это за слово, но, конечно, не «пожалуйста», коим оно является в детской книжке. Это должно быть слово-зомби, слово-пароль, слово-код, которое вытащит из моей головы события вчерашнего вечера. Не было затянувшейся встречи с Белоусовым, не было спасения от хулиганов, не было парня с добрыми умными глазами. И не было его звонка поздним вечером.

Я не знала, чем меня привлек Алексей. Мало ли на свете молодых мужчин с накаченным торсом и интеллектом, но что-то в нем было особенное. Даже его неумелая игра меня не смутила. Возможно, неумелость меня и подкупила.

Он напоминал липучку, которую вешают в магазинах для ловли мух. Я - муху. Летаю вокруг зазывающе пахнущей ленты, вижу трупки своих братьев, погибших от искушения, и никак не могу решиться сесть на нее и полакомиться. Ведь, знаю, что все

равно сяду, но делаю вид, будто еще раздумываю. Однако, ничем хорошим это не заканчивается...

Может, и мне лучше забыть об Алексее, пока не поздно. Пока не прилипла окончательно. Придумать самой слово-код, и вернуться к надежному Илье, сосредоточиться на кандидатской диссертации... А, пожалуй, я знаю это слово! Расследование! Я должна узнать истинную причину смерти моей любимой бабушки.

Я решила посоветоваться с Дашкой. Дарья Игоревна Четкина была моей подругой еще с абитуриентских времен, когда мы вместе ходили к репетитору. Внешне мы было абсолютной противоположностью: она маленькая, я – высокая, она – пепельная блондинка со стрижкой каре, я – с длинными русыми волосами. Но нас объединяла нелюбовь к женским разговорам: он посмотрел три раза, вздохнул один раз, проводил меня глазами шестнадцать раз. Мы были выше этого. Мы обсуждали новые модели компьютеров, которые ведут обработку информации на более высокой скорости, политическую обстановку на Северном Кавказе, которой интересовалась Даша, а мне приходилось поддерживать эту тему разговора. Мы не были «синими чулками», встречались с молодыми людьми, но никогда не представляли их друг другу, считая эти отношения несерьезными и непродолжительными. Хотя, о знакомстве Дашки с Ильей я подумывала... До вчерашнего вечера.

Встречу я назначила в уличном кафе, неподалеку от нашего университета. Не знаю, чем я руководствовалась, может, желанием пройти мимо того самого места, где на меня напали хулиганы – хотела освободиться от воздействия на мою психику пережитого вчера стресса. Или надеялась на случайную встречу с Алексеем, который живет или работает на этой улице? Скорее всего, и то, и другое.

Четкина, как всегда опаздывала. Я медленно тянула сок и разглядывала спящих по улице граждан.

Вдруг налетел ураган в виде моей подруги. Он бросила свое маленькое худенькое тельце на стул и выдохнула.

- Извини. Давно ждешь?

- Неважно, - отмахнулась я.

Дашка сделала скорбное лицо, погладила меня по руке и с чувством произнесла.

- Я с тобой! – Это она так выразила соболезнование, и я ей была благодарна за сжатость.

- Спасибо, - тихо сказала я. Мы помолчали немного. – Слушай, Дашка, вчера со мной такая история приключилась, - не удержалась я. Меня переполняли чувства, которые необходимо было вылить наружу. – Я встречалась с Белоусовым...

- Не перевелись еще рыцари на земле русской! – сделала вывод Четкина, внимательно выслушав мой рассказ. – У тебя, Сашка, подозрительно-странное лицо.

- Да? – наигранно удивилась я.

- У тебя лицо человека, который стоит на пороге выбора, причем с решением надо поторопиться, - заметила она с хитрой улыбкой.

- Ну, да, стою. И поэтому вытянула тебя из дома. Хотела посоветоваться. Понимаешь, у меня в голове кавардак, а ты умеешь разложить все по местам.

- Не тяни! У тебя проблемы с диссером?

- И с этим тоже, но дело не в нем... У меня возникли подозрения...

- Козловская, я тебя не узнаю! Ты всегда умела четко и ясно выражать свои мысли!

- В общем, я сомневаюсь, что бабушка умерла сама...

- Ни-че-го себе заявленьице! – протянула обалдевшая Даша и поскребла указательным пальцем макушку. Потом без перехода спросила, - может, по бокалу вина выпьем? – Я пожала плечами, мол, мне все равно. – Или пива?

- Только не пиво!..

Нам принесли заказанное красное вино.

– Почему ты решила, что твоей бабушке кто-то помог?

Я долго рассказывала о визите к Серафиме Ильиничне, потом о визите к Павлине Игоревне, не забыв о районной поликлинике.

- Дела... - Дашка вертела в пальцах ножку бокала с вином, елозя его по поверхности стола. – А где смысл?

- Не знаю! Если бы знала зачем, то догадалась от кого исходит угроза.

- Саш, ты считаешь, что... на бабушке не остановятся?

- Об этом я не думала, - с трудом справившись с дыханием, произнесла я. – Даш, я хочу послушать твои рассуждения и выудить из моря слов одну фразу, которая даст ключ к разгадке.

- Рассуждения, значит, - задумчиво произнесла Даша. Хотя, мы учились вместе, но Четкина получила высшее юридическое образование, а я – экономическое. После второго курса нас раздели «по интересам» на две группы. – Проанализируем создавшуюся ситуацию. Значит, ты уверена, что бабушка умерла не своей смертью... Сейчас ты должна глубоко спрятать свои эмоции, внимательно слушать меня и анализировать. Будем считать, что убийство было умышленным. Некий мужчина собрал информацию о твоей бабушке, узнал о ее заболевании, о том, что она состояла на учете в районной поликлинике, и пришел к ней как врач. К людям в белых халатах у пенсионеров особое отношение, они доверяют им и легко пускают в свое жилище. Я могу с полной уверенностью сказать, что убийца отличается особой жестокостью, не каждый сможет лишить жизни старую беззащитную женщину. – Я закусила губу, еле сдерживая слезы. – Саш, мы же договорились. – Я взяла себя в руки и приготовилась слушать дальше. – Перейдем к причинам... Мы сразу отмечаем убийство по национальной, расовой, религиозной ненависти.

- Бабушка не ходила в церковь, да, и в бога открыто не верила, больше в душе, - подсказала я.

- Я не думаю, что фанатично верующая подруга наняла киллера, чтобы наказать твою бабушку за отступничество. Убийство из хулиганских побуждений тоже не подходит. Остается убийство из корыстных побуждений. В этом случае убийца преследует определенную цель – устранение конкурента, но это мы отбрасываем, или причина в нежелании возвращать долг...

- Это мы тоже отбрасываем! - вновь подсказала я. На мое вмешательство подруга не отреагировала.

- Под корыстными побуждениями в данном случае мы подразумеваем убийство, преследующее получение материальной выгоды: кража денег, драгоценностей... Сашка, ты проверяла, в квартире ничего не пропало?

- Нет, - испуганно подергала я головой. – Но там и брать нечего: пара ювелирных украшений, не раритеты, а так, фигня. И пенсия, полученная накануне. Я как раз была у Нины, когда ее принесли.

- Да, объемы не те... Но ты все равно проверь! И еще... Когда ты вошла в квартиру... в тот день, ты не заметила, что в ней что-то искали?

Я закрыла глаза, пытаясь восстановить в памяти картину.

- Нет, все было на своих местах! – доложила я после раздумий.

- Ну, не из ревности же он ее убил! – взвыла Даша.

- А если он маньяк? - попыталась я протащить свою версию.

- Также вариант, – согласилась подруга. – Если это, действительно, маньяк, то маньяк организованный. Он тщательно рассчитал время и место преступления, скорее всего, долго выслеживал жертву.

Когда Дашка произнесла слово «жертва», по моему телу пробежала дрожь. Я обхватила себя руками.

- Саш, тебе плохо? – озаботилась подруга.

- Я не хочу больше слушать твои рассуждения! – рассердилась я, словно не я сама предложила ей порассуждать вслух. Четкина пожала плечами и промолчала. – Я, наверное, пойду.

- Иди, - обиделась на меня Даша.

- Извини, - тихо сказала я и побрела по улице. Меня трясло все сильнее и сильнее. Если бы у меня был пуховый платок моей бабушки, я с удовольствием накинула его на плечи. Но у меня не было ни платка, ни... бабушки. Мои зубы начали выбивать дробь.

Так, надо отвлечься, - мысленно приказала я себе. – Как? Общаться с кем-либо я не желаю, на сегодня с меня хватит общений и рассуждений. Закрыться от всех и заняться, наконец, написанием автореферата, изложить в кратком варианте весь ста двадцати листовый труд - мою диссертацию? Никто эту работу за меня не сделает, как не оттягивай. Я ускорила шаг: окунуться в автореферат и забыть о расследовании – вот, что мне необходимо! Не нужно мне слово-код! Довольно!

Я не стала ждать нелюбимый автобус, остановила такси и назвала адрес. Молодой водитель половину пути косил на меня глазом, но вопросов не задавал. Потом все-таки не выдержал и заговорил на животрепещущую тему - о погоде. Я не стала поддерживать разговор, погрузившись в свои невеселые думы.

Зачем ворошить то, что уже нельзя изменить? Лучше все оставить, как есть...

Дарья сидела в полном одиночестве за столиком летнего кафе и рассматривала прохожих, как это совсем недавно делала ее сбжавшая подруга.

Наверное, надо было сгладить углы в разговоре, - размышляла Четкина. – Но я и так не стала делать жестких предположений, хотя, знаю много случаев, когда преступник... Лучше об этом не думать.

В кафе завернул молодой человек и поозирался по сторонам, словно выискивал жертву. Свободных столиков было предостаточно, пристально изучать открытое пространство, огороженное от пешеходной зоны низким белым заборчиком а-ля деревня, не требовалось. Сообразительная Дашка тотчас смекнула, что, скорее кто, его интересуется? Естественно, одинокая девица, которая легко пойдет на контакт. Она не любила уличных знакомств, не была легкой добычей, на контакт с настырными парнями, ищущими приключений, не шла. Поэтому постаралась нацепить маску отрешенности. Позабыла, что в данном случае нужно смотреть вдаль, никого рядом не замечать, намекая о своей неземной принадлежности. А Четкина уткнулась взглядом в пол, как ученик, который старается не встретиться взглядом с учителем, приступившим к опросу. В поле зрения растерявшейся девушки попали две ноги, обутые в дорогие бежевые замшевые туфли. Туфли замерли возле ее столика и не желали уходить. Дашка, в свою очередь, не хотела выглядеть полной дурой, увлеченной разглядыванием обуви незнакомца. Она медленно начала вести глазами снизу вверх, оценивая поочередно светлые брюки, сорочку и, наконец, лицо молодого человека – любителя приключений. Он внимательно смотрел на нее и улыбался. Дашке показалось, что они знакомы, только не ее помнит, а она его – нет. На всякий случай она тоже слегка растянула рот в сдержанной улыбке, при этом перебирала в уме, кто он такой. Среди многочисленных знакомых этот парень не числился. Так ей казалось.

Надо ждать его первого хода, - решила Четкина. Ей показалось, что сейчас он сморозит какую-нибудь глупость. Типа: «Скучаете? Давайте скучать вместе!» Или: «Почему такая симпатичная девушка и одна?» И так далее.

Резкая и находчивая Дашка могла ответить достойно. Но незнакомец сказал совсем не то, что она ожидала услышать.

- Девушка, вы не знаете, где здесь Публичная библиотека?

- Вопрос неправильный! – ляпнула Даша после временного обалдения.

- Не понял, - брякнул он, сменив расслабленную улыбку на наряженное ожидание.

- Сформулирован неправильно! – расширила ответ болтливая девица, получая удовольствие от его физиономии, на которой отразились три чувства: удивление, испуг и растерянность. – Надо было спросить: Как пройти в Ленинскую библиотеку? – Самодовольно заявила она. – Хотите быть неординарным: поразить незнакомую девушку своим интеллектом, если вам, действительно, нужна библиотека, или намекнуть о наличии чувства юмора, если решили повторить фразу из известной комедии Гайдая. Но в любом случае, это всего лишь повод для знакомства!

Парень нахмурился, видно, перемалывал в уме высказывание, похожее на выстрелы из пулемета.

- Нет, я не собирался... - Вовремя смолк, не желая выглядеть нетактичным. – Мне... Мне, действительно, нужна Публичная библиотека. Я ищу одну книгу...

- Книгу? – перебила его словоохотливая девица, выказав удивление. Можно подумать, в библиотеку ходят не за книгами, а за продуктами питания. Он вновь провела по нему изучающим взглядом. Теперь сверху вниз. Внешний вид молодого человека ей подсказал, что он может посещать подобные места, как библиотека, и достоин быть собеседником кандидата наук. Без пяти мину кандидата наук. Но кто об этом знает?! – Значит, вам нужна библиотека?

- Да!

-Странный вы...

- Почему странный?

- Ищите библиотеку, а читать не умеете!

- Умею! – с выдохом подтвердил он, опомнился и спросил, - а почему вы сказали...

- Потому, что Публичная библиотека находится за вашей спиной! – не дослушала его Дашка, - о чем свидетельствует соответствующая надпись.

Парень не спешил поворачиваться на сто восемьдесят градусов, чтобы убедиться в ее словах. Некоторое время изучал надменную девицу, затем все же оглянулся и увидел высокое светло-коричневое здание странной архитектуры.

- Это библиотека? – напряженным голосом поинтересовался он, вернувшись в Дарье. Та подтверждающее кивнула. – Надо же... А я прошел мимо и не увидел надписи.

- Бывает.

Все ты видел, так и скажи – хотел познакомиться, - подумала она. – И чего выпендриваться?!

Между тем, парень, получивший ответ на свой вопрос, уходить не спешил.

- А вы не знаете, есть ли в ней книги, изданные в начале прошлого века?

- Есть, но я не знаю, что вас конкретно интересует?

Парень оказался на соседнем стуле и с милой улыбкой воззрился на Четкинцу.

- Меня интересует «Учебник гражданского права» Шершеневича, причем, только пятое издание, вышедшее в тысяча девятьсот пятом году.

- Да вы что! – восхитилась Дарья. – Это же главное пособие для юриста! Вы юрист?

- Я работаю над диссертацией, - без ложной скромности произнес он. Девушка недоверчиво посмотрела на него.

- Странный вы! – опять повторила она, - проучились пять лет в высшем заведении, поступили в аспирантуру и не знаете, где находится Публичная библиотека?

- Учился я не здесь, а в столице Адыгеи, в Майкопе, - пояснил он, - закончил несколько лет назад Государственный университет, работал на кафедре, писал диссертацию, а сейчас приехал в ваш город защищаться. Но моя диссертация требует доработки...

Даша внимательно рассматривала собеседника, пытаясь найти в нем черты, присущие адыгейцам, и не находила. Перед ней сидел коротко стриженный парень с европейскими чертами, с серыми глазами хмурого неба и румянцем во всю щеку. Выглядел он ошарашено-потерянным, как человек из аула, впервые оказавшийся в большом городе. Если бы не одежда, которая привычно сидела на нем, Дашка бы так и подумала. А то, что

он не похож на адыгейца, то это ничего не значит: может, у него предки были русские, а гены «перескочили» через несколько поколений и отразились на нем.

- Меня зовут Дарья, - первая представилась она, не посчитав это вызывающим.

- А меня Александр Лунев, - назвалса он. Ошарашенность испарилась, прихватив испуг. Глаза парня стали масляными, словно сидящая перед ним девушка позволила себе лишнего.

Бабник! – сразу решила Дарья, - а про учебник все придумал. Нашел удочку, на которую можно ловить студенточек. Не на ту напал! Сейчас я тебя выведу на чистую воду!

- А почему вам нужен учебник именно Гавриилы Феликсовича Шершеневича? – Она специально назвала имя и отчество, чтобы Лунев понял, с кем имеет дело.

- Мне интересна его точка зрения об отношении государства и общества... - Александр пустился в рассуждения на эту тему. Дарья поначалу слушала недоверчиво, выискивая в его словах зазубренность без понимания, в итоге заслушалась, стала изредка кивать в знак согласия, показывая, что поддерживает его мнение по этому вопросу.

Она не заметила, как подкрался вечер, а они все говорили и говорили.

- Ой, вы сегодня не попали в библиотеку! – опомнилась девушка, взглянув на наручные часы.

- Зато я познакомился с прекрасной девушкой!

Дашка передернула плечами, будто попыталась скинуть ярлык прекрасной девушки. Она перенеслась в пятнадцатый век, когда хан Золотой Орды выдавал русским князьям письменный указ – ярлык на великое или удельное княжество. Сегодня ей выдали устный указ, с сообщением: отныне Дарья Четкина является прекрасной девушкой. Ура, товарищи!.. Стоп, это из другой оперы.

- Вам не нравится слушать комплименты в свой адрес? – удивленно протянул Александр. Его вопрос повис в воздухе. На глупые вопросы Дашка не отвечала. И не хотела развивать тему, как не хотела портить впечатление, которое сложилось у нее об этом неглупом парне, который, на самом деле, дописывает кандидатскую диссертацию.

Четкиной очень хотелось покопаться в сумочке, найти пудреницу и рассмотреть свой лик, который она еще несколько часов назад считала посредственным. Может, знакомство с приятным молодым человеком повлияло на меня, и я превратилась в лебедя, - подумала она, глупо веселясь. - Еще утром была гадким утенком, и вдруг...

Дашка заерзала на стуле.

- Вы спешите? Может быть, еще по чашечке кофе?

- Нет, мы и так выпили по три чашки. – Она поднялась. – Мне... уже... пора.

Или не пора? – задумалась она. – Все зависит от того, что он скажет.

- Вы далеко живете? – Александр поднялся.

Дашка вырулила из-за заборчика а-ля деревня, он последовал за ней. На ходу она протянула:

- Далеко-о-о. Очень далеко живу.

- Но уже совсем темно и...

- Я не боюсь, - перебила она его и испугалась: сейчас он распрощается и уйдет. - Знаете, с моей подругой вчера произошел неприятный инцидент, - затараторила она, выложив рассказ Сашки совершенно постороннему человеку. Раньше Дарья Игоревна Четкина не любила раскрывать чужие тайны. А почему это должно быть тайной?

- Хорошо, что все закончилось благополучно! – ответственно заявил Лунев.

- Да, хорошо, - шествуя по широкому тротуару, по тому самому, по которому вчера шла подруга, согласилась она.

- Я вас провожу, - сказал молодой человек. Не предложил, не произнес с воодушевлением, а сказал отстраненно, возможно, с долей надежды, что она откажется.

Не хочет переться в мою Тмутаракань? – подумала Дарья. – Не хочется, а придется, милый мой. - На ее устах повисла самодовольная усмешка.

- Я сказал что-то не то? – поинтересовался он.
- Вчерашний спаситель моей подруги вмиг испарился, как только посчитал свою миссию выполненной. Я представила...
- Как я исчезаю на ваших глазах, и остается одно мокрое место! – закончил за нее Александр.
- Почему мокрое? – расхохоталась девушка.
- Не знаю, просто есть такое выражение...
- Нет, лучше туфли. Представляете, был человек и исчез, оставив после себя лишь дорогую обувь, поставленную в первую позицию!
- Лунев опустил взгляд, оценил по достоинству свои туфли и покачал головой.
- Нет, жалко расставаться с ними, я их купил пару дней назад. – Оба покатались со смеху.

Незаметно пролетел месяц, который Саша Козловская посвятила доработке кандидатской диссертации, а ее подруга Дарья - общением с новым знакомым. Четкина никогда не думала, что ее может заинтересовать молодой человек уже после первой встречи. Ее подкупил не столько интеллигентный вид Лунева и умение поддержать разговор, сколько полное совпадение их взглядов на многие вещи. Пара почти не спорила, хотя, Дашка любила вступать в дискуссии по любому поводу.

Днем они «грыз гранит науки», а вечером совершали пешие прогулки, взявшись за руки. По-летнему теплый и сухой сентябрь взял над ними шефство, позволяя влюбленным проводить время на свежем воздухе, подолгу прощаться у дома девушки.

Однажды они сидели на скамейке и самозабвенно целовались. Вдруг Дашка отпрянула от Александра.

- Слушай, Саня, совсем забыла тебе кое-что рассказать! – В этом была вся Дашка: легко переходила с лирики на физику. Она высвободилась из объятий и окинула его напряженным взглядом, будто не могла понять, выкладывать ему очередной секрет или нет.
- У тебя что-то случилось? – встревожился Лунев.
- Не у меня, а у моей подруги Сашки... Помнишь, я тебе о ней говорила? – Александр пожал плечами и нахмурил лоб, пытаясь вспомнить. – Это та, которую один парень поздним вечером спас от хулиганов!
- Она опять влипла в историю? – недовольным тоном спросил он.
- Что-то не так?
- Все не так! Я не хочу разговаривать о какой-то Сашке.
- Не хочешь, не надо. Я пошла...
- Дашуня, погоди! – парень схватил ее за руку. – Не обижайся.
- Я не обижаюсь, мне нужно домой!
- Я вижу, как ты не обижаешься... Хорошо, выкладывай, что произошло с твоей подругой.
- Не надо делать мне одолжений!
- Дарья, ты...
- Что я?! Почему ты замолчал? Продолжай! Да, я несносная, вредная и взгляды у меня... старорежимные!
- Я ЭТОГО не говорил... Давай мириться.
- А мы разве ссорились? – вскинула брови несносная девица.
- Нет! Мы просто разговаривали о твоей подруге! Так что с ней не так? – спросил Лунев и сделал заинтересованное лицо. Дашка невольно улыбнулась. Вернулась на скамейку и уже собралась рассказать о подруге, но парень притянул ее к себе и зашептал на ухо.
- Никогда не думал, что смогу полюбить... так сильно!

Четкина не растаяла, как мороженое в горячих руках в летнюю пору, не произнесла ответное признание. Ее покорило «так сильно». Очень, сильно, на всю жизнь, до чертиков, до сумасшествия – все эти обозначения-усиления любви были не для нее. Она

сама не могла найти ответа, почему эти добавки не убеждают в любви, а, напротив, заставляют сомневаться. От признания веет фальшью.

Не хватает одинокой слезы, медленно скользящей по щеке, - нехотая подумала Дарья, - и более крепких объятий, подтверждающих сильную любовь. Он прижмет меня к себе и будет демонстрировать мужскую силу, все сильнее и сильнее, вдавливая мое тело в себя.

Она даже почувствовала, как перехватывает дыхание, скрипит позвоночник под нажатием рук Лунева и глубоко вздохнула, словно пыталась насытить свои легкие воздухом перед поглощением себя в чужом человеке.

Дашка отпрянула, чтобы увидеть его глаза. Глаза были соответствующими моменту признания: будто бы влюбленными и с мечтательной поволокой. И чужими.

У него чужие глаза. И сам он чужой, - неожиданно решила Чечеткина, осознавая свою непредсказуемость. Еще десять минут назад она умирала в его объятиях, потом вспомнила о Сашке, потом было примирение, за ним признание, совсем ненужное. Почему ненужное? Любая будет рада. Но не она. И причина проста – он СИЛЬНО любит...

А что она, вообще, о нем знает? То, что поведал сам. А она – Фома-неверующий? Вчера была верующий, десять минут назад тоже верующий, а сейчас... А чего я, собственно, мучаюсь? Кажется, у Сашки на экономической кафедре есть один знакомый, который тоже окончил Адыгейский госуниверситет...

- Я тебе безразличен? – Вопрос молодого человека прервал ее бурный мыслительный процесс.

- Что? – встрепенулась она.

- Ты меня не слушаешь, - обиделся парень. – Когда девушке признаются в любви, она не обязана отвечать, но...

- Я могу повторить... твоё признание. Хотя, не могу понять, что, значит, сильно люблю? – Все-таки не сдержалась она. - Человек или любит, или нет. Где показатель этой силы?

После тупого признания, должны последовать не менее тупые стешата, типа, я так сильно вас люблю, что... в болоте утоплю! – додумалась Чечеткина, не удержалась и противно хихикнула.

- Не вижу ничего смешного! – с вызовом заявил Лунев.

- Не обижайся. Я... Я не с тебя смеюсь, просто анекдот вспомнила, мне его Сашка рассказывала.

- Ты что-то хотела про нее рассказать, - напомнил он.

- Представляешь, ее маму вчера сбил мотоциклист прямо на пешеходном переходе! Она переходила улицу на правильный свет, а тут этот придурок на моцике. Покалечил несколько человек! Вот же скотина!

- Согласен. Она в порядке? Ничего серьезного?

- Сотрясение заработала и руку сломала. У других пострадавших незначительные травмы и ушибы.

- А мотоциклист?

- Скрылся с места происшествия, как любят говорить в милицейских сводках. Жалко Сашку... Она недавно бабушку похоронила, теперь мама в аварию попала.

- Да, несчастье не приходит одно, - философски заметил Александр. – Вы с ней встречаетесь?

- Последнее время только перезваниваемся. У нее защита кандидатской на носу... Это я дурака валяю, хорошо, если буду готова через год, а моя подруга – молодец, смогла собраться, выкинуть разные мысли из головы...

- Безответная любовь? - выдал «догадливый» парень.

- Это со стороны Сашки любовь может быть безответной, потому что она у нас девушка видная, не то, что я, и ухажеров у нее пруд пруди!

- Ты чересчур самокритична, но рассказами о своей подруге меня заинтриговала.

- Могу познакомить, - усмехнулась Чечеткина.

- Не горю желанием! У меня есть девушка, которую...
- Которая поет! – перебила его Дарья, не желая возвращаться в прежней теме.
- Правда? – усмехнулся Александр.
- Пела в школьном хоре вторым голосом! – с важным видом дожила она. – А сейчас больше в ванной...

Молодой человек прижал ее к себе и зашептал.

- Не могу понять, почему ты не веришь в мою любовь?

Девушка промолчала.

И чего ты, милочка, уселся на любимого конька и слезать не желаешь?! – мысленно возмутилась она, пытаясь покопаться в своей душе, чтобы понять, созревает ли там ответное чувство? Кажется, нет. И не будет созревать. Иначе прыгала бы до небес от радости, когда услышала его слова о сильной любви... Тогда зачем мне эти посиделки под луной? Для разнообразия. Устала от науки, думаю, надо бы отвлечься... Объяснение меня не устраивает, потому что росточек ответного чувства давно пробился наружу, но его взяли и полили химической гадостью, он и погиб...

Дарья продолжала сидеть в стиснутых оковах мужчины и делать вид, что внимательно слушает. Когда в его речи возникла пауза, она решила вставить свою реплику.

- Все-таки, я хочу познакомить тебя со своей подругой!

Лунев недоуменно посмотрел на нее.

- Я думал, что мы обсуждаем наше будущее...

Так мы будущее обсуждали, - подумала она, - наверное, скучное будущее получилось, раз я не выбралась из своей думы. Почти как, по понедельникам у нас будет грибной суп, по вторникам – борщ, среда – рыбный день, по четвергам – сауна... По воскресеньям – поход к родителям... Да, скукота! – Ей захотелось сладко зевнуть, широко разинув рот, забыв прикрыть его ладошкой. Неинтеллигентный зев с чувством! – Определила она и подавила рвущийся наружу зевок. Потом ей захотелось пропеть жалостливую песню со словами «без меня, меня женили», а в конце всплакнуть на плече того, кто расписал их будущую жизнь. Затем отпрянуть от мокрого свитера, заглянуть ему в глаза и поинтересоваться: «А умрем в один день?» И сглотнуть при этом...

- Я не желаю делить тебя с кем-либо, даже с подругой! – между тем вещал ревнивец.

Ах, как у вас все запущено! – возмутилась про себя чуть не заснувшая Четверкина. - Сначала с подругами не встречайся, затем из дома не выходи, а потом, вообще, паранджу на голову напяль! - Дашка представила себя в черной накидке, сидящей в окружении десяти малолетних детей, которые кричали и требовали пищи. – Мама дорогая, куда меня занесло. Однако, пора иди домой пока еще чего-нибудь не сочинила. Потом кошмары будут сниться.

Она высвободилась из объятий жениха-мечтателя.

- Мне пора...

- Как... ты уже уходишь?

Сейчас он закусит губу, как это проделывал герой Пуговкина в фильме «Иван Васильевич меняет профессию», и пронзит меня обожаемо-хитрым взглядом, - помыслила Дашка. Представленная картина улыбки не вызвала.

- Ухожу, - протянула она.

- До завтра? – с надеждой в голосе спросил Александр.

- До завтра, - кивнула головой девушка и скрылась в подъезде...

Дашка на цыпочках прокралась в свою комнату, боясь потревожить родителей, взглянула на настенные часы и шепотом пропела.

- Уж, полночь близиться, а Германа все нет! Но я его не жду, просто часы показывают двенадцать без пяти-и-и, - с чувством пропела она и плюхнулась на диван. – Что-то меня сегодня заносит? К чему бы это? Скорее всего, к дождю, - улыбнулась она. - Интересно,

Сашка спит или корпит над своим диссером? А я ей сейчас позвоню и выясню, спит она или бодрствует.

С этими словами Чечеткина вытащила из сумки мобильник.

- Привет, подруга! Я тебя не разбудила?

- А который час?

- Почти полночь!

- Ого!

- Заучилась, бедная девочка, - посочувствовала Дарья. - Вернись на землю, у меня к тебе один вопрос... Алло, гараж!

- Я тут!

- Помнишь, ты упоминала в разговоре одного парня, который работает на вашей кафедре. Он закончил Адыгейский госуниверситет.

- Да, помню. Его зовут Заур Зауков.

- Как бы мне с ним встретиться, - попросила Дашка.

- Я завтра буду на кафедре, могу вас познакомить, если ты изволишь подняться пораньше.

Дарья Чечеткина - ярко выраженная сова, которая сидит за компьютером до утра, а потом спит до вечера. Все об этом знали.

- Ради дела я могу подняться в шесть!

- Или не ложиться вовсе!

- Знаешь, за что я тебя люблю?

- За доброту?

- Нет, за то, что ты не задаешь лишних вопросов! Другая бы на твоём месте замучила: «А зачем он тебе? А почему такой интерес к его персоне?» А ты всегда отвечаешь коротко и ясно!

- Спасибо, за комплимент. Значит, завтра, в одиннадцать я тебя жду у главного входа. И не опаздывай!

- Слушаюсь! Постараюсь лечь пораньше и проснуться в девять!

Дашка выполнила обещание и через полчаса растянулась на диване. Она думала, что не уснет в непривычное для нее время, но ошибалась: промаявшись совсем чуть-чуть, она заснула...

Возле сакли, крытой соломой, стоял высокий широкоплечий парень с блестящими темными глазами-пуговками. Он пронзал ими стоящую напротив Чечеткину. Дашка тоже с интересом разглядывала его самого и его странный наряд: полотняный бешмет, доходящий до колен, плотно прилегающий к груди и талии, черкеску из серого сукна с длинной широкой юбкой, поверх которой была наброшена бурка. На его голове ладно сидела папаха, обшитая галуном, на ногах красовались чевяки. Где-то я его видела, - подумала Дарья. - И откуда я знаю, что бешмет - это мужская одежда у горных народов, а черкеской называют наш русский кафтан?

- Ты кто? - с вызовом спросила она.

- Я - адыг! - с достоинством ответил парень.

- Ой, вспомнила: я тебя видела на картинке в учебнике «Народы Северного Кавказа!» - восхитилась девушка, не так его видом, как своей хорошей памятью. Потом окинула себя взглядом, проверяя свою одежду, и... открыла рот от удивления: на ней вместо привычных джинсов и свитера были надеты шаровары, длинная кисейная рубаха с широкими рукавами и корсет, сильно сжимающий грудь.

- Я беру тебя четвертой женой! - безопеляционным тоном произнес адыг.

- А меня ты спросил? - Чечеткина уперла кулачки в тонкую талию.

- Молчи, женщина, когда говорит мужчина! - резко осадил он её.

Дашка хотела достойно ответить нахалу, но заметила движение по огороду, который тянулся за саклей. Она присмотрелась и поняла, что это еще один мужчина, одетый в такую же одежду, что и первый. Лица она пока не разглядела...

Потенциальный муж проследил за ее взглядом.

- А вот и твой брат! - отчеканил он каждое слово, словно внушал девушке эту мысль.
- Брат? – удивилась она. – Но у меня нет брата, я одна у родителей, - еле слышно сказала она.

Собеседник не обратил внимания на ее лепет и сделал несколько шагов навстречу гостю.

- Здравствуй, друг!

- Здравствуй, Заур! Как моя сестра?

«Сестра» обалдело смотрела на «брата», двойника ее знакомого Александра Лунева.

- Саша, это ты? Но...

- Какой Саша? О ком она говорит? – поинтересовался гость, он же брат, у хозяина, намекая, что женщина, безвольное существо, не имеет права открывать рот.

Оба с осуждением уставились на нее.

- Твоя сестра очень странная... Она не желает стать моей четвертой женой! – наябедничал хозяин сакли.

- Кто ее спрашивает, - усмехнулся двойник Лунева, успокаивая будущего зятя. Затем повернулся к «сестре», одарил ее озлобленным взглядом и процедил сквозь зубы, - если ты отказываешь этому достойному человеку, то мы принесем тебя в жертву языческим богам.

- Но... вы же христиане, - испуганно проблеяла девушка.

- Одно другому не мешает, - сообщил он с плотоядной улыбкой на устах и помахал перед ее лицом шашкой, «выросшей» из его руки. Запоздало она заметила, что названный братец увешан оружием: на спине – ружье, на поясе кинжал, в руке – шашка. На черкеске по обеим сторонам располагались кожаные гнезда для патронов.

- Это... шутка? – с надеждой в голосе спросила Даша. – Или сон?

- Это... явь! – Мужчина стали плечом к плечу и воззрились на девушку, ожидая ее повиновения.

Дело труба, - подумала Четкина, а вслух заявила, - если у вас возникла потребность умилостивить бога, то можно совершить мирное жертвоприношение. Я могу для этого испечь хлеб, собрать фрукты... А вино у вас есть?

Мужчины проглотили ее предложение, не удостоив ответом, схватились за кинжалы, и пошли на Четкину. Дарья мужественно отступала: они шаг, она два...

- Подождите! – призвала Дашка, выставив вперед две руки. – У меня родилась новая идея – нужно отдать на заклятие любое животное! – Она огляделась вокруг, желая сей момент отыскать такое животное. В округе никто не бегал, не мычал, ни блеял; под ногами никто не лаял и не мяукал. Девушка с тоской воззрилась на наступавших на нее адыгов. – Почему вы решили, что моя кровь очистит ваши души? У меня вторая группа, скажем прямо, так себе кровушка, тем более отрицательный резус-фактор. Лучше всего первая группа! Таких людей гораздо больше, чем с другими группами крови, поэтому вы легко отыщете такого человека. И еще, - она понизила голос до шепота, пытаясь придать ему доверительные нотки, - люди с этой кровью слишком много едят мяса и хорошо его переваривают. Вы понимаете, о чем я говорю? Не понимаете? Они истребляют вашу живность, с которой у вас и так туговато, а потом... отравляют окружающее пространство...

Мужчины замерли, повернулись друг к другу, желая посоветоваться и принять окончательное решение. Дашка этого и ждала. Она резко развернулась и бросилась бежать. Сначала девушка слышала топот за спиной, потом наступила тишина, но она все равно бежала и бежала, боясь оглянуться. Потом у нее сильно заболело в боку, и Четкина перешла на шаг. Легкие разрывались от нехватки воздуха. Она попыталась восстановить дыхание: остановилась и глубоко вздохнула, но вдруг закашлялась и... проснулась....

Дарья скинула с лица подушку, села и постучала себя по груди.

Когда снится всякая чушь, надо посмотреть в окно! – вспомнила она, посеменила на негнущихся ногах к окну, заметила хмурое небо и с грустью заметила, что будет дождь. Через приоткрытое окно в комнату проникал свежий ветерок, он обнял девушку, от этих ласк она покрылась мурашками. Снова юркнула в постель, и, свернувшись калачиком, решила еще поспать. Сладко зевнула и... посмотрела на часы.

- Боже мой, уже половина десятого! Сашка меня убьет!

Когда я подошла к зданию университета, то очень удивилась, заметив в толпе студентов мою необязательную подругу. Она рассматривала свои туфли и не замечала никого вокруг.

- Привет! – оторвала я ее от созерцания обуви, которая, на мой взгляд, выглядела вполне прилично.

- Привет! Как мама? – зомбированным голосом произнесла она.

- Пока в больнице, - вздохнула я.

- Этого уroda нашли?

- Нет, и я сомневаюсь, что будут искать. Никто не заметил номера его мотоцикла, как и его самого. Человек в темной куртке и в шлеме на голове.

- Космонавт гребаный! – выдала интеллигентная Дашка.

- Ты плохо себя чувствуешь? Или просто не выспалась? – любопытствовала я, не понимая странного состояния всегда приветливой подруги.

- Лучше бы вообще не ложилась! – Я стала ждать продолжения, которое последовало после долгой паузы. – Мне сон приснился... жуткий. Меня хотели принести в жертву!

- За что?

- Я отказалась быть четвертой женой адыга по имени Заур! – Она сложила руки колечком на груди и с независимым видом уставилась на стоящего поодаль незнакомого молодого человека, желая на нем выместить злость на кровожадных адыгов из своего жуткого сна. Я проследила за ее взглядом. Парень заметил наше внимание к нему, робко улыбнулся, ожидая приветливого жеста от нас. Но девушки-кремни продолжали сверлить его свирепо-придирчивым взглядом. Тогда он проверил свою одежду, без успеха пытаясь найти в ней изъяны. Потом оглянулся по сторонам, желая найти поддержку в лице друзей-студентов, которые гуськом потянулись к дверям универа. И не нашел ничего лучшего, как последовать их примеру. Когда объект нашего созерцания пропал, мы вернулись к разговору.

- Это всего лишь сон! – успокоила я Четекину. – Вчера поздно вечером мы вспоминали Заура и Адыгейский госуниверситет, вот тебе и запало в голову сочетание: Заур - адыги... Ты у нас девушка впечатлительная, интересующаяся народами Северного Кавказа. Не иначе недавно что-то прочла касаясь этой темы, вот и вылилось все в сон – про сон.

- Ничего я не читала! – отмахнулась Дарья. – Я все понимаю: наши сны – отражение всего произошедшего за день, но почему-то на душе... неспокойно.

- Ты встала в непривычное для себя время, словно оказалась не в том месте, где должна была оказаться.

- На любимом диване! – усмехнулась подруга.

- Вот ты и улыбнулась! Пошли, познакомлю тебя с Зауром! Не волнуйся, у него нет пока жены: ни первой, ни второй, ни третьей. Так что твоя очередь подойдет нескоро! – Я взяла ее под руку и повела внутрь здания.

Заур Зацуков с умным видом сидел перед монитором компьютера и водил по столу «мышью». Когда открылась дверь, он с неохотой оторвался от занятия. Недовольство на лице сменилось радостной улыбкой. Я знала, что этот парень ко мне равнодушен, но все его попытки приударить за мной, я сразу пресекала. Но Заур не терял надежды, и каждый наш предполагаемый пятиминутный разговор растягивался до получаса. Он незаметным движением ловил мою руку, которой я по привычке помахивала, сопровождая свою речь.

Вырваться от него было не так просто. Я не хотела его обижать, так как он вел себя корректно и кроме легкого поглаживания руки ничего себе не позволял. Но его постоянные предложения сходить в кино, меня напрягали. Во-первых, я не любила зануд и прилипал, во-вторых, мне не нравились... некрасивые мальчики, а в-третьих, мне было неловко ходить по улице с коротышками, которые мне едва доставали до уха. Это все о Зауре. Единственное его достоинство – красивые черные глаза. Они были будто бы постоянно влажными. Иногда про губы говорят, что они чувственные, мне это хотелось сказать про глаза Зацукова. Я старалась не смотреть в них слишком долго, боясь впасть в гипнотический транс и превратиться в его раба, исполняющего любое желание повелителя. Я скользила своим взглядом по его лицу, не более того.

Он вцепился своими чувственными глазами в мое лицо, выжидая момент, когда я сдамся. Заур даже не заметил, что я не одна.

- Доброе утро! – чересчур весело сказала я, глядя на противоположную стену. – Дарья, познакомься, это мой друг Заур Зацуков. – Он с трудом оторвался от меня, удивленно посмотрел на Чечеткину, словно она выросла из-под земли сию минуту.

- Заур! – с кислой миной произнес он.

- Даша, - прошелестела моя подруга, с интересом рассматривая «мужа» из своего сна.

Интересно, они похожи? – подумала я. – Судя по Дашкиной довольной физиономии - ничего общего.

- Ладно, я пойду. Заур, у Дарьи к тебе дело...

- Ты еще зайдешь? – с надеждой в голосе поинтересовался он.

- Не знаю, смотря, сколько времени пробуду у Белоусова.

- Я буду ждать! – напряженно пробасил Зацуков...

Как только дверь за Сашкой закрылась, с лица парня исчезло умиление и кисейная влюбленность, он с неприязнью уставился на Чечеткину.

- Чем я могу быть вам полезен?

- Александра говорила, что вы окончили Адыгейский государственный университет? – сразу перешла к делу Чечеткина.

- Вы говорили обо мне? – удивился он.

- Да, она очень хорошо отзывалась о вас.

Что я несу? – подумал Дарья, сразу догадавшись о безответной любви парня к своей подруге. – Сейчас он уткнется мне в плечо и начнет жаловаться на жизнь. Он ее любит, она его не любит, что же делать, чем я могу помочь? Ничем! Судя по напряжению Сашки, ни за какие коврижки ее не разжалобить. Иметь в ухажерах такого коротышку она не имеет ни малейшего желания. Зря я сказала о положительных отзывах, зачем давать надежду человеку? Стоп, а что я должна была ответить? Слушай, Заур, девушка Саша тебя органически не переносит, давно бы послала тебя подальше, да воспитание не позволяет! И общается она с тобой только по служебной необходимости, так как ты курируешь всех аспирантов кафедры «Экономика». Грубая правда! – Дашка представила себя в красной косынке на трибуне очередного съезда комсомола, грозно клеймящую комсомольца Зацукова, посмеявшегося влюбиться в тяжелое для страны время: «Когда все люди, засучив рукава, пашут на стройках капитализма, аспирант Заур Зацуков, строчит любовные вирши и пребывает в лирическом состоянии! Именно, поэтому он не может больше находиться в наших рядах!» И тут же взвыла толпа: Исключи-и-ить!

- А что она конкретно говорила? – вернул ее с «трибуны» Заур.

- Она... она... назвала вас другом! – выкрутилась Чечеткина. – А в Сашкиных устах это высшая похвала!

Лицо парня залилось краской, глаза затуманились. Видно, перенесся вслед за Козловской, - решила Дарья. – Сейчас мысленно пристроится между ней и Белоусовым и будет пожирать любовным взглядом, мешая вести беседу. Надо вернуть его назад!

Девушка потрепала Зацукова за рукав пиджака.

- Заур, я хочу задать вам один вопрос! – слишком громко заявила она. Приблизное выражение лица парня свидетельствовало, что он пока не вернулся. – Заур! – В ухо рывкнула Чечеткина. Он вздрогнул и непонимающе уставился на девушку. – Даша! – Назвалась она, прикладывая руку к груди. Ей хотелось этой же рукой указать на молодого человека и коротко заявить: Заур. Как в любимом мультфильме про волка и зайца. Только там робот – заяц произносил: Волк – заяц, волк – заяц! Поочередно указывая на волка и себя.

- Знакомились, - недоуменно произнес Зацуков. – Вы садитесь, Да - ша. – Ее имя он разбил на два слога, словно пытался таким образом запомнить его.

Чечеткина присела на предложенный стул.

- Заур, я понимаю, что в вашем вузе учится много студентов, но... аспирантов гораздо меньше. – Она увидела странный взгляд своего визави. – Я, наверное, непонятно изъясняюсь, - замялась она.

- Что вы хотите узнать? Говорите прямо, не стесняйтесь. Если я смогу, то обязательно помогу подруге Саши.

- Меня интересует один человек! - затараторила Дарья - подруга Саши, испугавшись, что Заур мысленно улетит в кабинет Белоусова. Одно успокаивает, что она не одна такая – летательная, есть еще люди.

- Что за человек?

- Он... юрист, несколько лет назад окончил ваш университет, поступил в аспирантуру, работал над кандидатской, а сейчас приехал в наш город «защищаться».

- Вы с ним знакомы? Знаете, как его зовет?

- Конечно! Извините, я все сумбурно излагаю... Его зовут Александр Лунев.

- Александр Лунев, - он несколько раз произнес озвученное Дарьей сочетание имени и фамилии. – Не припомню... Но вы не расстраивайтесь, он же учился на юридическом факультете, а я на экономическом.

- Но он приехал защищаться к нам!

- Вы хотите, чтобы я навел справки про этого Лунева? – Дашка неопределенно передернула плечиками, предлагая ему сделать самостоятельный вывод, будто это ее мало волнует. – Не волнуйтесь, мне это нетрудно. И я сделаю все шито-крыто. Ваш Александр никогда не догадается, что им кто-то интересуется.

- Спасибо, - промямлила Чечеткина.

- Есть еще один вариант, - высказался Заур. Дашка заинтересованно уставилась на него. – Вы мне скажете, где в очередной раз встречаетесь с этим молодым человеком, я понаблюдаю со стороны и позже вам доложу, сталкивался я с ним в своем университете или нет. Необязательно знать друг друга по именам.

- Это отличное предложение! Давайте я вам позвоню и сообщу, где мы сегодня встретимся с Луневым. А справок наводить пока не нужно.

- Договорились! – улыбнулся Зацуков...

Хороший парень, - подумала о нем Дарья, покидая родной университет. - Что же мне делать: звонить первой Александру или подождать его звонка? Если я сама позвоню, он заподозрит неладное. Вчера я была холодной жабой, в которую он пальнул стрелой любви, а это земноводное изломало ее на мелкие кусочки и с презрением выбросило, отвергая таким способом его любовь. А сегодня жаба Даша проснулась, пожалела о совершенном накануне поступке и воспылала желанием увидеться. На дворе осень, жабам пора впадать в спячку, а не пробуждаться! – Злилась непонятно на кого Чечеткина. Или на себя, или на время года, или на странного кавалера, заставившего ее ступить на тропу расследования.

– Еще этот сон! – пробормотала она себе под нос и поддала ногой большой желтый кленовый лист. Тот возмущенно взлетел и снова опустился на землю. – Идиот, - обратилась она к листу, - сейчас придет дворник, сметет тебя в общую кучу и сожжет!

Или отправит в мусорный контейнер... - Девушка сжалась над ним, подобрала непослушный лист, и пошла по улице.

Она была так погружена в свои мысли, что не почувствовала пристальное к себе внимание...

Я тихонечко спускалась по лестнице, стараясь идти на цыпочках, будто боялась, что воздыхатель Заур услышит стук моих каблучков и устремится в погоню. Его кабинет располагался на первом этаже, поэтому именно здесь я уже не шла, а парила над землей. Я радовалась, что он не сможет засечь мой парящий выход, так как окно его кабинета выходило на противоположную сторону. Выскользнула из здания и быстрым шагом пошла по улице. Я хотела навестить маму, побыть рядом с ней, поговорить, успокоить. Она хотела поскорее вернуться домой, но врач настаивал еще на неделе пребывания в мрачном здании Центральной Городской Больницы, а коротко ЦГБ, как ее называли все жители нашего города. Хорошо, что ей вчера разрешили ходить. Мы можем выйти в парк и посидеть на скамейке, погода нам милостиво разрешает сделать это. С утра черные тучи воевали с солнышком, дождь слегка оросил землю, но во второй половине дня, когда я рассталась с профессором, осеннее солнце вырвалось из плена и низко нависло над городом, грея горожан теплыми лучами.

Центральная Городская больница была создана в далеком двадцать втором году прошлого века и называлась Донской окружной больницей. Началось все с нескольких строений, к которым пристраивались новые и новые здания, реставрировать которые никто не собирался. В настоящий момент «слепка» разноэтажных старичков пряталась за кирпичным забором. Я постаралась переключить свое внимание с унылых зданий на пестрые клумбы с поздними цветами, чтобы слегка растопить вязкую грусть. На клумбах в основном преобладали мохнатые непричесанные астры, которые так любила моя мама.

- Сашенька! – неожиданно услышала я знакомый голос. На лавочке возле клумбы сидела мамуля с подвязанной рукой и улыбалась мне. Улыбка была такая вымученная, явно предназначенная любимой дочери с целью успокоения оной.

- Почему ты не дождалась меня в палате? Давно ты здесь сидишь? Наверное, замерзла? – засыпала я ее вопросами и дотронулась до ледяной руки. – Конечно, уже замерзла!

- Перестань, у меня всегда руки холодные, как у всех гипотоников. Я вышла полчаса назад, такая хорошая осень, пахучая... - с легким восторгом протянула она и глубоко вздохнула. Я последовала ее примеру.

- Свежо! – вынесла я заключение, ощутив холод в груди. – Может, пройдемся?

- Только чуть-чуть, а то голова кружится. – Мама оперлась на мою руку и с трудом поднялась. – Совсем ослабла за несколько дней, пока соблюдала постельный режим. Может, пора сбежать отсюда? – поинтересовалась она, сверкнув своими злато-кариими глазами.

- Низззя – я! – осадил я её. – Как только доктор даст добро, так сразу домой!

- Ты же знаешь, как я люблю эту братию! Мне от одного вида лечащего врача становится не по себе, сердце возмущенно выпрыгивает из груди!

- Я понимаю: он симпатичный мужчина и достоин внимания такой женщины, как ты! Отсюда и учащенное сердцебиение! – усмехнулась я.

- Сашка, перестань!

- Ты не ответила, как самочувствие? – участливо спросила я.

- Честно? Голова разламывается на две части. Но не уговаривай меня вернуться в палату, в пропахшем медикаментами помещении я чуманею, а на свежем воздухе мне гораздо лучше.

Настаивать я не собиралась, зная характер моей родительницы: спорить с ней было бесполезно. Эту особенность она унаследовала от своей матери, моей дорогой бабули. Мы сделали круг и снова опустились на скамейку.

- Вы с папой не голодаете? – задала запоздалый вопрос Жанна, покончив с обсуждением ярких клумб на территории больницы. «Заговаривала» мне зубы, без сомнения.
- Он вспомнил студенческую жизнь, когда жил в общежитии, и теперь кормит меня блюдами той веселой поры, - отрапортовала я. – Меня к плите не подпускает, говорит, что не хочет умереть от моей кулинарии.
- Представляю себе, что вы едите!
- Не волнуйся, все нормально, - успокоила я ее.
- Как твоя диссертация?
- Отлично! Все готово, осталась самая малость – защититься! И сие событие назначено на начало октября.
- Осталась пара недель, а я не гождусь тебе в помощники, - посокрушалась мать, со злостью взирая на свою загипсованную руку. - Я не собираюсь долго ходить с этой штукой! - Твердо заявила она, - а то потом будешь сто лет разрабатывать атрофированную руку.
- Как хочешь, так и поступай. Тебе виднее. - Сегодня я была на редкость покладистой.
- Санька, я хочу перекрутить назад пленку и избежать этой нелепой случайности. Хочу спать на своей собственной кровати, хочу владеть обеими руками, - с грустью высказала она свои мечты, одна из которых была несбыточной, а две другие обещали исполниться в недалеком будущем. Я на это очень надеюсь. - Для нашей семьи наступила черная полоса: то мама ушла, то я попала в больницу.
- Но после черной всегда идет белая полоса. Жизнь – зебра!
- Ты стараешься меня успокоить и говоришь банальности, - с неудовольствием на лице произнесла ведьма в третьем поколении.
- У тебя другое мнение? – поинтересовалась я, немного обидевшись на мать за резкость.
- Я думаю, что все наши проблемы начались с той записки, которую ты нашла в шкафу.
- Это полная ерунда! Если бы я ее не нашла, то бабушка была с нами, ты не попала под колеса мотоцикла... Так?
- Может быть... - рассеянно пробормотала она. – Ты пока не знаешь, что у соседей, живущих за стенкой, произошло возгорание, и пребываешь в прекрасном расположении духа. До тех пор, пока огонь не добрался до твоего личного пространства. Тогда и начинается весь ужас
- Странно излагаешь, - задумчиво произнесла я, представив колыхающий пожар за стеной, а мы в это время беззаботно пьем чай и смотрим телевизор.
- Записка отца – своеобразная искра, из которой разгорится пламя. Оно уже разгорается!
- Ты снова изъясняешься коммунистическими лозунгами.
- Поучила бы столько лет, сколько учила я, историю КПСС, научный коммунизм и тому подобное, и не так бы... изъяснялась?
- Ты обиделась?
- Нисколько, - с хмурым видом ответила мама. Ясно, обиделась. Я решила, что лучше промолчать. – Говорят, что человек состарился, когда начинает сравнивать современную молодежь с собой и своими сверстниками той поры, когда они были молодыми. Я не сравниваю, я вспоминаю свою молодость. Иногда нас возмущал переизбыток коммунистических лозунгов, которыми были обвешены все заборы. Нет, возмущал – не то слово, мы подсмеивались над ними, но не злобно. Мы жили в эпоху, когда у нас все было прекрасно, а запад загнивал. А раз у нас все прекрасно, то зачем унывать? Мы жили с азартом и желанием. Не ныли, не считали деньги у соседа...
- Так уж и не считали?
- Разные были люди. Я говорю о своем окружении.
- Неужели уравниловка никого не возмущала?

- С «цеховиками» я дружбу не водила, а среди моих знакомых доходы были приблизительно равны.
- Приблизительно! – повторила я. – Разница в пятьдесят рублей была ого-го какой! А говоришь ты об отсутствии зависти потому, что в ту пору ваша семья жила безбедно. Мой дед, твой отец, получал хорошую зарплату, бабушка тоже были «при должности». Если ты никому не завидовала, это не значит, что никто не завидовал тебе.
- Завидовали, наверное, - согласилась мать. - Но это были люди, которые не знали, каково это быть военным человеком. У моего отца была тяжелая служба. Ни отпусков, ни выходных. И спал на бегу. Отсюда и букет болезней, как следствие – короткая жизнь. А брат, вообще, ушел из жизни в сорок пять лет. Служба в Афгане просто так не прошла... Была семья из четырех человек, осталась одна я...
- У тебя есть я и папа! – Пришел мой черед обижаться.
- Я имею в виду Алышевых...
- Но я тоже наполовину Алышева!
Мама внимательно посмотрела на меня, словно я сказала что-то неприличное, ее глаза стали желто-зелеными.
- Боже мой! – воскликнула она, - ты ведь тоже...
- Что ты хотела сказать? Продолжай! – Я с недоумением уставилась на мать, которая забыла о своих прежних печалях и с осуждением поглядывала на меня.
- Сашута, пожалуйста, меньше шатайся по улицам! А когда переходишь через дорогу, то...
- Смотри, нет ли рядом сумасшедших мотоциклистов! – продолжила я начатую фразу, пребывая в задумчивости.
- Твоя ирония здесь неуместна, - автоматически проговорила мама, как это обычно делала, когда я шутила «не по делу».
- Извини! – покаялась и чмокнула ее в щеку. Я постаралась избавиться от непонятного ощущения опасности, и у меня это вышло не очень хорошо. Мотоциклист-мститель, который перестал быть обычным нарушителем дорожного движения после подозрительно-завуалированных заявлений матери, не выходил из головы. Поэтому я обратилась к ней с вопросом. – Все-таки, я не понимаю, как ты его не заметила?
- После смерти мамы я постоянно пребываю в прострации...
- А женщины, которые пострадали вместе с тобой, неужели тоже были... в прострации?
- Я с одной из них поговорила, она лежит в соседней палате...
- И что она тебе сказала?
- Сказала, что он ловко лавировал среди автомобилей, стоящих у светофора, пока не выбрался на первую линию. И вместо того, чтобы стоять и ждать «зеленый» свет, он прибавил газу, и въехал в толпу ничего не подозревающих пешеходов. Эта женщина тоже не успела отреагировать, несмотря на то, что заметила его виртуозное передвижение к светофору. Слишком все быстро произошло.
- Наверное, она не ожидала, что он рванет вперед.
- Скорее всего.
- Может быть, он хотел вырвать сумку у кого-то из вас? – предположила я.
- Не знаю, кажется, у пострадавших женщин ничего не пропало.
- Хорошо, что все остались живы, - вздохнула я и, не подумав, лягнула, - у меня возникло ощущение, что он нацеливался на кого-то конкретного, а остальные пострадали случайно, за компанию.
- У меня тоже появилась такая мысль, но следователь опроверг мое предположение о заранее запланированном наезде на кого-либо из нас. Заявил, что это... безбашенный байкер. Таких лихачей на наших дорогах полно.
- Хм, безбашенный байкер. Он ничего лучше не придумал?! И что за жаргон у сотрудника правоохранительных органов?!- возмутилась я. – Я не спорю – таких отморожков немало,

но как можно с такой уверенностью заявлять, если преступник еще не задержан... Они, вообще, собираются искать этого безбашенного байкера?

- Ведется следствие, - повторила мама явно чужие слова.

Я уловила боковым зрением остановившуюся неподалеку фигуру и уже хотела резко повернуться, но мама взяла меня за руку и прошептала.

- Не надо набрасываться на Илью, это я ему позвонила и сказала, что со мной случилось и где нахожусь.

- А зачем тебе это нужно? Скучно в больнице и ты нашла развлечение – беседуешь по мобильному телефону с моими бывшими поклонниками? – также шепотом возмутилась я, чувствуя приближение заботливого экскавалера.

- Почему бывшими? Илюша такой хороший парень.

- Жанна Александровна, здравствуйте! – воскликнул «хороший парень» излишне громко, едва не повредил мой чуткий слух. Я с неудовольствием отметила, что меня он проигнорировал.

- Здравствуй, Илюша, - ласково проворковала мама и незаметно пихнула меня в бок.

Хорошо, что я не стояла со стороны загипсованной руки, а то удар получился бы более ощутимым. Я догадалась: она призывала меня первой проявить инициативу к налаживанию дружеских отношений. Я не только не желала расстраивать ее, но и не собиралась задирать нос, выказывая свое надменное безразличие.

- Привет! - звонко произнесла я, не забыв миролюбиво улыбнуться.

- Здравствуй, Саша! – снизошел Кожевников, вид у него при этом был деловито-озабоченный, будто он заскочил в больницу в перерыве между важными заседаниями и теперь боится, что мое присутствие помешает сократить срок его пребывания здесь. Сразу переключился на того, к кому он сюда пришел. – Жанна, Александровна, как вы себя чувствуете?

- Более–менее, - уклончиво высказалась она, продемонстрировав загипсованную руку, - домой очень хочется.

Я воззрилась на приятеля, ожидая услышать банальность типа, дома и стены помогают! И уже представила перекошенное лицо моей мамульки, которая «обожает» избито-пережеванные фразы. Но Илья моих надежд не оправдал. Он сочувственно покивал головой, выражая поддержку всему вышесказанному, и протянул пакет с фруктами, избавив нас еще от одного банального заявления: «Витаминчики вам будут кстати».

Скорее всего, мой взгляд Илью пугал, поэтому он мечтал скорее смыться, но никак не мог найти причину. Пока он ее искал, мама присела на скамейку, потянул меня за собой. Кожевников подобрался к нам ближе, не решаясь пристроиться рядом. В этом случае уйти будет еще сложнее. Но ведьма в третьем поколении разгадала ход его блуждающих мыслей и отрубила все пути к отступлению. Похлопала по скамейке и голосом умирающего человека, желающего исполнения своей последней воли, попросила:

- Садись с ними, Илюша, расскажи, как живешь, как работа?

- Все нормально, - процедил сквозь зубы «красноречивый» парень, который пришел проведать больную. Он решил, что мы должны его развлекать, у него, видите ли, жизнь - сплошная драма, сценарист этой написанной драмы сидит неподалеку, пусть предпринимает попытку к изменениям к лучшему. Запоздало сообразил, что мать к нашей размолвке не имеет отношения, надо с ней быть обходительнее, собрался вновь завести сострадательный разговор на «больничную» тему, но почему-то переключился на меня. – Как твоя диссертация, Саша?

- Скоро защита, - вмешалась мама, опережая мой язвительный выпад. Внимательно посмотрела на меня, перевела придирчивый взгляд на Кожевникова, словно мы что-то от нее утаиваем, а она нас за это осуждает. – Ребята, мне пора возвращаться в палату. Устала, продрогла. Сейчас выпью горяченького чайку...

- Давай я провожу тебя до палаты! – подхватила я.

- Нет-нет, не нужно меня провожать, сама могу дойти! – Она повернулась к Кожевникову.
– Илюша, пожалуйста, проводи мою дочь до дома, а то я волнуюсь за нее.

- Мам, на улице еще светло, и я не маленькая! – Я просверлила ее глазами, моя Жанна сделала непонимающее лицо и отвернулась, на ходу попрощалась с нами, позабыв по обыкновению чмокнуть меня в щеку, и излишне ускоренным темпом двинулась в сторону своего корпуса, позабыв про усталость.

Мама давно скрылась из вида, а мы продолжали стоять рядом и смотреть в разные стороны, чтобы не встретиться взглядами.

Я не видела приятеля больше месяца, после нашего последнего телефонного общения он не звонил и не искал со мной встреч. Сначала я относилась к этому безразлично. Потом стала задаваться кучей вопросов. Потом разозлилась, сообразив, что он ко мне равнодушен. И постаралась не думать о нем. Но обида время от времени давала о себе знать, и тогда на меня накатывала волна психоза.

Сейчас я с удовлетворением заметила, что он осунулся и выглядит не так лощено, как обычно, словно ухаживание за собой любимым ушло на второй план, уступив пальму первенства душевным терзаниям. Меня это порадовало и развенчало мои сомнения по поводу его безразличного отношения ко мне.

Мы не заметили, как одновременно повернулись друг к другу. Илья тоже решил оценить произошедшие со мной перемены за истекший месяц. Или я выглядела отлично, и это его озадачило, или я выглядела отвратительно, с его точки зрения, и это его обеспокоило, но он решился признаться.

- Я соскучился.

Он придвинулся ко мне, привычно приложился лбом к моему лбу. Мы называли это любовным боданием. Его глаза были близко-близко. Мне захотелось, чтобы он меня поцеловал прямо сейчас. Не успела я подумать, как он осторожно дотронулся губами до моих губ, не оторвался и не перешел к страстным поцелуям. Проверил мою реакцию. Я не дернулась, не возмутилась, а продолжала ждать развития событий. Тогда он впился в мои губы, как путник, долго блуждающий по засушливой пустыне и, наконец, нашедший источник утоления жажды. Мы целовались так долго, что у меня закружилась голова и занемела шея. Я с неохотой оторвалась от него.

- Жанна просила проводить меня до дома, - охрипшим голосом напомнила я.

Он ничего не ответил, только нежно прижал меня к себе. Мне было очень хорошо, так хорошо и спокойно, как давно не было. Забытые чувства из прошлой жизни, когда рядом со мной была моя бабушка, начали медленно возвращаться. Илюша закрыл меня от всех проблем, защитил от предчувствия чего-то нехорошего. Ледышка, сидящая внутри меня, начала таять от тепла, исходящего от этого человека.

- Саша, я люблю тебя! – признался Илья. Это был не его голос, этот голос шел изнутри, словно говорил не он, а его сердце, удары которого я отчетливо слышала, прильнув к груди. Я даже подумала, что мне это послышалось. Но Илья повторил, - я тебя люблю! Я не жил в последнее время, весь месяц превратился в один день сурка: встал после бессонной ночи, пошел на работу, там забылся ненадолго, а потом вечер и ночь размышлений: что я сделал не так, что я сказал лишнего? Может, я был чересчур навязчив, а ты этого не выносишь...

- Это ты меня прости, - прошептала я, уткнувшись ему в грудь. – Для меня тогда был непростой период. Впрочем, он не закончился. – Я почувствовала, как вздрогнул Илья, ожидая очередного неприятного заявления. – Но я поняла: мне нужна твоя поддержка! – Он выдохнул. – Давай, наконец, покинем пределы этого богоугодного заведения, - попросила я. Он усмехнулся, обхватил рукой меня за талию и повел прочь.

- Если мы пойдем пешком, ты не очень устанешь?

Мы любили с ним пешие прогулки, поэтому я не стала возражать...

Глава третья

Мы не заметили, как дошли с Ильей до моего дома. Всю дорогу он внимательно слушал мой рассказ о найденной записке, о неудачном расследовании смерти бабушки, о наезде на маму, о котором ничего не знал. Жанна Александровна объяснила травму руки своей оплошностью, не вдаваясь в подробности.

- Мне кажется, что все это звенья одной цепи. И, кажется, мама тоже так считает, - закончила я неутешительными словами. Когда мнение двух людей совпадают, то к ним стоит прислушаться. Я запоздало пожалела, что открылась ему: теперь за мной будет установлен гласный и негласный контроль.

- Дела-а-а, - протянул не на шутку озабоченный моим рассказом Илья. – Поначалу мне показалось, что Жанна Александровна решила нас помирить, когда настояла, чтобы я тебя проводил, а сейчас я понимаю – она переживает за тебя, беспокоится, что на твоём пути возникнет безбашенный байкер.

- Не могу же я закрыться в четырех стенах на двенадцать замков, вздрагивать при каждом стуке и, вообще, не появляться на улице! Это уже паранойя! Бесит то, что мы о чем-то догадываемся, но не поймем пока, о чем! Возникает вопрос, вернее два: Кого надо бояться и почему надо бояться? Или три. А не сочинили ли мы все эти страсти-мордасти?

- Сомневаюсь, что сочинили. И тебе нужно быть осторожной.

- Сейчас! – с вызовом заметила я, придумывая на ходу массу оправданий своей неумной фантазии.

- Я догадываюсь, что тебе не хочется сидеть в четырех стенах, а хочется устроить праздник непослушания и с огромным плакатом прошествовать по улицам города, где будет написано: «Я никого не боюсь!»

- Это называется ловля на живца! – усмехнулась я. – Сразу появится некий господин, который выкажет желание наказать меня за вызов.

- Если таких господ несколько, то за двигающейся в авангарде Александрой Козловской последуют ряды злопыхателей, - задумчиво пробасил Кожевников, не поддерживая моего наигранного веселья. Что подтвердило его следующее высказывание. - Меня нарисованная картинка скорее пугает, чем вызывает смех.

- Тебя пугает количество? Думаешь, на нашу семью охотится целый мафиозный клан, чтобы устроить вендетту? – Сегодня рядом с ним я забыла обо всех проблемах, хотелось шутить, балагурить, а завтра будет завтра.

- У меня появилась одна мысль, - помедлив, заявил мой приятель, не реагируя на мою глупую реплику. Могу предположить, что именно глупость, фонтаном изливающаяся из меня наружу, заставила его принять на веру мои ранее озвученные опасения. Илья посчитал, что я пытаюсь себя и его успокоить.

- Что за мысль? – спросила я на всякий случай, придав голову заинтересованность.

- У меня есть друг, - трагическим голосом начал Кожевников, - а у этого друга...

- Тоже есть друг, у которого, в свою очередь, есть подруга... - не дослушав откровения до конца, выдала я.

- Не перебивай, - ласково попросил Илья и без должной страсти прижал меня к себе. Так прижимают девушку после заявления о расставании. Сказал и успокоил холодным объятием. – Я говорю о своем приятеле, с которым мы вместе учились в институте. У него есть школьный друг - гений математики. Представляешь, парню под тридцатник, а он уже готовится к защите докторской диссертации.

- Математик? Я думала, он мент или частный детектив! – разочаровалась я, высвободившись из холодных объятий. Илья не обратил внимания на мои выкрутасы, спокойно прихватил меня под руку, намекая, что теперь мы всегда будем соединены с помощью степлера.

- Это парень стоит десятков ментов и частных детективов. У него необычный склад ума! Он решает такие логические задачи! - с воодушевлением заметил Кожевников, убыстряя темп, словно мы уже торопились на встречу с этим гением математики.

Я затормозила, не желая подстраиваться под Илью.

- Он, вообще-то, нормальный? – Я покрутила указательным пальцем у виска.

- Совершенно приземленный, в облаках математических грез не летает! Или летает, скорее всего, летает, но не в присутствии посторонних. Я предлагаю, встретиться с этим парнем и поговорить. Будем надеяться, что он нам поможет. Мой сокурсник утверждал, что у него не голова, а компьютер: закладываешь туда данные и ждешь результата... Думаю, это дело его заинтересует. Очень хотелось бы, чтобы заинтересовало.

- Ты какой-то противоречивый, что свидетельствует о твоих колебаниях. И я тоже пребываю в сомнениях, что нам способен помочь математик. Пусть и сверх умный. Думаю, не стоит его отвлекать от важных дел, - неуверенно пробормотала я.

Мне вспомнился Алексей Гладышев – человек, который поздним осенним вечером пришел мне на помощь. Скажем прямо, вспомнился некстати, в тот момент, когда я нахожусь по дороге к своему простому девичьему счастью рядом с хорошим парнем Илюшкой. Воспоминание о Гладышеве всплыло не вдруг, я все время думала о нем, даже пыталась несколько раз дозвониться по высветившемуся в тот злополучный день номеру, но абонент все время находился вне зоны доступа. Я злилась на себя за обман, которым потчевала саму себя: «Я всего лишь хочу еще раз поблагодарить его за спасение!» И с завидным упорством стремилась к телефонным переговорам. Чтобы поблагодарить. Или чтобы договориться о встрече. Надеюсь, он сам мне предложит это... Саша, кого ты хочешь обмануть? Скажи прямо: этот парень запал тебе в душу! И причина кроется не в его накаченных бицепсах и в необыкновенных глазах, а в безразличии к тебе. Да, да. Ты возмущена его неожиданным безразличием и обижена! Решила, что он раскидал твоих врагов, потому что ты особенная? Другой бы девушке, девушке-дурнушке, не пришел бы на помощь? Пришел бы. И, возможно, продолжил с ней общение. С дурнушкой, но не с тобой. И это обстоятельство тебя сильно зацепило. Тебе надо доказать, что ты можешь привлечь его внимание.

Шли дни, и образ крепыша-спасителя медленно стирался из моей памяти, остался туманный образ с осудительной надписью: это человек тобой пренебрег! Поэтому остался неприятный осадок от недоделанной работы. Так было во времена учебы в школе, когда плохо выучишь стихотворение или совсем не выучишь и глупо надеешься, что твоя фамилия на сорок пять минут, пока идет урок литературы, исчезнет из журнала, а ты сам превратишься в невидимку. Авань, пронесет, - засыпая, думаешь ты. Утром вскакиваешь с кровати и чувствуешь, что тебя что-то гложет. Перебираешь в уме причины и понимаешь – стихотворение не выучил! По дороге в школу осуждаешь себя за лень, продолжаешь надеяться на «авось», совсем не думаешь о том, что надо было встать пораньше и вы зубрить эти несчастные стихотворные строки. Всё так просто. А завтра будет нерешенная задача или ненаписанное сочинение. А утром опять будет что-то мучить.

Я не хочу мучиться. Я хочу доводить все до победного конца. В случае с Гладышевым я считала себя побежденной. Мне хотелось, чтобы наше знакомство с Алексеем получило развитие. И мне решать, во что оно выльется, и на каком этапе закончится...

- Саша, о чем ты задумалась? – теребил меня Кожевников, не дождавшись продолжения моих рассуждений о незнакомом мне математике. Я и не заметила, как мы подоברались к моему подъезду.

– Не о чем, а о ком!

- О ком? - напряженным голосом спросил Илья без прежнего упорства. Можно подумать, он догадался, возле кого вились мои мысли.

- О твоём умнике-заумнике, о ком же ещё! Размышляю, неужели он способен решить нашу задачу? А как его зовут?

- Виктор Лобов. Я могу позвонить своему приятелю и узнать номер телефона Виктора.

- Хорошо, что не Лобачевский! – не к месту брякнула я. Мне представился очень худенький человечек в старомодных круглых очках, с взлохмаченной шевелюрой жестких каштановых волос, в клетчатой рубашке, заправленной с высоко посаженные короткие брюки, слегка лоснящиеся в определенных местах и с вытянутыми коленками. – Илюша, ты с ним встречался?

- Видел пару раз, - ответил он, - совершенно нормальный парень, без явных причуд... Но если ты не хочешь...

- Хочу! – перебила я его. – Только сначала я хочу защитить кандидатскую диссертацию! Если я отвлекусь, то все пойдет через пень-колоду. Не хочу гнаться за двумя зайцами.

- И то верно! – поддержал меня приятель.

- Зайдешь к нам? – без особой настойчивости спросила я. Он почувствовал мое настроение и отказался.

Несмотря ни на что, мы расстались вполне довольные друг другом. Илья не стал допытываться, когда мы встретимся вновь, понимая мою занятость перед последним штурмом. Я мысленно поблагодарила его за это...

Недолгий подъем в лифте привел меня к одному умозаключению: я рада, что помирилась с Илюхой, который частично взял на себя мои проблемы.

Переступив порог, я поняла, что снова проведу вечер в полном одиночестве: мой отец приготовил ужин для дорогой доченьки и теперь сидит у постели горячо любимой супруги, как и все вечера после произошедшего наезда на маму. Я тоже мечтала о такой супружеской идиллии. Вот так взять и влюбиться один раз и на всю жизнь! И чтобы любовь с годами только крепла, как деревцо, посаженное в день свадьбы, и выросшее до небес...

- Илья вполне подходящая кандидатура! – вслух заявила я, обходя пустую квартиру, словно желала найти живое существо. – Сегодня я поняла, что люблю его... Я его лю-лю-люблю!

Только я произнесла слова тягучего признания, как тревожно запел мой мобильник, отрывая меня от радужных мыслей о Кожевникове. Я недовольно вытащила телефон из сумки и с интересом посмотрела на высветившийся номер.

- А мы вас и не чаяли услышать! – с иронией воскликнула я, заметив ненавистные цифры, которые так измучили меня за последний месяц. Отвечать я не спешила, проверила терпение настырного абонента, после чего с легко читаемым недовольством бухнула:

- Алло!

- Здравствуйте, Александра! – раздалось в трубке. Завораживающая вкрадчивость заставила мое сердце участиться, но я взяла себя в руки и проворчала:

- Кто это?

- Это Алексей Гладышев! – доложил он и затих, ожидая мою реакцию.

Реакция последовала, но не та, на которую он рассчитывал.

- Алексей? Гладышев? – Я усердно «копалась» в своей девичьей памяти, не забывая вслух повторять: Алексей Гладышев, Алексей Гладышев... Извините, но увы, я вас не помню. Где мы встречались?

- Но как же! – обиженно вставил он. – Мы...

- Погодите! Я сама вспомню! – Я притаилась, делая вид, что усиленно пытаюсь его вспомнить. Меня разбирал дикий смех. Справившись с эмоциями, я простонала, - как я могла забыть?! Совсем из головы вылетело! Это я с вами познакомилась пару дней назад в ночном клубе!

- В ночном клубе? – удивился Алексей. – Вы не похожи на девушку, проводящую ночное время вне дома.

- А на кого я похожа? На зубрилку в кругленьких очечках, в наряде «прощай молодость», которая боится мужчин, как черт ладана?!

- Вы относитесь к той редкой породе женщин, которые сочетают ум и красоту! – с чувством заявил Гладышев.

- Редкая порода, - повторила я с пренебрежением. – Как глупо звучит! Надо было сказать – редкая категория. Я понимаю еще, когда произносят «породистая женщина», стоя перед полотном Рембранта. Вы, случайно, не стоите перед...

- Не стою! – заверил меня Алексей, не дослушав до конца.

- Тогда это сочетание уместно еще в одном случае, когда говорят: «породистая еврейка» или «породистая немка». Я понятно излагаю?

- Вполне! – Я поняла: мой телефонный визави едва сдерживает рвущийся наружу смех. Вывести его из себя не получилось. – Саша, вы сразу меня узнали, но решили отомстить за мое долгое молчание. Я не ошибся? – Всегда разговорчивая и находчивая Саша растерялась.

Да, я не знала, что ему ответить. Но Гладышев не стал настаивать и перешел к объяснениям.

- Я был в отъезде, позвонить вам не было никакой возможности.

- Я не требую от вас оправданий!

- Но вы же мне звонили... несколько раз.

- Да? Странно... Может, и звонила, но совсем забыла об этом.

- А зачем звонили? - вкрадчивым голосом поинтересовался Алексей.

- Хотела поблагодарить за помощь, - произнесла я дежурную фразу.

- Благодарите, - позволил мне молодой человек.

- Спасибо, - надменно сказала я.

- Пожалуйста... - Он замолчал. Я думала, что он попросается, но он не хотел прерывать светскую беседу. - Как ваши дела?

- Великолепно! – радостно заявила я и продолжила игру в молчанку: он позвонил, пусть теперь и объясняется.

- И все-таки, вы на меня обиделись. Или мне показалось?

- Видите ли, Алексей, я ОЧЕНЬ занята!

- И не высвободите несколько минут для встречи с человеком, который вам пришел на помощь?

- Вы все время будете напоминать об этом? Не надо спекулировать!

- Не буду. Извините. Не подумайте ничего плохого, но я тоже нуждаюсь в вашей помощи.

- Я? И как я могу вам помочь? Если испытываете материальную нужду, то «увы»! – А про себя подумала: неужели обязательно требовать алаверды?

- Джентльмены не берут займы у дам!

- А вы джентльмен?

- Хотите обидеть?

- Ни в коем разе!

- У вас сегодня плохое настроение?

- До вашего звонка было прекрасное!

- Тогда прошу прощения! – буркнул Алексей и отключился.

- Идиот! – громко заявила я, отбрасывая мобильник в сторону. – А вы, Гладышев – собака, которая сидит на сене! – Переместилась на диван, взяла в руки плюшевого медведя, которого мне подарил Илья, и принялась рассказывать ему сказку, сочиняя ее на ходу.

- В некотором царстве-государстве жила девушка Саша, вела замкнутый образ жизни, хм, сторонилась молодых парней, хм, но настал день, и она встретила Илью. Они полюбили друг друга с первого взгляда. Счастливую пару заметил Алексей, шапочно знакомый с Сашей. Ранее он не оценил по-достоинству, остался безразличен, несмотря на то, что Саша была готова продолжить знакомство. И вот когда он увидел ее в объятиях другого мужчины, ревность разбудила в его сердце любовь. - Нет, Саша будет только моей! – взревел Алексей и вызвал Илью на поединок. Александра, желая остановить кровопролитие, заверила Алексея, что любит только его. - Так ты МЕНЯ любишь?! – разочарованно произнес он. - Только тебя, мой рыцарь! - заверила его счастливая девушка, не догадываясь, что последует дальше. - А как объяснить твои объятия с Ильей? - Я... ошибалась! – Саша протянула к возлюбленному руки, рассчитывая, что он тут же подхватит ее и умчит в свое царство-государство. Но тот не спешил ни подхватывать, ни увозить. Он принялся пристально изучать лицо девушки, будто пытался отыскать на нем изъяны. Боже, какая у нее уродливая родинка на щеке, - подумал он, - и лоб большой, и подбородок с ямочкой, с ямой. Затем перешел к оценке в целом. Талия слишком тонкая, ноги излишне длинные, щиколотки тонкие. Не по нраву она мне, не по нраву. Вскочил Алексей на коня и был таков... Мораль: если ты с другим мужчиной, и я замечаю, что ты равнодушна к нему, то сгораю от любви! Если ты делаешь поворот в мою сторону и загораешься любовью, то огонь быстро гаснет, будто твоя любовь выливается на мое сердце струей из брандспойта!.. Вот такая сказка, вот такая полубыль о собаке мужского рода, которая сидит на сене... Хорошо, что мама заставляла меня в детстве придумывать сказки и рассказывать их вслух, прививая способность к сочинительству и развивая мою речь. Рассказала тебе, медведик, сказку, и все стало на свои места. А хочешь узнать, что стало с бедным Ильей? Простил ли он предательницу Сашу? Простил, конечно, простил. Любовь предполагает прощение... А с чего я взяла, что Алексей увидел нас с Илюшей и воспылил страстью? Я ЭТО почувствовала, ведь я ведьма в четвертом поколении! Он притаился в кустах неподалеку от моего подъезда и поджидал меня. Вдруг появляюсь я в обществе достойного мужчины, который может соперничать с ним. Время сыграло не на его стороне, пока он выжидал, его место, которое он приготовил для себя, занял Илья Кожевников. Думал, что я исстрадаюсь, а я не исстрадалась... И почему он решил, что я одинока? Или думал, что все мужчины уступают ему по всем показателям? Нельзя быть таким самонадеянным, дорогой товарищ Гладышев!..

Дарья Четкина с нетерпением ждала звонка Александра Лунева. Она пыталась занять свои мозги чем-то более полезным, чем созерцание мобильного, но у нее ничего не получалось. Она даже решила заняться приготовлением кулинарного изыска, рецепт которого вычитала в интернете, но вовремя одумалась: не хочется отравить родителей.

Когда она совсем отчаялась, раздался долгожданный звонок.

- Даша, извини, что так поздно! – торопливо покаялся Александр. – Сначала засиделся в библиотеке, а потом встретил знакомого. Жаль, что мы не увиделись сегодня...

- Жаль, - поддержала его Четкина.

- Тогда, может быть, завтра?

- Завтра, - согласилась Дарья.

- С тобой все нормально?

- Все хорошо, только день выдался... напряженным, - усталым голосом высказалась она, мысленно клеймя Лунева за несостоявшееся свидание. И, недолго думая, предложила, - давай встретимся завтра в шесть вечера у памятника Пушкину. Ты знаешь, где это?

- Да, совсем неподалеку от здания университета и Публичной библиотеки, на пересечении Пушкинской улицы и Ворошиловского проспекта.

- Тогда в шесть?

- В шесть!

Дарья уже собралась позвонить Зауру и доложить о назначенной встрече, но опомнилась, взглянув на часы. Время было позднее. Пришлось перенести звонок на утро...

Зацуков пригласил Чететкину в свой кабинет, чтобы обговорить детали предстоящей встречи с Луневым. Пребывающая в анабиозе невыспавшаяся Дарья с грустью взирала на плывущий за окном маршрутного такси унылый пейзаж. Девушка наблюдала сквозь туман за бегущими по тротуару размытыми фигурами прохожих и не понимала, как можно с утра быть такими шустрými и куда-то лететь на всех парах? То, что время близилось к полудню, и даже люди-совы уже окончательно проснулись, осталось для Чететкиной незамеченным. Для нее это было раннее-раннее утро. Тут еще и туман, который расслабляет, и мерно двигающаяся маршрутка, которая убаюкивает. Ну, все против нее!

Дарья с трудом держала голову на хрупкой шее. Голова норовила приткнуться к оконному стеклу. Если подобное случится, то она мгновенно отключится и совершит с транспортным средством несколько кругов по заданному маршруту.

Вся жизнь – борьба! – подумала она, выпрямляя спину. Так в борьбе с собой и сном она доехала до нужной остановки, с удовольствием выбралась из маршрутки и мгновенно взбодрилась от осенней прохлады. Туман тут же окружил ее чрезмерной заботой, лизнул по лицу, попытался проникнуть под одежду. Дашка сильнее закуталась и быстрым шагом поспешила к зданию университета, где ее поджидал преданный поклонник ее подруги Заур Зацуков.

- Надо раньше ложиться, надо раньше просыпаться, - бубнила она себе под нос, чтобы окончательно расстаться с остатками полудремы, заглотившей ее в маршрутном такси.

Приставучий туман ее порядком злил. Дарья приглядывалась к лицам прохожих и с неудовольствием понимала, что видит размытые пятна. Хорошенько рассмотреть лицо человека у нее не получалось, хотя, шли встречными курсами, пересекаясь на несколько секунд. Заур с Луневым пересекаться не будет, чтобы он его не узнал. Если туман не рассеется, то опознание придется отложить. Дарье очень не хотелось ничего откладывать.

Зацуков приветливо встретил Дашку, даже не задал ни одного вопроса о подруге. Видно, был очень занят подготовкой мизансцены к сегодняшнему вечернему спектаклю. Он усадил Дарью на стул, налил кофе и стал рассказывать.

- Я думаю, что не должен отсиживаться под деревом с биноклем в руках, - сразу заявил он, вышагивая по кабинету. – Я приду на пятнадцать минут раньше назначенного срока, и с букетом в руках буду поджидать свою девушку.

- Свою... кого? – поинтересовалась не совсем сообразительная Даша.

- Предполагаемую девушку, - пояснил он. Чететкина непонимающе уставилась на Заура с кружкой недопитого кофе в руках. – Я, будто бы, назначил свидание своей знакомой у памятника Пушкину, купил цветы и жду ее... Прохаживаюсь туда – сюда с озабоченным видом.

- Почему с озабоченным? – не унималась Дашка, желая расставить все точки над «I».

- Она опаздывает, и я волнуюсь, вдруг совсем не придет!

- Понятно, – протянула Чететкина, разглядывая дно чашки.

- Еще кофе?

- Еще и покрепче! – попросила девушка, надеясь на живительную силу кофеина. Зацуков поставил перед гостьей возвращающий к жизни напиток, она сделала пару глотков, глаза мгновенно вылезли из орбит, и появилась возможность нормально реагировать на рассказ хозяина кабинета. – А если он тебя узнает? - Дарья не заметила, как перешла на «ты». Еще недавно она считала встречу Саши и Зура нежелательной. Еще переживала, что туман подмял под себя всех и вся. А так, что ж, пусть будет туман, можно подкрасться ближе и рассматривать Лунева хоть с помощью лупы.

- А что в этом страшного? – ответил Зауков, а Дарья не собиралась оспаривать его желание походить у памятника с букетом, она уже смирилась.

- Ты прав! – отчеканила она.

- Конечно, прав. Зачем мне от него прятаться?! Все будет выглядеть естественно. Человек пришел на свидание с девушкой и случайно встретил знакомого, с которым учился в одном университете в другом городе. Если мы с ним, действительно, знакомы или просто пересекались где-то, мою игру в прятки он может заметить. Скажу честно, подобными вещами я никогда не занимался. И лучше не начинать. Не хочу тебя подвести. Вдруг Лунев заметит мое копошение под деревом, и подумает...

- Подумает, что ты мой воздыхатель, желающий выяснять любыми средствами, изменяет ему девушка или просто встречается с подругой, о чем она ему сообщила накануне, закончила за него Четкина и поняла, что прокололась, упомянув в суете подружку Сашку. С лица Заура исчезла маска взволнованного перед спектаклем режиссера и появилась маска влюбленного Пьеро. Он глубоко вздохнул и уже открыл рот, чтобы задать вопрос или поведать несчастную историю своей любви, но заряженная кофе Дарья застрочила, - слушай, а когда ты мне всё расскажешь? Учти, я не смогу ждать до позднего вечера! Я должна знать, кто вертится возле меня целый месяц!

Зауков не сразу вырвался из своих грез, нехотя, вернул маску режиссера, недовольного игрой актера. Сдвинул брови, выражая отчаянную работу мысли, потом, наконец, озвучил свою мысль:

- Даша, ты должна появиться позже Лунева минут на десять, чтобы у меня было время хорошенько рассмотреть всех ожидающих людей у памятника, и выделить знакомое лицо. И ни в коем случае не приходи раньше своего кавалера.

- Мне сидеть в засаде с секундомером, отсчитывая десять минут после его прихода? – подобралась Дарья, решив четко следовать инструкции.

- С секундомером не обязательно, - хмыкнул парень, – и лучше всего тебе находиться в соседнем магазине, стань возле витрины и наблюдай.

- На меня могут обратить внимание и заинтересоваться, что я там делаю! – выдала она, радуясь своей сообразительности. Она представила себя недвижимую рядом с манекеном, поняла, что так долго не выстоит, и предложила, - лучше я сяду на скамейку подальше от места встречи и буду ожидать своего выхода на сцену. Надеюсь, туман к тому времени немного рассеется.

- Договорились, - согласился «режиссер».

- Стоп, стоп! А откуда ты узнаешь, что это, именно, он, если раньше никогда его не видел?

- Заур посмотрел на нее, как на ненормальную.

- Если я его не видел в стенах родного вуза, значит, я его не УЗНАЮ! В этом случае, я уроню букет на землю – это будет знак, что я никогда не видел твоего знакомого. И мы переходим к следующему пункту нашего плана: наведение справок об аспиранте Александре Луневе, который прибыл из Адыгеи для защиты кандидатской диссертации в совете по юридической специальности. – Вся речь Заукова сопровождалась покачиванием головы внимательной слушательницы Четкиной.

- Какой ты умный, Заур! – восторженно произнесла она. Тот зарделся, как падкая на комплименты девушка...

После обеда налетел пронизывающий холодный ветер и разогнал тягучий туман. Но небо оставалось серым и непредсказуемым.

Четкина волновалась, словно шла на первое свидание с человеком, встречи с которым добивалась полгода. Она понимала, что сегодняшнее опровержение ее помощника Заукова жирную точку в расследовании не поставит. Конечно, значительно проще было бы не разрабатывать план опознания, а зайти на кафедру и задать секретарю один единственный вопрос: «Приехал ли кто-нибудь из Адыгейского госуниверситета

защищать у нас кандидатскую?» Не уточнять, кто конкретно. Останавливает Дашку то, что секретарша Вика не только отличается быстротой передачи полученной из различных источников информации человеку, которого эта информация касается, но и строит из себя великое начальство. К ней на кривой козе не подъедешь, если она заметит желание что-то выпытать без ее инициативы. Тем более, Виктория не расположена к симпатичным девицам, способным составить ей конкуренцию. Она благоволит к сильному полу с неотразимой внешностью, поэтому Заур, как разведчик, не годится. И Дашка не годится, потому что была страшилкой–не конкуренткой в далеком детстве, когда у нее были две тощие косички и одновременно выпали четыре молочных зуба.

Чечеткина может попытаться, но Вика выслушает, потом отбреет, и поспешит с докладом к Луневу, если он, действительно, прибыл из Адыгеи. Или доложит сразу всем, кто оттуда приехал. На всякий случай, из желания предупредить. Может, все гости похожи, как один, на красавчика Эштона Кутчера. Вот тебе и повод для близкого знакомства.

И даже если никакой Лунев сюда на защиту не приехал, секретарша всем растрезвонит, что Чечеткина страдает по какому-то парню, потому что... Далее последуют выдуманные подробности её личной жизни...

Дарье не пришлось сидеть на скамейке и ждать своего часа. Она, как всегда, опоздала, причем на двадцать минут. Еще издали она заметила стоящего столбом Лунева, неподалеку прохаживался Зауков с тремя желтыми хризантемами в руках. Он великолепно играл свою роль взволнованного жениха.

Странно, но кроме двух заждавшихся кавалеров у памятника больше никого не было, хотя, это место было самым предпочтительным для свиданий местной молодежи.

Уже издали Дарья догадалась, что Заур не узнал Лунева. Пока это ничего не значит, - подумала она. – Я тоже не всех студентов нашего вуза знаю в лицо. Или Заур его узнал, а Лунев – нет, и Заур не спешит себя выдавать, ждет сигнала.

Она неспешно двигалась к памятнику и наблюдала за обоими мужчинами. Если Саша выглядел безучастным, будто совершенно никого не ждет, а просто захотел постоять возле бронзовой скульптуры поэта на высоком пьедестале, облицованного красным гранитом, то Заур был образцом влюбленного человека, который извелся, поджидая свою девушку.

Дашка поняла, что Заур ей нравится. Пусть он не Эштон Кутчер, даже не Лунев, но он открытый и бесхитростный. О нем она точно не стала бы выяснять всю подноготную. Прямо бы спросила, он бы ей ответил, и она бы несколько не усомнилась в его ответе. Не стала бы проводить разведывательную операцию, от которой ей самой противно.

Вдруг в голову девушки закралась крамольная мысль: А не проигнорировать ли красавчика Лунева? Пройти мимо с независимым видом и броситься в объятия темноволосого парня с роскошными цветами!

Она представила перекошенную физиономию Лунева и невольно улыбнулась. Пока не буду травмировать его психику, - решила Дарья. – Пусть считает меня влюбленной по уши. Только я в его любовь, о которой он твердил мне пару дней назад, не верю! Хоть, стреляйте в меня. Не верю и все! Не знаю, что на меня повлияло – пылкие слова, не подтвержденные соответствующим взглядом, или разные ненужные добавки, но пелена с глаз спала, сердце сдулось. Остается выяснить, с какой целью он меня обхаживает...

Саша заметил ее в последний момент, когда она встала перед ним, независимо вздернув подбородок. Потому что не вертел головой, как расстроенный Зауков, чтобы издали увидеть безответственную даму сердца. Лунев расплылся в улыбке, в это время Заур упорно делал вид, что не замечает окружающих, так глубоко были страдания. Чечеткиной стало жаль его. А Александр сграбастал ее в объятия, пробормотал, что соскучился, и чмокнул в макушку.

Медведь, - про себя обозвала его Дарья, степенно освобождаясь от страстных объятий, успев при этом покоситься на Зацукова. Тот заметил ее взгляд и нечаянно выронил букет. Желтые хризантемы ударились об асфальт, несколько желтых «слезинок» отлетели от букета. Незадачливый «жених» не стал подбирать их, с болью посмотрел на цветы, как на ушедшую надежду, и побрел по улице.

- Она не пришла! – надменным тоном произнес Лунев с противной ухмылкой.

Скотина бессердечная, - второй раз обозвал его мысленно Четкина.

Сцена была разыграна настолько правдоподобно, что Дашке захотелось побежать за отвергнутым возлюбленным, сказать слова утешения...

А чего ей не хотелось, так это обниматься с Александром, слушать его и сидеть с ним на скамейке, изображая влюбленную парочку. Фраза, брошенная в адрес Заура, окончательно убедила ее, что такой человек, как Лунев, не может полюбить. Ему это не дано! Сказано – самовлюбленный черствый тип!

Раньше Даше были интересны его рассуждения обо всем на свете, а теперь она поняла: он незаметно выкачивал из нее информацию, перерабатывал в своей голове, затем выдавал ее вновь, видоизменяя, а она даже не догадывалась. Еще восхищалась, что нашла родственную душу!

Однако, парень не глуп, надо отдать ему должное за умение подстраиваться под нужного человека, - подумала девушка, усиленно делая вид, что внимательно его слушает. – Да, я ему нужна, пока не могу понять, зачем? Привлекла моя неземная красота, как любит говорить Сашка. Она имеет право так высказываться при такой-то внешности. Но я тоже не Марфушка из «Морозко». – Дарья улыбнулась, представив себя под елью в дремучем лесу, жующей луковицу.

- ...Дашенька, я так рад нашей встрече! - продолжал восторгаться Александр, заметив улыбку на лице девушки.

Дарья хотела сморозить банальную глупость про всплывший в памяти анекдот, но не стала усугублять ситуацию. Не придумала ничего умного и сказала:

- Погода хорошая! – Она вдруг забыла о том, что дневное небо походит на поздневечернее, а ветер все усиливается и забрасывает мокрые тротуары желто-красной листвой, народ ищет теплые места для разговоров, переносит прогулки на обещанное вскоре бабье лето. Опомилась и лягнула, - влюбленные природных катаклизмов не замечают. – Сказано было совсем не радостно, не так мечтательно, как полагается.

Налетевший ветер подтолкнул ее к парню. Он не успел снова заключить ее в объятия, она отпрянула слишком резко, будто он был куском льда на Южном полюсе, где она оказалась волею судьбы.

Дашка поежилась, ощутив внутри не только холод, но и трепещущую нервозность. Тут еще и в глаз что-то попало. Еще не хватало пустить слезу. Она отвернулась навстречу ветру, поморгала, стало гораздо легче.

- Даша, ты замерзла?

- Что ты, мне жарко.

- А почему тогда дрожишь?

- От страсти! - Четкина высказалась с таким видом, чтобы Лунев понял: она шутит. А то еще подумает, черт знает что!

– Куда пойдем?

- Туда! – махнула она в сторону удаляющейся фигуры Зацукова и быстро потрусилась за ним. Лунев припустил за ней.

- Мы куда–то спешим?

- Да! Совсем забыла тебе сказать, что не могу уделить тебе много времени, так как уже на подходе сюда мне позвонила моя подруга Саша и просила срочно к ней приехать! – Александр взял ее под руку, показывая всем видом, что готов сопровождать. – Она приглашала меня одну! – Заявила Дарья, высвобождая свою руку.

- Я не собираюсь мешать вашей беседе, подожду возле ее дома, а потом провожу тебя.
- Я могу заночевать у Сашки, - торопливо доложила Чететкина.
- Могла бы, вообще, не приходить. Перезвонила бы и сообщила, что подруга с любовными переживаниями тебе дороже меня.
- О любовных переживаниях я ничего не говорила, не надо додумывать. Мы с Сашкой не озабочены своей личной жизнью, не встречаемся друг с другом только для того, чтобы поплакаться в жилетку. Нам есть что обсудить.
- Неужели нельзя перенести вашу встречу на другое время?! Что у нее могло произойти в жизни, что требуется твое незамедлительное вмешательство?
- У нее мама попала в больницу, у нее бабушка умерла при странных обстоятельствах, и я должна поддержать ее. – Чететкина слишком поздно поняла, что говорить об этом она не имела права. Она никогда не была болтливой, но Лунев так достал ее своим брюзжанием, что она готова была рассказать обо всем, лишь бы отделаться от него.
- Мама в больнице это я понимаю, а бабушка... Что значит, умерла при странных обстоятельствах? Ее что, убили?
- Не знаю! И, вообще, не слушай меня! Я ляпнула, а ты... прицепился, как банный лист. Тебе не все ли равно?

Сравнение с баннным листом обидело Александра. Он вытянулся, как на плацу, расправил плечи, увеличив габариты, и надменно произнес:

- Я не баннный лист! И никому не навязываюсь!
- Уси-пуси, какие мы нежные, - скривилась Чететкина, догадываясь, что последует за этим.
- А ты, как думала, меня не затронет твое...
- Сравнение с баннным листом, - подсказала Дарья, напомнив тем самым, какое сочетание употребила. Он утвердительно кивнул и встал в позу ожидания извинения, рассчитывая на глубокое раскаяние обидчицы. Поза предполагала стойку смиренно с отворачиванием головы от предмета, унижающего его достоинство.

Девушка задумчиво смотрела на него снизу вверх, стараясь не выдать свое продрогшее состояние. Зубы уже собирались выстукивать сбивчивую азбуку Морзе, а ноги – пуститься в пляс. Она прижала к себе сумку, словно та могла ее согреть, собралась силами и удовлетворенно констатировала:

- Александр, я глубоко сожалею, что... не сравнила тебя с надутым индюком, которого ты мне напоминаешь в данную минуту! –

Не стала дожидаться ответа, развернулась и уверенно зашагала прочь. Ей очень хотелось оглянуться и посмотреть на физиономию Лунева, но она торопилась догнать Зацукова.

И нисколько не пожалела о своей выходке. Она специально затеяла ссору. Желание гордого Лунева помириться будет свидетельством того, что она ему нужна...

Пока Дарья разговаривала с Александром, Заур исчез из вида. Она достала мобильник и набрала его номер.

- Надо встретиться! Ты где? – тоном, не терпящим возражений, проговорила она.
- Я тут. А ты... одна? – удивился Зацуков.
- Нет, со мной взвод поклонников, в авангарде которого Лунев, - усмехнулась она, пропустив неопределенность «я тут».
- Тебе не хватает еще одного до полного счастья? - повеселел он.
- Будто бы полный комплект, но решила заменить авангардиста! Мне его лицо не нравится!
- А мое... нравится? – совершенно серьезно поинтересовался Заур, расставшись с весельем.
- И лицо, и душа, и мысли!

- Ты про одежду не сказала! - заметил он.
- Я же не доктор Астров в чеховской пьесе «Дядя Ваня», не хочу слово в слово повторять его слова.
- Даша, ты... ты очень хорошая девушка, - издали начал Заур, но Четкина его перебила.
- Но я люблю другую, - театрально вздохнула она.
- Я уже ничего не понимаю, - промямлил он. Потом опомнился, - я совсем не то хотел сказать... Я хотел сказать, что ты... мне нравишься!
- Тогда давай дружить? – детским тоненьким голоском спросила Дашка.
- Давай! - снова повеселел Зауков. – А почему мы разговариваем по телефону? Я тебя вижу!
- А я тебя нет, - испуганно произнесла Четкина, делая оборот вокруг собственной оси.
- Ты сказал «я тут», а где тут не уточнил.

Девушка почувствовала, как ее щеки зарделись, чего раньше никогда не было. Она не относилась к той категории дамочек, которые вздыхают, краснеют и падают в обморок при виде предмета их страсти. Она была занята наукой, а встречи с молодыми людьми расценивала, как приятное времяпровождение. Встретились – расстались... Без чувств–с! Ей были симпатичны умные собеседники, не более. Рассказы о своих проблемах, плавно переходящие в просьбы разрешить их, Четкина не любила. Во всех знакомствах были отношения неблизких друзей. Близким человеком она считала Сашку, к которой могла обратиться за помощью в любую минуту. Вторым человеком оказался Заур. Дарья никогда не думала, что малознакомый молодой мужчина предложит свою помощь в разоблачении проходимца. И не думала, что решится озвучить свою просьбу. Была уверена, что в последний момент найдет причину и смоеется. И пусть ее посчитают странной, если не с придурью. Озвучила, не смылась, он проникся, она увлеклась и не заметила, хотя, поначалу подумала, что он идет ей навстречу из-за своего кумира – Сани Козловской. Его желание помочь Дарье, его усердие в подготовке сегодняшней «операции», его исполнительность - доказали, что он добрый, искренний, настоящий.

Ей очень хотелось, чтобы она заинтересовала его, пусть чуть-чуть.

Они не обсуждали новинки кинопроката, не вели заумные беседы о любимой Дашкиной юриспруденции, они, вообще, ни о чем не говорили, кроме Александра Лунев. Но почему тогда Зауков так заинтересовал ее? Заинтересовал человек, которого она толком не узнала, который, кажется, не был родственной душой. Не был, не собирался ею стать, но незаметно стал. Как, почему, когда? Что ее в нем поразило? Неотразимая внешность? Нет! Ум? Да, он не глуп. Но таких неглупых половина города! Дашка поняла: Заур заинтересовал ее своим вниманием к ее проблеме! Никто и никогда не предлагал ей помощь. Четкина при всей своей миниатюрности отличалась волевым характером и мужественностью, если это слово можно применить к хрупкой девушке. Она сама решала все жизненно важные вопросы, иногда прибегая к помощи родителей или Сашки.

- В отношениях с мужчинами должна быть легкость и не обремененность друг другом, - убеждала она подругу.
- Ты боишься показаться слабой? Или боишься быть обязанной за оказанную тебе услугу? – допытывалась та, ставила ее в тупик своими вопросами и заставляла задуматься...

Сейчас Четкина стояла посередине тротуара, ее задевали прохожие, а она не реагировала. Она вспомнила давний разговор с Сашей. Только сейчас Дарья поняла, что боялась, да, она всегда боялась, что очередной приятель исчезнет из вида, как только она попросит его об услуге. Он может медленно исчезать из ее жизни. Сначала все реже раздаются звонки с предложением культурно провести время, потом звонки и встречи сходят на «нет». Это не разрыв, это перерыв в отношениях. Дашка знает, что в любой момент может набрать знакомый номер и ей ответят, даже будут рады звонку, потому что они не расстались, они друзья, только времени на общение катастрофически не хватает. Четкина не любила выяснять отношения, а это случится после того, едва она обратится

с просьбой. Так ей казалось. Ведь, придется разбираться, кто есть кто, и почему они могут отбросить легкость и углубить отношения. Углубляться Дарья не желала, и была уверена: ей откажут! А она не отступит и повторит просьбу из вредности. Неблизкий знакомый, не желающий переходить в разряд близких, начнет увиливать, не отвечать на звонки, переходить на другую сторону улицы, приметив её. В итоге, Дашка обидится и вычеркнет его из списка компанейских друзей.

Ее теорию не понимала и не принимала подруга, призывала попробовать, хотя бы, один разочек проверить на готовность к поступку одного из приятелей.

- Если он тебе откажет, но пусть... идет лесом, тебе такие друзья не нужны! – возмущалась Козловская. – Зачем окружать себя такими людьми? Чтобы сходит в поход по родному краю? Так это не друзья, а недруги, с ними нельзя идти в поход - подставят в любую минуту и глазом не моргнут. Зачем за таких цепляться? Зачем с такими общаться? Зачем они, вообще, нужны? Для численности?

- Не нужны! – соглашалась Чечеткина.

И быстро забывала о своем согласии с подругой, теория которой казалась ей чуждой.

Дарья ждала понимающего человека. Ждала и дождалась...

И вот теперь этот понимающий человек стоял перед ней и с тревогой смотрел на нее.

- Дашенька! Ты обиделась на меня? Ну, извини, не опознал твоего приятеля.

- Заур, где ты был? Я... потерялась.

- Я нашел тебя, успокойся...

Чем я не отличалась, так это терпением: дожидаться защиты диссертации, а затем перейти к расследованию странностей, происходящих вокруг моей семьи, я не могла. Хотя, еще накануне уверяла в этом не столько Илью, сколько саму себя. Уже с утра я думала об одном: позвонить другу с просьбой бросить все дела и отправиться на встречу с математиком Виктором Лобовым, почти Лобачевским, или отложить все на потом? А почему нельзя все нужное делать параллельно? Тем более, этот логический мыслитель потребует от меня только выдачи информации. Он же не Ниро Вульф, распутывающий загадочные преступления в произведениях Рекса Стаута не выходя из дома, а я не его помощник Арчи Гудвин, который бегаёт по городу, собирает факты и доказательства.

Я не Арчи Гудвин, я – всесторонне развитая личность. Говорю без ложной скромности. Поэтому могу быть полезна математику-мыслителю, при этом не забуду о защите...

За год до выпуска из школы я задумалась: куда пойти учиться? Я разрывалась между химией, математикой и экономикой. Первой отпала химия: я горячо любила органику, но не выносила неорганику, а они были неразрывны, как сиамские близнецы. Потом наступил черед математики, которой я увлекалась очень серьезно. Не только искала свои методы решения школьных задач, чем шокировала учителя, но интересовалась биографиями известных математиков, их неординарными высказываниями. Мне просто вжилась в голову фраза Пуанкаре – «математическое творчество». Раньше я не могла соединить эти два слова. Математика – это точность, расчет, а творчество – это парение в облаках. Однако Пуанкаре и Адамар убедили меня в обратном. Они так интересно описали три этапа процесса математического открытия, что я не могла не согласиться с ними. Первый этап – подготовка, когда ученый осознанно исследует проблему. Второй – инкубация. Он вытесняет проблему в подсознание, словно забывает о ней на время. Третий этап – озарение. Решение проблемы вдруг неожиданно прорывается наружу, как созревший нарыв. Представляете, какое облегчение испытывает человек, внутри которого этот нарыв жил! Затем наступает заключительный этап – проверка и оформление результатов.

Эти знания мнегодились не только в решении математических задач, но и, вообще, в жизни. Если возникает проблема, задумайся о ней, но недолго. Провел анализ и забыл,

спрятал ее в подсознание. И в один прекрасный день приходит решение. Оказывается все очень просто, хотя, сначала ты не верил в себя.

Так я попыталась поступить с проблемами своей семьи, но пока безуспешно. Накопленная информация задержалась в подсознании, озарение никак не приходило, хоть, плачь! Причина в том, что я не забыла на время о проблеме, постоянно тискала её. Или что-то упустила, не обработала информацию должным образом на первом этапе, нехватка данных повлекла за собой невозможность решения задачи. Но я не математик, а экономист...

Понадеюсь на специалиста...

Я уверена, что мое желание встретиться с Виктором Лобовым Кожевников расценил, как желание увидеться с ним. Поэтому не стал напоминать о недавнем разговоре и сразу вызвался организовать нашу встречу.

- Надеюсь, ты будешь сопровождать меня, - подыграла я ему.

- Обижаешь, - брякнул он и отключился.

Уже через полчаса Кожевников перезвонил и доложил о результатах переговоров с великим математиком.

- Виктор ждет нас в семнадцать часов у себя дома! Будь готова!

- Всегда готова!..

Всю дорогу я представляла себе Лобова... в виде Ниро Вульфа - толстого человека, расплывшегося в кресле и пережевывающего свою нижнюю губу, выказывая тем самым глубокую задумчивость. Рядом за письменным столом сидел его помощник Арчи Гудвин с подобострастным лицом...

Немного подумав, я решила, что Виктор не может себе позволить быть Вульфом в силу возраста и отсутствия собственного дома с оранжереей, в которой благоухают любимые орхидеи героя произведений Рекса Стаута.

Опять я мысленно представила очкарика в клетчатой рубашке, взлохмаченного и рассеянного. Вот какой рассеянный с улицы Содружества, - пробормотала я себе под нос, вспомнив улицу, на которой проживал гений математики. Сидящий за рулем Кожевников покосился на меня, но ничего не сказал. Я постаралась сосредоточиться на предстоящем разговоре, понимая свою значимость в изложении информации. Если что-либо упущу, расследование пойдет не тем путем. Но хоть убей, не могла понять, чем может помочь ученый математик: выведет формулу причины наших горестей и проблем? Но попытка, как говорится, не пытка, почему бы мне не выговориться перед посторонним человеком с неординарным умом, без пяти минут доктором наук.

Уже на пороге квартиры математика меня начал бить озноб. Я не понимала, почему так волнуюсь, словно эта встреча преподнесет молниеносный сюрприз с ответом на все вопросы. Саша! Успокойся! – мысленно призвала я себя, затем повторила приказ несколько раз, и это возымело действие. Любимый мужчина внимательно наблюдал за мной и не торопился нажимать на кнопку звонка, предоставляя мне время для «сбора себя до кучи», как выражалась моя бабушка, когда я пребывала в рассеянном состоянии.

Я кивнула головой, выражая готовность. Илья по сигналу надавил на дверной звонок. Раздалась легкомысленная трель. Я недоуменно уставилась на друга.

- А ты думала, если здесь живет математик с ученой степенью, то и звуковой сигнал должен быть более серьезным, что-то из классической музыки? Например, Бах или Бетховен? – усмехнулся Кожевников. Я не успела ответить, дверь распахнулась, и на пороге выросла крепкая фигура молодого мужчины. Я недоуменно уставилась на него, потом попыталась заглянуть ему за спину, где, по моему мнению, должен прятаться очкарик с взъерошенной шевелюрой. Прodelать это было не так-то просто: парень загораживал весь дверной проем.

- Привет, Илья! – Поприветствовал он моего спутника и уставился на меня. - Вы Александра?

- А вы? – задала я глупый вопрос, надеясь услышать в ответ любое имя, кроме имени Виктор.

- Виктор Лобов, - представился он. – Проходите...

Он подождал, пока мы разденемся, и пригласил нас в комнату. Небольшая однокомнатная квартира была завалена книгами. Они были везде, даже на стульях, чтобы нас усадить, хозяину пришлось сложить их стопкой на полу. Весь диван занимали листы бумаги, на многих напечатанный текст был сурово отредактирован от руки. Мне стало неловко перед Виктором: человек занят серьезными делами, а тут я со своими неподтвержденными проблемами. Не хотелось употреблять слово «надуманными». Можно придумать себе... болезнь, если ты этого желаешь, или счастье, если ты испытываешь удовольствие от самой малости, например, от съеденной конфеты, или зацветшего неожиданно растения на твоём подоконнике. Все исходит от желания. Но в моем случае я не хотела, чтобы мою маму нацелено сбил мотоциклист, а мою бабушку кто-то отправил на тот свет. Но я должна убедиться в обратном, если мои предположения не верны, и это будет наилучший вариант. Или получить доказательства моих умозаключений, и это будет страшно и больно.

Лобов предложил нам чай, но мы отказались.

- Виктор, мне очень неловко, мы отвлекаем вас от дел, - пролепетала я.

- Что вы, мне просто необходимо иногда переключаться с одного дела на другое... - Он кивнул в сторону разложенных бумаг, - нельзя все время жить одной проблемой.

Мне нравился его голос, я называла такие голоса мягкими, успокаивающими. Он еще ничего не сказал, а я уже была уверена, что он... выведет теорию невероятности моих проблем.

Но как же я ошиблась в представлении внешности Виктора. Единственно, что соответствовало моему нарисованному образу – это очки на его переносице, но это были не круглые очечки придурковатого ученого, а довольно стильные очки аккуратной формы без оправы. Лохматая шевелюра тоже отсутствовала, уступив место стильной короткой стрижке. Клетчатой рубахи тоже не было. Торс ученого мужа обтягивала белая футболка, к которой прилагались потертые джинсы голубого цвета. Если бы я встретила Лобова на улице, то обязательно обратила на него внимание: мужчина производил впечатление уверенного в себе человека, ставящего перед собой конкретные цели и легко их решающего. В общем, деловой человек, больше похожий на бизнесмена, который посещает в свободное время спортзал, чем на ученого, с головой погруженного в науку.

- Давайте опустим расшаркивание и перейдем к делу! – призвал меня «ученый бизнесмен». Мне показалось, что это прозвище ему очень подходит.

- Давайте, - согласилась я.

- Тогда изложите все по порядку.

- Два месяца назад в старой шкатулке я нашла записку, написанную моим дедом. Даже не записку, а ее часть... Я давно хотел признаться, - писал дед, - что на самом деле я не тот, за кого себя выдавал...

... Так, так, так, - скороговоркой проговорил Виктор, выслушав мою историю до конца. И вы считаете, что смерть бабушки не была естественной, а авария на дороге с участием вашей матери неслучайной... Я не стану переубеждать в обратном, а возьму ваш рассказ за аксиому. Вы пришли ко мне за помощью, попытаемся разобраться. Но я пока ничего не могу сказать определено. Надо подумать. – Мы дружно поднялись, смекнув, на что он намекает. Но Лобов остановил нас. – Подождите, я хочу задать несколько вопросов.

Он встал у окна и долго смотрел на улицу, позабыв о нашем присутствии. Мне показалось, что его мало занимает обстановка за окном, он закопался в своих мыслях,

выискивая вопросы, на которые я могу дать ответ. Мы терпеливо ждали, пока хозяин созреет для вопросов. И дождались.

– Послушайте, Саша, не появился ли в вашем окружении в последнее время новый человек? – Я покосилась на Илью, который с интересом смотрел на меня, ожидая исповеди. – Это не обязательно должен быть мужчина. У него может быть помощница, которая по его поручению, набивается к вам в подруги. – Я задумалась. – Может, с вами произошло что-то необычное? – Продолжал настаивать он.

- Необычное, - повторила я, от напряжения закусил губу. Подумала и сказала, – даже не знаю, можно считать необычным нападение хулиганов?

- На тебя напали хулиганы? Когда? - взвился Кожевников.

- Давно, чуть больше месяца назад.

- Расскажите подробнее, - попросил Виктор.

Я поведала им историю своего спасения.

- Как он себя назвал? – переспросил Илья, нахмутив брови: явно был недоволен, что кто-то другой спас меня. Или выискивал в своей памяти знакомого с таким именем.

- Алексей Гладышев, - вздохнула я, повторив «на бис». – Но он с тех пор, ни разу не звонил и не появлялся в поле зрения! – Я нервно заерзала на стуле, и своей нервозностью подтвердила, что лгать я не умею.

Лобов расстался с очками, словно они ставили заслон, который мешал разглядеть лгунью Александру. Задумчиво протер окуляры краем белой футболки, возвращать очки на место не спешил, а уставился на меня близорукими глазами.

- Извините, я нехлебосольный хозяин, предложил вам чай, вы отказались, я успокоился, не стал настаивать. Хочу исправиться и угостить вас чаем. Саша, вы мне не поможете?

Я согласно кивнула и отправилась вслед за ним. На кухне я тоже ожидала увидеть нагромождение книг, но ошибалась: кухня сияла стерильной чистотой и явно свидетельствовала о нелюбви хозяина к приготовлению пищи. Я почувствовала себя в музее, где на все можно смотреть, но ничего нельзя трогать руками.

- Для меня еда это не культ, - усмехнулся Виктор, заметив мой заинтересованный взгляд. – И я не чрезмерный чистюля, просто редко готовлю, предпочитаю питаться в университетском кафе, а дома только перекусываю.

- Говорите, что мне делать? – спросила я и почему-то пристроилась на стуле.

Лобов не ответил, щелкнул клавишей на электрическом чайнике, приткнулся к подоконнику и начал пристально меня изучать сквозь очки, которые снова сидели на переносице. Под его взглядом мне стало неуютно, я сосредоточилась на шумящем чайнике.

- Саша, мне показалось, что присутствие Ильи смущает вас, - очень тихо произнес хозяин квартиры, едва перекрывая «пение» чайника. – Или я ошибаюсь?

- Вы правы, - согласно кивнула я, соскочила со стула и прикрыла кухонную дверь. – Виктор, не думайте, что мне есть, что скрывать!

- Я так не думаю, - не очень-то успокоил меня Лобов: смотрел он на меня с явным недоверием. – И я понимаю, что рассказывать о постороннем мужчине в присутствии своего друга нелегко, это обстоятельство заставляет вас быть сдержанной. Возможно, вы упустили в рассказе мелочи, которые могли ранить самолюбие Ильи, а вам они показались незначительными. Поэтому я решил уединиться с вами, чтобы вы рассказали мне все без утайки. Понимаете, это очень важно для моих умозаключений.

- Я не знаю, помогут ли мои откровения, оставшиеся «за кадром». – Я замялась, но все же решилась, - тот парень, Алексей Гладышев, мне недавно звонил.

- Что ему было нужно?

Вопрос Виктора меня несколько обидел: он не допускает мысли, что Гладышев заинтересовался мною. Пусть его интерес проявился запоздало, мало кто предоставлен сам себе. Как известно, человек предполагает, а Бог располагает. О своем собственном

недоверие к Гладышеву я не забыла. Но это МОЕ недоверие. Оно появилось у меня спонтанно, благодаря интуиции, еще до его звонка.

Что-то доказывать человеку, который усомнился в моей неземной красоте, способной очароваться занятого мужчину, я не собиралась. Поэтому коротко пояснила:

- Гладышев предлагал встретиться.

- И вы ответили согласием.

- С чего вдруг?! – возмутилась я. – Вы решили, что именно согласие заставило меня скрыть звонок Алексея? Это не так! Я ему отказала. Мы с Ильей только помирились... Нет, мы не ссорились, - запуталась я в «показаниях». – Не общались некоторое время. И только начали общаться, как позвонил Алексей.

- Вот как, - протянул Виктор с таким видом, будто я дала ему подсказку для решения трудной задачи, над которой он бился целый месяц. – И вы ему отказали, потому что не поверили ни одному его слову! Несмотря на то, что он вам понравился.

- Не спорю, понравился. Кому же не нравятся мужчины, которые заступаются за женщину, понимая, что силы не равны!

- И подкупила загадочность – совершил подвиг и исчез. Не каждый мужчина забудет такую девушку, как вы, Саша.

- Это комплимент?

- Это констатация факта.

Я зарделась, как яблочко сорта «анис алый» в конце августа. Собеседник на мою «августовскую зрелость» не отреагировал. И продолжил начатую мысль.

- Гладышев решил вас промариновать с месячишко, чтобы вы бросились ему в объятия без раздумий после первого появления.

- Прямо сразу в объятия? – нахмурилась я.

- Не цепляйтесь к словам, вы догадались, что я имел в виду, - осадил меня Лобов. – Саша, а вы пытались дозвониться Алексею?

- Звонила, несколько раз, - спокойно согласилась я, - но он не удосужился мне ответить. Потом и вовсе стал «вне доступа». Я не страдала, не бегала по замкнутому пространству, волосы не рвала, об стену не билась. У меня было, чем заняться, поверьте.

- Верю. Но в перерыве между серьезными занятиями вы набирали номер Гладышева.

- Набирала, не набирала, это имеет значения для ваших умозаключений?! – взбрыкнула я.

- Пока не знаю, - пробубнил математик, - пока я собираю факты.

- Собирайте, - великодушно разрешила я.

- Итак, время шло, вы медленно остывали, образ рыцаря стирался из памяти, вы ему пытались дозвониться, но без прежнего вдохновения, так, по привычке. И в один прекрасный день сделали вывод – рыцарь вас больше не интересуется! А рыцарь просчитался: он наделялся разжечь ваш интерес, но вышло все наоборот.

- И что из этого следует?

- А то и следует, что Гладышев заранее все распланировал, предварительно собрав всю информацию о вас.

- Если бы он собрал информацию, то не откладывал наше сближение на месяц, «ковал бы железо пока горячо».

- Или информация была ложной, или он сделал неправильные выводы.

- Вы так все усложняете, что мне... становится страшно... Виктор, вы не забыли, что все началось с уличного инцидента?

- Саша, вам не показалось, что встреча с хулиганами была хорошо спланированным спектаклем?

- Не думаю, - без долгих размышлений ответила я. – Я вышла из университета и пошла по улице, все скамейки были усеяны любителями пива и острых ощущений. Я сама спровоцировала ответный ход тех парней, не удержалась и ответила на реплику, брошенную в мой адрес. Я могла остановиться возле любой из скамеек.

- И сразу появился ОН?
- Не сразу, а в самый кульминационный момент.
- Раньше вы Гладышева не видели?
- Вы намекаете на то, что он мог следить за мной?
- Если происшествие на улице было случайностью, то остается одно - Алексей следил за вами, и ему пришлось выдать себя. Не мог оставить вас один на один с хулиганами. Он не появился с первой минуты, наблюдал со стороны за развитием событий, надеясь, что все разрешится само собой или кто-то другой придет вам на помощь. Но этого не произошло, и тогда последовало то, что последовало.

Я поняла, что Лобов не ждет от меня ответа, он размышляет вслух: задается вопросом и ждет внутреннего подтверждения или отрицания своего предположения. В этом мы были с ним похожи, но у меня не получалось дойти до конца и поставить победную точку. Вся квартира ученого математика погрузилась в беспокойную тишину. Я не знала, что ему ответить, а он будто бы не замечал меня, пристроил мягкое место на подоконник и сверлил взглядом противоположную стену. Мне захотелось расслабиться и снять напряжение в уставшей спине: за весь разговор спина была непривычно ровной, словно я пребывала на званом обеде у царственной особы. Но я боялась пошевелиться и прервать мыслительный процесс хозяина. В кухню заглянул Илья, который заждался нас в комнате. О чаепитии и я, и гостеприимный хозяин, благополучно забыли. Илья окинул нас вопросительным взглядом, я пожала плечами и дернула головой, призывая его удалиться. Он, нехотя, развернулся и исчез в комнате, не забыв снова прикрыть дверь, но оставил маленькую щель.

Я откинулась на спинку стула и облегченно выдохнула. Виктор Лобов очнулся и недовольно покосился на меня.

- Гладышев назначил вам свидание, а вы ему отказали, - повторил он. На всякий случай, я подтвердила высказывание кивком. Виктор взглянул на меня более осознанно. – А больше он вам не звонил? – Теперь я отрицательно покачала головой. – Саша, вы не хотите позвонить ему и назначить встречу?

- Не хочу! – твердо заявила я. – Даже не потому, что Алексей меня не интересуется, а потому, что это будет выглядеть подозрительно: то отвергла его ухаживания, то вдруг передумала.

- Но девушки такие непостоянные! – философски заключил Виктор.

Я уже хотела поинтересоваться, на примере скольких девушек он сделал такой нерадостный вывод? Но не стала его терзать. Мне показалось, что к практическим занятиям он не перешел, остался на ступени теоретического познания женского пола. Какие его годы: вот защитит докторскую, и... приступит к новым открытиям в математике.

- Ко мне это не относится! – сурово заявила я, не желая того, чтобы меня «стригли под одну гребенку» со всеми.

- Вы хотите, чтобы непонятные явления, происходящие вокруг вашей семьи, нашли объяснение? – подтащил он тяжелую артиллерию.

- Поэтому я сюда и пришла, - промямлила я, сообразив, что выхода у меня нет. Придется подчиниться. Но пока держалась до последнего, нервно подергивая ногой. Знаток женщин подумал, что уговорить меня сложно, и снизошел:

- Тогда давайте договоримся: следующее предложение Гладышева вы не оставите без внимания.

- С чего бы вдруг ему звонить? Он не из тех, кто унижается.

- Позвонит, позвонит, - успокоил меня Лобов. - Только Илья ничего не должен знать! Иначе он спутает нам все карты.

- Алексей не позвонит! – продолжала упорствовать я, непонятно чего добиваясь. - Мне показалось, что у него с поклонницами все в порядке...

Виктор не дал мне договорить.

- Саша, если вы ему... приглянулись, то он обязательно позвонит.
- Виктор, вы сказали не то, что хотели сказать, - догадалась я.
- Это не важно, - отмахнулся он. - Я хочу, чтобы вы с ним встретились и осторожно понаблюдали за ним. Внимательно слушайте все, что он говорит, а затем дословно передадите мне. Если он будет интересоваться смертью вашей бабушки, то не говорите, что у вас есть сомнения...
- Могли бы этого не говорить, я не из болтливых.
- Но иногда хочется поделиться наболевшим с совершенно посторонним человеком. Он вам расскажет свою душщипательную историю, а вы, в благодарность за доверие, поделитесь своей и не заметите этого. Если Алексей замешан... в чем – то, то он будет вести тонкую игру.
- Вы уверены, что он... замешан? - поперхнулась я на последнем слове. Да, я не доверяла Гладышеву, но никак не думала, что он может быть ключевой фигурой.
- Пока не знаю, но у нас есть всего одна кандидатура, которая появилась, исчезла и вновь появилась в вашем окружении за последнее время.
- Я не буду звонить ему первая! – более мягким голосом напомнила я.
- Алексей сам позвонит, - заверил меня Лобов...

Всю дорогу домой я анализировала разговор с математиком. Илья не задал ни одного вопроса, хотя, было заметно, у него их накопилось немало.

Что мы имеем? – вопрошала я саму себя. – Мы имеем пока туман, похожий на обман, как поется в одной песне. Нам разогнать его поможет ученый Виктор Лобов! Пока он выделил одну вероятную кандидатуру... Мне остается только терпеливо ждать звонка. Я не буду заикливаться на Гладышеве, на построении различных версий и планов предстоящего разговора. Все должно идти без плана, тем более я выбрала тактику молчания и выслушивания. Пусть он играет роль исповедника и объясняет причину пробудившегося интереса ко мне...

Я легко давала себе установки, но с трудом сдерживала обещание. Нет, я не собиралась набирать знакомый номер, но и не могла переключиться на свои дела. Я ругала себя последними словами, пыталась выкинуть все лишнее из головы и приступить к «добиванию» диссертации.

- Или она меня, или я ее, - вздыхала я и усаживалась за рабочий стол.

Кроме «добивания» я каждый день навещала маму в больницу, встречалась с Ильей и продолжала ждать звонка от Гладышева. Я настоятельно уговаривала себя не думать о посторонних вещах! Но сразу парировала: звонок Гладышева для меня так же важен, как кандидатская диссертация. Это будет деловая встреча, с моей стороны, а с его... Меня не волнует его отношение ко мне. Но мне хотелось встретиться с этим человеком, пообщаться, понять, разобраться. Делать выводы будет ученый бизнесмен. Или мы с ним будем делать выводы вместе.

Что требуется от меня, - в сто сорок второй раз повторяла я, чтобы не забыть, не растеряться, чтобы держать эмоции в узде. - Я должна впитать в себя весь разговор, запомнить каждое слово и не откровенничать.

Я решила взять пятиминутный тайм-аут в работе, перебиваемой размышлениями не по теме, и послушать хорошую музыку.

В комнате зазвучал вкрадчивый голос Валентины Пономаревой. Голос стал настойчиво убеждать меня, что любовь – волшебная страна, где меня назовут любимой. Я согласно кивнула, даже поддержала это высказывание тоненьким подвыванием. Потом голос певицы набрал силу и заверил меня в обратном: любовь – страна, где каждый человек притворщик, а я – наивности образчик! Перед глазами всплыло надменное лицо Гладышева, и я снова согласилась с ней, но поддерживать солирующее пение не стала.

Затем она напомнила про предателей, но ассоциаций это заявление не вызвало, так как меня никто не предавал. Тьфу, тьфу, тьфу, - поплевала я через левое плечо, чтобы не сглазить. И окунулась в чарующие звуки голоса Пономаревой, которая в заключении в корне изменила свое мнение: и все-таки, любовь – весенняя страна, ведь только в ней бывает счастье!

Я расчувствовалась, для продления лирического настроения подошла к окну и оценила желто–красную листву с вкраплениями зелени. Осень. Уныние, увя, не очарование очей. Чего хотела, того не получила – взгрустнула. Интересно, существует взаимосвязь между чувствами и временем года? Осенью чувства засыпают, зимой чувства начинают медленно пробуждаться, весной – поют, танцуют, творят безумства. А летом? Летом так жарко в нашем регионе, что чувства впадают в полусон и стараются не шевелиться. Глупость несусветная! Когда в сердце живет любовь, в душе всегда весна! У меня в душе весна, потому что я влюблена... В душе весна, на дворе осень. Но меланхолия так и лезет внутрь. Природное увядание этому способствует. И воздух. Божественный аромат осени!

Я распахнула окно, вдохнула в себя легкий прелый запах и улыбнулась. Сразу на ум пришли стихи Пушкина, я уже приготовилась к декламации, но задребезжал мобильник, поставленный на режим вибрации. Он совершал на столе энергичные «па», а я с интересом наблюдала за ним, находясь в осенней неге с заторможенными мозгами. Потом опомнилась и схватила трубку, даже не взглянув на высветившийся номер.

- Да! – недовольно рявкнула я.

- Саша, я снова не вовремя?

Если бы мы общались по скайпу, то Алексей был удивлен несоответствием моего недовольного голоса и радостной улыбки победителя на лице.

- Как вам сказать, - начала я, а продолжил он:

- Чтобы не обидеть.

- А чтобы не обидеть, то могу признаться, что мне необходим короткий перерыв, во время которого я могу с вами поболтать, - великодушно произнесла я, тщательно скрывая визгливые нотки щенячьего восторга. Я пританцовывала, причем весьма по-медвежачьи: сначала переносила тяжесть тела на одну ногу, пружинила на ней, затем тоже проделывала с другой ногой. Видимо, мое учащенное и сбивчивое дыхание заставило Гладышева поинтересоваться:

- Ты занимаешься... физическими упражнениями?

Переход на «дружескую ногу» пришлось проглотить. Прекратила медвежачьи танцы и пояснила.

- Так, немного. Мышцы затекли от долгого пребывания в одном положении.

- Может нам немного пройтись, подышать свежим воздухом? – быстро сориентировался он. – Погода чудесная. Наступило бабье лето.

Соглашаться я не спешила. Решила подождать метеосводку, которая обязана последовать за объявлением бабьего лета. И дождалась.

- Температура почти как летом, почти двадцать пять градусов, ни ветерка.

Я снова выглянула в окно, желая убедиться в его словах, словно до сей поры пребывала в подземелье. Дала себе установку не верить ему на слово, вот и не верю. И сразу заметила Гладышева с мобильником в руках. Он прислонился спиной к стволу высокой раскидистой ивы, надеясь найти там укрытие. Укрытие и впрямь было надежным, но мой зоркий глаз его заметил.

Скоренько отпрянула от окна, не желая быть увиденной, и напряженным голосом спросила, намекая, что расстояние имеет значение для нашей встречи. Заодно решила его проверить.

- Алексей, ты далеко от моего дома?

- Не очень, - расплывчато сообщил Гладышев. Выкрутился. - Но я могу через пять минут быть у твоего подъезда.

Неужели путь от ивы, расположенной в двадцати метрах от дома, занимает пять минут?! Ну-ну.

- А в три минуты уложишься?- без намека на ерничество спросила я.

- Уложусь в две минуты, лишь бы ты согласилась со мной прогуляться!

- Хорошо, я уже спускаюсь! – соврала я и притаилась за занавеской.

Фигура под деревом зашевелилась, но я не могла рассмотреть, что происходит. И сразу из-под сени менее лохматого, чем в летнюю пору, но совершенно зеленого, дерева появился Гладышев, и быстрым шагом удалился со двора.

- Куды ж ты пошел, милай? – проскрипела я старческим голосом, провожая крепыша взглядом. Вскоре «милай» появился вновь и вальяжной походкой пересек двор, замерев у моего подъезда, как часовой.

Зачем такие сложности? Не проще ли было просто выбраться из-под ивы и дойти до подъезда? Он решил, что я, действительно, уже спускаюсь по лестнице, и будет лучше, если я увижу его входящим во двор. Боялся, что его подловят на ненужной лжи, хотел избежать лишних вопросов. Так надо думать, прежде чем языком молотить! Лично я не вижу ничего предосудительного, если парень бродит под окнами понравившейся ему девушки. Напротив, это подтверждает его чрезвычайный интерес к ней.

Ладно, бог с ним! Ловить на лжи и проводить допрос с пристрастием я не собираюсь. Раньше бы не отказала себе в удовольствии, сейчас время другое – напряженное.

- Наша служба и опасна и трудна! – задорно выводила я, несмотря на напряженность момента, и одновременно напяливала на себя сначала джинсы, потом - футболку. Поискала глазами кроссовки, не нашла, сунула ноги в туфли на небольшом каблучке, посмотрела на себя в зеркало, неодобрительно поцокала языком, прихватила с вешалки ветровку и покинула квартиру. – ...Значит, с ними нам вести незримый бой, - продолжала напевать я, закрывая дверь на все замки. Проверила время на наручных часах и противным гнусавым голосом объявила, - литерный поезд следует по графику! – И погрузилась в лифт.

Боевое настроение мне импонировало, главное – прикусить язык и не лезть на рожон. Дашка в таких случаях подключает к разговору свое второе «Я», выплескивая ему накопившиеся эмоции. Но мне такой советчик не подходит, я должна включить свой мозг на запись беседы с Гладышевым, не забывая при этом вставлять свои реплики, чтобы не выглядеть немой тупицей...

Я выплыла из подъезда и растянула губы в улыбке, выказывая свою радость от встречи с молодым человеком. Тот не заставил себя ждать и протянул руку. Я приготовилась к рукопожатию, но Алексей притянул мою изящную ручку к своим губам и запечатлел на ней нежный поцелуй. При этом он не изогнулся в поклоне, как на великосветских раутах, видно боялся отвести от меня взгляд, которым успел просверлить во мне дыру. Поцелуй пришелся на пальцы, поэтому выглядел чересчур интимным. Если считать, что расстались мы на ноте легкого непонимания, то эта интимность мне была непонятна.

Я подергала руку, пытаюсь высвободиться, но Гладышев не выпустил. Повторно дотронулся губами, а потом приложил мою ледяную ладонь к своей пылающей щеке, чтобы до меня дошло, как он воспылил от долгожданной встречи. Я хотела хмыкнуть, выражая неудовольствие плохой игрой актера, но сдержалась. Он думает, что неотразим. А я на это кино не куплюсь, как пелось в одной известной песне.

Мы продолжали стоять у подъезда. Думаю, выглядели комично: «немая» девушка с глупой улыбкой на устах и сосредоточенным взглядом, и «влюбленный» качок с прижатой ладонью к своей щеке и требовательным взглядом. Не знаю, что он мечтал от

меня услышать. Возможно, выражение бурной радости. Я должна была кинуться ему на грудь и пустить слезу от счастья. Возможно, покрыть лицо поцелуями.

Я упрямо молчала, с места не двигалась. Пришлось ему «разруливать» образовавшийся затор при встрече.

- Саша, я так рад тебя видеть!

- Взаимно! - выдала я первое, что пришло в голову.

- Куда пойдем?

Я неопределенно мотнула головой, мысленно напомнив себе, что включать мозги – это не значит, вешать замок на рот. Все-таки, надо что-то говорить.

- Тогда пойдем, куда глаза глядят! – предложил кавалер.

Куда глядели его глаза, я пока не поняла, а мои глаза косились на родной дом, от которого мы удалялись. Мне было некомфортно рядом с этим человеком. Я его почти не знаю, мыслей не понимаю, в чувства не верю, поэтому будет лучше держаться в людном месте. Неподалеку от моего дома был разбит парк, где всегда прогуливались мамы с детьми, пожилые пары, а вечером – молодежь. Сейчас солнце клонилось к закату, но находилось еще на середине своего пути, поэтому я решила: до темноты еще достаточно времени для прогулки по парку и «задушевной» беседы. Со стороны мы напоминали влюбленную парочку: я держала его под руку и выглядела совершенно счастливой со своей идиотской улыбкой на устах, а он вел меня с видом бравого гусара, которому выпал неожиданный выходной. При этом «гусар» пока не решил, каким излишествам предаться и чем удивить свою даму: рассказами о славных подвигах или признанием в любви?

А почему Гладышев разгуливает по улицам, когда весь рабочий люд только заканчивает трудовой день? И чем он, вообще, занимается? – подумала я и уже открыла рот, чтобы все выяснить, но вовремя вспомнила напутствие математика. Но я перестану быть немой, когда он начнет разговор.

- Извини, что не звонил, ездил на похороны, - без трагедии в голосе сообщил он, ожидая моего вопроса. Я лишь сочувственно вздохнула. – Дедушка умер. Я его очень любил. И понимаю, что близкие люди старятся и уходят, но принять не могу. – Легкая печать проскользнула в его словах.

- Прими мои соболезнования, - не выдержала я, - у... - начала я протяжно, подготовившись выложить правду о своем горе, но быстро заткнулась. Честно говоря, меня покоробил молниеносный переход от заявления о смерти и доверительного «любил». Сразу захотелось продолжить словами детского стишка о собаке, которая съела кусок мяса. Я придираюсь?

- Ты хотела что-то сказать? – спросил Алексей, ласково поглаживая мою руку.

- Хотела спросить. У тебя, наверное, бабушка осталась? – нашлась я. Не могу сказать, что его поглаживания меня раздражали.

- Да, бабушка жива. Она тяжело переживает потерю мужа. А у...

- У меня нет ни бабушек, ни дедушек! – отрезала я, предвидя его вопрос, и похвалила себя за находчивость. Мы, молча, продолжили путь. Только напускное счастье куда-то испарилось, уступив место задумчивости и сосредоточенности. В голове Гладышева наверняка отложилась моя безудержная болтливость при первой встрече, и сейчас он удивлялся резкой перемене: я вдруг превратилась в замкнутую и неразговорчивую девицу. Его удивление легко читалось по глазам. Он постоянно заглядывал мне в лицо, но вопросов не задавал. Не знал, как ко мне подступиться.

- Как твоя диссертация? – заинтересовался он.

- Нормально, скоро защита.

- Поздравляю!

- Пока рано, - буркнула я и подумала: надо быть помягче, а то спугну.

Меня стало напрягать молчание, но я упрямо не открывала рта. Очень хотелось домой. Может, Лобов напридумывал все, и Гладышев здесь абсолютно не причем. Человек,

действительно, ездил на похороны, а при нашей первой встрече уже знал, что его дед находится в критическом состоянии, поэтому был неразговорчив и не обратил внимания на симпатичную девушку. Потом немного пришел в себя, вспомнил обо мне и решил поделиться горем. Когда он позвонил после долгого молчания, то произнес странную фразу, которую я сразу не поняла: в прошлый раз он помог мне, а теперь ждет помощи от меня.

Я покосилась на Гладышева. Сразу видно – обиделся!

- Извини меня, - покаялась я, - просто столько всего навалилось!

- Можешь поделиться со мной, - предложил Алексей и внимательно посмотрел на меня, ожидая исповеди.

- Мама в больнице, - сказала я, сознавая, что этого говорить нельзя. Подействовал его гипнотический взгляд.

- Что-то серьезное?

Я с трудом сбросила с себя оцепенение.

- Травма. Но ничего серьезного, она скоро будет дома. И давай не будем об этом! - Я устремила взгляд в землю. Вышагивала с такой сосредоточенностью, будто шла по минному полю.

- Я могу чем-нибудь помочь? – продолжал занудствовать Гладышев. Хотел остановиться, забежать вперед, чтобы, наконец, разобраться в моих мыслях по глазам. Но я потянула его вперед. К минам добавилось огромное количество капканов, в которые я боялась угодить, поэтому сосредоточенность в перемещении полностью завладела мной.

Я придумывала, как повернуть диалог в другую сторону, подальше от меня и моих родных.

- Расскажи лучше о себе, – попросила я, наплевательски относясь к наставлениям Лобова. Не забыла пояснить, - я сегодня так устала, что даже говорить трудно, словно это тяжелое физическое упражнение. Но я могу внимательно слушать! – При этом приложила головой к его плечу, показывая одновременно свою расположенность и чрезмерную усталость, при которой даже голова плохо держится на тонкой шее.

- Учился, работал, жениться пока не успел! – скороговоркой проговорил Алексей, намекая, что обладает чувством юмора, которое так ценится девушками типа меня.

- Содержательный рассказ, - вздохнула я. – И все глаголы стоят в прошедшем времени, - с укоризной заметила я. - Если с учебой и семейным положением мне еще понятно, то с работой не очень. Находишься в подвешенном состоянии: с прежней работы уволился, а новую пока не нашел?

- Я работаю, но мне пришлось... так выразиться, чтобы вышло складно.

- И непонятно, - пробормотала я себе под нос.

- А тебе обязательно нужно знать, кем я работаю и сколько зарабатываю? – хмыкнул Алексей. – От этого зависит твое отношение ко мне? Если я дворник, то ты прекращаешь общение со мной, а если банкир, то твой интерес увеличивается в несколько раз?

- Ну, на банкира ты не похож, - протянула я, окидывая взглядом его крепкую фигуру, - больше на профессионального тренера в приличном фитнес-центре, где в тебя влюблены все дамочки от двадцати до семидесяти.

Я не обиделась на его резкое высказывание. И ни в коем разе не собиралась что-то ему доказывать. Много чести!

При этих словах Гладышев как-то странно на меня посмотрел, словно я попала в точку. Я ожидала заверений в моей ошибочной теории, но он молчал. Мы шли рядом и снова молчали. Я не хотела докапываться до причины его немоты, боясь спугнуть парня чрезмерной заинтересованностью.

- Ты... угадала, связав меня с фитнес-центром, - наконец, проямлил он, с трудом подбирая слова. – Только я... там не работаю, а прихожу три раза в неделю, чтобы поддерживать себя в форме.

А вот и врте! Вот и врте! Иначе, зачем так долго выпутываться из сети, которую я забросила.

- А место работы настолько засекречено, что даже думать об этом в присутствии посторонних нельзя, не то, чтобы произносить вслух! – с иронией произнесла я, устав от недомолвок.

- Тебе это будет неинтересно, у меня обычная работа простого клерка, которая не заслуживает внимания.

При этом заявлении мне захотелось пасть оземь и долго хохотать, суча при этом ножками и изредка выкрикивая: «Ой, не могу! Ой, сейчас умру от смеха!» Представив эту сцену в дополнении к сосредоточенному лицу Гладышева, которая не соответствовала вольному времяпровождению, я не выдержала и рассмеялась.

- Тебе это показалось смешным? – обиженным тоном спросил он и надменно поджал губы.

Обиженный клерк-амбал! – подумала я, не переставая хихикать. – Сейчас заплачет и уйдет от плохой девочки Саши, не поверившей ни одному его слову. Но «клерк-амбал» продолжал стоять рядом, недоуменно поглядывая на меня.

- Лучше бы ты сказал, что, хи-хи, работаешь охранником, хи-хи!

Сейчас меня разорвет от сдерживаемого смеха. И опять я веду себя странно при причине долгих ожиданий и переживаний. Мое поведение всегда зависит от душевного состояния. Когда нервы пошаливают, я веду себя неадекватно.

- Я привык говорить правду! - с вызовом сказал Гладышев.

- Правду и только правду! – заголосила я. - И перед лицом своих товарищей торжественно клянусь... - Начала я произносить слова клятвы пионера, которую слышала от мамы, бывшей пионерки, но продолжить не смогла. Представила себе не просто парня-здоровяка, а переростка пионера–крепыша с красным галстуком на шее и с фанатичным блеском в глазах, и больше не смогла сдерживать сумасшедшие эмоции. Нарисованный образ добил меня окончательно, к смеху добавились икание и боль в мышцах живота.

- Может, воды? – сочувственно поинтересовался «верный ленинец». Я представила, как он протягивает мне стакан с газированной водой из автомата, которые были в моем глубоком детстве, и пока я пью, стоит по стойке смирно и отдает мне салют, как все хорошие пионеры, выполнившие свой долг по оказанию помощи нуждающимся людям.

- П...прошу тебя... п...помолчи, - заикаясь, проговорила я между завываниями и икотой. Алексей подвел меня к скамейке, усадил и исчез. Я сразу успокоилась, но наполовину: смеяться перестала, но икота не прошла. Я сделала глубокий вдох и задержала дыхание, чтобы унять икоту. Тут подоспел мой профессиональный спаситель и протянул мне бутылочку с минералкой.

- Спасибо, - поблагодарила я, выпустив воздух из легких, и тут же громко икнула. – Извини! – Я приложила к бутылке и не заметила, как быстро ее осушила.

Гладышев устроился рядом и странно поглядывал на меня. Когда бутылка опустела, он, молча, забрал ее и бросил в урну.

- На лицо все симптомы переутомления! – с видом знатока заявил он.

- Ты разве медик?!

- Я разбираюсь во всем! - с вызовом сказал Алексей.

А это уже ключевая фраза...

Я не знала, что еще сказать, чтобы окончательно не выгнать из него интерес ко мне, пусть и напускной: когда тебе смеются в лицо, не каждый выдержит.

Бесспорно, мой истеричный смех нокаутировал Гладышева, это заметно по его недовольной физиономии, но прощаться он не спешил. А я суматошно раздумывала, как загладить свою оплошность. И тут случилось то, чего не должно было случиться. В тишине вечернего парка вдруг зазвучал голос Алексея, растягивающий стихотворные

строки. Он не замечал моего изумленного взгляда и продолжал декламировать. Стихи были... странные и непонятные. Может, я далека от понимания гениального творения неизвестного автора, но лично мне они показались сплошной мешаниной, состоящей из погодной лирики разных времен года, бешеной любви и размышлений на тему: как я провел предшествующие сегодняшнему дню годы жизни и что от жизни ждать в будущем. Стихи я сравнила с картинами абстракционистов, которыми все любят и делают вид, что понимают задумку художника...

Я попыталась запомнить несколько строк для дословной передачи математику - вдруг он сможет раскусить чтеца Гладышева с их помощью. Но Алексей переходил к следующему шедевру, и я забывала строки из предыдущего. Потом я бросила эту затею, дожидаясь окончания декламации. Я решила, что попрошу повторить «на бис» особо понравившееся, которое будет последним.

Надо отдать ему должное: читал он с чувством. Причем звучали стихи совершенно обыденно, без голосовых взлетов и падений, но иначе и быть не должно: он не стоял на сцене перед публикой, а сидел на скамейке рядом с единственным слушателем. Читал, отгораживал нас от редких прохожих, пытался увлечь меня в свою стихотворную страну, где я перестану быть глупой хохотуньей.

По книгам, по кинофильмам я знаю, что любая девушка обожает, когда молодой человек читает ей стихи. И неважно, кто автор: он сам или классик поэзии. Это показатель лиричной влюбленности. Только у влюбленного человека поет душа, аккомпанирует декламации, подхватывает единственную слушательницу и возносит в небо. Оба парят над облаками. И долго-долго не могут спуститься на землю, несмотря на то, что музыкальная декламация давно закончена.

Гладышев меня не увлек, даже призвав на помощь некое подобие запутанной лирики, и не доказал своей влюбленности. Я просто внимательно слушала его, пытаюсь выхватить из текста еще одно ключевое слово. Но из бреда тяжело выудить не только ключевое, но и понятное сочетание. Вроде звучат нормальные слова на русском языке, в отдельности ты понимаешь, что лето – это время года, а сочетание «завьюженное лето» не создает в голове никаких ассоциаций. Только представляется картина знойного июля и кружащие в небе хлопья... тополиного пуха. Как в песне: тополиный пух, жара, июль. Но и эти слова песни мне были непонятны. В нашем регионе страдания аллергиков начинались в середине мая...

После выпитой воды мне захотелось в туалет, но я не могла такой приземленной прозой прервать парящего в одиночку декламатора. У меня в голове засела одна мысль: когда, наконец, закончится это испытание стихами? Я перешла к любимому занятию - стала постукивать каблучками по асфальту: приподниматься на ступнях и опускаться на каблуки, раз – два, раз – два... Металлические набойки придавал моему стуку особый звук. Я даже попыталась подстроиться под чтеца, который почему-то замедлился и стал коситься на мои ноги. На них стоило давно обратить внимание! Жаль, что они сегодня спрятались под джинсой...

Я сначала тоже перешла на спокойный ритм, но потом решила участиться, чтобы декламатор последовал моему примеру, а затем не выдержал предложенного темпа и громко заявил: «Конец!» Для меня бы это прозвучало, как старт к бегу на короткую дистанцию, так как нужное мне заведение находилось неподалеку.

Но чтец перешел от декламации к обсуждению прозвучавших шедевров.

- Тебе не понравилось? - выдохнул он, не переставая изучать мои успокоившиеся ноги, будто вопрос был обращен к ним.

- Что ты, очень понравились стихи, очень, - дребезжащим голосом успокоила я его. – Но я сейчас отойду на минутку, а потом мы поговорим о твоём творчестве.

- Но это не я написал, - неуверенно пробормотал он мне вдогонку...

Неспешным шагом я вернулась к Гладышеву. За недолгое отсутствие я смогла восстановить в памяти несколько строк: необузданная мысль пронеслась по небосклону и оставила в душе чью-то странную тревогу...

Надо запомнить и процитировать Дашке, - подумала я, - вот только боюсь, что ее сердце не выдержит от... нахлынувших чувств!

Я опустилась на скамейку.

- Интересные стихи! - Наконец, я нашла им определение. – Но я пока не могу передать свое отношение... Нужно перечитать их, вдуматься в каждое слово.

Я осторожно подбирала слова. То, что автором является сидящий рядом со мной молодой человек, я несколько не сомневалась. Хотя, он уверял обратное. Мою уверенность подкреплял его недовольный вид. Мечтал услышать восторженные речи, а я потребовала перечтения и осмысления.

Конечно, это он состряпал. Такой бред выучить наизусть постороннему человеку невозможно, обязательно споткнешься, что-нибудь упустишь, и все пойдет... не в рифму. Рифмой в этих стихах не «пахло», но складная текучесть просматривалась.

Я покосилась на Алексея: на душевнобольного он не похож. Будто бы. Или похож? И сочиняет свои вирши в период сезонного обострения. А когда оно наступает? Весной или осенью! Осенью... Я поежилась и попыталась рассмотреть в своем спутнике пробуждающиеся признаки шизофрении. Выглядел Гладышев совершенно нормальным, только несколько задумчивым и сосредоточенным. Мне показалось, что он сожалеет о своем лирическом порыве.

И теперь ему ничего не остается, как избавиться от человека, посвященного в его тайну. Я попыталась напустить тумана.

– Мне показалось, что автор этих стихов жил в прошлом веке, - голосом литературного критика, который пока не пришел к окончательному выводу, заметила я и уточнила с нажимом, - в начале прошлого века. Мне показалось, что в шестом или в седьмом классе, я читала эти стихи. И они вдохновили меня на собственное сочинительство. – Врала я с умыслом. - Но это длилось недолго: так глубоко вникать в... сущность любви, окружающей природы, мне тогда было не под силу по причине малолетства. А потом я увлеклась рисованием...

- А у тебя сохранилась книга?

- Какая книга? – не сразу сообразила я, надеясь услышать совсем другое.

- Автора стихов начала прошлого века, - подсказал Гладышев.

- Нет, я ее брала в школьной библиотеке. И даже имени автора не помню.

- Очень интересно, - с долей возмущением протянул он.

- А ты где их нашел?

- Натолкнулся в интернете. Фамилии автора не было. Слова, как говорится, народные.

- Странно, что талантливые люди скрывают свое имя, - подсыпала я сахарку на его рану. А про себя подумала: сидят рядом два человека и безбожно врут друг другу. У меня, хотя бы, есть оправдание: я лгу во спасение собственной шкуры! А Алексей? С какой целью он начал читать стихи, чтобы потом уклониться от ответа и понести околесицу? Во всем должен быть смысл! Пока я смысла не вижу!

Как только солнце исчезло за горизонтом, на город сразу опустилась ночь, будто кто-то выключил рубильник. Я огляделась по сторонам и поняла, что в парке почти никого нет, мамочки с детьми давно ушли, за ними последовали пенсионеры, а молодежь еще не собралась на тусовку. Молодой тоненький месяц поселился на небе без пользы: такой тусклый источник нужного освещения не давал. Его красивая серповидность навевала сказочную грусть. Не хватало в довершении рассыпанных по темному небу звезд, но их черед еще не пришел. Новолуние лучше, чем полнолуние, по крайней мере, вурдалаки в этот период отсиживаются дома, - подумала я для собственного успокоения и снова покосилась на Гладышева, который тоже с интересом рассматривал ночное небо.

- Мне пора! – заявила я и поднялась на непослушных онемевших ногах. Я не сомневалась, что Алексей последует за мной. Так и случилось. Он взял меня за руку, показывая, что наши разногласия забыты, и мы снова друзья навек...

Чечеткина так погрузилась в новые отношения, что совсем забыла о Лунева, который не давал о себе знать. Пока однажды Заур не заявил.

- Я навел справки об Александре Лунева.

- О Лунева? – удивленно вскинула брови Дарья. - Но он меня мало интересует!

- Я привык доводить все дела до конца, - монотонным голосом выговорил Зауков, не особо доверяя ее высказыванию.

- Это, правильно, это ты молодец! - похвалила его девушка и смачно чмокнула в щеку. Заур улыбнулся.

- Ты такая... открытая. Все чувства бьются наружу, как гейзер из термального источника! Я боюсь, что он может иссякнуть, и ты... и ты меня разлюбишь.

- Знаешь, ты мне предопределен... сном! – констатировала Чечеткина и звонким голосом добавила, - только я не желаю быть четвертой женой! – Чем окончательно запутала парня.

- Я... не понимаю тебя...

- Накануне знакомства с тобой мне приснился странный сон... Приснился парень, которого звали Заур. Но тот Заур совсем не похож на тебя. Об этом я уже после узнала, когда познакомилась с тобой. В голове сложился образ адыга... - Дашка красочно пересказала ему сон...

- Дашенька, тебе придется подождать, - трагичным голосом начал Зауков, хитро прищутив глаза.

- Чего подождать? Кого подождать? Зачем кого-то ждать? – забросала она его вопросами.

- Подождать пока не женюсь три раза, а уж потом придет твой черед! Будешь мне четвертой женой!

Чечеткина не стала говорить, что подобное слышала от своей подруги, и набросилась на него с кулаками. Заур перехватил ее руки одной рукой, а второй прижал к себе.

- Ты такой сильный, - вздохнула она и положила голову ему на грудь. – Рядом с тобой я чувствую себя слабой и беспомощной.

- А до этого ты легко поднимала штанги, - усмехнулся он.

- Я не об этом, - тихо сказала Даша.

- Я понял.

- Я всегда хотела выглядеть сильной и независимой. Деловая девушка Дарья Чечеткина, щелкающая, как орехи, все проблемы! Но в душе я не такая. Я считаю, что женщина не имеет права быть сильной. Как не имеет права все дни проводить на работе, ставя ее во главу угла. Она не обязательно должна быть домохозяйкой, пусть работает, но без фанатизма. Главное для нее - семья! Любящий муж и дети.

Заур заглянул в ее глаза.

- Я люблю тебя, моя маленькая слабая девочка! Я всегда буду любить тебя!

Мир перестал существовать для этих двоих...

Дашка разливала кофе по маленьким чашечкам, к которым упорно приучала Заура, привыкшего к «маленьким кастрюлям», как она называла его любимую чашку. Вспомнила Лунева, новости о котором Зауков не успел пересказать, и чуть не пролила кофе.

- Заур, так что ты узнал об этом проходимце? – Она оставила в покое турку, забыв наполнить свою чашку, и присела на стул, подперев кулачками щеки. Бойфренд пребывал в расслабленном состоянии и не желал говорить о поклоннике его девушки, пусть и бывшем.

- Может, в другой раз? – скривился он от понимания, что Дарья так просто не отстанет. Слабая девушка в достижении своей цели может дать сто очков любому представителю сильного пола.
- Ну, пожалуйста! – заканючила она.
- О Лунева... - задумчиво сказал он, собираясь с мыслями. – Александр Лунев не значится в списках аспирантов юридической кафедры. Ты, случайно, ничего не напутала? Он точно прибыл в наш вуз защищать свою диссертацию?
- Мы стояли рядом с университетом, он показал на здание и сказал, что будет ЗДЕСЬ защищаться, – задумчиво произнесла она, восстанавливая в памяти картину знакомства с Александром. – Слушай, Заур, а ты можешь навести справки в своем универе: учился там Лунев или нет?
- Уже навел.
- Судя по нерадостному голосу, он там... не учился? – Дарья выделила последнее слово.
- Зацуков кивнул. – А этим сведениям можно доверять?
- Моя тетя работает в отделе кадров. Она все проверила...
- И ошибиться не могла?
- Исключено - у них там сплошная компьютеризация. Не то, как раньше в архивах копались, и могло потеряться личное дело бывшего студента. Фамилия Лунев, конечно, не Иванов, но тоже довольно распространенная, но не в нашем регионе.
- Ты провел такую работу, а мне даже не намекнул, что продолжаешь интересоваться этим типом. Я ничего не понимаю: зачем человеку знакомиться со мной на улице и выдумывать о себе легенды? Еще книгу Шершеневича приплел... Будто знал, что я тоже юрист...
- А какая связь?
- Понимаешь, книга этого автора является настольной книгой любого юриста, будь он студентом, аспирантом или практикующим адвокатом. Это как азбука для начинающего читать малыша.
- Получается, что Лунев предварительно навел о тебе справки, узнал, что ты по профессии юрист и поймал тебя на книгу Шершеневича, как на удочку...
- Заур, мы должны вывезти этого авантюриста на чистую воду! – встрепенулась Дарья.
- Каким образом? Написать заявление в полицию, что некий молодой человек, выдававший себя за Лунева, познакомился с симпатичной девушкой Дарьей Четкиной и вешал ей на уши лапшу целый месяц, преследуя непонятные цели? Там покрутят у виска и пошлют подальше.
- Пошлют, - согласилась Дарья. – Но я должна во всем разобраться! Меня убивает неведение: действительно, какие цели преследовал этот лже- Лунев? Зачем представился чужим именем?
- Стоп! Даша, он... – Зацуков приложил пальцы к губам, словно боялся случайно высказать страшную догадку.
- Я по-ня-ла, - произнесла Четкина, как в замедленном кино. – Он хотел...меня... А когда меня начнут искать, то опросят всех друзей, всплывет его фамилия. Полицейские заинтересуются им, но вот незадача – был человек по фамилии Лунев и весь вышел! Кто-то видел меня с ним, кто-то слушал мои рассказы о нем, но достоверных сведений нет. С ним никто не сидел за одним столом, не был представлен по всей форме... Человек – призрак... То ли был, то ли нет... Но лже-Лунев плохо знает Дарью Четкину, она не имеет привычки делиться с подругами рассказами о новых приятелях, даже если эти приятели ей глубоко симпатичны, а подруги самые близкие. – Последнюю фразу она произнесла совсем тихо и стрельнула глазами в Зацукова, ожидая увидеть его реакцию на близких подруг.
- Ты имеешь в виду Сашу? – спокойным голосом поинтересовался он. – Неужели, вы никогда не делитесь с ней женскими секретами?

- Никогда! – Дашка продолжала изучать лицо Заура. – Тебе ведь она... нравилась?
- Нравилась, - согласился он без долгих раздумий. – Я сейчас тебе всё объясню. В детстве ты влюбляешься в известную актрису. Собираешь вырезки из журналов с ее изображением, обклеиваешь ими всю стену. Другие девушки для тебя не существуют. Может быть, ты просто боишься отношений. То ли дело любить идола с экрана. Образ объекта твоей любви со временем не стирается. Ты ищешь среди десятков женских лиц одно единственное лицо – лицо двойника твоего кумира. В конце концов, на радость или на беду, ты находишь такую женщину. И думаешь, что влюблен. Так живешь до тех пор, пока тебя не стукнет по лбу озарение – я ее не люблю, потому что люблю другую, которая совершенно не похожа ни на нее, ни на идола.
- А когда происходит озарение?
- Когда однажды утром ты просыпаешься, копаешься в себе, чтобы узнать, почему так легко и приятно на душе, и быстро находишь причину. А причина проста: девушка! С ней ты познакомился накануне, не сразу сообразил, что полюбил ее с первого взгляда! Она засела в твоём сердце, как острая длинная заноза. Вырвать ее уже невозможно! И нет желания делать это!
- Надо так понимать, что заноза - это я? – на всякий случай уточнила Дарья. И не сдержалась, - а Сашка – идол?
- Заур притянул ее к себе, усадил на колени и прошептал.
- Переезжай ко мне. Я не могу без тебя ни минуты.
- А как же работа? Ты везде будешь водить меня за собой?
- Буду! Вокруг тебя бродят подозрительные типы, я боюсь за тебя. – Он потянулся к ее губам, но она резко отпрянула.
- Я не могу разгадать намерения Лунева и от этого злюсь!.. В смысле не Лунева, а этого подозрительно типа, как ты выразился. – Она сидела на коленях Зацукова и покачивала ножками, как маленькая девочка, которая сидит на высоком стуле и не достаёт до пола.
- У Заура сжалось все внутри, когда он представил, что ее может кто-то обидеть. Вот она рядом, такая раскрасневшаяся, такая миниатюрная, такая любимая...
- Ты видела его после встречи у памятника? – спросил он охрипшим от волнения голосом.
- Нет, но он несколько раз звонил и предлагал встретиться.
- И он не подждал тебя у подъезда, чтобы увидеться и выяснить отношения?
- Может, и подждал, но не решился подойти. Ты постоянно был рядом. – Дашка потерлась носом о щеку Заура. – Мне кажется, что я его не интересую, - между делом сообщила она.
- Тогда я вообще ничего не понимаю!
- Я пока тоже, но думаю, что этот... тип приятной наружности хотел влюбить меня в себя и сделать источником информации.
- Какой... информации?
- Информации о человеке из моего окружения, с которым он сам сблизиться не может.
- Думаешь, это мужчина?
- Скорее всего.
- А у тебя есть знакомые, о которых надо собирать сведения?
- Есть! Это мой отец!
- Отец! – удивился Зацуков, словно только что узнал, что у Дарьи есть родитель. – А чем он интересен?
- Работой, – односложно произнесла она. – Он директор одного НИИ...
- Можешь не продолжать. Но мне кажется, ты не очень подходящий источник информации. Что ты знаешь о работе отца?

- Ничего! Но можно попасть в наш дом на правах моего близкого друга. Не скрою, он меня заинтересовал.

- Не мудрено, - хмыкнул Заур.

- С лица воду не пить! - вымолвила Дарья. - Не знаю, как бы дальше развивались события, если бы он не начал заверять меня в сильной любви. Мне его фальшивые нотки открыли глаза. По я придержала свои эмоции. Думаю, послушаю дальше. Сначала решила, что он преследует одну цель - затащить меня в койку. Дескать, сделаю признание, огорошу непривычную к этому дурнушку и уложу ее в постель, потому как без чувств, по ее мнению, мы акт соития совершить не в праве.

- Ты не дурнушка! - возмутился моей низкой самооценкой Зацуков.

- Хорошо, не дурнушка, но и не красавица, - не стала спорить она. - А потом бы все развивалось по банальному сценарию. Как истинный джентльмен, он предложит мне выйти за него замуж. Допускаю возможность своего интересного положения. А что, дурное дело - нехитрое!

Заур оценил взглядом впалый живот Дарьи.

- Может, мне сделать это за него?

- Ты... тоже преследуешь корыстные цели? - возмутилась она.

- Почему нет? Живу на съемной квартире, плата высокая, тем более при моей зарплате, а у вас хоромы, живи на всем готовом и платить не надо! - восхитился он. - Опять же приданое за невестой немаленькое, так как ее папахен человек обеспеченный. Здорово я всё просчитал!

- Это ты мне предложение делаешь в такой странной форме?

- Пока просто рассуждаю вслух, - задумчиво сказал Заур и оценил прелести будущей невесты взглядом бывшего ходока.

- Вот так доверишься человеку, поддашься обманчивым чувствам, а он... сделал дело, забыл о любви, включил в голове калькулятор и пересчитал калым, который можно срубить за невесту.

- Все мужики сволочи! - писклявым голосом пропел Зацуков.

- И не говори, кума, все до одного! - Они дружно рассмеялись. После чего, Зацуков заявил, - если Лунев позвонит, скажи ему, что выходишь замуж.

- Он не поверит. Решит, что я ищу причину отвязаться от него.

- Тогда познакомь его со мной! - предложил Заур. - И я подтвержу твои слова.

Даша представила невысокого Зацукова рядом с «баскетболистом» Александром, или как там его зовут на самом деле, и поняла: он все равно не поверит! Скажет, что кандидатуру на роль жениха она выбрала неподходящую, могла бы пригласить более колоритного мужика. Кто же меняет приятного во всех отношениях молодого мужчину на невзрачного паренька с печатью отличника на лице. Чечеткина даже представила, как он при этом криво ухмыльнется. Но она не собирается бить себя в грудь и доказывать, что этот невзрачный «отличник» - ее судьба. Он все равно не поймет...

Звонок от Лунева раздался на следующий день. Он по-деловому поздоровался, словно звонил не любимой девушке, а своему партнеру по бизнесу. Хорошо, не стал интересоваться курсом рубля по отношению к доллару, но тем же тоном спросил, как у нее дела. Дарья заверила, что все в порядке, и хотела уже похвастать будущим замужеством, но Алексей ее перебил.

- Я не люблю, когда девушка водит меня за нос! - Прямо так и сказал, легко перейдя от «переливаний из пустого в порожнее» к конкретике.

- Я никого не вожу, - растерянно пробормотала Чечеткина.

- Я хочу знать - нужен я тебе или нет?

- На конкретный вопрос у меня есть конкретный ответ: Нет!

- Тогда разрешите откланяться, Дарья Игоревна, и пожелать вам успехов в труде и личной жизни!

Чечеткина не успела отреагировать, как он отключился.

К чему было городить огород? – задалась она вопросом.

Дарья, как и ее подруга Александра Козловская, любила видеть во всем смысл. Пока она смысла не видела. Ни в чем: ни в неожиданном уличном знакомстве, последовавшем за пустяковым вопросом, ни в долгих прогулках под луной, ни в признании, ни в сегодняшнем звонке.

Она позвонила Зауру и пересказала короткий разговор с Александром.

- Ты разочарована? – поинтересовался он.

- Чем? Тем, что он не был настойчив? Ни капельки! Но меня... что-то смущает. Возможно, то, как он со мной разговаривал.

- Он обидел тебя? – подобрался Заур.

- Нет, не обидел.

- Тогда что?

- Он мне не угрожал, не проклинал меня, не пытался вернуть мое доверие очередным признанием в сильной любви. Ничего подобного! Но я поняла, что задела его болезненное самолюбие. Под фразой «желаю успехов в труде и личной жизни» скрывалось предупреждение - «погоди, погоди, мы еще встретимся, последнее слово будет за мной».

- Не нравится мне все это!

- Зря я тебе рассказала, - вздохнула Чечеткина. – Не обращай внимания, может у меня разыгралось воображение, а на самом деле лже-Лунев - обычный альфонс, желающий пристроиться к дочери обеспеченных родителей и пожить за их счет. Потом понял, что я не самая подходящая кандидатура, нашел мне замену, но решил напоследок позвонить, чтобы оставить о себе хорошее впечатление. Авось, я о нем вспомню в минуту жалости к себе – бедной, несчастной, никому не нужной – и скажу, что он мне нужен.

- Придумываешь версии на ходу! – пораскинув мозгами, выдал Заур. – И я прошу тебя, Дарья Игоревна, без моего сопровождения никуда не выходи! Поняла? Чего ты молчишь? Никак не можешь сообразить, какие нотки скрыты в моем голосе? Озабоченные! Под фразой «никуда без меня не выходи» я не скрыл пожелание выйти из дома одной-одиношенькой в полночь и отправится в самый преступный район города.

Дашка посопела в трубку, все же не сдержала возмущение.

- С мужчинами, вообще, нельзя спокойно разговаривать, надо контролировать каждое слово!

- Да? А я считал, что женщины любят цепляться к каждому слову?..

Глава четвертая

Несколько дней напряженного ожидания не принесли никаких неприятных сюрпризов. В итоге Даша расслабилась, вернулся крепкий сон без сновидений, просыпалась она не ранее полудня, долго завтракала, практически обедала, затем перемещалась за компьютер, и делала вид, что усиленно трудится над кандидатской диссертацией. Прежняя дружба с диссертацией никак не налаживалась, а девушка не прилагала к восстановлению усилий. Она думала о Зауре и с нетерпением ждала его прихода.

Зауков появлялся после шести, и они отправлялись на прогулку или к нему домой, в зависимости от настроения и от погоды, особо не радующей в последнее время.

Поздним вечером Дарья возвращалась домой в сопровождении Заура. Он доводил ее до двери квартиры и не спешил уходить. Они еще долго стояли на лестничной клетке и целовались, не находя в себе сил оторваться друг от друга. Когда часы с боем в соседской квартире сообщали о наступлении полуночи, Чечеткина отправляла парня домой.

Вернувшись к себе, он сразу звонил любимой девушке, докладывал о своем прибытии, и они еще болтали пару часов, будто не виделись, по крайней мере, недели две.

В этот поздний вечер все было по-другому. Дашка тихо открыла дверь своим ключом, боясь потревожить спящих родителей, и заметила, что из приоткрытой двери гостиной пробивается свет и оттуда же, из гостиной, раздается странный звук. Она заглянула в комнату и обомлела от непривычной картины. В мягком удобном кресле развалился отец со стаканом виски. Все его внимание было приковано к стакану. Он бросал в него кубики льда, после каждого броска начинал «гонять» кубик по стакану. Раздавалось треньканье, он удовлетворенно кивал, делал глоток, снова наливал, бросал кубик льда, снова гонял, слушал треньканье, с наслаждением пил виски. Судя по его состоянию, эта процедура повторяется достаточно давно. Господин Четкин уже изрядно набрался.

Дарью сильно удивила представшая ее глазам картина: отец никогда не отличался пристрастием алкоголя, позволял себе пригубить рюмочку только по уважительной причине.

- Привет, алкоголикам, тунеядцам и дебоширам! - скрывая беспокойство за безбашенным весельем, сказала Дашка. – По какому поводу беспробудное пьянство?

Игорь Антонович посмотрел на дочь сквозь свой стакан, предварительно опустошив его, заодно отправил в рот не успевший растаять кубик льда.

- О, блудная дочь домой вернулась!

- Что случилось? – перефразировала свой вопрос блудная дочь, пристраиваясь на диване.

- Ты у меня спрашиваешь?! – с трудом ворочая языком, возмутился он. На всякий случай внимательно обзрел комнату, пытаясь отыскать кого-то еще, кроме Дарьи. Не нашел и от отчаяния решился наполнить свой пузатый стакан. Но Дарья легко отобрала и стакан, и почти порожнюю бутылку.

- Папа, ответь, пожалуйста, на мой вопрос! Если ты не понял, то мне несложно повторить.

- Дарья! Где...

- Я гуляла со своим молодым человеком! – сразу доложила дочь. Отец странно на нее посмотрел, сразу не сообразив, что она сказала. Потом кивнул, как бы соглашаясь, но не преминул уточнить.

- С каким молодым человеком?

- С Зауром Зацуковым. Помнишь, я вас знакомила. Не нужно за меня волноваться, не спать ночами. И тем более, не стоит напиваться... Я от тебя этого не ожидала. Дочери взрослеют, рано или поздно выходят замуж...

Игорь Антонович не желал выслушивать ненужные рассуждения взрослой дочери, которая стоит на пороге замужества, как не желал слушать из ее уст нравоучения.

- Дашка? Где твоя мать?

- Как это, где? Она... спит, - без особой уверенности сказала она и отправилась в родительскую спальню, чтобы убедиться.

Поток приглушенного света, врывавшегося из прихожей, улегся на пустой кровати с хозяйским видом. Дарья решила и зажгла свет. Да, кровать была пуста, привычно застелена стеганым шелковым покрывалом приглушенно-голубого цвета.

Четкина на всякий случай провела по нему рукой, зачем-то заглянула под кровать, усевшись на колени. В спальню нетвердой походкой вошел отец, хотел присоединиться к дочери, но у него не получилось. В итоге он оказался на кровати.

- Ну, что там? - спросила он недовольным тоном, словно дочь обещала отыскать под кроватью свою мать, но пока в этом деле не преуспела.

- Скелет любовника, - буркнула Даша. – Ты почему в полицию не позвонил? Знаешь, который сейчас час?! Твоей жены нет дома, а ты не нашел ничего лучше, как залиться вискарем!

- Мне что ж, каждый вечер звонить в полицию и спрашивать, где моя дражайшая супруга Людмила Константиновна Четкина?

- Почему... каждый вечер?
- Потому что уже неделю она приходит домой за полночь!
- Как... неделю?
- А ты даже не заметила этого! – обиженно заявил отец. – Не дом, а проходной двор! Все когда хотят приходят, когда хотят уходят! – Возмущение забрало у него последние силы, он растянулся на кровати.

Дочь встала с колен, хотела накрыть его пледом, но он открыл глаза и сказал:

- Я не собираюсь спать! Я ее дождусь и выскажу ей всё!
- Ты мог бы говорить тише, чтобы не ставить в известность весь дом о наших проблемах.
- Даже ты, моя дочь, меня не понимаешь! – Он вернулся в сидячее положение, собрался с силами и встал на ноги, опираясь на плечо дочери. – Я должен идти ее искать, - доложил он ей шепотом.

Дарья вернула его на место.

- Сиди уже, искатель, - вздохнула она. - Ты пока отдохни, а я дождусь маму и поговорю с ней. Не волнуйся, сам же сказал, что она приходит после полуночи, значит, скоро появится.

Игорь Антонович растянулся поперек кровати и сразу засопел. Дочь подсунула ему под голову подушку, накрыла пледом и пристроилась рядом.

Ей было жаль отца, она переживала за мать и ругала себя за эгоизм.

Прошло не так много времени, когда в замочной скважине осторожно повернулся ключ. Даша посмотрела на спящего отца и на цыпочках вышла из спальни, прикрыв за собой дверь. В прихожей появилась Людмила Константиновна со счастливой улыбкой на устах. Улыбка мгновенно исчезла, когда она увидела свою дочь.

- Почему ты не спишь?
- Глупый вопрос для человека, который отлично знает, что я раньше трех не засыпаю.
- Дарья, нельзя так разговаривать с матерью!
- Нельзя возвращаться домой со свидания поздно ночью! – отрезала Дарья. Мать ступевалась, сосредоточила все внимание на элегантном пальто, которое успела повесить на вешалку. Зачем-то застегнула пуговицы, полюбовалась своей работой, потом расстегнула пуговицы. Взрослая догадливая дочь поняла, что попала «в яблочко».
- Где Игорь? – напряженным голосом спросила мать, расставшись с любимым пальто.
- Напился и спит.
- Как... напился?
- Ты хотела спросить: почему? Потому что его супруга уже неделю по вечерам где-то... пропадает, - сдавленным шепотом произнесла Дарья. - И даже не позаботилась организовать себе алиби. И стереть счастливую улыбку за порогом квартиры... Ты еще скажи отцу, как в анекдоте: «Придумай что-нибудь сам, дорогой, ведь, ты такой умный!»

Мать вспомнила, что забыла снять сапожки. Разулась и направилась в ванну. Вымыла руки и последовала на кухню. Дашка отправилась за ней.

- Почему ты молчишь? – не отставала она.
- Раздумываю над алиби, - спокойно сказала Людмила, заглядывая в холодильник. – Ужинать будешь?
- Уже поздно, я фигуру берегу.
- А по ночам таскаешь из холодильника йогурты, а их шкафа печенье. И засыпаешь после трех.
- И все-то ты знаешь, а вот я ничего о тебе не знаю.
- Ты не хочешь ничего знать, - устало произнесла мать и опустилась на стул.
- Мам, что произошло? – Дочь села напротив и с участием посмотрела на нее.
- Я встретила человека...
- Это звучит как-то по-киношному, - вяло отозвалась Даша.
- Игорь меня никогда не понимал...

- Боже! Какая глупость! Люди живут сто лет, а на сто первом году заявляют, что один другого не понимает! Спрашивается, почему до этого их всё устраивало?!
- Потому что, не было с кем сравнивать.
- Оп-ля, как мы заговорили! За неделю так хорошо узнала человека?!
- Представь себе, - промямлила мать. – Я поняла, что...
- Что такое любовь! – закончила за нее дочь. – Сильная любовь, как стальной трос!
- Да, он любит меня, - призналась Людмила, не обратив внимания на язвительность Дашки.
- Отец тоже любит тебя, но у него нет времени для демонстрации своих чувств. Надо это понимать. И надо ценить таких мужчин, которые не лоботрясничают, не шатаются по пивнушкам, не играют в глупые компьютерные игры, а создают блага для своей семьи, которая может позволить себе то, что другим недоступно.
- Было бы желание, а времени хватит на все: и на работу, и на заботу. Счастье не в материальном достатке. Счастье это партнерство на условиях востребованности и самореализованности.
- Согласна. То, что ты не реализовала себя, как юрист – это только твоя вина. После моего рождения ты так и не вышла на работу, хотя, меня можно было отдать в детский сад...
- Когда у тебя будут свои дети, тогда будешь рассуждать...
- Мама, ты нужна мне и папе! Очень нужна! Мы любим тебя.
- У каждого из вас своя жизнь, а я, как девушка на раздаче в столовой: подала, убрала, не удостоилась даже элементарной благодарности. А зачем разговаривать с обслуживающим персоналом?! Его никто не замечает.
- Наверное, мы виноваты перед тобой, скорее всего, виноваты. Но почему ты молчала, почему не трянула нас хорошенько, не поставила на место?
- Я кричала, да вы меня не слышали... Я, словно живу на необитаемом острове, машу проплывающему мимо пароходу, где всего два пассажира – ты и твой отец, вы смотрите на меня и не видите. Пароход делает второй виток, я снова машу, и снова вы меня не видите. Пароход и не уплывает и не приближается, вращается вокруг острова, как спутник... Даш, со мной есть о чем поговорить, я не совсем отстала от жизни. – Мать не удержалась и расплакалась.
- Мамуля, мы виноваты, но наше невнимание – это еще не причина, чтобы заводить себе... любовника.
- Много ты понимаешь, - вздохнула она. – Все дети рассматривают родителей, как неделимую единицу. Живут вместе, не ссорятся, значит, идеальная семья. А если один из родителей начинает откалываться, то вся вина сразу ложиться на него. Клеймят позором отщепенца, даже не разбираясь в причинах. Посмел нарушить искусственную идиллию, следовательно, плохой, а брошенный родитель – хороший. Ребенок не будет разбираться в перипетиях жизни своих родителей, ему это не нужно, он обижен. И это главное!
- Ты так говоришь, будто у нас в семье все плохо и уже ничего нельзя вернуть, - простонала Дарья, отказав себе в удовольствии пореветь.
- Я... не знаю.
- Но ты не можешь...
- Я пока не собираюсь ничего меня в своей жизни.
- Успокоила, - хмыкнула дочь. - Но жить во лжи - неправильно!
- Я все расскажу Игорю.
- Нет! – замахала руками перепуганная Дашка. – Не нужно пока ничего рассказывать!
- Ты только что заявила...

- Я хочу, чтобы сначала ты разобралась в себе. Может, ты идеализируешь своего знакомого, и он совсем не тот, за кого себя выдает? – И тут Дашке по голове шибанули кувалдой. Она замерла с открытым ртом, не сводя глаз с матери.
- Что с тобой, доченька?
- Как зовут твоего знакомого? – требовательным голосом спросила она.
- Леонид, - прошептала она. – А зачем тебе...
- Фамилия! – потребовала дочь.
- Не знаю, - передернула плечами Людмила.
- А ты уверена, что он тебе назвался своим именем?
- Я тебя не понимаю...
- Как он выглядит?
- Он... высокий. – Дарья напряглась. – С брутальной внешностью...
- Это как?
- Когда мужчина умело скрывает свою ухоженность. Вроде бы одет небрежно, слегка небрит, а на самом деле все рассчитано до мелочей.
- Это точно не про Лунева, - облегченно подумала девушка.
- Сколько ему лет? – поинтересовалась она, желая поскорее закончить допрос.
- Леонид немного моложе меня, - замялась Людмила.
- Лет на пятнадцать? – снова напряглась Дашка.
- На восемь.
- Значит, ему тридцать семь лет, - выдохнула она. – Он женат?
- Разведен, детей нет, - с готовностью доложила мать.
- Все они разведены, - скривилась девушка.
- Я, конечно, в паспорт не заглядывала...
- А надо бы... Соберешь вещички, уйдешь к нему, а там... - Дашка сделала испуганное лицо, словно увидела привидение.
- Что?
- Жена и семеро детей! Откроет тебе дверь этакая мадам в бигудях на голове и с папироской в зубах и поинтересуется: «Вы к кому?» А ты ей: «Леонид здесь проживает?» Она не успевает ответить, выбегают сопливые дети и начинают бегать вокруг тебя и верещать, как резанные. У тебя, естественно, случается мигрень. Баба в бигудях тебе что-то говорит, но за шумом и визгом ничего не разобрать. Из детского многоголосья ты успеваешь выхватить одну фразу, которая заставляет задуматься: «А зачем вам папа, тетя?» - «Папа?» - С удивлением тянешь ты...
- Зачем ты все это выдумываешь? – прервала красочный рассказ дочери мать.
- Моя подруга Сашка всегда что-то сочиняет, когда жизнь перескакивает на черную полосу. Она уверяет, что ей это помогает успокоиться и трезво взглянуть на ситуацию.
- Пойду спать, уже поздно, - помедлив, сказала Людмила. Забыла об ужине и двинулась в сторону гостиной. Видимо, решила перекантоваться на диване.
- Ты придумала, что скажешь отцу? – шепотом спросила Дарья, следуя за ней по пятам.
- Пока нет... Я подумала...
- У тебя такой вид, что мне становится страшно, - не дослушала дочь до конца.
- Не волнуйся, я всего лишь хочу уехать на несколько дней. Хочу подумать, разобраться в себе.
- Одна собираешься уезжать или с Леонидом?
- Чтобы разобраться в себе, лучше побыть одной...
- Дарья решила, что уже на следующий день мать соберет чемодан и уедет в свой любимый Кисловодск, но она не спешила покидать родной дом. Члены семьи вели себя по отношению друг к другу напряженно-внимательно: не задавали лишних вопросов, пытались угодить и старались не выпускать из вида. Последнее касалось Даши и ее матери, отец, как обычно, уходил на работу рано, а возвращался поздно, с удовольствием

лицезреть в прихожей свою супругу. Дочь постоянно теперь была при матери, вместе ходили по магазинам, вместе готовили обед. Готовила, конечно, Людмила, а Дашка просто находилась на кухне и рассказывала ей о Зауре, о прочитанной книге, о чем угодно, только бы не молчать и не дать матери возможность замкнуться в себе. Мать была рада доверию дочери, вникала в отношения своего единственного ребенка и ее возлюбленного, с удовольствием принимала будущего зятя у себя дома. Зауков чувствовал себя скованно в доме Четветкиных, каждый раз увиливал от приглашения, предлагал пойти к нему, но с Дарьей не поспоришь. Она говорила: «Так надо!» Почему, так надо, чем вызваны ежедневные гостевания – на эти и другие вопросы Четветкина не отвечала.

А Дашка не признавалась даже себе, что следит за матерью, ограждая ее от встреч с Леонидом. Она прислушивалась к ее телефонным переговорам, чувствуя, когда звонит он. Людмила говорила еле слышно, но слова «нет» и «не знаю» она произносила громче, и они бальзамом лились на душевную рану дочери. Дарья с горечью понимала, что мать не приняла окончательного решения и стоит на распутье. Хотела как-то ей помочь, но боялась все испортить неосторожно оброненным словом.

Она должна сделать вывод сама, - думала дочь. Через несколько дней своего домашнего заточения не выдержала и спросила, тем самым возвращаясь к сложному ночному разговору.

- Мама, ты собираешься в Кисловодск или уже передумала?

- Я... не знаю, - пожала плечами Людмила.

- Если тебе нужна компания, то я ее быстро организую!

- И кого ты сватаешь мне в компаньонки?

- Сашкину мать. Она недавно попала в аварию, думаю, свежий воздух и целительные нарзаны ей пойдут только на пользу. – Дочь увидела встревоженный взгляд матери и пояснила. – Ее не нужно возить на каталке и кормить с ложечки: у Жанны Александровны был перелом руки, но гипс уже сняли. И, вообще, она умная, серьезная женщина....

- Не то, что твоя мать!

- Я этого не говорила, - нахмурилась Дашка. – Я считаю, вдвоем вам будет веселее.

- Возможно, ты права, - сказала мать. – Но меня останавливает то, что мы с Жанной почти не знакомы, виделись пару раз, почти не разговаривали. Но мне показалось, что она милая симпатичная женщина.

- Милая симпатичная женщина без вредных привычек, - усмехнулась Дарья. – Так что, звонить Сашке?

- Думаешь, Жанна будет не против?

- А это мы сейчас узнаем...

Мне идея Четветкиной пришлась по душе: и не только красоты Кисловодска, горный воздух, минеральные воды подкупили меня, в первую очередь я думала о безопасности моей мамы. Я пришла к выводу, что авария с мотоциклистом была спланирована. Встреча с Виктором Лобовым, которая на этот раз состоялась на нейтральной территории – в небольшом кафе, мне лично почти ничего не дала. Я пересказала наш разговор с Гладышевым. Ученый бизнесмен, он же математик, молча, выслушал меня, пребывая в полусонном состоянии: Виктор сидел с полузакрытыми глазами и отбивал марш легкими постукиваниями пальцев по поверхности стола. Я не люблю, когда мой собеседник не смотрит на меня, а еще больше я не люблю, когда барабаныт. Мне захотелось пригвоздить его нервным пальцам к столу жестким ударом ладони, а потом попытаться открыть ему глаза, раздвигая их двумя пальцами, как поступают офтальмологи, проверяя по-старинке зрачок пациента.

Поведение Лобова меня отвлекало от пересказа, я все время сбивалась, возвращалась назад, а концовку, вообще, скомкала.

- Так, так, так, - протараторил мой собеседник. Я уже знала, что он такает в период размышлений. Значит, пришло его время, а я могу просто сидеть и молчать.

Я принялась за пирожное и кофе, а Виктор за медитацию.

Когда посуда опустела, я стала рассматривать посетителей кафе. Людей было мало, в основном молоденькие пигалицы, поглощающие сладости в невероятных количествах. Я удивилась, как в их худосочные тела столько помещается, и перевела взгляд на себя. Конечно, я не статуэтка, но и толстушкой меня не назовешь. Нормальная фигуристая девушка! В связи с чем, имею право полакомиться еще одним пирожным, но не успела претворить желание в жизнь - Лобов издал нечленораздельный звук, чем-то похожий на «мда», почмокал губами. Распахнул свои туманные очи и с осуждением в голосе произнес:

- Знаете, Саша, надо признать, что вы смутили Гладышева. Он растерялся. Конечно, он тщательно готовился к встрече, думал, что хорошо изучил вас, что все исполнится так, как задумал, но не случилось... Да, спутали ему карты, спутали. Зная вашу разговорчивость и открытость, он заготовил несколько вопросов – путеводителей. Взял за руку и повел в одну сторону, то есть задал первый вопрос. И все: ему оставалось молчать и слушать. Выговорились твоя собеседница, снова бери ее за руку, веди в другую сторону - задавай следующий вопрос. Он не ожидал, что вы поменяетесь ролями. Вы стали ведущей в этом путешествии!

- А он ведомым, потому и растерялся. Других заготовок у него не было.

- Именно! Все пошло не по его сценарию. Сначала вы поменялись местами, а затем Алексей, вообще, выпустил вас из вида и заплутал в лабиринте. Как найти выход, что предпринять? Выбраться из лабиринта и уйти? В этом случае девушка может обидеться и больше не откликнется на новое предложение о встрече. Он не нашел ничего лучшего, как начать декламацию собственных стихов. Тем более, в подсознании давно сидело желание представить их на суд зрителей. Все произошло спонтанно, он сам не ожидал.

- Значит, вы тоже считаете, что это его стихи?

- Конечно, это очевидно.

- Жаль, что я не могу пересказать их. Может, стихи рассказали о Гладышеве больше, чем его диалог со мной.

- Как я понял, стихи вас развеселили.

- В тот день у меня было подходящее настроение для этого. Если бы я услышала это бред в любой другой день и от другого человека, бежала бы без оглядки: на лицо явные признаки шизофрении. Осень – пора сезонных обострений.

- Мне кажется, вы излишне категоричны. Загляните в интернет, и вы поймете, что современная поэзия непризнанных гениев это... - Виктор задумался, подбирая мягкое определение.

- Полный абсурд! – подсказала я.

- Не всегда. Человек хочет, чтобы на него обратили внимание, и применяет необычные сочетания, я бы сказал, революционные сочетания... Придумывает свои формы...

Я поняла, что математика надо возвращать из мира поэзии непризнанных гениев.

- Виктор! – звонко сказала я, будто мой собеседник находился не за одним столом со мной, а за тридевять земель. Виктор дернулся от неожиданности, посетители кафе дружно посмотрели в нашу сторону. Я хмуро взглянула на них и вернула к калорийному поеданию – взгляд был легко читаемый. Понизив голос, я продолжила, - а вы считаете, что Алексей... неопасен?

- Смотря с какой стороны посмотреть... Если вы подумали, что у него болезненное отношение к критике и просто так он вам не спустит резкие высказывания, то ошибались. Гладышева больше смутил факт своей невоздержанности. Чтение

собственных сочинений его самого ошарашило. Он не вас поминал недобрым словом, а себя.

- Следовательно, я могу быть спокойна: Алексей не убьет меня за бестактность?

- Не убьет, - улыбнулся Лобов, - он же не шизофреник. Но вас, как и меня, беспокоит не это.

- Меня многое беспокоит, - с серьезным видом призналась я, собралась рассказать о разделе Луны, а Россия пока остается в стороне. Этак мы останемся ни с чем. Не надо думать, что у меня данная проблема стоит на первом месте, опережая ряд других, более опасных в мировом масштабе, не говорю уже о личных переживаниях. Я измучилась, поэтому снова кормлю себя таблеткой забывчивости. А забывчивость, в моем случае, это глупая болтовня или глупое веселье. Я подобралась, выпрямила спину, представив себя на международном форуме по проблемам планеты Луны, но мой заторможенный собеседник очнулся и опередил меня.

- Саша, теперь я убедился, что не чувства движут Гладышевым. - Я замерла, боясь пропустить, хотя бы, слово. - Ему что-то нужно от вас. Это факт! Но что? - Лобов внимательно посмотрел на меня, а я пожала плечами.

- А почему вы сделали такой вывод? - без обиды поинтересовалась я, несмотря на то, что моя внешность опять осталась без должного внимания.

- Алексей не просто так завел разговор о покойном дедушке. Он вам - о дедушке, вы ему...

- О бабушке, - закончила я. - Значит, он знает о смерти моей бабушки, втерся мне в доверие, чтобы быть в курсе событий, которые происходят в нашей семье. Из этого следует, что он... замешан в... Неужели, мою бабушку...

Мне стало дурно. Кафе, посетители, стойка бара, Лобов - всё завертелось вокруг меня. Математик быстро просек, схватил меня в охапку и вывел на свежий воздух. На улице мне стало гораздо лучше. Прохожие и автомобили побегали вокруг меня, а потом стали двигаться в положенном темпе и в нужных им направлениях. Верхняя одежда осталась в кафе. Это я поняла достаточно быстро, когда зубы застучали от промозглой сырости влажной улицы.

- Саша, вам лучше? - спросил математик. Он все это время поддерживал меня за талию и бормотал что-то успокаивающее. Я с трудом кивнула. - Вернемся назад?

- Да, я замерзла...

Я с удовольствием выпила горячего чаю с лимоном, с отвращением поглядывая на пирожное, которое мне подсовывал Лобов.

- Сладкое пойдет вам на пользу, - уверял он.

- Не хочу! - почти нормальным голосом отвечала я.

Виктор попытался меня развлечь, стал рассказывать об одном студенте, который нашел новый способ для списывания. Я старалась не прислушиваться, но отключиться не могла. Монотонный голос меня раздражал. В итоге я не выдержала и перебила:

- Что дальше? Что мне делать, если Гладышев объявится вновь?

- Вы опять соглашайтесь на встречу.

- Снова молчать?!

- Это так сложно?

- Сложно! Если я буду молчать, он начнет нести галиматью, которая называется стихами!

- Стихи - это хорошо, стихи - это то, что нам нужно, - поспешил доложиться Виктор. - Гладышев догадывается, что его стихи - это козырь против него. Вы сами можете завести о них разговор, если он загонит вас в угол неприятным вопросом. Попросите дать вам ссылку на сайт в интернете, где вы сможете их прочитать, пусть выпутывается.

- Допустим, он спрашивает: «Как здоровье Жанны Александровны?» А я в ответ: «Да, разве это главное, теперь все мои помыслы направлены на поиски шедевральных стихов, коими ты меня потчевал в прошлую встречу!»

- В чувстве юмора вам не откажешь, - улыбнулся Лобов, - рад, что вам стало лучше.
- Спасибо вам.
- Хм... Кстати, Гладышев знаком с вашей матушкой?
- Нет.
- И в разговоре с Алексеем вы не упоминали ее имя и отчество?
- Никогда. Я поняла, к чему вы клоните! Надо так повести наш диалог, чтобы он выдал себя! Если он скажет не «твоя мама», а Жанна Александровна, то все станет ясно... Он наводил о ней справки, следил за ней...
- Выводы делать пока рано, - поспешно перебил меня математик, чтобы я снова не отключилась. – Я поразмыслю на досуге и выскажу свои соображения.
- Хорошо. Буду ждать...

Наступил Великий День – день защиты кандидатской диссертации!

Слава богу, все позади! Скоро я буду полноправным кандидатом экономических наук. Всё случится, когда диссертация будет одобрена Диссертационным Советом в столице. Надеюсь, там меня «не зарубят». И теперь я могу заняться сборами моей мамули в славный город Кисловодск.

- Сашуня, я не хочу уезжать, - вздохнула мама, сидя в кресле и контролируя мои действия по упаковке вещей. Она, то просила положить платье или костюм, то просила выложить их из дорожной сумки. Я терпеливо сносила капризы.

- Mam, мы обсуждали эту поездку не один день, все решили, теперь ты заявляешь, что не хочешь ехать.

- У меня нехорошее предчувствие, - еле слышно заявила ведьма в третьем поколении. Я замерла с тапочками в руках. Жанна заметила мой испуганный взгляд. – Не обращай внимания, ты меня знаешь: я склонна к преувеличениям.

- Если не хочешь, то не езжай! – заявил отец, не поворачивая головы в нашу сторону. Он напряженно всматривался в монитор компьютера и в сборах участия не принимал. Я переводила взгляд с одного родителя на другого, не зная, как поступить.

- Папа, обрати, наконец, внимание на своих женщин! – возмутилась я. – Давайте все обсудим!

- И проголосуем! – развеселился отец, с трудом отрываясь от своего занятия.

- Не на собрании! – отрубил я. – Я хочу послушать твое мнение.

- Я, конечно, за поездку, с одной стороны... Но с другой, понимаю: если человек не хочет покидать родной дом, то он вправе все переиграть и остаться.

- Как это будет выглядеть? Мы договорились с Людмилой Константиновной, которая тоже сомневалась: бросить семью или остаться и продолжать обихаживать мужа и дочь, которые не такие самостоятельные, как мы с отцом, и требуют постоянного внимания с ее стороны. Наконец, женщина решилась, билеты куплены, вещи... почти собраны, а гражданка Козловская вдруг передумала!

- Ничего я не передумала, - отмахнулась Жанна. – Сашка, заканчивай сборы!

Каждый вернулся к своему занятию: я укладывала и выкладывала одежду, отец уперся взглядом в монитор, мама работала контролером.

В самый неподходящий момент затрезвонил мой мобильный телефон.

- Да! – сказала я так, чтобы абонент сразу догадался – мне до него! Предварительно я уединилась.

- Привет, Саша, я снова не ко времени, ты занята?

Защита диссертации, сборы в дорогу оттеснили все другие мысли. Даже мысли о «засекреченном» агенте Гладышеве. А он возьми и заяви о себе неожиданным звонком в ненужное время.

- Здравствуй, - сдерживая недовольство, произнесла я. - Ты прав, мне сейчас не совсем удобно разговаривать.

- Все еще готовишься к защите?
- Я уже защитилась.
- Поздравляю! Надо отметить это событие! Если я сегодня...
- Сегодня не получится, я провожаю маму в Кисловодск.
- Но ты же говорила, у нее... проблемы со здоровьем.
- Все уже хорошо, но для окончательного восстановления лучше сменить обстановку.
- Ты отпускаешь ее одну? Почему бы не составить ей компанию, ведь тебе тоже не мешало бы отдохнуть.

Какое твое собачье дело – что мне делать: отдыхать или вагоны разгружать! Мне не хотелось ни разговаривать с Алексеем по телефону, ни встречаться, ни корчить при встрече из себя безмолвную и безмозглую кретинку.

Я отдышалась, чтобы не ответить резкостью на совет, о котором я не просила, и сообщила:

- Она едет не одна, а с матерью моей близкой подруги. А я, к сожалению, не могу поехать. Я работаю.

Мысленно добавила: не то, что некоторые лодыри, воображающие себя клерками. Похихикать, как в нашу прошлую встречу, не было никакого желания.

- Я думал, ты свободна, как ветер.
- У меня несколько часов лекций и семинаров в одном вузе. Меня это устраивало до тех пор, пока я была под завязку загружена диссертацией. Теперь можно поискать место преподавателя в других институтах. «Корочки» кандидата наук у меня пока нет, но официальную бумагу о прошедшей защите мне выдали.
- Но я надеюсь, ты выделишь пару часов из своего насыщенного графика и встретишься со мной?
- Сначала я хочу прийти в себя после всех...

Не договорив, я брякнулась на стул, ноги отказывались меня держать. До меня дошло, что я все ему выложила! Дура, набитая дура! И что теперь делать?! Сказать, что я пошутила, что мама никуда не едет? Или отметить поездку? А может быть держать его на коротком поводке? Не выпускать из вида все время, пока мама будет в Кисловодске? Нет, все-таки версия с шуткой лучше.

- Саша, почему ты замолчала? – вмешался Алексей в мои размышления.

Мне даже показалось, что в его голосе прорываются торжествующие нотки, человек явно доволен. Неужели он радуется тому, что наш разговор дал желаемый результат? Я снова обозвала себя дурой, добавив еще кретинку, пустоголовую бестолочь и почему-то кандидата без портфеля.

- Я здесь, - недовольно буркнула я. – Меня отвлекла мама. Она заявила, что передумала уезжать! - Я порадовалась своей находчивости.

- Ты должна ее уговорить, - наигранно-беспечным голосом дал он мне наставление.

Ну, что за день, что за день! Все меня поучают, трепят нервы, а я принимаю таблетку честности, перепутав ее с успокоительной таблеткой, и все выбалтываю.

Пришлось опять проделать дыхательную гимнастику, и монотонным голосом проговорить:

- Чем сейчас и займусь. А ты позвони мне завтра, договоримся о встрече. Сам понимаешь, сегодня никак...

- Хорошо, - порадовался Алексей, пожелал успехов в переговорах и заявил, что с нетерпением будет ждать завтрашнего дня.

Я сразу позвонила Лобову и поведала о своей тупости.

- Саша, не переживайте, Гладышев застал вас врасплох, - попытался успокоить меня Виктор. – Может, Жанна Александровна передумает уезжать?

- Я не стану ее отговаривать. Если бы она ехала одна, то попыталась бы, а так... Ой, я забыла так повернуть разговор, чтобы он назвал мою мать по имени и отчеству.

- Вы относитесь к тем людям, которые не могут молниеносно перескочить с одного дела на другое.
- Когда как, - вздохнула я. – И что теперь делать? Поселить его у себя дома и не спускать с него глаз?
- Не думаю, что Илье понравится ваша затея, - усмехнулся Лобов.
- Или мне все бросить и поехать с мамой и Людмилой Константиновной?
- Защитник из вас, прямо скажем, не самый лучший.
- Но я знаю его в лицо и могу оградить женщин от знакомства с этим субъектом, если он предпримет попытку сблизиться с ними.
- Почему вы решили, что он захочет познакомиться с двумя женщинами, которые... гораздо старше его? Если вы думаете, что, именно, Гладышев покушался на жизнь Жанны Александровны, но ему незачем представляться и водить с ней дружбу. Он будет действовать инкогнито.
- Мне показалось, что Алексей относится к той породе людей, которым важен сам процесс.
- Процесс чего?
- Наблюдения, выпытывание информации... Своего рода игра в кошки-мышки... Допустим, безбашенный байкер это Гладышев...
- Допустим, - согласился со мной Виктор, увлекаясь моей идеей.
- Узнав его ближе и руководствуясь вашими недавними утверждениями, я могу предположить следующее: Алексей иногда нарушает заранее разработанный план. Пример тому случай со стихами. Значит, он не наемный киллер, который четко идет к своей цели. Ему не нужно быстро... решить проблему, взять деньги и исчезнуть. У наемных убийц тоже свой план действий. Но этот план – четко разработанная схема по ликвидации объекта, в которую входит наблюдение, установка четкого распорядка дня, выбор места, где произойдет убийство и последний этап – выполнение задания. Киллер не входит в контакт с объектом, в отличие от Гладышева, наслаждающегося ролью хитрого кота, манипулирующего бедной мышью, которая пока не догадывается, что ее ждет после того, как ласковому животному с пушистым хвостом надоест игра.
- Следуя вашей теории, кот – это Гладышев, а мышь – это вы, Саша Козловская. Но в отношении кота и мыши не вписывается мать мыши! Что вы скажете про это?
- Вдруг коту нужна мышка-мать, а ее мышонка он использует в качестве приманки? Мать умнее ее, она не покидает норку, учуяв запах сыра, любезно подброшенного котом.
- Почему умная мать выпустила из норы своего мышонка на растерзание?
- Она потеряла бдительность вследствие полученной накануне травмы.
- На нее напал кот?
- Да.
- Но почему он... не устранил ее сразу, ведь ему была предоставлена такая возможность? И вы сами предположили, что, именно, мать является объектом интереса кота.
- Виктор, в вашем вопросе кроется ответ! ИНТЕРЕСА! Пока этот интерес не пропал, он будет продолжать игру! Он не устал от нее, он кайфует, вовлекает в игру мышонка, увеличивая число действующих лиц.
- Вы так говорите, словно читаете его мысли.
- Наверное, у меня чересчур развито воображение, - без прежнего вдохновения сказала я.
- Начиталась в детстве сказок, а потом детективов, и теперь сочиняю на ходу.
- Если все пойдет по его сценарию, о котором вы сейчас рассказали, то вашу маму можно отпускать в Кисловодск со спокойной душой. Время развязки еще не наступило. Но, чтобы окончательно вас успокоить, я возьму на работе отпуск и последую за дамами.
- Но у вас своих дел по горло, я не могу принять такую жертву. К тому же, вы никогда не видели Гладышева. Как можно защищать женщину от человека, которого в глаза не видел?! Отстреливать всех мужчин, которые начнут за ней ухаживать?!

- Своими делами я могу пожертвовать... на некоторое время ради... - Я напряглась, ожидая услышать свое имя и последующие за ним комплименты, но ошиблась. – Ради достойного соперника, который с математической точностью все рассчитал. Я горю желанием вмешаться и все перечеркнуть.

Мне вспомнились груды напечатанных и отредактированных от руки листов, разбросанных на диване в квартире Лобова. Пока я раздумывала, чтобы ответить моему собеседнику, он продолжил незаконченную мысль.

- Теперь что касается второго заявления. Вы ошибаетесь, уважаемая Александра, я не Ниро Вульф, чтобы сидеть в своей оранжерее и разгадывать загадки, иногда я выхожу на улицу и наблюдаю за девушками, которые нуждаются не только в моих объяснениях и рассуждениях, но и в моей защите.

Я чуть не выронила из рук телефон. Не знаю, что на меня подействовало сильнее: упоминание главного героя из детективов Рекса Стаута, о котором я вспоминала накануне знакомства с математиком, или заявление о слежке за мной.

- Значит, вы видели нас в парке? - задыхнулась я, будто обвиняла математика в подсматривании в замочную скважину.

- Видел, - спокойно сознался Виктор.

- И даже не сказали мне об этом!

- Когда? Там в парке, когда Гладышев отлучился за водой, а вы сидели и икали? – Мне стало неловко. - Если бы вы узнали, что я нахожусь неподалеку, то не смогли сосредоточиться на разговоре, все время оглядывались по сторонам, желая убедиться в моем присутствии, и таким поведением привлекли внимание Гладышева. Но будьте уверены, я пришел бы вам на помощь в случае опасности.

- Я в этом не сомневаюсь, - рассеянно сказала я. – Но как вы узнали о встрече? Алексей позвонил мне и сразу...

- Пусть это останется моей тайной. А если вам всегда необходимо получать объяснения, то ответу – у меня дар предчувствия событий!

- Шутите?

- Самую малость. Ну, мы договорились? Вы не будете возражать, если я сыграю роль охранника вашей матушки? В этом случае вам не придется осуществлять круглосуточный контроль за Гладышевым.

- Не буду! Но Алексея постараюсь держать при себе. – Я думала, Виктор начнет расспрашивать, каким образом я стану это делать, но он поспешил попрощаться.

Я обратилась к мобильному телефону, как главному свидетелю моих переговоров.

- Мне кажется, я все усложняю! – заявила я, любовно проводя по мобильнику ладонью - стирала след от тонального крема, который остался после прижатия телефона к моей щеке. – С какой стати Гладышеву приходится к моей бабушке и делать ей смертельную инъекцию, обхаживать меня, совершать наезд на маму? – Я перебрала в памяти события последних месяцев, проверяя, не упустила ли чего. - А не надо было в детстве приучать меня к сочинительству сказок! – Пожаловалась я своему молчаливому собеседнику. – И в этом все мои проблемы! Взяла и построила на пустом месте многоэтажный дом из ненужных выводов... Что ж теперь делать?.. Нина всегда говорила: «Нельзя думать о плохом - тем самым ты накликаешь неприятности!» Что ж, буду думать о хорошем. Постараюсь...

Мы провожали наших мам. Я озиралась по сторонам, выискивая глазами Гладышева. Мне казалось, что он должен прийти на вокзал, найти укромное место и оттуда наблюдать за отправлением поезда, чтобы убедиться, что мама с Людмилой Константиновной укатили на курорт. Или не наблюдать, а прошмыгнуть в свой вагон. В этом случае я, тем более, не должна пропустить этот момент.

Но вместо Алексея Гладышева я увидела на перроне высокую фигуру Лобова и сделала вид, что незнакома с ним. Он тоже прошел мимо, даже не взглянув на меня. Я удивилась, как Виктор умудрился взять билет на востребованный поезд в Кисловодск. Не просто умудрился приобрести билет, но и оказался в том же вагон, где ехали наши мамы.

Нет, он не Ниро Вульф, он маг и чародей. Сидит по вечерам в своей маленькой квартирке и священнодействует, совершает ритуал предчувствия событий на грядущий день. Мне захотелось окунуться в воображение, но голос Дашки выдернул меня из нирваны.

Мы стояли на перроне и смотрели вслед уходящему поезду.

- Свобода! – восхитилась подруга, словно долгое время провела в местах заключения, и взлохматила свои густые волосы.

- Бедная ты моя, девочка, - с сочувствием промолвила я. - Наконец-то, избавилась от родительского ига, - с сарказмом добавила я, отлично зная, что предки ее не притесняют и не ограничивают ни в чем.

- Наполовину избавилась, - напомнила мне подруга об оставшихся без опеки жен наших отцах.

- Не думаю, что тебя это остановит, сейчас пустишься во все тяжкие!

- Это мысль! Давай отметим твою защиту!

- Вдвоем? – Я не поняла, как этот вопрос у меня вырвался. Мы всегда любили с Дашкой проводить время «без мужиков», никто из нас не предлагал разбавить женскую компанию. Последовавшая за этим фраза подруги удивила меня больше, чем мой неожиданный вопрос.

- Я могу пригласить Заура.

- С какой стати!? – возмутилась я, представив своего поклонника, разбавившего наш дружный женский коллектив, который будет изводить меня не только проникновенно-глупым взглядом, но и стараться робко дотронуться до меня. А когда я дернусь, будто это не его рука, а горячий утюг в его руке, он тяжело вздохнет и потупит взгляд. Увы, изучение собственной обуви не будет долгим.

- Ну-у-у... - протянула Четкина, отдаленно повторив паровозный гудок. Она смотрела на меня преданными глазами и моргала. Я не выношу, когда она прикидывается дурочкой, плохо подбирающей слова. Это ее «ну-у-у» и еще растяжное «а-а-а», которое она вставляет после нескольких подсказок собеседника, могли запутать кого угодно, но не меня.

- Не темни! Выкладывай правду-матку! – приказала я.

- Сашка, я давно хотела тебе признаться... Хотела признаться, но все не было подходящего случая...

- Случай представился, - подсказала я. Пока Дашка собиралась с силами, я взяла ее под руку и потащила с перрона, продуваемого холодными ветрами, внутрь здания железнодорожного вокзала, где было тепло, но шумно. Это мы поняли, когда там оказались. Не сговариваясь, мы быстрым шагом преодолели первый этаж, и вышли на привокзальную площадь. Отдалились от нервных пассажиров, мечтающих занять свои законные места в поездах, нашли место, где нас не пронизывал ветер, и я предложила ей всё объяснить.

Дашка сопела, поглядывала по сторонам, потом сказала:

- Саш, не знаю, как ты к этому отнесешься... В общем, мы с Зауром встречаемся! – отрапортовала она на одном дыхании. После чего громко выдохнула, словно сняла с себя тяжкий груз.

- Где? – Настал мой черед быть «дурочкой». Но я не прикидывалась, я и, правда, не сообразила, что между ней и Зауковым может быть связь.

- Тебя интересуют подробности нашей интимной жизни? – Мой обалдевший вид так потряс подругу, что она постаралась сгладить свое заявление. – Я не думала, что ты... что тебе будет неприятно... Я не знала, что Заур тебе... симпатичен. Мы же никогда не обсуждаем наши отношения с мужчинами. Если бы я догадалась, я бы... - Запричитала она.

- Спокойно! – прервала я самобичевание Чечеткиной. – Я никогда не питала чувств к Зацукову, так что можешь расслабиться.

- И ты не будешь возражать, если мы...

- Дашка, ты влюбилась!

- Это диагноз?

- Ты тупеешь на глазах. С какой стати мне возражать? Я буду только рада, если у вас все будет хорошо.

- Тогда я могу пригласить Заура в нашу компанию?

- Естественно! А я приглашу своего кавалера, чтобы не чувствовать себя третьей лишней...

Сначала я подумала о Гладышеве и уже взяла в руки телефон, чтобы пригласить его на чествование кандидата экономических наук, но по привычке набрала номер Кожевникова, который очень обрадовался моему вниманию и возможности предстоящей встречи.

- Не судьба, - еле слышно заметила я, не понимая, как выбрала Илью, а не Алексея...

Посиделки вчетвером оказались гораздо интересней, чем посиделки вдвоем. Скорее всего, настало время для представления своих половинок. Неужели эти мужчины, сидящие подле нас, наши суженые? Я с интересом посмотрела на Илью, оценивая его в этом качестве. Вполне, - подумала я. Потом перевела взгляд на другую пару, заметила нездоровый блеск в глазах Дашки и Заура, подтверждающий недавно вынесенный мною диагноз, и мысленно благословила их. Честно сказать, после признаний Дарьи я разозлилась на жениха-перебежчика. Причина крылась не в ревности, а в недоверии – мне казалось, что он не отвечает на любовь Чечеткиной взаимностью, а решил вызвать у меня ревность. Хорошо, что я ошибалась. Теперь Зацуков смотрел на меня, как на пустое место, все его внимание было искренне приковано в пассивности...

- Я хочу быть Алладином! – заявила Дарья, шествуя под руку с Зауром по аллее парка и цепляя ногами осенние листья, устилавшие пушистым ковром тротуар.

- В смысле, мужчиной? – не понял ее Зацуков. – Ты хочешь жить на Востоке, где патриархат?

- Причем здесь Восток? – скривилась подвыпившая Чечеткина. – Я хочу быть повелителем лампы! Хочу, чтобы у меня был раб, который выполнит любое желание.

- Ты почти Алладин... ша, - усмехнулся Заур, - я тебя люблю и я твой раб на всю жизнь. И необязательно помещать меня в лампу, я все время буду рядом с тобой.

- Хорошо, что не надо помещать в лампу! – порадовалась Чечеткина, останавливаясь и окидывая взглядом невысокого парня. – Даже с твоими габаритами трудно найти подходящий сосуд, не то, что для... - Бдительности пьяненькая веселая Дарья не теряла, успела затормозить вовремя. Было бы лучше, если, вообще, не произносила сравнительных оборотов.

- Ты собиралась сравнить меня с Луневым? – догадался он и с обидой произнес, - считаешь его более подходящей кандидатурой для выполнения твоих желаний. – Как он не пытался скрыть ревность под игривостью, ему это не удалось.

Сначала Дарья хотела покаяться, но не стала усугублять ситуацию, продолжала веселиться.

- Сейчас ты вытащишь кинжал и с криком «Где он?!» побежишь искать соперника?

- И побегу! – с вызовом заявил Заур.

- Можешь успокоиться, он тебе не соперник...

- А почему ты...
 - По качану! - привела весомый аргумент Дарья и полезла к нему целоваться. Затем с трудом оторвалась от возлюбленного и с хитрой улыбкой спросила, - признайся, при виде Сашки твое сердце не екнуло?
 - Оно екнуло при первой встрече с тобой и теперь громко тикает, как испорченный будильник, когда я вижу тебя. Остальные женщины для меня не существуют.
 - Звучит как-то механически-ломано, - задумчиво протянула она. – И пафосно!
 - Неужели?
 - Говорю же – пафосно! Не существуют! Так я тебе и поверила!
 - Ты мне не веришь?
- Дашка посмотрела на него затуманенным взором. Вдруг лицо Заура исчезло, и вместо него появилась ухоженная физиономия Лунева. Она закрыла глаза, затем открыла, потом снова.... Пока не вернулся облик любимого человека.
- Слушай, мне кажется или я, действительно, немного перебрала... на радостях. Сашка одобрила наши отношения, и я... - Она повисла на руке Зацукова, засыпая на ходу.
 - Сейчас возьмем такси и поедem ко мне. Я уложу тебя в постель и...
 - Будешь мне родной матерью?
 - И матерью, и другом, и любовником, – скороговоркой перечислил Заур.
 - Это хорошо, а то я осталась без мамы. Она уехала в Кисловодск. – Дашка тяжело вздохнула. – Сейчас она и Жанна Александровна едут в поезде, а Леонид остался ни с чем. – Девушка ехидно захихикала.
 - Какой Леонид?
 - Я тебе расскажу... Как-нибудь... Вот гадская сволочь! Все звонит и звонит. Требовал встречи. Я так думаю. А я никогда не ошибаюсь, - бубнила она себе под нос.
 - С тобой? – Зацуков напрягся. Но Дарья, словно не слышала, и продолжала разговор с собой.
 - Она ему: «Я не желаю тебя видеть!» А он что-то тараторит и тараторит. А она: «Я уезжаю!»
 - А он? – включился в игру Заур. – Снова тараторит?
 - Я думаю, он хотел узнать, куда она уезжает, но я показала ей кулак, предупредила, чтобы не признавалась.
 - Конечно, твой кулак кого хочешь напугает.
- Чечеткина сжала руку в кулачок и повертела им перед носом. Зацуков наклонился и чмокнул сжатые пальцы.
- Я ее долго убеждала, чтобы она ни-ни... - Дарья поводила указательным пальцем перед лицом молодого человека. - Ничего ему не говорила. Вдруг он тоже рванет в Кисловодск и попытается как-то... воздействовать на нее? Как думаешь? – Обратилась она к другу.
 - Не думаю, - сразу ответил он, ничего не понимая из этого откровения.
 - Уверен? Я тебе верю! Ты что ни скажешь, я всему верю!
 - Наконец-то! – обрадовался Заур. – А то обвинила меня в пафосности и неискренности. Я? – удивилась Чечеткина, прикладывая ладонь к своей груди.
- Зацуков понял, что разговор зашел в тупик, подхватил девушку на руки и пошел искать стоянку такси...

Людмила и Жанна уже утром были в Кисловодске. Курорт встретил их ярким неоктябрьским солнцем.

- Какая прелесть! – восхитилась Козловская, вдыхая чистый прелый воздух. – Всего в пятистах километрах от дома находится такой райский уголок. У нас, конечно, тоже не глубокая осень с дождем и снегом, но здесь все иначе: и воздух, и пейзаж, и настроение.

- Да, это райский уголок, - согласилась Чечеткина. Она приезжала в Кисловодск несколько раз в году, называла его городом психологической разгрузки или антидепрессантом. Но в отличие от препаратов, действие которых начинается с трех–четырёх недель после начала приема, город–курорт «начинал лечение» с первых минут пребывания в нем.

Людмила полюбила этот город еще во времена студенческой молодости. А когда материальное благосостояние их семьи возросло, Игорь, который знал о привязанности супруги к Кисловодску, сделал ей сюрприз - подарил небольшую двухкомнатную квартиру недалеко от центра города. Лучшего подарка Людмила не получала за все годы своей сорокапятилетней жизни. Сейчас она с нежностью вспомнила Игоря и корила себя за измену.

Устала от опротивевшего постоянства, понятно, но это не повод для увлечений другим мужчиной!

О своей жизни она размышляла всю ночь в поезде. Пыталась себя оправдывать, но у нее не находилось сильных доводов для этого. Если не испытываешь к мужу прежних чувств, то найди в себе силы и уйди. Он ни в чем не виноват. Нельзя его унижать. Игорь – хороший, добрый, преданный, ответственный...

А Леонид? Что она о нем знает? Только то, что он ей рассказал. Он рассказывал, а она кивала, как болванчик, доверяя каждому слову.

...Они познакомились случайно. Людмила Чечеткина была за городом в гостях у подруги. Возвращалась уже поздно, и как назло спустило заднее колесо на автомобиле. Люда вышла из салона, попинала виновника вынужденной остановки носком туфельки, подражая знающим автомобилистам, и выбрала проверенный способ – стала «голосовать». Вызывать машину техпомощи она не стала – не хотела, чтобы ночь застала ее в безлюдном месте. Сейчас кто-нибудь остановится, быстро поменяет колесо и можно ехать дальше. Но бесчувственные водители проносились мимо, не сбавляя скорости. Отчаявшаяся Чечеткина запоздало заглянула в багажник, чтобы убедиться в наличии «запаски». «Запаска» имелась, но самостоятельно выбираться из багажника не желала, даже повинувшись возмущенному женскому взгляду. Людмила нехотя закрыла багажник и вдруг почувствовала совсем рядом шевеление.

Вот так нападет маньяк, и никто не остановится, чтобы защитить, - мелькнула мысль в ее голове.

Только не поворачивайся, только не поворачивайся, - мысленно уговаривала себя Людмила. Почему нельзя поворачиваться, она не знала.

У Чечеткиной онемели конечности. Она с трудом подняла крышку багажника, будто та увеличилась в весе в несколько раз за последнюю минуту. «Запаска» в этот момент ее интересовала меньше всего. Она скользнула взглядом по содержимому багажника, выбирая тяжелый предмет, который подойдет для самообороны. Протянула руку к домкрату, и тут у самого уха раздался вкрадчивый мужской голос.

- У вас проблемы?

Людмила уцепилась за домкрат, взяла его наперевес, как автомат Калашникова, который ловко разбирала в школе на уроках начальной военной подготовки, и только тогда повернулась к любопытному человеку, который мог быть кем угодно. И маньяком в том числе. Немного успокоило наличие автомобиля, припаркованного на обочине, метрах в десяти от авто Чечеткиной. Ехал мимо, заметил женщину, склонившуюся над открытым багажником, и решил оказать помощь.

- Вы меня напугали, - эмоционально сказала она, забыв о вопросе.

Перед Людмилой стоял молодой мужчина. Обычный. Кажется, не маньяк. Хотя, кто их разберет.

Он так пристально на нее смотрел, так жадно трогал взглядом, что она ступала. Забыла о домкрате, об испуге. Не задумалась, почему посторонний мужчина - кажется не маньяк - ТАК на нее смотрит? На нее никто давно так не смотрел.

Как я выгляжу, - подумала Четкина, - может, я перепачкала все лицо, отсюда и пристальный взгляд? Для начала решила избавиться от домкрата, повернулась к мужчине спиной, и склонилась над багажником – взяла тайм-аут для расставания с ненужными эмоциями. Четкина запоздало поняла свою оплошность: ее поза с выставленной попой была, скажем прямо, неприличной и вызывающей. Возможно, именно на эту позу клюнул сексуально озабоченный водитель, проезжая мимо. Люда поспешила выпрямиться и повернуться к мужчине. О проблемах лица пришлось забыть.

- У меня прокол колеса, - наконец, сообщила она с извиняющей улыбкой. Мужик недоверчиво взглянул на нее, словно она намеренно «поймала гвоздь» для ловли коллег-автомобилистов мужского пола. У каждого свой способ для знакомства.

Все, что было необходимо, он давно увидел в багажнике. Поэтому, не откладывая дела в долгий ящик, приступил к работе.

- Спасибо вам, - поблагодарила его Четкина заранее, стоя за его спиной и наблюдая за ловкими движениями. – Надо же мне было здесь застрять.... Никто не хотел мне помочь.... Спасибо вам.

- Муж, наверное, волнуется, - поинтересовался он.

Людмила не любила намеков и недомолвок. Лучше бы спросил в лоб: «Вы замужем?» Она юркнула в свою «Шкоду», не удостоив мужчину ответом: дерзить она не хотела, а вести глупую беседу у нее тоже не было желания.

Совсем скоро, он хлопнул крышкой багажника, и переместился в водительской двери.

- Я закончил, можете ехать, - сообщил он громко.

Люда выбралась из машины. Хотела сказать, что продрогла, поэтому ушла, хотела снова поблагодарить. Но мужчина ее опередил.

- Вы мне не откажите...

- Сколько я вам должна, - перебила его испуганная женщина.

- Вы мне деньги предлагаете? – усмехнулся он.

- Деньги, - согласно кивнула Люда.

- Мне не нужны ваши деньги.

- А что... вам нужно? - прохрипела она. В стрессовой ситуации у нее всегда закладывало горло.

- Чашечку кофе! Я хочу...

- Я не могу пригласить вас домой. Я замужем!

- Я к вам домой не напрашиваюсь. Можно посидеть в ближайшем кафе.

- Не думаю, что там предложат хороший кофе, - облегченно произнесла женщина, радуясь такому исходу. – Давайте доберемся до города, неподалеку от моего дома есть отличное место...

Четкина не заметила, как за столиком «любимой кафешки» они провели три часа. Женщина больше молчала и слушала Леонида, который оказался прекрасным рассказчиком.

Много лет назад, еще в старших классах школы, Люда прочитала в одной умной книге, что любовь первична, а все другие чувства, такие как жалость, сострадание и тому подобное – следствие любви.

Может ли жалость существовать сама по себе, не быть следствием любви? - подумала она. – Допустим, я не люблю человека, я его попросту не знаю, вижу впервые в жизни. Возьму для примера сгорбленную старушку с палочкой. Она идет мимо меня, спотыкается на ровном месте, роняет палку и падает. Разбивает лицо, не может подняться, а что делаю я? Двигаюсь дальше, потому что мне ее не жаль, она мне никто, я

ее не знаю, я ее не люблю, вижу в первый и в последний раз. Согласно теории из умной книги.

Люда решила посоветоваться с подругой Наташей Кольчевой. Та внимательно выслушала ее и сказала.

- Мы еще молоды, чтобы рассуждать на эту тему, а книгу писали умные люди, прожившие жизнь и много повидавшие.

- Я так понимаю, что ты согласна с первичностью любви, которая тянет за собой все чувства, не способные существовать без связывающего каната? Если нет любви, то все другие чувства спокойно спят и ждут своего часа? В душе царствует одно безразличие?

- Я этого не говорила. Я просто сказала, что...

- Я не глухая! – разозлилась Люда. Она хотела найти соратницу и не нашла ее. Но осталась при своем мнении.

Наталья Кольчева и Людмила проучились вместе десять лет в школе, а затем плавно переместились в один вуз. Еще на первом курсе в Наталью влюбился Сергей Калистратов. Чувство не было взаимным, но он не оставлял надежды и продолжал упорно ухаживать за девушкой. После второго курса Людмила вышла замуж за Игоря Четкина, и Кольчева осиротела. Теперь ей было не с кем шататься по улицам, сидеть на скамейке, обсуждая последние институтские сплетни, не с кем делиться своими секретами. Они продолжали с Людой дружить, но только в стенах института. Неожиданно рядом оказался Калистратов. Он пригласил ее в кино. Наташка подумала и... согласилась. От скуки и одиночества. После он проводил ее до дома. По дороге поведал историю своего нерадостного детства. Его мать умерла от онкологического заболевания, когда мальчику было три года. Через полгода после ее смерти, отец привел в дом злую мачеху и пошло-поехало.

Кольчева, которая всегда относилась к парню презрительно, неожиданно прониклась к нему состраданием. Даже пустила слезу, когда рассказывала о несчастливом детстве Калистратова своей любимой подруге. Они поохали, поахали, и перевели разговор на другую тему. Через несколько месяцев погруженная в учебу и семейную жизнь Четкина спохватилась и поинтересовалась у Кольчевой, как развиваются отношения с Сергеем. Просто так спросила, смеха ради, не допуская мысли, что отношения имеют место быть, что ее подруга, презирающая женоподобных плачущих мужиков, может общаться с Калистратовым. Наталья стусевалась, отвела глаза и сказала:

- Мы с Сергеем просто друзья!

Друзья, так друзья. Хотя, «просто» приводило к определенным заключениям.

А когда они учились на пятом курсе, Наталья пришла в институт с обручальным кольцом на безымянном пальце. Людмила сначала не заметила, а потом оживилась.

- Что это значит? – спросила она, кивая на правую руку подруги.

- Мы с Сережкой вчера поженились, – монотонным голосом ответила подруга.

- Не поняла.

- Что тут непонятного?! Зашли в ЗАГС и расписались!

- Прямо так, зашли и расписались между делом?

- Мы все сделали, как полагается: подали заявление, подождали два месяца, проверили, так сказать чувства, и после пришли и поженились.

- Почему ты мне ничего не сказала? – обиделась Людмила.

- Мы держали в секрете, боялись, что нас начнут отговаривать. Даже мои родители узнали обо всем накануне.

- Но это твой выбор. Я не стала бы тебя переубеждать.

- Мне трудно объяснить свои чувства к Сергею, - перебила ее Наташка. – Помнишь, еще в школе ты прочитала в одной книге, что любовь – первична, а жалость – следствие любви. Ты пыталась узнать мое мнение, но мне было неинтересно. Ты была категорически не согласна.

- Я все помню. И что из этого?

- Сначала ко мне пришло чувство жалости к этому человеку, а уже после я поняла, что люблю его.

- Ты... уверена, что любишь? Может быть, вышла за него из жалости?

Наталья долго думала, а потом ответила, что любит Калистратова.

Чечеткина не порадовалась тогда, что ее «категорическое несогласие» получило своеобразное подтверждение на практике, о чем намекнула подруга. Люда никогда не утверждала, что любовь может быть следствием чего-то, например, жалости. Жалость – толчок к любви? А любовь ли это?

Людмила всматривалась в лицо Наташки, пытаясь уловить на нем признаки счастья от состоявшегося замужества с любимым человеком, но не находила. Наташка была деловито собранной, как обычно, и, как обычно, не улыбочивой. С супругом почти не общалась в стенах института, никто не мог заподозрить, что они женаты.

Каждый по-своему переживает медовый месяц, - попыталась успокоить себя Людмила.

По окончании института супружеская чета Калистратовых уехала по распределению в Ленинградскую область, а еще через несколько лет они развелись.

Так что же первично, а что вторично? Или все чувства существуют параллельно, вне зависимости от того, как ты относишься к человеку?..

С чашечкой кофе в руках Людмила Чечеткина слушала рассказ Леонида о своей жизни в детском доме, и сопереживала ему. В ее сердце, как змея, вползала ненужная жалость к сидящему напротив постороннему мужчине.

Люда задумалась: А если на месте привлекательного молодого человека - обладателя приличного авто, дорогих часов, был, допустим, бывший одноклассник, в которого она была влюблена все десять школьных лет и у которого не сложилась жизнь? Ни личная, ни профессиональная. Проснулась бы любовь после жалостливого рассказа?

Женщина представила на месте Леонида жалкого мужичонку с беззубой улыбкой, на голове - «три волосины в пять рядов», и будто бы такая же небритость на лице. Такая, да не такая: у Леонида – брутальная, а у мужичонки – подтверждение запущенности. Ко всему, заметен засаленный ворот рубашки, выглядывающий из растянутого пуловера с сильными вытертостями на локтях. Про обувь и говорить не стоит.

Как бы она поступила? Ушла бы от обеспеченного мужа, пожалев бывшего одноклассника – первого красавца школы, который в те годы ее даже не замечал, а теперь уверяет, что все время тайно ее любил, но боялся признаться, и эта трусость повлекла за собой череду неудач. Как доказать обратное? А вдруг она во всем виновата?

Наступил момент испытания для Людмилы. Готова она пожалеть мужчину, принять его таким, какой есть, и вернуть школьную любовь? В этом случае жизнь одноклассника моментально сделает крутой поворот, все наладится, так как рядом будет любимая женщина, женщина – ангел хранитель, женщина – талисман!

Чечеткина, не задумываясь, сказала бы твердое «НЕТ», как бы это ни было жестоко по отношению к несчастному человеку. Все-таки, на жалости любви не построишь. Как и на угрызении совести.

А что же ее привлекло в собеседнике? Жалость или его брутальность? Или подкупил неожиданный интерес молодого мужчины к ней, к женщине, которая гораздо старше его, которая забыла, когда ловила на себе откровенные мужские взгляды?

Возраст давил на Людмилу. Она старалась лишней раз не смотреться в зеркало. Но за молодостью не гналась, прибегая к помощи пластического хирурга. За собой следила, ухаживала за предательски стареющим лицом, прикрывала шею - указателя возраста - косынками, шарфиками, высокими воротами. Старалась одеваться сдержанно, не вызывающе, но и не в длинные балахоны, скрывающие фигуру и ноги.

Ей не верилось, что на нее может обратить внимание молодой привлекательный мужчина. А почему, нет? Она не старуха.

Но ей не тридцать лет. Даже не тридцать пять. И не сорок.

Да, возраст давил на нее. Возможно, когда ей стукнет семьдесят, она будет вспоминать свои теперешние годы и думать, какая же она была глупая! Надо было жить и радоваться. Получать от жизни удовольствие.

А почему бы ей не получить каплю удовольствия? Совсем капелюшечку.

Это в том случае, если Леонид видит в ней привлекательную женщину, но не мать. Так бывает...

Она готова отдавать, но хочет получать взамен: и любовь, и страсть, и постоянное внимание... Она мечтает о безумных поступках, которые никогда не совершал ее супруг. Игорь никогда не парил в облаках, предпочитал твердую почву под ногами.

Неделя любви, проведенная с Леонидом, закрутила ее в бешеном урагане. Только что она шла по улице, вокруг тишина, серость, безмолвие, и вдруг... Нет серости и унылого постоянства, есть розовые очки на глазах! Людмила забыла обо всем. Она закружилась в вихревом потоке страсти, не желая выпасть из него. Никого не было в этом мире, только он – восхитительный молодой мужчина и она – бывшая домохозяйка средних лет, превратившаяся в безумную фурию. Она жила ожиданием встречи с ним. Боже мой, как она влюбилась! Вспоминала о взрослой дочери и занятом супруге лишь тогда, когда возвращалась домой. В эту минуту ее начинала мучить совесть. Она боялась вопросов Игоря. Спросит не потому, что не доверяет, а так... для поддержания беседы. Один элементарный вопрос и все. Вся прошлая жизнь с этим человеком уйдет навсегда. Людмила не сможет лгать и изворачиваться, она скажет напрямик: «Я полюбила другого человека!» Зайдет в спальню, соберет чемодан и уйдет, оставив ключи на тумбочке в прихожей.

Вместо мужа к ней с вопросом обратилась дочь. Умная, сообразительная, имеющая особый подход к матери...

Выслушала ее признание, сориентировалась, нарисовала нелицеприятную картину прибытия любимой мамочки в дом брутального «холостяка». Не просто представила ее матери, но и встряхнула ее, вырвала из воронки, засасывающей ее. Сняла розовые очки...

А что она знает о Леониде? Почему беспрекословно верит ему?..

Жанна и Людмила добрались до квартиры, быстро разобрали дорожные сумки, приняли душ и сели завтракать.

- Ты не сдаешь квартиру, когда уезжаешь? – поинтересовалась Козловская.

- Нет. Хотя, можно было.... Желających приехать в Кисловодск, поселиться на съемной квартире и лечиться по курсовке в одном из санаториев, полно! Но я не люблю... чужой запах на своей территории. Тогда это будет уже не моя квартира, а некое подобие гостиницы с разницей в том, что за нее, - Люда кивнула головой на окружающее пространство, - не надо платить. Дашка утверждает, что это комплексы, но я думаю, это возраст дает о себе знать. Хочется уединения и уверенности, что дом – моя крепость.

- Извини, что вторглась на твою территорию, - смутилась Жанна. – Но я не стану переходить дозволенных границ и не буду раздражать тебя разговорами, если ты сама этого не пожелаешь, - сказала догадливая ведьма в третьем поколении.

- Что ты, я рада, что мы вместе. От одиночества я бы с ума сошла...

Каждое утро Жанны и Людмилы начиналось с прогулки в знаменитом парке Кисловодска, где были проложены туристические маршруты в виде специальных пешеходных дорожек с указателями. Они отличались по сложности и протяженности в зависимости от физического состояния и подготовки человека к нагрузкам.

Жанна не была физически развитым человеком, и Людмила выбирала легкие маршруты, без крутых подъемов и спусков.

- Я люблю приезжать сюда в феврале, – рассказывала Чететкина, – у нас еще холодно, лежит снег, а здесь дневная температура приближается в двадцати градусам, солнце такое ласковое и теплое, люди ходят в одних легких курточках. Я вспоминаю, как мы с Игорем приехали в Кисловодск в первый раз. Это было еще в студенческие годы. Мне родители незадолго до этого купили новую дубленку, и я, естественно, не смогла с ней расстаться. Никто не подсказал, какая теплынь здесь в феврале.

- А ты не прихватила что-нибудь полегче?

- В том то и дело, что нет. Тоненький свитерок, в котором ходить некомфортно, все-таки зима на дворе, и несколько платьев. В платьях тем более не пощеголяешь. Я даже спортивный костюм не взяла. В то время в магазинах ничего не было, что у нас, что в Кисловодске, что в любом другом городе. Одни вывески «Промтовары», а товаров тютю. Да, и с финансами у студентов туговато, еле на поездку наскребли, и то с помощью родителей. Так я и бродила по Кисловодску в новой дубленке, выбирая тенистые места, – улыбнулась воспоминаниям Чететкина.

- Люда, пойдем к памятнику Лермонтову! – позвала Жанна.

В парке был установлен памятник поэту. Михаил Лермонтов сидел на камне и смотрел вдаль. Перед глазами открывалась живописная картина – двугорбые заснеженные вершины горы Эльбрус.

На небольшой пологой площадке, на которой находился памятник, всегда толпились люди. Они любовались открывшимся видом на Эльбрус, густые лесами, подобравшимися вплотную к пологой площадке, и испугом поглядывали вниз, в ущелье. Любители поэзии Лермонтова не скрывали своих эмоций и громко цитировали до боли знакомые стихи. Кому-то аплодировали, кого-то провожали молчанием, которое совершенно не ранило нерадивого декламатора. Жанна мечтала побыть рядом с Лермонтовым в тишине. Стать рядом и смотреть на Эльбрус. И ни о чем не думать.

Сегодня ее мечта могла бы сбыться, если бы не единственная фигура, замершая возле памятника. Незнакомец принял излюбленную позу Михаила Юрьевича, великолепно скопированную с других известных памятников – стоял со скрещенными на груди руками. «Два Лермонтовых»: каменный-сидячий и живой-стоячий создавали ореол неприступности. Никто не осмеливался ступить на пологую площадку, искусственно созданную руками человека, отобравшего часть горы.

... Твоих вершин зубчатые хребты

Меня носили в царстве урагана,

И принимал, лелея ты,

В объятия из синего тумана...

Не удержалась от цитирования Жанна Александровна, восхищенно глядя на открывшуюся панораму гор. Живой «Лермонтов» недовольно воззрился на нарушителей его идиллии с каменным гением. Недовольство быстро сменилось удивлением.

- Люся?

- Леня? Но я... не говорила тебе, что еду в Кисловодск, – не сводя недоуменного взгляда с «ожившего» двойника Лермонтова, пролепетала Чететкина.

- Ты восхищалась этим городом, а когда заявила, что уезжаешь, я сложил два и два и понял, где место ссылки.

Козловская оторвалась от созерцания красот природы и переводила непонимающий взгляд с компаньонки на молодого человека.

- Жанна, познакомься, это Леонид, – нашла Чететкина. Тот подошел ближе, кивнул, еще раз назвал свое имя, и сразу забыл о посторонней женщине. – Почему ссылки? Я уехала по своей воле, никто меня к этому не принуждал! – Недовольно заметила она. И

проводила взглядом удаляющуюся к обрыву фигуру Жанны. – Будь осторожна, не приближайся близко к краю!

- Тактичная особа! – усмехнулся мужчина и вплотную подошел к Чететкиной. Он бы еще уменьшил расстояние, да женщина выставила вперед руки. – Я скучал по тебе. Люся, почему ты избегаешь меня?

- Я приняла решение: мы должны расстаться, - неуверенно пробормотала она, будто повторяла чужие слова, плохо отложившиеся в памяти.

- Не думаю, что твое решение окончательное и обжалованию не подлежит. А в чем я уверен точно... Ты любишь меня до сих пор. – Он попытался ее обнять, но Людмила вывернулась из его объятий. В это время на площадке появился мужчина и громко поздоровался со всеми. Людмила кивнула, Жанна не услышала его приветствия, превратившись в каменное изваяние.

- Ты его знаешь? – спросил Леонид.

- Нет, конечно.

- Сумасшедший, что ли, - тихо сказал Леонид и покосился на мужчину, взиравшего на них с радостной улыбкой ребенка, который после долгих блужданий по лесу самостоятельно вышел к людям. Внимание вновь перенеслось на Чететкину. – Люда, ты не можешь принимать решение за нас двоих. Я не могу без тебя, как ты этого не понимаешь!.. Зачем ты с собой потащила эту Жанну?

- А что, нельзя? Надо было спросить у тебя разрешение? Что тебя беспокоит? Или ты с ней знаком? – забросала его вопросами Чететкина. – Я заметила, как ты постоянно косишься в ее сторону.

Леонид опустил первые три вопроса.

- Я с ней незнаком, но она мне кого-то напоминает, потому и кошусь, как ты выразилась, - задумчиво протянул он.

- Можешь не копать в картотеке своих любовниц - Жанны там нет. Она... порядочная замужняя женщина. - Ей надоел этот пустой разговор, она вернулась к подруге, которая оживленно беседовала с человеком, которого Леонид назвал сумасшедшим.

Еще один любитель «взрослых» девушек, - подумала Людмила, оценивая возраст собеседника Жанны – почти ровесник наших девочек, может, немного старше... Нет, этот не повеса. Скорее интеллигент, ищущий общения с людьми, способными поддержать беседу. Жанна такая, Жанна может.

- Виктор, - назвал парень и поправил очки на переносице, напоминая несуразного Шурика из комедии Гайдая. Виктор несуразным не был. Он был милым, симпатичным и внушающим доверие. И, конечно, не сумасшедшим.

- Людмила Константиновна, - сказала Чететкина и обратилась к подруге, старательно отводя взгляд от Леонида, подобравшегося ближе. – Жаннуся, ты не замерзла?

Та не успела ответить, вмешался навязчивый Ленья.

- Девушки, может, пообедаем вместе?

- У нас четкий распорядок дня! Жанне нужно больше отдыхать, восстанавливаться после болезни.

- Я могу быть чем-нибудь полезен, - спросил он, переключив внимание на Козловскую.

- Нет, спасибо.

- Жаль, - вздохнул Ленья и взял под руку Чететкину. Та спокойно высвободилась. – Может, вы все же нарушите свой жесткий распорядок и поужинаете со мной?

Людмила хотела пожуричь друга за навязчивость, но увидела лицо Виктора, не выдержала и улыбнулась. Парень следил за сценой уговоров с таким неподдельным интересом, будто смотрел остросюжетный фильм, развязка которого вот-вот наступит. Леонид принял улыбку на свой счет, приложился губами к ее щеке, выставляя напоказ их особые отношения. Сказал, что ждет их в девятнадцать часов у ресторана «С шиком», назвал адрес и заявил, что покончит с собой, если они не придут.

Виктор проводил его сожалеющим взглядом, словно тот был киномехаником и ушел на обед, выключив напоследок всю аппаратуру.

- Ваш знакомый? – поинтересовался он. Людмила не могла не удовлетворить его детское любопытство.

- Знакомый, - кивнула она.

- А чем занимается?

- Бизнесмен, - односложно ответила женщина.

- Мне он кого-то напоминает, - задумчиво сказал Виктор, не догадываясь, что точь-в-точь повторил фразу, сказанную незадолго до этого Леонидом.

- Все ловеласы на одно лицо, - отмахнулась Четкина. Потом прозвучал крик души, вырвавшийся наружу. - И зачем он приехал?!

- Я подумал, что этот мужчина приехал в Кисловодск вместе с вами? – уцепился за последнюю фразу назойливый молодой человек без комплексов.

- Я даже не знала, что он собирается в Кисловодск, - призналась Людмила, удивляясь своему терпению и желанию отвечать на вопросы мало знакомого зануды.

- Он вас преследует? – подобрался он, словно собирался пуститься вдогонку за нахалом, который успел улизнуть с площадки, не выслушав согласия от приглашенных им дам.

- Не будем говорить о нем!

Молодого человека было не так просто увести с темы, но в разговор вмешалась Жанна, решившая помочь подруге.

- Виктор, вы из какого города приехали? – Парень назвал город.

- Так мы земляки! – воскликнула Четкина с такой радостью, что любой мог подумать – она не была на Родине больше половины прожитых лет.

- Вот почему лицо Леонида вам показалось знакомым! – воодушевилась открытием Козловская. – Наш город, хоть, и миллионный... с хвостиком, но как большая деревня. Люди ходят и ездят одними маршрутами и почти всегда в одно время.

- Леонид не ездит на общественном транспорте, - вставила реплику Людмила, мгновенно сменив радость на уныние.

- Ну, мало ли... - пожала плечами Жанна и с участием в голосе спросила, - Людочка, ты неважно себя чувствуешь? Или тебе неприятен Леонид? Если так, то никто тебя насильно в ресторан не тянет. Лично я никуда идти не хочу!

- Жанна, мы пойдем в ресторан, - убедительным голосом произнесла Четкина. Потом оторвалась от созерцания подруги, смотревшей на нее с недоумением, и обратилась к новому знакомому, - надеюсь, Виктор, вы составите нам компанию?

- Хотите, чтобы я стал раздражителем для Леонида?

- Почему сразу – раздражителем! Может, вы мне очень симпатичны. И моей подруге – тоже. Да, Жанна?

- Да, Люда, - нахмурившись, буркнула Жанна. Мысли подруги она разгадать не могла.

- Ну, тогда я согласен... Пожалуй, я пойду. Или вас проводить?

- Спасибо, мы пока домой не спешим. До вечера.

- До вечера. – Виктор постоял некоторое время, будто ждал, что дамы передумают, но те сразу забыли о нем, подошли к краю обрыву и стали опять любоваться окружающими красотами.

- Зачем тебе всё это? – пробормотала Козловская, - и этот Леонид с его приглашением, и Виктор? Кто он, вообще, такой?

- Виктор?

- Леонид!

- Он мой... знакомый... Жанна, не смотри на меня так, я сама себе противна, - всхлипнула Людмила.

- Господи, какая же я тугодумка! Как я сразу не сообразила, что Леонид это тот мужчина, о котором ты мне вчера рассказывала.

- Да, это он. А ты решила, что у меня в каждом городе по любовнику?!

Ее возмущение осталось незамеченным Жанной, которая пыталась восстановить в памяти вчерашний доверительный разговор. Ее мало беспокоили душевные переживания Чететкиной, своя рана на сердце кровоточила - волновалась за дочь, которая сует нос, куда ей не следует.

- Кажется, ты вчера меня уверяла, что между вами все кончено. Что ты любишь Игоря, что тебе никто, кроме него, не нужен.

Людмила долго молчала, потом сказала совсем не то, что рассчитывала услышать Козловская.

- Жанна, ты знакома с Леонидом?

- Я? Нет, не знакома и нисколько в этом не сомневаюсь. А что?

- Леонид странно на тебя косился, и допытывался у меня, кто ты такая.

- Если ты думаешь...

- Я ничего не думаю! – не дала ей договорить Чететкина, догадываясь, о чем пойдет речь. – Пошли домой...

Козловская помянула дочь добрым словом – та уговорила ее взять собой единственное приличное платье «для выхода». Мать заспорила, заявила, что выходить в свет не собирается, но Сашка была непреклонна. Теперь платье пригодилось.

Людмила нацепила черную юбку и лиловую блузу с завязанным под горло бантом. Жанна, глядя на подругу, не сдержала эмоций и приказала переодеться. Та наотрез отказалась. Пришлось как-то преобразить ее внешний вид. Жанна развязала бант, оголила красивую шею, полюбовалась своей работой, нашла ее незавершенной и стянула концы в виде расслабленного галстука.

- Вот теперь ты выглядишь не зажатой старой девой, которая впервые пришла на свидание, а красивой женщиной, знающей себе цену.

Чететкина посмотрелась в зеркало, мило улыбнулась своему отражению, потом подруге и заявила.

- А, может, ну их, мужчин, которые годятся нам в сыновья?! Пойдем куда-нибудь вдвоем, посидим, поболтаем за бокалом хорошего вина.

- Нет, - отрезала Жанна. – Конечно, мы своего согласия Леониду не давали, но пригласили Виктора. Если мы не придем, что он о нас подумает?

- Тебя беспокоит его мнение?

- В общем-то, нет. Но как-то неудобно. Он скромный и по-детски наивный. А детей обманывать нельзя!

- Ладно, уговорила, идем на свидание!

- На ужин со знакомыми мужчинами, - поправила ее Жанна...

Если Леонид и удивился появлению очкарика, то вида не подал. Заметив в его руках два букетика цветов, он запоздало сообразил, что стоит с пустыми руками. Догадливый Виктор протянул один букет ему.

- Это для Людмилы Константиновны.

Леня букет принял и даже произнес еле слышное «спасибо».

Дамы опоздали на пять минут и застали кавалеров у входа с букетами цветов. Людмила напряглась, ожидая от Леонида жарких объятий и лобызаний, но он ограничился дружеским поцелуем в щеку и милым «доброй вечер», обращенным к ее подруге.

Ресторан был уютным, а название «С шиком» не отразилось на внутреннем убранстве, на официантах, одетых традиционно, на меню. Швейцара в яркой блестящей униформе тоже не наблюдалось. Жанна немного расслабилась. Ее миленькое платьице гармонировало с интерьером без вычурности. А Людмила, вообще, не замечала ничего, была собрана, как студентка-первокурсница на первом в своей жизни экзамене.

Козловская в начале вечера следила за подругой, чтобы в любой момент прийти ей на помощь, но потом расслабилась: Леонид вел себя свободно, но без претензий на Четветкину, уделял внимание всей честной компании, включая очкарика Виктора, который оказался не просто умным парнем, но с чувством юмора, легко реагирующим на любую остроту, высказанную в его адрес. Между молодыми мужчинами завязался своеобразный словесный поединок. Женщины дружно стали на защиту Виктора, как более слабого, но ошибались: парень не только отражал удары, но и умело давал сдачи. Леонид показывал свою эрудицию, невзначай бросал реплику сопернику, надеясь, что тот ступается, а он окажется в победителях. Но исчерпал запас острот и знаний гораздо быстрее и находился в преддверии нокаута. На помощь пришла добрая Жанна, заявившая громко: «Брек!». Леонид сказал, что готов биться до конца, но если женщина просит, он готов уступить. Виктор улыбнулся и согласно кивнул.

Потом перешли к обсуждению достопримечательностей Кисловодска, не забывали о своем родном городе, дружно заявили, что соскучились, хотя, прошло всего несколько дней после отъезда.

- Разбудили во мне ностальгию! – с грустью произнесла Жанна, бережно поглаживая травмированную руку, которая пока не выполняла привычные функции.

- Вы так и не рассказали, что же случилось? – поинтересовался Леонид, внимательно наблюдая за ее движениями, будто приготовился к тому, что сейчас с рукой произойдет что-то необычное.

Козловская не любила, когда человека не пускают в дверь, а он лезет в окно, как любила высказываться ее покойная мать о любопытных людях. То, что это качество присуще большинству женщин, она знала, как знала, что бывают мужчины, с удовольствием капающие в чужом белье, но с подобными мужчинами ранее не встречалась. Теперь ей случай представился, но радости от этого она не испытывала.

Ему бы не с нами за одним столом сидеть, а с кумушками-пенсионерками время коротать на скамеечке. Вот бы познал окружающий мир! – подумала Жанна. Она поняла, что надо что-то ответить, пауза затянулась, и никто не желал ее нарушить. Покосилась на подругу, которая погрузилась в размышления и, скорее всего, вообще не расслышала последней фразы поклонника. На Леонида старалась не смотреть, его пристальное внимание ее раздражало. Сместив взгляд на Виктора, Жанна удивилась его сосредоточенности. Оказывается, его тоже раздражало любопытство.

А чего еще ждать от мужчин, которые предпочли дам бальзаковского возраста молоденьким милым девчушкам, - мысленно рассудила Козловская и пожалела, что не согласилась с Людмилой, которая отговаривала ее идти в ресторан. Жанна сама не знала, почему так настаивала. Она решила открыть правду, но вмешался очкарик Витя.

- Я пару лет назад поскользнулся на шкурке банана и... сильно ушиб локоть. Хорошо, что обошлось без перелома. – Он пронзал глазами Козловскую, будто внушал ей только что сказанное.

- И урны везде поставили, а люди все равно бросают мусор на тротуар, - заморожено глядя на Витю, произнесла сообразительная Жанна.

- У вас подобный случай, - утвердительно заявил «догадливый» собеседник и с осуждением покачал головой, выказывая недовольство поведением невоспитанных граждан.

- Да, - согласилась она и покраснела.

- Вот так выйдешь на улицу живой и здоровый, а потом «бац» и... нездоровый, - философски заметил очкарик, несколько растерявший свое красноречие. Жанне показалось, что он облегченно вздохнул при этом.

Леонид странно посмотрел на них, потом повернулся к Людмиле, дотронулся до ее руки - вернул в действительность и пригласил на танец. Женщина безропотно двинулась за ним.

Виктор и Жанна, молча, наблюдали за ними.

- Я не умею танцевать, - извинительным тоном признался мужчина.

- Это замечательно.

- Не понял...

- Я бы не хотела вам отказывать, но пришлось. Я не хочу выглядеть мамочкой, танцующей с сыночком на его свадьбе, которая таким образом желает показать свою власть над ним.

- Странная... трактовка. Теперь я знаю, в кого пошла ваша дочь. Она тоже неординарно мыслит.

- А вы... знакомы с моей дочерью? – удивилась Жанна Александровна и снова покраснела, еще сильнее, чем прежде, будто дочь застала ее с молодым человеком в двусмысленной позе.

- Знаком, - кивнул Виктор, не пускаясь в объяснения.

Жанна ждала продолжения, но оно не последовало, и тут вернулись Леонид и Людмила. Людмила опять погрузилась в себя, а мужчина уже собрался задать очередной вопрос Козловской, но его опередил Витя.

- Леонид, скажите, у вас есть младший брат?

- Брат? – Он глубоко вздохнул, словно хотел втянуть в себя и слово, и человека, который задал ему простой, на первый взгляд, вопрос. Жанна с Виктором недоуменно переглянулись, потом дружно уставились на него. – А почему ты спросил?

- Вы очень похожи на одного человека, но он моложе и покрупнее вас будет.

- У меня нет брата! – Леонид поджал губы и презрительно отвернулся.

- Леня воспитывался в детском доме, - объяснила Людмила, вернувшись к общему разговору.

- Извините, - промямлил очкарик.

- У меня есть тост, - поспешила вернуть дружеский настрой за столом Жанна, - давайте выпьем за спокойную жизнь без неприятных сюрпризов!

Виктор ей подмигнул, Люда «избавилась» от толстостенного стержня, засевшего внутри при подходе к ресторану, и расслабленно откинулась на спинку стула, а обиженный Леонид исподлобья взглянул на восторженную Жанну, словно она бросила оскорбительную реплику в его адрес...

Ближе к полуночи женщины начали прощаться.

- Понятно, у вас же режим, как я забыл, - с ехидцей заметил Леонид, но быстро сменил тон. – Мы с Виктором вас проводим, подождите меня на улице, пока я расплачусь.

- Я тоже участвую, - подхватился очкарик и полез во внутренний карман пиджака.

- Я приглашал, я и плачу!

- Но меня не ты приглашал, - напомнил Виктор.

- В другой раз заплатишь ты.

- Согласен.

Жанна едва сдержалась от вопроса: «А что, будет и другой раз?» Люда потащила ее на улицу, предоставив мужчинам самим разбираться, чья очередь оплачивать счет за ужин в ресторане...

Мужчины проводили дам до дома, причем шли не по парам, а дружным квартетом. Уже на подходе Леонид придержал Жанну за локоть, сбавляя темп хода. А когда Люда и Виктор отошли от них на несколько шагов, прошептал ей на ухо.

- Жанна, мне нужно с вами серьезно поговорить.

Женщина удивленно посмотрела на него.

- Это касается Людмилы? – поинтересовалась она, наблюдая за подругой, которая увлеклась разговором с Виктором.

- Это касается вашей дочери, - озабоченно пробормотал Леонид.

- Вы... тоже знакомы с Сашей?

- Почему... тоже?
- Виктор признался, что знаком с Сашей.
- Очень интересно, - с недовольным видом протянул он, после чего стал нервно покусывать нижнюю губу и «сверлить» взглядом спину соперника.
- Все так странно, - нахмурилась обеспокоенная мать, - вы мне можете...
- Могу все объяснить при конфиденциальной встрече, - перебил ее смысленный молодой человек. - Давайте встретимся завтра в восемь у нарзанной галереи.
- Но что я скажу Людочке? Мы каждое утро вместе гуляем по парку.
- Придумайте что-нибудь. Этот разговор нужен не только мне...
- Мужчины расстались с женщинами и двинулись в обратный путь. Вместе прошли два квартала, после их пути разошлись. Уже пожимая друг другу руки, Виктор спросил.
- Вы не знаете отчество Жанны? А то мне неудобно обращаться к ней по имени, все-таки, она гораздо старше...
- Александровна, - задумчиво произнес Леонид, который мысленно пережевывал сообщение Козловской о знакомстве Саши с Виктором. На довольную физиономию очкарика он в ту минуту не обратил, а надо бы: у него на лице было такое восхищение собой, будто он получил награду за многолетний добросовестный труд.
- Лобов попрощался с Леонидом и отправился в крохотный частный отельчик, где снял номер. Идея позвонить Саше Козловской возникла спонтанно. На время он не взглянул.
- Добрый вечер, Саша, - проникновенным голосом произнес он.
- Доброй ночи.
- Саша, я вас не разбудил?
- Нет! Что-то случилось?
- Все нормально. Я провел вечер в компании вашей матушки и ее подруги.
- Виктор пересказал события сегодняшнего дня.
- Это великолепно! Теперь вы сможете спокойно быть рядом с мамой и Людмилой Константиновной.
- Саша, вы встречались сегодня с Алексеем?
- Нет, но он звонил. Сказал, что много работы, у них какая-то серьезная проверка из Москвы, поэтому все стоят на ушах. Обещал освободиться через пару дней...
- Через пару дней... - повторил за ней Виктор.
- Вы же не думаете, что он рванул в Кисловодск за мамой?!
- ЗДЕСЬ я его не встречал. Возле наших дам крутится какой-то парень, но как я понял, он друг Людмилы Константиновны. - Лобов не стал опускаться до сплетен и рассказывать, что отвергнутый любовник приехал уговаривать Людмилу вернуться к нему.
- Вы с ним познакомились?
- Конечно, мы провели вечер вчетвером... в ресторане. Его зовут Леонид. На вид лет тридцать пять, высокий, плечистый, но не перекачанный, глаза карие, волосы каштановые...
- Вас что-то мучает?
- Он мне кого-то напоминает, но вот кого? И забывчивость порядком меня злит! Но я точно видел этого Леонида, причем не так давно... А вам он незнаком? Я понимаю, что описание расплывчатое, но все-таки.
- Кажется, нет. А чем он занимается?
- Людмила сказала, что он бизнесмен. Какой у него бизнес, она сама не знает.
- Уберите сведения о Леониде в подсознание, придет время, и все вспомните.
- Неизвестно, когда это время придет, и располагаю ли я им, - пробубнил себе под нос Виктор.
- Что вы сказали, я не расслышала?

- Это неважно, - торопливо произнес он и, не подумав, ляпнул, – представляете, Саша, а знакомый Людмилы знает отчество Жанны. Я не слышал, чтобы при знакомстве она называла отчество. Имя, да, но отчество точно нет.
 - Насколько я поняла, вы подошли позже, когда все представления были закончены.
 - Подошел позже, но стоял за деревьями и наблюдал за женщинами.
 - Я подумала, что ваша встреча была случайной.
 - Нет, не случайной. Я знал, по какому адресу они проживают...
 - Я сама вам об этом сказала.
 - Да, вы сказали. И я не выпускал женщин из вида, но старался не попадаться им на глаза. А когда понял, что Леонид странно себя ведет по отношению к Людмиле, вышел из укрытия и изобразил простачка. Но до этого я точно помню, как Людмила Константиновна сказала: «Жанна, познакомься, это Леонид»... Когда мы с Леонидом проводили женщин, он погрузился в размышления. До этого балагурил, а потом тотчас сник. И я воспользовался моментом – невзначай задал вопрос об отчестве вашей матушки... Он, не задумываясь, ответит: «Александровна».
 - Вы же не знаете, о чем перешептывались Людмила и этот Леонид!
 - Не знаю, но не думаю, что их тайная беседа касалась посторонних... Хотя, в сторону Жанны Александровны они поглядывали. Особенно Леонид.
 - Может, он... не только знакомый Чететкиной, но и тайный воздыхатель матери?
 - Не думаю, - попытался успокоить ее Лобов. Он поздно сообразил, что запутал Александру, если не напугал. Хотя, подобные предположения появились и у него. Его насторожило желание Леонида отодвинуться от них с Людмилой и уединиться с Жанной. Интересно, о чем они разговаривали? Причем, у Леонида было поначалу такое довольное лицо, словно он добился желаемого, а Жанна была взволнованной. Потом и Леонид забеспокоился. Все это очень подозрительно.
- Но о своих подозрениях он не стал говорить Козловской...

После разговора с математиком я не спала всю ночь. Все переваривала сказанное им, строила версии, сочиняла успокоительные сказки, но ничего не помогало. К утру я еще тихо поскулила в подушку, а потом приняла решение отправиться на курорт вслед за обманщицей (?) мамулей, и с этим решением незаметно заснула...

Глава пятая

Накануне знаменательных событий ему всегда снится один и тот же сон. Его мать сидит за рулем своего роскошного авто и улыбается. Улыбка становится шире и шире. Потом она начинает хохотать. Громче и громче. Крепко держит руль и заливается смехом. На повороте она закидывает голову назад, продолжая смеяться, автомобиль на огромной скорости выносит с дороги, он начинает кувыркаться, пока не замирает колесами вверх, как противный огромный жук. Еще минута и раздается взрыв...

Был жук, нет жука...

Он ненавидел ее всегда. Сколько помнит себя, столько и ненавидел. Он сравнивал себя с маленьким зверьком, которого поместили в клетку и раз день скребут по голове и заверяют, какой он хороший, как его все любят. Особенно она.

Всю свою жизнь мать посвятила работе, не ему – любимому и желанному, а именно своей работе. Она пропадала там с утра до ночи, создавая свою корпорацию. Он ненавидел и ее. В детстве корпорация представлялась ему в виде огромного количества роботов, которые вертятся в разные стороны и передают друг другу стеклянные емкости. На возвышении стоит мать и управляет ими с помощью множества кнопок, расположенных на большой панели.

Сын гордился ею, отдавал должное ее значимости в трудовом процессе всей корпорации.

Тогда ему было три года.

С возрастом он стал понимать, что мать может уступить свое место помощнику, изредка появляясь в своей корпорации для контроля и для выдачи своих гениальных идей. А остальное время посвящать любимому сыну. Но она не желала этого.

Тогда он стал завидовать старшему брату, которого воспитали бабушка и дедушка. А раньше он любил рассказывать няньке, что из двоих сыновей, мамочка предпочла его, оставила при себе, а не отправила в маленький городок, как поступила со старшим ребенком.

Лучше бы он жил в тихой провинции и был окружен заботой и любовью, а не сидел целыми днями в ожидании матери.

Он сидел в своей комнате у окна и ждал. Постоянно ее ждал.

Потом он стал играть в куклы. От скуки и от желания отвлечься. Нянька сразу доложила матери – у ее сына девчоночьи игры! Но та лишь улыбнулась в ответ, приоткрыла дверь в его комнату, взглянула на якобы спящего сына и тихо сказала.

- Пусть занимается тем, что ему нравится.

Другой на его месте обрадовался свободе выбора, но не «любимый» сын богатой дамы, которая просто отмахнулась от его интересов.

Он не просто играл в куклы, он был режиссером, придумывал сценарии, хотя, еще не знал в то время этого слова. Просто сочинял на ходу. Потом перешел к серьезному обдумыванию сюжета. Раньше спектакль занимал один день, с перерывами на еду и сон, теперь, он мог длиться несколько дней. Он так закручивал сюжет, что забывал, что было в начале. В спектаклях всегда присутствовали русские и французы. Рассказы деда о своей Родине заинтересовали его. Он почти с пеленок легко изъяснялся на двух языках, в угоду матери, чтобы заслужить ее похвалу.

- Молодец, сынок, - говорила она и проводила рукой по щеке. Потом отворачивалась и забывала о его существовании.

Когда в шесть лет он пошел в начальную школу, приехали дед с бабкой из Дижона, прибыл и братец, который учился в Пантеон Сорбонне, именуемой Париж-1, на факультете управления и менеджмента. Он не баловал своими визитами мать и младшего брата. Владимир и Амели так гордились старшим внуком, так смотрели на него, что у Алекса выступили слезы. От ревности, от злости, от отчаяния, от долгого ожидания – ну, когда же на него посмотрят так же, как на счастливого брата! Он тоже мечтает о счастье, которое видится в одном – в любви близких людей.

Увы, на него так никто и никогда не смотрел.

Однажды он не выдержал и спросил у деда.

- Почему мать не отдала меня тебе и бабушке, как поступила с Жаном?

- Она пожелала воспитывать тебя сама.

Ему захотелось рассказать деду, как он ждет ее каждый вечер! Лежит в своей кровати и ждет, когда застучат ее каблучки на пороге дома. Он представляет, как она снимает пальто, бросает его на кресло, стоящее в холле, как медленно поднимается по лестнице. Еще немного и она откроет дверь в его комнату. Он почувствует легкий аромат ее парфюма, формулу которого она создала несколько дней назад и очень гордилась этим. Представлял, как мать приблизиться к нему, погладит по щеке и тихо произнесет: «Я люблю тебя, сынок».

Мечты. Одни мечты.

А как ему хотелось, чтобы все случилось наяву. Разве сложно произнести всего одну фразу, которая изменит ее сына, медленно заполняющегося злостью от безразличия.

Она скажет, он услышит и проснется. А она прижмет его к себе, еще раз скажет, что любит, что скучает, но у нее такая работа. И он поймет и примет ее работу, ее постоянную

занятость. А потом она будет долго с ним разговаривать. О том, как прошел ее день, возможно, даже попросит совета. И спросит, как у него дела? Что он ел, чем занимался? Это так просто для других людей, у которых нет корпорации. И так сложно для нее – для женщины, у которой есть одна корпорация, и нет сына.

Как он хотел, чтобы мать гордилась им! Он старался быть лучшим в учебе, в спорте, в театральной студии, в которую начал ходить еще в пять лет. Все говорили матери, что у мальчика талант, его ждет успех не меньший, чем у Габена. Она, молча, слушала хвалебные речи в адрес младшего сына и улыбалась. Это не была счастливая улыбка матери, услышавшую похвалу своему талантливому ребенку, это была улыбка самой себе, знаменитому парфюмеру, известному не только во Франции, но и за ее пределами. А какой должен быть сын у гениальной матери? Если не гений, то отличающийся от своих сверстников.

В одиннадцать лет он с отличием окончил начальную школу и поступил в колледж. Снова ожидал похвалы, но как всегда ошибался. Мать собрала чемодан и уехала на отдых в Ниццу, где пару месяцев назад купила дом. Она не подумала, что сына можно взять с собой, что он тоже заслужил отдых, что хочет быть рядом с ней.

Потом он забросил увлечение театром и решил выделиться другим способом. Он покрасил волосы в зеленый цвет, купил «оборванную одежду», как выразилась его бабушка, после того, как немного пришла в себя, когда увидела двенадцатилетнего внука, приехавшего к ним погостить вместе с матерью. Бабушка начала выговаривать своей дочери, а та повернулась к сыну и с удивлением заметила, как он выглядит и во что одет. И улыбнулась, без комментариев.

Тогда он побрился наголо, расстался с зелеными вихрами, вернулся к обычной одежде и увлекся фармакологией. Даже перевелся в специализированный колледж. Целыми днями корпел над учебниками. Вечером возвращалась мать. Он, как всегда, прислушивался к ее шагам. Она входила в комнату, неся с собой аромат парфюма, приближалась к сыну, проводила ухоженной рукой по его щеке, улыбалась, произносила несколько ничего не значащих фраз и излишне поспешно удалялась, будто боялась чего-то. Шла к нему медленно, нехотя, уходила быстро, с желанием.

Сначала он сам не осознавал, откуда появилось увлечение фармакологией – наукой о соединении химических соединений и живых организмов. Но развитое с раннего детства чутье подсказывало: полученные знания со временем пригодятся! Или причина была проста: безответная любовь к матери измучила Алекса, и он решил найти средство избавления от нее.

Избавления в прямом смысле - выбрал традиционный способ. Решил создать... яд.

Алекс так загорелся идеей создания гениального яда, что ни о чем другом думать не мог. Для гениальной женщины нужен гениальный яд, чтобы гениально уйти из жизни. Как известно, все гениальное – просто. Этот яд просто и легко ее убьет и не оставит в организме следа.

Подросток забыл обо всем. Он был сосредоточен на одном деле. Он так мечтал о мучительной смерти матери! Он не хотел, чтобы эта женщина стучала своими каблучками по паркету, не хотел, чтобы, как змея, заползала в его комнату и жалила его прикосновением своей ароматной руки.

Он добавит в ее чашку с утренним кофе гениальный яд, устроится напротив и будет наблюдать, как яд проникает в ее организм и убивает ее. Улыбка исчезнет с ее лица, она испуганно посмотрит на сына, начнет хватать ртом воздух, сползет со стула и распластается на ковре. Он будет безучастным. А когда агония достигнет апогея, склонится над некрасиво распластанным телом, заглянет в остекленевшие глаза, проведет рукой по щеке и с чувством произнесет:

- Я люблю тебя, мама, не сомневайся! - И улыбнется при этом, точно копируя ее отчужденную улыбку...

В одной книге Алекс натолкнулся на статью о ядах из кактусов. Идея захватила его. Он всегда ревновал мать к этим колючим растениям. Им она уделяла больше времени, чем собственному сыну. С ними она разговаривала, переставляла с места на место, следила за ростом, восхищалась, когда неожиданно выбрасывался цветок среди колючек. Постоянно привозила новые экземпляры и бережно пересаживала их. Алексу хотелось смахнуть горшочки с кактусами на пол и растоптать растения ногами, чтобы вывести из себя сдержанную мать, чтобы стереть с ее губ отвратительную улыбку.

Хорошо, что он не сделал этого, теперь хобби матери поможет ему избавиться от нее...

Увлечение фармакологией закончилось без успеха: создание бесследно исчезающего из организма яда было прервано в виду ненадобности. Мать погибла в автомобильной аварии по собственной вине – заснула за рулем.

Алексу в ту пору было пятнадцать лет. Незадолго до этого он окончил колледж в числе лучших учеников и уже готовился продолжить обучение в лицее, но случилась эта трагедия...

На кладбище он изображал убитого горем сына - занятия в театральном кружке не прошли даром. Все родственники и знакомые матери смотрели на младшего сына погибшей с тревогой. Молчаливая сухая скорбь пятнадцатилетнего подростка пугала своей отрешенностью. Внутри он ликовал, он торжествовал, что так легко отделался от нее. В конце траурной церемонии он поднял глаза к небу, будто высматривал парящую душу своей бедной мамочки, и обратился к ней шепотом со словами любви. Но так, чтобы все услышали...

Но на этом испытания Алекса не закончились. Мать нанесла еще один удар: она составила завещание в пользу старшего сына и отца. Жану Полю досталась корпорация и дом, в котором проживали мать с Алексом. Половину будущих доходов от деятельности корпорации Жан должен был отдавать... деду. Алекс до боли закусил губу, чтобы не выказать своих чувств. Талант актера с трудом помог ему справиться с ненавистью к присутствующим на оглашении завещания родственникам. Парень понимал, что в его возрасте он не может распоряжаться деньгами матери, но думал, что мать назначит деда опекуном до его совершеннолетия, до которого осталось всего три года. Корпорация ему была не нужна, умный выпускник Сорбонны Жан Поль лучше справиться с делами, но дом в пригороде Парижа, в котором он провел почти всю жизнь, должен был достаться ему, как и другая недвижимость в Европе, как и деньги на счетах.

Теперь он не просто нелюбимый сын, он - щенок, которого выкинули на улицу после смерти хозяйки...

Жан великодушно предложил остаться. Даже погладил по голове, как маленького. Алекс не выдержал, отбросил его руку, чувствуя себя, действительно, щенком, которого оставляют в доме из жалости, и хотел объяснить, как он относится к старшему брату и всем остальным родственникам. Но его перебил дед, который заявил:
- Алекс едет с нами в Дижон! Мальчику необходимо восстановиться после душевной травмы. – И похлопал мальчика по плечу.

Хорошо, что не погладил по щеке или по голове.

Алекс пристально посмотрел на деда, желая узнать истинную причину его желания. На лице пожилого мужчины еще сильнее обозначились многочисленные морщины, он искренне сочувствовал внуку, поглядывал на него с добротой и любовью.

Неужели я, правда, кому-то нужен? – подумал в тот момент Алекс, с трудом сглатывая застрявший в горле ком.

Владимир Леон наклонился к нему и тихо сказал.

- Не сердись на мать, мой дорогой мальчик, после моей смерти все достанется тебе. Мне уже семьдесят шесть лет, ждать осталось недолго.

Алекс покосился на деда: для своих лет он выглядел отлично. Подтянутый, бодрый, подвижный, на голове копна волос с легкой проседью, Взгляд острый, не потухший...

В Дижоне Алекс, наконец, понял, что значит жить в кругу любящих тебя людей. Он купался в любви и заботе деда и бабушки. Владимир все свободное время посвящал внуку, рассказывал о своем отце, полковнике Русской Армии, о его борьбе с врагами России, об эмиграции, о Второй Мировой войне, которая сблизила отца и сына, а потом забрала старшего Леонова. Были и веселые воспоминания о том, как Владимир приехал в Дижон вместе с братом Амели и влюбился в его сестру с первого взгляда. Бабушка при этом краснела, как молоденькая девушка, и с любовью посматривала на мужа.

Однажды дед рассказал о своем пропавшем брате, о последней просьбе отца перед смертью. И признался:

- Алекс, тебя называли в честь моего брата. Я никогда его не видел, но мне почему-то кажется, что ты похож на него. – Он хотел что-то еще сказать, но подумал и промолчал.
- Ты его точно не видел? – усомнился внук.
- Давай отложим этот разговор, – после продолжительной паузы попросил дед, чем заставил строить массу предположений.

Но настаивать он не стал – придет время, расскажет...

В Дижоне Алекс увлекся книгами русских классиков. Он целыми днями валялся на диване и читал. Заботливая бабушка старалась откормить худенького внука и потчевала его пирогами – по русской традиции, как утверждал дед. Он поглощал их в невероятном количестве без отрыва от чтения.

Так прошло несколько месяцев. Алекс забыл о своем увлечении фармакологией, теперь он весь погрузился в литературу. Сначала он читал рассказы Чехова, постигая характер простых русских людей и познавая дореволюционную Россию, потом принялся за пьесу «Вишневый сад», но не прочел и половины. Она его не захватила, кроме непрерывной зевоты других желаний не вызвала. В итоге Алекс решил покончить с творчеством Антона Чехова и перейти к Достоевскому.

В очередное посещение комнаты внука дед с интересом посмотрел на обложку книги, которую парень с увлечением читал, и не сдержался от вопроса.

- Ну, и как тебе роман «Преступление и наказание»?
- Заставляет задуматься. Когда прочту полностью, мы можем обсудить. – Дед согласно кивнул и удалился.

Через несколько дней Алекс вышел в гостиную и бросил на стол прочитанную книгу. Владимир приготовился задать вопрос, но внук его опередил.

- Слабоватый сюжетец, – скривился он. – Я, конечно, понимаю, что роман написан во второй половине девятнадцатого века, и Раскольников под руководством автора не располагал современными средствами избавления от старухи–процентщицы, но все равно...

- Постой, – перебил его дед, – смысл произведения Достоевского не в убийстве, а в причинах, побудивших Раскольникова совершить преступление, и последовавших за преступлением терзаниях и раскаянии в содеянном.

- Ерунда, – отмахнулся внук, – надо было написать... детектив. Я даже придумал новый сюжет... – И Алекс принялся излагать свои мысли. – Раскольников приходит к бабке, выпив успокоительное – ему это необходимо: он натура впечатлительная, нервная, старуха сразу заметит его состояние и догадается о замыслах. Хозяйка приглашает его в квартирку, он с милой улыбкой пересекает порог, даже нежно приобнимает хозяйку за плечи, интересуется ее здоровьем. Факт всем известный – любая женщина «в годах» обожает, когда кто–то спрашивает о ее самочувствии, и с симпатией относится к заботливым людям. Поэтому злые глазки Алены Ивановны мигом добреют. Не каждый

день встретишь такого милого молодого человека. Устала от одиночества – все одна и одна. Заходят только посторонние люди, которые с ней находятся, так сказать, в деловых отношениях, к участию к своей персоне она не привыкла. В общем, теряет старуха бдительность, а в это время студент Раскольников...неожиданно нажимает на сонную артерию, отключает бабку на несколько минут, которых вполне достаточно, чтобы ввести иглу в вену и впустить пузырек воздуха. Старухе конец! Родион находит золотые украшения и деньги, уничтожает следы пребывания в квартире и покидает место преступления. Никто не заметит маленький след от иглы. Алене Ивановне уже шестьдесят лет, в ту пору - возраст преклонный, вполне допустимо, что она умерла своей собственной смертью от сердечного приступа. Никому не придет в голову вскрывать ее и докапываться до истинной причины ухода в мир иной. Тем более, в девятнадцатом веке...

- А дальше? – придя в себя от рассказа, спрашивает дед. – Что сделалось с Раскольниковым?

- Покинув квартиру процентщицы, он идет в магазин мужской одежды, полностью преобразается, после чего посещает скупщика, продает ему ювелирные украшения. У того не возникает ни тени сомнения, что эти украшения не принадлежат богатому господину в приличном платье, он дает достойную цену, и Раскольников исчезает из города. Можно уехать за границу, если средства позволяют, а если нет, то можно осесть в каком-нибудь городишке, изучить обстановку и повторить свой... трюк. Или вложить деньги в выгодное дельце. Но если Родион вошел во вкус, если ему понравилось совершать преступления и оказываться безнаказанным, то он может гастролировать по России, продолжая начатое дело.

- Вот, значит, на какие мысли тебя навел Достоевский! - сокрушенно покачал головой Владимир.

- Не сгущай краски, - вмешалась в разговор Амели. – У мальчика развито воображение. Ему, действительно, надо писать сценарии, ставить их на сцене и самому играть главную роль. У него с детства талант...

- Талант, - согласился дед. – Но мальчики в его возрасте не пишут мрачных сценариев с убийствами.

- А чем же занимаются мальчики в моем возрасте? – с вызовом спросил обиженный внук, которого в очередной раз не оценили по достоинству.

- Они влюбляются и пишут стихи, - нравоучительно произнес Владимир.

- Стихи-и-и, - протянул Алекс. – Какие еще стихи?

- Тебе, как человеку творческому, лучше знать, какие... Подумай об этом...

- Не собираюсь! – взвился он. – Терпеть не могу лирическое нытье!

Алекс забросил чтение и увлекся лепкой из пластилина. В детстве он придумывал сказочные сюжеты и ставил их на импровизированной сцене, созданной на его столике. Тогда все роли играли куклы. Теперь он писал сценарии, лепил из пластилина действующих лиц и ставил пьесу. Если «режиссеру» не нравилась игра «актера», он зажимал фигурку в руке и безжалостно уничтожал ее. Он ставил в основном драмы, ему нравилось, когда главный герой или героиня умирают в самом конце.

Однажды Алекс ходил по комнате, раздумывая над концовкой одной истории, непроизвольно взглянул на себя в зеркало и не сразу сообразил, кто в нем отразился. Даже повертел головой, выискивая рыхлого толстяка. Алекс никогда не любил смотреться в зеркало, собственная внешность ему никогда не нравилась. И теперь он с огорчением понял, что усиленное кормление бабушки не улучшило его фигуру. Ранее не обращал внимания на «усохшую» одежду, покупал новую, большего размера и не мучился.

Алекс покинул свою комнату и спустился в гостиную. Амели занималась рукоделием и тихо напевала. Увидев внука, она отложила работу в сторону и напомнила, что пора обедать.

- Погоди, бабушка, - остановил ее Алекс. Собрался с силами и неуверенно проговорил, - тебе не кажется, что мне необходимо заняться спортом? – И похлопал себя по железному животу, который сразу пришел в движение.

Бабушка оценила располневшую фигуру внука. Она давно сообразила, что перестаралась с усиленным питанием, но ограничивать мальчика в еде не стала, боялась, что в его голову могут прийти ненужные мысли. Алекс – ранимый, он болезненно воспринимает замечания, неадекватно реагирует на ограничения.

- Если ты видишь себя на подмостках сцены, - осторожно начала она, - то нужно следить за фигурой. Ты еще молод и полнота тебе ни к чему. Хотя, кому, как не мне, знать, что любую нестандартную фигуру можно спрятать под правильно скроенной одеждой.

- Неужели? - удивленно поднял брови Алекс.

- Я не буду говорить о женщинах, хотя, всю жизнь шила наряды, именно, им. Но поверь, в мужской одежде я разбираюсь не хуже. Если тебе интересно, я могу поделиться своим знаниями.

- Очень интересно.

- Тогда слушай... Правильно подобранный гардероб – это первый шаг к тому, чтобы быть привлекательным, невзирая на рост и телосложение. Любой мужчина мечтает ловить на себе заинтересованные женские взгляды. Но как скрыть недостатки и подчеркнуть достоинства?

- Как? – воодушевился внук.

- Для начала мужчине необходимо стать перед зеркалом и понять, к какому силуэту относится его фигура.

- Я уже... оценил. К бочкообразному.

- Такого силуэта не бывает, - улыбнулась Амели. – Существует четыре мужских силуэта: треугольник, трапеция, овал и прямоугольник. Смысл визуальной коррекции фигуры мужчины заключается в создании традиционного мужского силуэта – трапециевидного.

- Узкие плечи и толстая попа, – захихикал Алекс.

- А ты переверни трапецию, тогда получишь атлетическое сложение мужчины с широкими плечами и узкими бедрами. Если фигура далека от идеала, то мужчине необходимо пойти в спортзал, а не к стилисту одежды. Но если ярко выраженных проблем нет, то с помощью некоторых приемов можно подчеркнуть особенности и скрыть недостатки.

- Так к какому силуэту можно отнести мою фигуру? – Алекс напрягся, ожидая вынесения вердикта.

- К овалу. Но не переживай, тебе шестнадцать лет, и можно легко все исправить.

- Овал на ножках, - невесело произнес внук.

- Все овалы небольшого роста, а ты еще растешь, и, судя по твоему брату и твоему деду, будешь еще расти и расти. Младшие дети всегда перерастают старших. При твоём типе фигуры главное – скрыть животик. – Алекс при этих словах втянул в себя живот, расправил плечи и задержал дыхание. Бабушка рассмеялась и легонько хлопнула рукой по пузику.

- Фу- у-у, - выдохнул парень.

- Тебе нужно носить одежду прямого кроя, классические рубашки и пиджаки. Причем учитывается не только силуэт, но и цвет одежды. В твоём случае не подходят светлые тона.

- И как я буду выглядеть в свои шестнадцать лет, если облачусь в классический костюм темных тонов и в стариковскую сорочку прямого силуэта?

- Я знала, что тебе не понравится.

- Ты нарочно нарисовала некрасивую одежду к некрасивому телу!
- Молодец, догадался! Я хотела тебя напугать!
- Зачем?
- Чтобы ты захотел все исправить пока не поздно, даже приберегла совет, как это сделать – займись бегом!
- Бег трусцой по пересеченной местности вместе с бабушками и дедушками! – съязвил Алекс.
- Почему со стариками? – пожала плечами Амели. – В нашем парке бегают люди разных возрастов.
- Мне это не нравится, - после раздумий заявил внук. – Лучше расскажи об одежде для... атлетически сложенных мужчин, - четко выговорил он. – Надеюсь, что скоро я стану таким...
- Трапециевидным мужчинам можно носить любую одежду. Лучше, если верх будет обтягивающим. Например, приталенные сорочки, футболки, подчеркивающие крепкий торс. Джинсы не должны быть зауженными к низу. Нельзя сочетать зауженный верх и зауженный низ, можно превратить свою фигуру в треугольник.
- Допустим, я надел широкую рубашку и... спрятал свой накачанный торс...
- Зачем же прятать достоинства фигуры?
- Бывают разные обстоятельства... - рассеянно пробормотал он. – А если добавить... грим, парик и еще что-нибудь, то человека, вообще, не узнать.
- А голос, повадки, походка?
- Все решает актерское мастерство! – развеселился открытию Алекс. – Ты забыла рассказать о треугольнике и прямоугольнике, - подсказал он бабушке. – Вдруг пригодиться в будущем.
- Вся готовая одежда шьется на мужчин с прямоугольным силуэтом.
- Это значит, что большинство мужчин относятся к этой категории?
- Увы, да. Для «прямоугольников» необходимо зрительно расширить верх, сузить низ и удлинить фигуру. Это можно сделать не только с помощью кроя, но и используя светлые тона в верхней части, и темные в нижней. Мужчинам-прямоугольникам лучше носить брюки в полоску, удлинняя таким образом ноги.
- А чем плох мужчина-треугольник? Конечно, бесплечный мужчина с большой попой... выглядит не слишком... привлекательно.
- Здесь проблема заключается в том, что окружение воспринимает их не как мужественный, надежный и сильный пол, а как существо, которым можно управлять и помыкать. Но это отношение можно исправить с помощью одежды. Рекомендуется лишь создать объем в верхней части туловища, применяя многослойную одежду. Например, поверх футболки надеть жилет, джемпер или безрукавку. Превосходно добавляет объем пиджак или спортивный блейзер. Надо использовать серые, синие или бежевые тона. При этом избегать круглых вырезов джемперов и закругленных лацканов пиджаков.
- Даже так? – удивился Алекс. – Никогда не думал, что с помощью визуальной корректировки можно преобразить любого человека.
- Было бы у человека желание, - подвела итог Амели.
- У меня есть огромное желание стать мужчиной-трапецией! – заявил внук.
- Правильное решение, - поддержала его бабушка. – И каким видом спорта ты решил заняться? Или пока не знаешь?
- Я хочу играть в регби! Я видел по телевизору одну игру и поразился: все игроки очень крепкие ребята! Прямо богатыри!
- Но этот вид спорта очень травмоопасен, - вздохнула Амели, с ужасом взирая на Алекса. Она представила посередине игрового поля огромную кучу, состоявшую из здоровых мужиков, подмявших под себя ее внука.

- Сейчас многие увлечены регби, - сказал он. - И эта игра менее травмоопасна, чем футбол...

Прошло три года. Алекс добился высоких результатов в спорте и попал в сборную города по регби. Он стал выезжать на соревнования в другие города Франции. Но всегда с радостью возвращался в Дижон, где его ждали Владимир и Амели.

Год назад он стал совершеннолетним, и дед хотел отдать ему все имущество матери, полученное по завещанию, но внук отказался.

- Меня сейчас интересует только игра. Я живу в другом мире – мире спорта. Все приземленное, как деньги и прочая ерунда, мне не нужны.

- Но ты всегда хотел стать знаменитым артистом? - напомнила бабушка.

- Это все после спорта. Не буду же я играть всю жизнь, не за горами пенсия, - улыбнулся он и обнял бабушку.

«Пенсия» пришла гораздо раньше, чем ожидал Алекс. Снова судьба сыграла с ним злую шутку...

Травмы преследовали парня все три года, но ушибы и вывихи быстро забывались. Через пару недель игрок снова был в строю. Но не на этот раз...

Игра в столице закончилась не только проигрышем с разгромным счетом команды из Дижона, она прервала карьеру ведущего игрока Алекса Леона на самом взлете.

- Если бы была только травма плеча или разрыв связок голеностопного сустава, - с трудом сдерживая эмоции, говорил он, когда вернулся из больницы в дом деда. - Плечо и голеностоп – это ерунда, не в первый раз, а позвоночник...

- Соперники жестко играли против вас, - заявил Жан Поль, который видел игру по телевизору. Он приехал к младшему брату, чтобы поддержать его в сложной ситуации. - Я уверен, что тренер дал своим игрокам установку - вывести тебя из строя, как лучшего игрока.

- Я сам виноват, - перебил его Алекс. - Регби это игра не только ногами и руками, а в первую очередь - головой. Профессиональный игрок должен быстро просчитывать несколько вариантов развития атаки и построения защиты. Я забыл задействовать голову. Жаль, что всё так быстро закончилось. Мне нравилась эта игра, она напоминала мне игру на сцене: за тобой наблюдают зрители, они оценивают твою роль в общем процессе. Но одна неправильная фраза, а здесь неправильный расчет, могут в корне изменить ситуацию. Но на сцене это можно исправить, быстро сориентироваться и вернуть игру в нужное русло. Кроме того ты гарантирован от увечий. Если, конечно, ты не снимаешься в остросюжетном фильме и не выполняешь все трюки самостоятельно, без каскадера. Но даже в этом случае все зависит от тебя, от твоего умения все рассчитывать, от быстроты реакции. Я давно понял, что мне это не дано: я заранее прорабатываю сюжет игры и плохо перестраиваюсь.

- Но врач заверил, что с такой травмой можно жить, как все нормальные люди, - вступил дед.

- Жить можно, играть нельзя.

- Значит, пришло время сменить род занятий. От регби ты получил все, что хотел, - вздохнула Амели.

- А что я хотел?

- Неужели, забыл о нашем разговоре? – спросила она и подмигнула. - Мальчик мой, ты выглядишь превосходно! У тебя есть талант! Есть огромное желание! Поэтому ты можешь стать известным артистом.

Алекс Леон поступил в Новую Сорбонну или университет Париж-3 на факультет театроведения, киноведения и средств массовой коммуникации. Жан Поль предложил

брату жить в его доме, но тот отказался: этот красивый большой дом навевал плохие воспоминания...

В центре Парижа у матери была небольшая квартира, которую она приобрела, как только приехала в столицу. Она несколько раз порывалась продать ее, но откладывала, а после просто забыла о ней. Теперь эта квартира пригодилась новоиспеченному студенту Сорбонны.

Алекс с осторожностью перешагнул порог, будто здесь его поджидал сюрприз в виде сидящей на диване матери. Он втянул носом воздух, пытаясь уловить знакомый запах парфюма... Ему показалось, что... она здесь, в этой квартире. Она всегда была здесь, все эти годы. Сидела и ждала, когда придет сын, чтобы выложить свои умозаключения о его тайных разработках.

Молодой человек постоял несколько минут в нерешительности, затем обследовал две небольшие комнаты, заглянул в кухню, облегченно вздохнул и поспешил распахнуть все окна, чтобы избавиться от воображаемого запаха. Присел на подоконник, подставил разгоряченное лицо легкому ветерку и стал рассматривать пешеходов, медленно бредущих по улице. Одна девушка привлекла его внимание. Она двигалась по улице, размахивая сумочкой, и вертела головой в разные стороны, с интересом разглядывая окружающий мир. Она была похожа на маленького ребенка, впервые оказавшегося в большом городе. Вдруг девушка резко остановилась, будто ее шествие по улице пресек пристальный взгляд. Алекс не спешил ретироваться, желал проследить за развитием событий. И никак не думал, что будет обнаружен.

Неожиданно она подняла голову и тотчас заметила сидящего на подоконнике парня, приветливо улыбнулась ему и помахала рукой. Он помахал ей в ответ. Девушка не стала задерживаться и проследовала далее. Алекс чуть не вывалился из окна, провожая ее взглядом. Еще немного и она скроется за углом. Исчезнет навсегда, а он никогда ее больше не увидит, не узнает ее имя...

Алекс выскочил из квартиры и устремился вдогонку.

Розовая блуза и клетчатая юбка мелькали далеко впереди. Алекс лавировал среди прогуливающих парижан и старался не выпустить из вида приглянувшуюся девушку.

Наконец, он догнал ее, сбавил обороты, перейдя на ходьбу, отдышался и решился.

- Здравствуйте! - громко произнес он, загородив ей дорогу.

- Здравствуйте, - протянула она, высоко задрала голову, чтобы рассмотреть рослого парня, ставшего перед ней столбом.

- Я заметил вас из окна, и не нашел ничего лучше, чем устремиться за вами в погоню, - не стал юлить Алекс, с восхищением разглядывая ее.

- Я вас тоже заметила, - призналась девушка и улыбнулась своей особенной улыбкой, которая сразу зацепила молодого человека. В короткой фразе хорошо слышался акцент.

- Вы не француженка, - догадался Алекс.

- Я приехала из России.

- Из России? - Он легко перешел на родной язык деда, который знал не хуже французского и считал родным языком.

- Вы... тоже русский?

- Всего на четверть. Мой дед русский, но с пяти лет живет во Франции.

- Но вы так чисто говорите...

- Ничего удивительного, я одновременно учился говорить на двух языках. Дед всегда изъяснялся со мной только на своем родном языке.

- А как он оказался во Франции?

- Мой прадед был офицером Царской Армии. Ему пришлось иммигрировать из России после революции.

- А мой прадед был высокопоставленным военным в Советской Армии. Он умер, когда меня еще не было на свете, - с печалью в голосе произнесла девушка.

- Мой прадед воевал погуб во Второй Мировой войне. Он воевал за свободу Франции! – с гордостью сказал парень и переключился на себя. – А я учусь в Новой Сорбонне. Я студент... Извините, забыл представиться. Меня зовут Алекс Леон. Может быть, мы посидим в кафе и немного поболтаем?

- А меня зовут Анна. Анна Яворская.

Они расположились за столиком уличного кафе и заказали по чашке кофе.

- Алекс, к сожалению, у меня совсем мало времени. Родители будут волноваться.

- Вы приехали по туристической путевке?

- Нет. Мой отец занимается бизнесом, у него дела в Париже, а мы с мамой уговорили его взять нас с собой, - пояснила Аня.

- Вы решили прогуляться одна?

- Мы ходили по магазинам, а потом я потерялась...

- В самом деле?

- Признаться честно, мне надоел шопинг, и пока моя мама примеряла очередное платье, я... испарилась. – Она подняла руки и медленно развела их.

- Она, наверное, перепугалась, когда заметила, что ее дочь странным образом исчезла в самом центре Парижа?

- Я ей позвонила и сообщила, что со мной все нормально, и к пяти часам я буду в отеле.

Алекс непроизвольно взглянул на часы.

- У нас в запасе всего час.

- Но мне еще нужно добраться до отеля. Я не люблю опаздывать.

- Я вас провожу. А где вы остановились?

Анна назвала отель. Без зависти Алекс подумал, что бизнес у господина Яворского процветает, раз он может позволить себе снять номер в таком шикарном месте.

Молодые люди пили кофе, болтали о Париже, больше говорила Аня, она делилась впечатлениями о столице Франции. Алекс с интересом наблюдал за милой русоволосой девушкой с толстой косой, светло-кариими блестящими глазами, и ловил себя на мысли, что она ему очень нравится. Очень. Его никогда не привлекали такие маменькины дочки с косичками. Ему нравились женщины постарше, которые любили и заботились о нем, а он снисходительно позволял им делать это. Алекс понимал, что его интерес к дамам уходит корнями в его детство, когда он был обделен любовью матери. Не считал подобные отношения зазорными, не собирался что-то менять в своей жизни, но увидел из окна неземное создание с восторженной улыбкой на устах, которое лихо размахивало сумочкой, будто отбивалось ею от роя жужжащих пчел, и прошлые привязанности мигом забылись. Неземное создание оказалось бойкой независимой девицей, способной за себя постоять. И это единственно, что его настораживало – он хотел, чтобы она в нем нуждалась.

В данную минуту бойкая девица беспрестанно болтала, покачивая при этом ножкой, обутой в легкие сандалии, напоминая детские, и с любопытством разглядывала прохожих. Алекс пользовался этим и рассматривал ее. Аня допила кофе, провела языком по губам и тоном, не терпящим возражений, заявила:

- Пойдем, проводишь меня до отеля! – Незаметно перешла на дружеское обращение «ты». Молодой человек беспрекословно подчинился.

Они медленно шли рядом. Анна то убыстряла темп, стараясь поспеть к назначенному сроку, то снова возвращалась к прежнему, замедленному, не желая приближать время расставания.

- Ты надолго приехала? – спросил Алекс после долгого молчания. Прежняя легкость в кафе куда-то испарилась. Его тяготило скорая разлука.

- Завтра уезжаю. Мы в Париже уже неделю.

- Жаль, я мог бы показать тебе город, а ты рассказала бы мне о России, в которой я никогда не был.

- Алекс, приезжай ко мне в гости, увидишь все своими глазами...

Рано утром следующего дня Анна Яворская с родителями улетела в Москву, увозя с собой воспоминания о новом знакомом с русскими корнями. Оба ничего не планировали, только обменялись номерами телефонов...

Пока нерешительный Алекс Леон раздумывал звонить или нет новой знакомой, она сама ему позвонила, причем случилось это через два дня после ее отъезда. Анна доложила, что полет прошел нормально, и в шутливом тоне добавила, что столица России готовится к приезду правнука белого офицера, по которому она успела соскучиться. Алексу очень хотелось, чтобы она на самом деле соскучилась, выпытывать и переходить на серьезный тон он посчитал излишним. Признался, что тоже скучает, сидит сутками на подоконнике и ждет, когда одна симпатичная девушка проществуем по его улице. На том и расстались, пообещав звонить друг другу.

Алекс с головой ушел в учебу, но воспоминания об Анне накатывали вечерами. Недолго думая, он набирал знакомый номер.

После очередного телефонного разговора, он вдруг вспомнил одну фразу, произнесенную его дедом в ту пору, когда внук запоем читал книги русских классиков, а потом высказывал свое мнение. Дед сказал: «Молодые люди влюбляются и пишут стихи»...

В своих чувствах Алекс пока не разобрался, но идея написания стихов его захватила. На листе бумаги рождались странные строки, посвященные безымянной девушке, которую он сравнивал с легким облаком, безмятежно плывущим по небу. Облако имело непривычный цвет – цвет глаз главной героини стихотворения. Или сравнивал ее с горной рекой, быстрые воды которой падали с обрыва вниз, сплетаясь в тугую косу... В его стихах зимой шел снег не из снежинок, а их крохотных дамских сумочек. Летом – случались редкие дожди из женских слез: не хотел, чтобы безымянная девушка плакала. И она улыбалась, улыбка была похожа на серповидный месяц.

Алексу нравился сам процесс стихотворства, нравились собственные сочинения, выслушивать чужое мнение он не стремился, поэтому скрывал от всех свое увлечение. Писал для себя. Посвящал ей. Разлука чувствовалась не так остро. Но мечтал о встрече.

Анна Яворская рассказывала, что ее отец часто навещается в Париж, но ее с собой не берет: строгий родитель не любит, когда она пропускает занятия в институте. Анна училась в медицинском на втором курсе и с удовольствием делилась врачебными байками с новым приятелем. Всегда приглашала его в Москву, но он ссылался на занятость в университете.

Так прошел год.

В августе Анна обещала приехать в Париж. В то лето Алекс гостил в Дижоне, но к ее приезду собирался вернуться в столицу. И когда раньше времени завил деду и бабушке, что возвращается в Париж, те были удивлены.

- До начала занятий почти месяц, - напомнила Амели, будто внук забыл об этом, и перевела взгляд на мужа, призывая его подключиться к разговору. Но тот упорно молчал.

- У меня дела в Париже, - расплывчато произнес Алекс.

- Мы тебя обидели? – не отставала она.

- Что ты, бабушка! - Алекс обнял ее. – Ближе тебя и деда у меня никого нет!

- Ой, ли, - не выдержал Владимир. - А с кем ты по телефону по ночам разговариваешь?

- А вы подслушиваете?! – наигранно возмутился внук.

- Мы никогда не позволяем себе унижать тебя недоверием.

- А откуда вы знаете, что я по ночам разговариваю по телефону? Чего молчите? Ответить нечего? Еще скажите, что я громко разговариваю, и вам слышно на другом этаже...

- Я случайно проходила мимо твоей комнаты, - призналась бабушка.

- Один раз прошла, услышала, потом взяла в привычку разгуливать по дому по ночам. Почему-то путь постоянно пролегал мимо моей двери, - предположил внук с хитрой улыбкой.
- Прекрати нападать на старых людей! Лучше расскажи о своей девушке, - попросила Амели, усаживаясь на диван и приглашая Алекса присоединиться к ней.
- Мне нечего вам рассказать. - Он хотел улизнуть от доверительного разговора, но вмешался дед, заявивший, что они имеют право знать, с кем встречается их внук.
- Мы виделись один раз, поговорили и разошлись. Уже год общаемся только по телефону.
- В этом случае я могу с уверенностью заявить, что это любовь, - мечтательным голосом протянула бабушка. Приземленный дед задал резонный вопрос:
- Почему вы не встречаетесь, а ограничиваетесь телефонными переговорами? Она живет далеко от Парижа? Но это...
- Она живет очень далеко от Парижа, - перебил его внук. - Она живет в... Москве.
- В Москве? - вразнобой переспросили старики.
- В Москве, - подтвердил Алекс громче.
- У нее, наверное, отец дипломат, который работает в России в посольстве Франции?
- сразу выдвинул предположение дед.
- Нет, он не дипломат, он бизнесмен.
- Почему ты раньше об этом не рассказывал?
- Алекс сам не понимал, почему не спешил делиться своей тайной со стариками. Решил и на этот раз не быть откровенным до конца. Но от деда так просто не отделаешься. Он начал выкладывать собственные предположения, вопросительно поглядывая на внука, который должен подтвердить или опровергнуть их.
- Если он бизнесмен, то имеет отношение к какому-нибудь совместному русско-французскому предприятию. Живет и работает в Москве, и семья вместе с ним. Он знает русский язык, без сомнения. А его дочь тоже владеет русским языком?
- И дочь владеет, и он владеет, - обреченно признался Алекс.
- Не хуже тебя?
- Лучше! Потому что они всю жизнь прожили в России. Они... русские.
- Твоя новая знакомая русская? - разволновалась Амели, будто ее красавец внук собрался жениться на юродивой.
- Русская. Не пойму, что тебя тревожит?
- Сама не знаю.
- Как ее зовут? - благожелательным тоном поинтересовался Владимир. В отличие от супруги ему импонировало знакомство его внука с девушкой из России - из страны, в которой он родился.
- Ее зовут Анна Яворская.
- Как?
- Анна Яворская, - испуганно повторил Алекс, заметив перекошенное лицо деда.
- Этого не может быть, не может быть, - пробормотал он, нервно растирая рукой грудь.
- Дорогой, что с тобой? Тебе плохо? Что, сердце? - запричитала растерянная супруга.
- Не волнуйся, все хорошо, - успокоил ее Владимир.
- Дед, что тебя удивило?
- Ее точно зовут Анна Яворская? - Алекс кивнул. - Таких совпадений не бывает...
- В жизни все бывает, - философски заявила жена.
- Вы можете мне объяснить, что все это значит?! - взорвался внук.
- Наверное, пришло время рассказать тебе о моей поездке в Россию...

В семидесятых годах двадцатого века Советская Россия приоткрыла двери для иностранцев из капиталистических стран. Раньше принимала у себя только туристов из

соцлагеря, потом поняла, что на этом бизнесе можно неплохо заработать, и подключила европейские капстраны.

Владимир Леонов знал Родину по рассказам отца, сам смутно помнил страну, из которой он его увез. Но Россия часто снилась ему ночами. Снились серые улицы, серые хмурые люди, среди которых бродил испуганный мальчик, внешне похожий на Владимира Леонова.

Он мечтал увидеть Родину своими глазами, не с экрана телевизора, где искажались факты, где Советская Россия представлялась чудовищем, которое в любую минуту проглотит маленькую тихую Францию.

Леонов приобрел две туристические путевки в СССР, но за день до отъезда Амели ехать отказалась: маленький Жан Поль подхватил воспаление легких. Владимир хотел отложить поездку, но жена уговорила его отправиться в Россию одному. Не забыла привести весомый аргумент, который развеял сомнения туриста:

- Вдруг тебе удастся разыскать брата.
- Мой маршрут строго ограничен столицей, побывать в других городах мне не удастся: за всеми иностранцами ведется наблюдение, контролируют каждый шаг. А я не думаю, что Александр живет в Москве.
- Но в Москве живет близкая подруга твоей матери, - напомнила супруга. - Если она жива, то может рассказать о его судьбе.
- Анастасии Романовне Яворской уже больше восьмидесяти, - задумчиво произнес Владимир. – Отец говорил, что в ту пору детей у нее не было. Искать некого...
- За эти годы все могло измениться! - уверенно заявила жена, и ее уверенность передалась мужу...

В сентябре тысяча девятьсот семьдесят шестого года Владимир Леонов спустился по трапу самолета компании «Air France» и ступил на родную землю. Он не стал падать ниц, по его лицу не потекли слезы счастья, но было огромное желание и упасть ниц, и всплакнуть. Сдержался. Вспомнился отец – человек сильный духом, умевший управлять своими эмоциями и чувствами. Его любовь к Родине передалась сыну, который не помнил Россию. Отец мечтал сюда вернуться, за него это сделал сын.

Владимир мысленно обратился к русскому офицеру, чья мечта так и не осуществилась: «Отец, я стою на нашей земле, я смотрю на наше небо, я дышу нашим воздухом. Я здесь».

Внезапно ветер усилился и подогнал увесистую черную тучу, поглотившую часть серого неприветливого неба. Едва мужчина закончил свой мысленный монолог, полил сильный дождь.

Туристы из Парижа поспешили укрыться в автобусе, который покатил их по улицам столицы. Девушка-гид бегло лепетала по-французски, рассказывая о достопримечательностях Москвы. Владимир с интересом рассматривал незнакомые улицы, старинные здания, которые, несомненно, помнили другую Россию, помнили его отца и мать. Современная архитектура мало интересовала Леонова, он хотел перенестись в дореволюционную Россию, в ту пору, когда по улицам сновали экипажи, в которых сидели дамы в роскошных нарядах, как у Лидии Андреевны Леоновой, в девичестве Насоновой, на старых пожелтевших фотографиях тех лет. Владимир представил себе чету молодых Леоновых, шествующих под руку по улице: молодой красавец офицер и хрупкая, как статуэтка, выпускница Женского Медицинского института...

Автобус остановился на улице Горького. Туристы покинули салон и встали полукругом возле экскурсовода, которая указала на гостиницу «Интурист».

- Гостиница построена в конце шестидесятых годов. Здание представляет собой пример «кубической» архитектуры, в нем двадцать этажей, 436 номеров, 70 из которых люксы и 13 апартаменты. Рядом находятся гостиница «Националь» и театр Ермоловой.

Названные гидом два последних строения резко контрастировали с современным зданием гостиницы «Интурист». Исторические застройки в четыре этажа «задавлялись» современным гигантом.

- Интеллигентная красота и безвкусное убожество, - не сдержался от замечаний Леонов. Но постарался, чтобы его никто не услышал.

Раздражение появилось ниоткуда, и уходить не собиралось.

Через несколько дней, перенасыщенных экскурсиями, Владимир Павлович понял, что раздражен до крайности. Раздражение время от времени переливалось через край: едкие реплики выскакивали из него все чаще и чаще. «Помощник» гида, он же сотрудник КГБ, косо поглядывал на иностранца, мало интересующегося достопримечательностями столицы СССР. Француз комментировал увиденное, задавал провокационные вопросы гиду. Когда девушка рассказывала о центральных улицах города, он сразу спрашивал об их прежних, дореволюционных, названиях. По Красной Площади француз ходил с отрешенным видом и без радостного возбуждения в глазах, и даже не выстроился вместе со всеми в длинную вереницу в Мавзолей, чтобы увидеть усопшего вождя мирового пролетариата. Сослался на клаустрофобию. Товарищ «из органов» не понял, что имеет в виду немолодой мужчина в «неприличной» для его возраста одежде, но не сдержался от осуждающего покачивания головой и презрительного взгляда. На классовых врагов иначе смотреть нельзя. А этот в клетчатых штанах и вызывающе яркой рубашке был классовым врагом, потому что приехал из чуждой капиталистической страны.

Леонов понял, что несколько «перегнул палку», тем самым привлек к себе пристальное внимание человека в коричневом костюме, невзрачной блеклой сорочке и странном старомодном галстуке, который его обладатель, скорее всего, позаимствовал у своего деда. Владимир принял решение усыпить бдительность «помощника» гида и стать лояльным: он перестал задавать тупиковые вопросы, с интересом рассматривал достижения народного хозяйства СССР на ВДНХ и вместе со всеми отправился на площадь Революции, где располагался Музей Ленина. По дороге Леонов неожиданно разговорился и поведал историю, произошедшую с Владимиром Ильичом еще в тысяча девятьсот десятом году в Париже.

Ленин предпочитал передвигаться по улицам города на велосипеде. Однажды он ехал по тихой улице и его сбил автомобиль. Будущий вождь обладал отменной реакцией и успел вовремя соскочить со своего транспортного средства, отделавшись легким испугом, и запомнил номер автомобиля, покалечившего его велосипед. Нарушителя нашли. Состоялся суд, который, естественно, выиграл выпускник юридического факультета Петербургского университета.

Об этом случае Владимиру рассказал отец, неизвестно откуда узнавший об этой истории. Павел Алексеевич не восхвалял действия ловкого и наблюдательного Владимира Ульянова, а с присущей ему прямоотой заявил:

- Если бы происшествие закончилось смертью велосипедиста, то не было революции и страшных последствий, последовавших за ней...

Как бы повернулось колесо истории, с точностью никто сказать не может.

После рассказа о Ленине сотрудник органов приветливо улыбнулся Владимиру, не сказать, что зачислил его в число своих приятелей, но перестал сверлить ненавистным взглядом.

А девушка-экскурсовод по пути к филиалу Государственного исторического музея попыталась донести до иностранных туристов, кто такой Владимир Ильич Ленин.

- Вы поймете личность вождя и создателя Советского государства, если...

Что последовало за словом «если» Леонова не интересовало, он слышал ее голос, монотонно произносящий хвалебные оды главной фигуре революции, но в суть не вникал, ждал, когда в ее монологе наступит пауза. А когда дождался, то громко затянул «Марсельезу», знаменитую песню французских революционеров, ставшую гимном всех

жителей Франции, написанную еще в тысяча семьсот девяносто втором году. Девушка сначала опешила, а потом спокойно заняла свое место рядом с водителем и стала прислушиваться к пению пассажиров, которые дружно поддержали солиста.

Леонову особенно нравился один куплет:

Мы тогда выйдем на сцену,
Когда наш настанет черед,
Наши предки нам будут примером,
По их следу идти будем вслед...

Автобус двигался по улицам Советской России. Внутри автобуса звучал хор, дружно выводивший «Марсельезу» на чистом французском языке. Запевала чисто выводил и думал совсем о другом: о русских во Франции...

Владимир пересмотрел свое отношение к Русскому Обще-Воинскому Союзу спустя несколько лет после окончания Второй Мировой войны. Выпускник Офицерских курсов унтер-офицер Леонов уже не рассматривал свое членство в этой организации, как формальность, и не ограничивался сужением денежных средств. Он участвовал в собраниях, в выпуске газет антикоммунистической направленности, считал это дело важным и необходимым. Он не знал, зачем он это делает, но был уверен, что ТАК НАДО! Ради памяти отца.

Отец был бы рад, что его сын, изменив фамилию на французский лад, останется русским человеком, преданным организации, у истоков которой он стоял. Да, Владимир Алексеевич Леонов был и остается русским. Он прививал любовь к Родине дочери и внуку, обучал их русскому языку, постоянно напоминал, что в их жилах течет русская кровь...

Неподалеку от музея Владимир заметил небольшое хлипкое строение с вывеской «Справочное бюро». И порадовался – это то, что ему нужно. Спустя час, он «потерялся» в здании музея. Выскользнул незамеченным, стянул с головы легкомысленную шляпу, выдававшую в нем иностранца, остался неудовлетворен переменами в облике, поэтому достал из небольшой сумки на длинном ремне легкую куртку из болоньи а-ля совдепия, которую зачем-то приобрел в ЦУМе. Пригладил волосы и устремился к заинтересовавшему его объекту, надеясь, что его оригинальные брюки не заметит через крошечное окошко сидящая в киоске дама.

Нехрупкого десятка тетка не отреагировала на приветливую улыбку мужчины, заявила в переговорное устройство, чтобы он положил данные на нужного человека в передвижной ящик, выдал ему предварительно небольшой лист бумаги. Он выполнил ее требование и с нетерпением стал ждать, поглядывая на здание музея, откуда должны были с минуты на минуту появиться туристы во главе с гидом и его «помощником».

Леонов молил бога, чтобы Яворская была жива, чтобы не оборвалась единственная ниточка, связывающая его с прошлым.

Когда он получил назад свой листок с каракулями работницы справочного бюро, то весьма удивился тому обстоятельству, что Яворская Анастасия Романовна проживала на той же улице, в том же доме, где ее посещал Павел Леонов в далеком тысяча девятьсот двадцать пятом году. Этот адрес Владимир знал, как отче наш. Его отец сто раз ему рассказывал, как вернулся в Москву по заданию организации, как пришел в дом к Яворской, расположенный на улице Большая Ордынка, в надежде отыскать жену и сынишку. Тогда Анастасия Романовна ему помогла. Владимир надеялся, что теперь она поможет ему найти брата.

Леонов решил не откладывать визит к Яворской. Остановил такси и отправился по указанному адресу...

Дверь открыл молодой человек лет восемнадцати и с интересом уставился на мужчину в привычной для советского человека грязно-серой куртке, все остальное было

непривычным: и клетчатые брюки, и удобная замшевая обувь, и шляпа. Даже шляпа. Шляпа на незнакомце не походила на головные уборы членов Политбюро, она была не со строгими ровными полями, не сдавливала голову и не создавала эффект бульдога с нависшими надбровными дугами, она свободно расположилась на голове мужчины, несколько скользнув назад, а ее поля напоминали небольшое волнение моря.

Гость снял запотевшие очки и странно посмотрел на парня, замершего в дверном проеме с немим вопросом. Он усердно что-то пережевывал, все вопросы переложил на незнакомца, который не спешил объяснить причину своего визита. Стоял столбом и с недоумением изучал хозяина, предположившего, что тот ошибся адресом. А жаль, если ошибся: уж очень хотелось поразить иностранца, а это, безусловно, был иностранец, знанием нескольких иностранных языков. Парень слыл среди знакомых известным полиглотом, с малых лет бегло говорил по-французски благодаря своей бабушке дворянке, потом самостоятельно овладел английским и немецким.

- Вам кого? – все же по-русски поинтересовался парень, дожевывая две сушки, которые отправил одновременно в рот, перед тем как прозвенел дверной звонок. Собрался повторить эту фразу на нескольких языках, но гость, наконец, пришел в себя.

- Здесь живет Анастасия Романовна Яворская? – в свою очередь спросил он, забыв поздороваться. Причем сделал это на чистом русском языке, только тщательно выговаривал слова.

- Здесь, – кивнул головой молодой человек и пригласил мужчину пройти в квартиру. Внимательным взглядом изучил лестничную клетку, предположив, что гость пришел не один. На лестничной клетке никого не было. В подъезде было тихо. Захлопнув дверь, парень во всю силу своих легких крикнул:

- Ба, к тебе пришли!

Тут же из комнаты выплыла дама и укоризненно произнесла.

- Антон, я тебе миллион раз говорила, чтобы ты не кричал на всю округу, ты не торговка на рынке. И что это за обращение «Ба»?! – Она вздохнула и обратилась к притихшему гостю. - Чем могу служить, милостивый государь?

Владимир не мог произнести ни слова, дыхание перехватило, он до боли сжал пальцы в кулак, смотрел и не мог насмотреться на человека из его прошлого. На человека, который был знаком с его отцом, который дружил и любил его мать. Он превратился в маленького мальчика Володю. Ему хотелось плакать, как тогда в детстве, когда его увозили от больной матери. Он не мог подумать, что они видятся в последний раз. Отец обещал, что мама скоро к ним присоединится, но своего обещания не сдержал.

Пожилая женщина оперлась на палку и, склонив голову на бок, терпеливо ждала ответа и пристально изучала незнакомца через очки. А потом дернулась, едва не потеряв свою опору. На помощь пришел внук, подхвативший одновременно и бабушку и палку.

- Ба, что с тобой?

Она не услышала, только губы задрожали, а руки потянулись к гостю.

- Володя, Володечка, мальчик мой. Неужели это ты, Володечка?

- Это я, Анна Романовна? – сдавленным голосом подтвердил гость, приближаясь к старушке. Внук передал ее гостю, отступив на шаг. Они долго стояли, обнявшись, по лицу обоих текли слезы.

Яворская отодвинулась.

- Дай я на тебя посмотрю, Володечка. Как ты похож на своего отца!

- Не думал, что вы меня узнаете, – признался Леонов, не выпуская ее рук. Потом согнулся и коснулся губами морщинистой ухоженной руки. Замер в этом положении, а Яворская гладила его по голове, как маленького мальчика, и все время повторяла:

- Ты жив, какое счастье, ты жив, какое счастье...

Владимир выпрямился, незаметным движением смахнул слезы и всмотрелся в лицо Анастасии Романовны.

- Я очень изменилась с тех пор, как мы расстались пятьдесят лет назад? – усмехнулась она.

- Думал, что забыл вас. А сейчас увидел, и сразу вспомнил. Прошлое внезапно вернулось. Я вижу, как наяву... Мы уже собрались в дорогу, и тут раздается звонок в дверь. Отец и двое мужчин с револьверами в руках идут в прихожую, мы с мамой замираем и с испугом поглядываем на закрытую дверь гостиной: сейчас в комнату зайдут чекисты, и арестуют всех нас. Но распахивается дверь, и в гостиную решительным шагом входит красивая женщина. Она обнимает мою мать, обе начинают плакать, что-то шептать другу, успокаивать. Отец теряет терпение, напоминает матери, что нам пора идти. Гостья прижимает мою мать к себе, потом берет ее за плечи, всматривается в лицо, о чем-то спрашивает. Потом прикладывает ладонь ко лбу матери и заявляет, что та очень больна и не может ехать...

Ленов снова склонился к руке Яворской.

- Анастасия Романовна, вы такая же красавица, как и прежде! – с чувством заявил он.

- Ой, ли, - усмехнулась она и зарделась, как молодая девица.

- Красавица, красавица, - подтвердил внук, начинавший кое-что понимать после воспоминаний гостя.

- Только у этой красавицы шаг не такой решительный, как прежде, - без брюзжащих ноток заявила Яворская и потрясла палочкой, зажатой в руке. – Но что же мы стоим в прихожей! – Запричитала она, потом заметила возбужденный взгляд внука. Он старался быть воспитанным мальчиком и вопросами не донимать. – Познакомься, Володенька, это Антон, мой цербер. Родители приставили его следить за мной. - Бабушка погладила внука по плечу. Мужчины пожали друг другу руки.

- Леонов, - представился Владимир. Он так давно не произносил свою русскую фамилию, что сделал незаметную паузу перед окончанием.

Когда они зашли в гостиную и расселись, Яворская спросила:

- Как ты здесь оказался?

- Я приехал по туристической путевке.

- Из Парижа?

- Я давно живу в Дижоне.

- У тебя есть семья?

- Я женат, у меня есть дочь, ее зовут Софи Лиди. Есть внук Жан Поль, ему десять лет. Я назвал дочь в честь матери. А внука назвали в честь моего отца.

- Павел жив? - сдерживая волнение, спросила она.

Владимир рассказал о гибели отца. Слезы снова покатались по морщинистому лицу Яворской. Несмотря на трогательность момента, в душе Владимира поселилось умиротворение: он рассказывал об отце человеку, который его хорошо знал. Оказалось, не только знал.

- Володя, я должна признаться, что всю жизнь любила твоего отца. Всю свою долгую жизнь. Он не знал об этом, я не имела права открыться перед ним и помешать их счастью с Лидочкой. Она была мне сестрой, горячо любимой единственной сестрой. Когда Павел покинул Россию с армией Врангеля, я не думала, что она осталась здесь, не надеялась на встречу. И какого было мое удивление, когда Лидочка появилась на пороге моего дома с тобой на руках. Я была рада помочь ей, отплатить за все добро, что сделали для меня Насоновы... У меня есть фотографии, - восторженно сказала она и излишне громко попросила, - Антон, принеси мне, пожалуйста, фотоальбом.

Вскоре внук вернулся, неся в руках большой сафьяновый альбом с окованными уголками, но не преминул выказать неудовольствие повышенными интонациями бабушки. Антон понимал, что трогательное волнение от встречи со старым знакомым может пагубно сказаться на здоровье старушки, поэтому решил привычно обменяться с ней уколами. Бабушка не осталась в долгу. Вздернула подбородок и обратилась к гостю:

- Представляешь, Володя, мой внук постоянно учит уму–разуму старую женщину! Родители с малых лет подкинули его мне в надежде, что я сделаю из него интеллигентного человека с хорошими манерами, который будет читать правильные книги, будет слушать правильную музыку. А все получилось наоборот: он воспитывает меня, приобщает к своей культуре: мы слушаем записи Высоцкого, странные песни на английском языке, где так кричат, что я не могу разобрать ни одного слова! То ли дело «Битлз», - вздохнула она.

Антон улыбнулся Леонову и незаметно подмигнул.

- Ты еще здесь? – возмутилась бабушка. – Почему не накрыт стол? - Она подняла брови и «негодующе» посмотрела на внука.

- Слушаюсь, госпожа, - склонился в низком поклоне Антон и удалился выполнять приказ.

- Я не знал, что у вас есть дети, - сказал Владимир, провожая взглядом молодого человека.

- Я родила сына через год после смерти Лидочки и исчезновения твоего брата Александра, - вздохнула Яворская.

- Как зовут вашего сына?

- Я назвала его Эдуардом. Его рождение было чудом. Я потеряла надежду стать матерью. Но бог смилостивился надо мной и послал мне сына. Ему было почти тридцать, когда он женился и преподнес мне самый дорогой подарок - внука Антона.

- А ваш муж?

- Он умер десять лет назад. В Отечественную войну командовал полком, был ранен, после войны закончил Военную Академию Генерального штаба. Ему предложили остаться на преподавательской работе, и он согласился. Ушел в запас в чине генерала... Я никогда не винила его за то, что он перешел на сторону красных в семнадцатом году, он не подстраивался под новую власть, он, действительно, принял ее, поверил ей... Сначала я, конечно, расценивала это, как предательство, не желала выслушать его доводы, а потом... Прошло много лет, пока я ЗАХОТЕЛА понять его.

- Ваш сын живет в Москве?

- В Подмоскowie. Он пошел по стопам отца, выбрал военную стезю. Сейчас он в звании полковника, но надеется дослужиться до генерала, как и его отец. – В комнате появился Антон с подносом в руках. – На моем внуке закончилась офицерская династия, он учится в МГИМО. Будущий дипломат. Я хотела, чтобы он пошел в Медицинский, стал врачом, как я, но Антон выбрал свой путь.

- Не переживай, бабуля, если у меня будут дети, то обещаю, что все они будут медиками, как один!

- Что, значит, «если»? – возмутилась она.

- Может, я никогда не женюсь, - наигранно вздохнул внук. – Вдруг не повстречаю такую женщину, как ты.

- Вот, подхалим, - покачала головой бабушка, с любовью поглядывая на него. Он накрыл стол и двинулся к выходу. – Антоша, ты присоединишься к нам?

- Не смею мешать, господа!

- Воспитанный мальчик, - заметил Владимир, на что Яворская благодарно улыбнулась.

- Ты надолго в Москву? – спросила она, разливая чай.

- Осталось несколько дней, а я не сделал самого главного...

- Ты ищешь брата, - сразу догадалась она.

- Вы что-нибудь о нем знаете?

- Мы пытались найти Алышевых, но они затерялись. Тогда время было тревожное. Мы решили не продолжать поиски, боялись, что начнется разбирательство и вскроется, чей он сын. Сын белого офицера Леонова, воевавшего против большевиков в Добровольческой Армии. Я не могла заявить: это мой ребенок! Алышевы это сразу бы опровергли, а у нас итак была репутация «бывших». А с Алышевыми он мог выжить. Мы думали в первую очередь о мальчике.

- А есть надежда отыскать брата сейчас, после стольких лет?
- Ты не задумывался, нужно ли это самому Александру? Он вырос в простой семье, считал Катерину и Григория своими родителями, а теперь узнает, что на самом деле он не Алышев, а Леонов, брат которого живет во Франции, отец бежал от красных в двадцатом году, но продолжал вести террористическую борьбу на территории Советской России. Это ты гордишься своим отцом... Не думаю, что твой брат порадуется известию...
- Это была последняя воля отца. И я должен ее выполнить...
- Значит, Павел до конца жизни надеялся вернуть Александра?
- Не знаю. Он понимал, что сын воспитан... в другой среде. Скорее всего, он просто хотел убедиться, что он жив...
- Я поговорю с Эдуардом. Он постарается навести справки по своим каналам, – после недолгих раздумий произнесла Яворская, но без особой уверенности.

Потом они долго рассматривали старые фотографии, на которых были изображены Насоновы: отец, мать, сын и маленькая Лидочка в воздушном платье и небольшой соломенной шляпке. Она смотрела в объектив и недовольно хмурилась. Владимир вспомнил этот альбом и эти фотоснимки...

Он часто сидел на диване рядом с мамой и рассматривал фотографии, тыкал пальчиком и называл по именам своих родственников, которых уже в то время не было в живых.

- Они живы, пока жива память, - говорила Лидия сыну. Он тогда ничего не понял. Позже часто слышал эту фразу из уст отца...

Владимир оставил Яворской свой адрес в Дижоне и попросил сообщить, если следы брата отыщутся.

Больше они в тот приезд не встретились. Сотрудник органов не очень поверил в заявление француза, что он «потерялся» в Центральном музее Ленина и несколько часов искал выход. Поэтому не выпускал его из вида, всюду следовал за ним, дыша в затылок...

Время шло, а новостей из России не было. Леонов смирился с мыслью, что брата ему не найти.

Однажды они с Жаном играли во дворе в футбол, в окно выглянула Амели и сказала, что его просит к телефону незнакомый мужчина. Владимир оставил внука одного и вернулся в дом.

Звонивший мужчина представился сотрудником Посольства Советского Союза во Франции и предложил встретиться. Леонов не стал задавать лишних вопросов и отправился в Париж...

Они встретились в небольшом кафе. Мужчина передал привет от Яворских и протянул конверт. Пока Владимир вертел его в руках, мужчина испарился. Леонов осмотрелся, не заметил ничего подозрительного и вскрыл конверт.

- Здравствуй, Володенька, - писала Анастасия Романовна каллиграфическим почерком, - извини, что затянула с поисками. Оказывается, фамилия Алышевых достаточно распространенная, были даже полные совпадения по именам и отчествам, но, наконец, Эдуарду удалось найти, именно, тех Алышевых: Григория и Катерину. У них пятеро взрослых детей: двое сыновей и три дочери. Старшего сына, первенца, зовут...

Владимир быстро сложил лист бумаги, не решившись заглянуть на другую страницу, где было написано имя первенца Алышевых. Сунул письмо в конверт, и спрятал в карман. Не спеша допил остывший кофе, заказал еще одну чашку, а когда гарсон поставил ее перед ним на стол, долго тянул кофе, оттягивая момент возвращения к письму. У него еще теплилась надежда, и его согревало душу.

После кофе Леонов изучал празднично шатающихся по улицам парижан, время от времени прикладывая ладонь к карману, где лежало послание от Яворской. Называл свое поведение глупостью, пару раз доставал конверт и вновь возвращал на место. Ему казалось, что он провел в кафе не менее суток, оказалось – всего пятнадцать минут. Со

словами «да что такое, в самом деле», Владимир решительно достал конверт и продолжил чтение с самого начала, словно за истекший период в нем что-то могло измениться. Перед тем, как перевернуть страницу, он глубоко вздохнул, задержал дыхание, будто собирался погрузиться в морские глубины без акваланга, выдохнул, сообразил, что силы покинули его, но все-таки собрался и продолжил чтение.

- ...зовут Александром, он родился двадцать третьего февраля тысяча девятьсот двадцать шестого года. Я знаю, что в это время у четы Алышевых не было детей, ведь Катерина была горничной твоей матери. Сразу после смерти Лидочки, они исчезли вместе с ребенком, и только через два года всплыли в небольшом городишке недалеко от Перми... Володя, твоего брата зовут Александр Григорьевич Алышев, он полковник запаса. Сейчас живет в городе... У него двое детей: сын Александр, тоже офицер, окончил Полтавское Высшее Училище Связи, и дочь Жанна, она закачивает в этом году школу. Володя, вспомни наш разговор и прими обдуманное решение: нужно ли раскрывать Александру правду? Если захочешь с ним встретиться, то мой сын Эдуард найдет причину вызвать полковника запаса Алышева в Москву... Помни, я всегда рада видеть у себя сына моей дорогой Лидочки...

Еще три года ушло на раздумья... Сначала Владимир посчитал просьбу отца выполненной: брат жив-здоров и, наверное, счастлив, а то, что считает чужих людей, выкравших его из родильного дома, своими родителями, то пусть так считает до конца жизни. Они его не бросили по дороге в Пермь, а воспитали, вырастили вместе со своими детьми.

Потом первоначальное решение кардинальным образом изменилось. Леонов загорелся желанием увидеть родного брата.

Он написал длинное письмо Яворской, повествующее о своей жизни, о рождении еще одного внука, которого назвали Алексом, в честь брата, с которым он никак не может увидеться. Но скоро, он ОЧЕНЬ надеется, что совсем скоро, ему представится такой случай...

Владимир Павлович считал Яворскую женщиной сообразительной, несмотря на преклонный возраст, и с нетерпением стал ждать приглашения в Москву.

Через полгода после написания письма Леонов снова оказался в столице СССР. В аэропорту его встречал Антон Яворский. По дороге он рассказал, что год назад окончил МГИМО, получил распределение в небольшую азиатскую страну, а сейчас приехал в Москву в отпуск.

- Бабушка очень скучает без меня. Отец хотел забрать ее к себе, но она не желает покидать свою любимую квартиру, в которой «прожила всю жизнь».

- Как себя чувствует Анастасия Романовна?

- Для своих лет вполне нормально, только ноги болят. Теперь у нее уже две палочки для перемещения по квартире.

- Как же она обходится без посторонней помощи?

- Отец нанял женщину. Бабушка называет ее компаньонкой...

- Я хотел приехать в прошлом году на Олимпиаду, но не смог, - сказал Владимир, рассматривая на столбе изображение талисмана праздника спорта – милого медвежонка.

- Это было грандиозное событие! – с восхищением произнес Антон. – Москву драили с порошком, везде чистота, людей почти нет. Я такого никогда не видел! Одно событие омрачило Олимпиаду - умер наш с бабушкой кумир – Владимир Высоцкий.

- Да, я слышал об этом. Он был женат на нашей актрисе Марине Влади, часто приезжал во Францию.

- Я читал, что она дочь русских эмигрантов.

Леонову не хотелось продолжать разговор. Он думал о предстоящей встрече с братом, но с интересом рассматривал столицу, перенесшую год назад летнюю олимпиаду...

Глава шестая

Жанна проснулась и взглянула на часы. Можно еще вздремнуть, до встречи с Леонидом целых два часа, - подумала она и закрыла глаза.

После вчерашних полупризнаний и предложения встретиться женщина долго не могла заснуть, ворочалась, вздыхала. Недосказанность пугала ее. О чем с ней хочет поговорить Леонид? Что он знает о Саше такого, чего не знает она, ее мать?

За полночь Жанна не сдержалась и позвонила мужу. Тот бодрым голосом заверил, что у них все хорошо, он почти все время проводит на работе, Сашка изредка работает, а в остальное время встречается с Ильей.

- Пусть девочка отдохнет после защиты, - встала на защиту дочери мать, хотя, нападать на нее заботливый родитель не собирался, просто коротко рассказал об однообразии жизни, чтобы его надолго не разлучали с компьютером. Жанна пожелала спокойной ночи и отключилась.

Лично для нее ночь выдалась беспокойной: прерывистый сон сменялся тревожным пробуждением, во время которого она старалась себя успокоить. Думы вертелись вокруг единственного любимого чада. Любая нормальная мать любит своего ребенка, но Жанна любила Сашку безумно. Как сама уверяла – с зародышевого состояния. А когда увидела малютку, которая появилась на свет восьмимесячной, то поняла, что такое настоящее счастье. Но счастье изредка омрачалось тревогой, которую любой здравомыслящий человек назвал бы беспочвенной. Когда дело касалось дочери, мать расставалась со здравомыслием. Каждое незначительное недомогание, включая обычный насморк, были равнозначны страшной болезни. Молодая мать металась по квартире с малышкой на руках, по ее лицу текли ручьем слезы, она была в отчаянии, ругала себя за безответственность - не смогла уберечь малышку от простуды, которая может вылиться во что угодно. Но слава Богу, девочка редко болела простудными заболеваниями, не говоря уже о чем-то более серьезном.

Саша росла спокойным и послушным ребенком. Любила кататься на маленьком велосипеде по небольшой квартире, уверенно лавируя между нагромождениями мебели, с увлечением рисовала. Ее творчество вызывало умиление у всех родных, особенно у деда, который уделял внучке все свободное время. Он гордился, что двухлетний ребенок умело пользуется ножницами, вырезает картинки и приклеивает их в альбом, внимательно слушает, когда он читает детские книжки, которые покупались ей в большом количестве. У Саши всегда была хорошая память, она могла цитировать длинное стихотворение после нескольких раз прочтения. Даже в подростковом возрасте у родителей с ней никогда не возникало проблем. Она не была изгоем в своей среде, так же, как и все слушала непонятную для старшего поколения музыку, красила ногти в черный цвет, одежду предпочитала удобную и необычную, желая выделиться из общей массы. Правильнее сказать, что этого хотела Жанна Александровна. Она таскала за собой дочь по магазинам перед каждым началом учебного года и подбирала ей новый гардероб, который должен быть «не как у всех». Сашка безропотно примеряла наряды, только незаметно вздыхала при этом, не желая вызывать негодование матери. Когда наступал первый учебный день, вся семья с гордостью отправляла дочь в школу...

Жанна вспоминала, как Александра в старших классах косилась на девчонок с «повернутыми в одну сторону мыслями»: они обсуждали свои отношения с противоположным полом. Саша недовольно поджимала губы и с независимым видом отходила от компании одноклассниц. Мать переживала, что ее дочь держится особняком и предпочитает дружить с мальчиками, а не с девочками. Друзья-приятели провожали её

до дома, расходиться не спешили, долго стояли у подъезда и обсуждали новые модели автомобилей, компьютерные игры и многое другое, что любой другой девчонке было бы не интересно.

- Много поклонников это лучше, чем один, - успокаивала Нина свою дочь, которая терялась в догадках, кто симпатичен Александру.
- В том смысле, что есть выбор? - уточняла Жанна.
- Нет. Это значит, что они просто друзья. Наша Саша никого из них не выделяет.
- Но в ее возрасте девочки влюбляются.
- Любовь это хорошо, а еще лучше, когда она приходит вовремя.
- Любовь нечаянно нагрянет, - пробубнила слова известной песни Жанна.
- Когда ее совсем не ждешь, - досказала Нина Степановна с серьезным видом. – У Саши вся жизнь впереди. Она еще встретит свою судьбу. Так что не переживай...
- Я не переживаю, просто не понимаю, почему ребята видят в ней только друга.
- И хорошо! Ей не нужно забивать голову любовью, у нее есть цель, которую надо достичь...

Саше Козловской всегда ставили цели. Главная цель – быть лучше всех. Если этого не случилось, мать расценивала это, как личное оскорбление.

Когда девочку в шестилетнем возрасте решили отдать в первый класс, то ей пришлось пройти немало испытаний: школа была перегружена, принимали только семилеток, а остальных желающих уговаривали прийти на следующий год, когда подойдет их время. Будущие первоклассники сдавали экзамены, перемещаясь из одного кабинета в другой: в первом они писали, во втором читали, а третьем декламировали стихи, а четвертом с детьми беседовал психолог.

Переступив порог школы, Жанна запихнула дочь в один из классов, а затем отправилась к директору писать заявление о приеме в первый класс. Тот не смог отказать напористой мамаше, пообещал пойти на уступки, если шестилетний ребенок с успехом пройдет проверку. На том и порешили.

Жанна Александровна с радостной улыбкой подлетела к мужу, желая сообщить приятную новость: в благополучном исходе она не сомневалась. И тут из кабинета выходит ее серьезная дочь вместе с учительницей, которая громко спрашивает:

- Чей это ребенок?
- Мой! – сразу выступает молодая мать, всегда готовая отразить любую атаку на свою дочь. – Что случилось?
- Я работаю в школе много лет, но такого еще не видела... – Начало было пугающим. Жанна насупилась и строго посмотрела на невозмутимую дочь. – Эта маленькая девочка мне без запинки прочитала огромный отрывок из поэмы Пушкина «Евгений Онегин»! - С беспредельным восторгом произнесла педагог со стажем.

Мать облегченно вздохнула и тихо сказала, обращаясь к Саше:

- Я же тебя просила, прочти... что-нибудь... детское...
- Но я хотела, именно, «Онегина...»

В этом была вся Александра, невозмутимая, послушная, но всегда поступающая так, как считала нужным...

Моя девочка не могла ничего сделать предосудительного, - на рассвете решила Жанна, еще раз взглянула на часы и закрыла глаза. Короткий глубокий сон придал ей сил. Она бодро вскочила с кровати, тихо собралась, чтобы не потревожить спящую подругу и выскользнула из квартиры...

Жанна Александровна заметила Леонида издали. Он прогуливался возле нарзанной галереи, устремив взгляд вдаль. Немногочисленные дамы открыто пялились на красивого молодого мужика в спортивном костюме известного бренда и в классных кроссовках с не

менее знаменитым логотипом. Мужик никого не замечал. Или делал вид, что ему безразличен женский интерес.

Козловская произвольно оценила свой внешний вид, осталась довольна. Внешним видом, не собой – женщиной преклонного возраста, которая пытается понравиться ровеснику своей взрослой дочери. Чушь!

Людмила уверяла, что сама не поняла, как влюбилась в Леонида, как погрузилась в ненужные ей отношения и забыла о супруге. Так бывает...

Но не с Жанной, которая иной раз пристально изучала незнакомого парня интеллигентного вида и с интеллектом на лице лишь с одной целью – оценивала его в качестве зятя.

Леонид был интеллигентен, интеллект на лице просматривался, но его кандидатура на роль зятя сразу была отвергнута придирчивой несостоявшейся тещей. И разница в возрасте с Сашей не была тому причиной. Этот мужчина всегда будет любить себя, в первую очередь, а потом уже супругу, детей. Откуда такая уверенность? Спасибо наблюдательности! Небрежность у brutальных мужчин достигается путем долгих ухаживаний за собой. Всё в Леониде – и аккуратная небритость, и тщательно зачесанные назад волосы, и ненатуральный изгиб бровей, и презрительно поджатые красивые губы, и обжигающе-манящий взгляд, и выверенная манерность, и изысканная одежда, не как у всех, и дорогущая обувь, не как у всех, – призывали обратить внимание. Обратить и потерять сознание от нахлынувших чувств: встреча с подобным самцом такая же редкость, как знакомство с копьеметателем из древнего мира.

Жанна без труда представила будущую супругу самовлюбленного Леонида – бледную и спокойную девушку, с благоговением взирающую на него. Ей не важен свой внешний вид, главное, чтобы супруг выглядел «на все сто» и привлекал внимание женщин, которые будут завидовать ей, пусть даже возмущенно шептаться за спиной, дескать, эта серость ему не подходит, и что он в ней нашел. Пусть! Ведь рядом не они – красивые, яркие и модно одетые, а она...

Леонид оторвался от созерцания внешнего мира, «запоздало заметил» Жанну, недоуменно на нее посмотрел – никак не мог вспомнить, где ее видел, затем сдержанно улыбнулся – показал, что рад, но не чрезмерно, и вкрадчиво пожелал доброго утра.

Жанна не расцвела, как забытое растение, ответившее благодарным цветом на неожиданное внимание и уход, деловито кивнула мужчине, при этом сосредоточенно пыталась понять, что в нем не так. Сегодня в нем появилось то, чего не было вчера. Не во внешнем виде, а во взгляде. Вчера ее не резанул этот взгляд, она не сосредоточилась на глазах, оценивала Леонида в общем, вынесла вердикт – самовлюбленный ловелас со всеми прилагающими к этому типу мужчин атрибутами. А сегодня сразу заметила на лице, вроде приветливом, совершенно иные глаза, колючие и холодные. Пришлось усомниться – тот ли это человек, который бойко ухаживал за Людмилой и не забывавший о ее подруге Жанне, чтобы она тоже прониклась к нему бешеной симпатией. А потом обрушила бы весь восторг на Людмилу, вздумавшую дать ему – единственному в своем роде экземпляру – отворот-поворот.

Незнакомый молодой человек с колючими глазами еще шире улыбнулся, пытаясь расположить к себе настороженную Жанну. Под его взглядом она поежилась, желание развернуться и уйти было бешеным, чтобы с ним справиться и получить ответы на мучившие ее всю ночь вопросы, она прихватила мужчину за локоть, словно её рука была якорем, а его локоть – чужой якорной цепью. Холодные серо– голубые глаза смотрели на жертву с ожиданием и нетерпением. Так смотрят волки на поросят в детских книжках. У Сашки была... – завертелся ненужный мыслительный процесс в голове женщины, мгновенно перескочивший с книги на дочь. – Сашенька! Сашка! Доченька! – Сердце заныло и предостерегающе дернулось, как бабочка, попавшая в сачок. – Леонид, что вы хотели мне сообщить о дочери? – резким тоном поинтересовалась она.

- Успокойтесь, Жанна, ничего такого, чтобы ранить вас. Или неприятно удивить... Но давайте сначала выпьем по стаканчику нарзана. Вы какой предпочитаете: доломитовый или сульфатный?

- Доломитовый подогретый, - выдержав паузу, задумчиво высказала она пожелание и последовала за мужчиной в здание нарзанной галереи.

Они не спеша выпили воды.

- Прогуляемся, - предложил Леонид, когда они снова очутились на улице.

- Только недолго, а то Люда будет волноваться.

- Как вы ей объяснили раннюю прогулку в... одиночестве?

- Вас интересует, не сдала ли я вас? – усмехнулась Жанна. – Можете успокоиться: не сдала. Я ей, вообще, ничего не сказала. Людмила крепко спала, когда я ушла.

- Значит, никто не знает, что мы с вами...

- Мы с вами просто гуляем по парку среди таких же отдыхающих. И скажу больше: я бы не откликнулась на ваше приглашение, если не интрига... Вы любите интриговать людей?

- Только, если женщина мне нравится.

- Ох, оставьте, - отмахнулась Жанна. – Если бы вы не затронули в разговоре мою дочь, я не сдвинулась бы с места.

- Значит, я психолог, разбирающийся в отношениях матери и дочери.

- Для этого не нужно быть психологом, любая мать...

- Любая мать относится к своему ребенку... по-разному... - перебил ее Леонид, с трудом подбирая характеристику отношения матерей к чадам. – Бывает, когда она... тщательно скрывает свою любовь к нему, - с подростковой озлобленностью заявил взрослый красивый и по всему неглупый мальчик, способный удерживать свои эмоции, когда речь не касалась больной темы.

- Вы себя имеете в виду? – догадалась Жанна.

- С чего вдруг! - презрительно скривился Леонид, словно его обвинили в беременности девушки, с которой он не имел сексуальной связи.

Козловская не стал вступать в дискуссию, ей, ведьме в третьем поколении, было и так все ясно: мальчика в детстве недолюбили. Скорее всего, отец бросил его в младенческом возрасте, а мать пахала от рассвета до заката, чтобы сын ни в чем не нуждался, на остальное времени у нее просто не хватало. Вот почему он клеится к женщинам старше себя, - подумала Жанна, - хочет найти заботу и ласку. Это его дело, но пусть держится от моей дочери подальше. Хоть, она и моложе его, но мало ли... Сашка притягивает к себе не только достойный кавалеров, но и самовлюбленных самцов, которые мечтают подмять под себя гордых девиц типа нее.

- Пойдемте в Долину роз, - предложил Леонид.

- Я...

- Жанна, - не дослушал ее Леонид, - вы мне очень понравились... Как только я вас увидел у памятника Лермонтову, сразу...

- Потерял голову, - хмуро вымолвила женщина, мысленно ругая себя за сговорчивость: и зачем согласилась переться в такую даль?! - От банальностей меня мутит! – Вслух призналась она.

- Вы точно колдунья! Вы меня околдовали, поэтому я растерял свое красноречие.

- Я ведьма в третьем поколении, - брякнула Козловская, с недовольством поглядывая на мужчину, сыпавшего глупыми фразами, от которых начала медленно накатывать головная боль.

Что же в нем не так? Цвет глаз? И она задала вопрос, который не собиралась задавать:

- Леонид, какого цвета у вас глаза?

- Что? – не сразу сообразил он.

- Глава у вас какого цвета?

- Странный вопрос задает человек, который стоит напротив меня и пристально изучает мои глаза.
- Не увильвайте от ответа, не берите время на раздумья, а то я подумаю черт знает что! Отвечайте!
- Карие... - недоуменно протянул мужчина, задумался, потряс головой, и заявил, - не карие, а серо-голубые. Иногда голубые, но чаще серо-голубые.
- Вот именно! – обрадовалась Жанна. – Только сейчас до меня дошло, что вчера у вас были карие глаза и взгляд такой обволакивающий, а сегодня я сразу поняла, что... у вас с лицом что-то не так... Не глаза, а две льдинки... И мучилась, мучилась... Понимаю, что взгляд изменился, но цвет глаз...
- Вчера у меня были цветные контактные линзы, - промямлил мужчина, - мне нравится меняться.
- А вы меняетесь только... при определенных обстоятельствах или это зависит, например, от вашего внутреннего состояния, или от времени года? - с издевкой спросила Жанна.
- Что вы имеете в виду под определенными обстоятельствами? – напрягся Леонид.
- То, что с одной женщиной вы блондин с голубыми глазами, а с другой - шатен с карими глазами?
- Как вы видите, я шатен с голубыми глазами! – с вызовом заметил мужчина.
- Жанне захотелось протянуть руки, вцепится ему в волосы и сильно подергать в разные стороны, отрывая скальп. Или парик... Так они играли в детстве, дергая друг друга за волосы и крича при этом: «Снимай парик, я знаю, что ты лысый!»
- Вы увильнули от ответа! – не унималась она, и чтобы не вцепиться ему в волосы, засунула руки в карманы курточки.
- Я же сказал – люблю меняться. Однообразие мне не свойственно. И это не зависит от того, буду ли я общаться с новой знакомой, - неуверенно сказал он. – Вот сегодня я выгляжу иначе, чем накануне. Хотя, вчера я тоже встречался с вами.
- Но мне показалось, что вы просто забыли надеть контактные линзы и очень расстроились этим обстоятельством.
- И чего вы прицепились к этим линзам!
- Сама не знаю.
- А я знаю! Вы всегда хотите видеть во всем смысл, как ваша дочь! - Он удивленно поднял брови, будто это обстоятельство выходило за рамки приличия.
- Это хорошо, что вы сами заговорили о ней. Выкладывайте, наконец, что вы хотели рассказать! О вашем якобы увлечении мною давайте забудем.
- Леонид вновь попытался увильнуть. Развел в сторону руки и восторженно произнес:
- Какая красота! Не рай ли это!
- Козловская проследила за его взглядом и с удивлением поняла, что они шагают по дорожке Долины роз. Правда, на клумбах цветов было совсем мало, да, и те, представляли собой жалкое зрелище засохших мумий. По краям широкой пешеходной дорожки стояли, как верные стражи, островерхие высокие туи, за ними, чуть отступив, начиналось «дикое» царство раскидистых елей, разбавленных желто-красными пятнами лиственных деревьев.
- Жанна поежилась: людей вокруг не было, только они с Леонидом. Она покосилась на молодого крепкого мужчину, который странным образом снова преобразился: стал еще выше ростом, для этого расправил плечи, выпятил грудь, дерзко вздернул подбородок.
- Пойдемте назад, я продрогла, - сказала Жанна, при этом её зубы начали выбивать нервную дробь.
- Могу вас согреть, - с волчьим оскалом предложил Леонид и обнял ее за плечи. – Давайте пройдем по аллее до конца, и я расскажу о Саше. Договорились? - Женщина вывернулась из объятий, согласно кивнула, понимая, что другого входа нет.

Мужчина уверенно вышагивал по дорожке, Жанна семенила рядом. Он крепко держал ее за руку. Выдержал театральную паузу, а затем, не поворачивая головы в ее сторону, миролюбиво произнес:

- Дорогая Жанна Александровна, и вы, и ваша дочь должны умереть. Сначала вы, потом Александра... Вы первая, она вторая, - зачем-то повторил он. Улыбка стерлась с уст, темп хода замедлился, он что-то прикидывал в уме, Жанна молчала и безропотно следовала за ним, с трудом перебирая ногами. Бежать было бессмысленно, слушать дальше невыносимо. Ладно, она, но Сашка... - Вы не первая, вы вторая, - вспомнил Леонид и зашагал скорее. - Первой была ваша мать, Жанна, - Нина Степановна. С ней у меня все получилось великолепно. А с вами пришлось помучиться. Жаль, не получилось с первого раза. Да, это я управлял мотоциклом. Так готовился, все рассчитал по секундомеру. С вами было сложно и приятно работать. С одной стороны, вы удивляете недоверчивостью, с другой, вы поражаете и радуете своей пунктуальностью. Следуете, как литерный. Все у вас по расписанию. В одно и то же время выходите на работу, в одно и то же время возвращаетесь домой, причем одной и той же дорогой. Я уже представлял вас лежащей на дороге в неестественной позе. Этакая изломанная кукла с треснутой головой...

Жанна смотрела на безумного человека, не понимая сон это или явь.

- Вы... убили маму? – прохрипела она. Тот кивнул. – И на мотоцикле... были вы? – На всякий случай переспросила она, неизвестно, с какой целью. – Но зачем? Что мы вам сделали?

- И вы, и ваша мать, и Саша мне лично НИЧЕГО не сделали! Но так нужно... - с участием в голосе сказал он, будто уговаривал тяжелобольного скушать бульончик.

Они подошли к обрыву и остановились у самого края. Леонид выпустил руку Жанны, встал сзади и больно сжал её плечи. Склонился и зашептал в ухо:

- Я не хочу оттягивать момент и пускаться в объяснения. Мне не нравится это место, я боюсь высоты. Но ради вас постою минутку. И могу вас заверить: я обо всем честно расскажу Саше. Перед ее смертью. Она будет последней жертвой. Я не имею права оставить ее в неведении. Кто-то должен узнать истинную причину моего поведения. Не волнуйтесь, она вам после обо всем доложит, когда вы встретитесь на том свете...

- Сволочь, ты ничего не сделаешь с моей дочерью! – Козловская попыталась вырваться из его тисков. На удивление мужчина позволил ей это сделать, ослабив железную хватку. Но тут же ухватил рукой за куртку, сильно встряхнул, Жанна больно прикусила язык. – Стой спокойно и не рыпайся! Бери пример со своей матери, которая приняла смерть достойно.

- Ты... - Женщина не успела закончить фразу.

Леонид толкнул ее в спину, и она полетела вниз...

Анастасия Романовна встретила сына своей подруги сидя в инвалидном кресле.

- Совсем в развалину превратилась, - посетовала она, протягивая руку Леонову. – Но не думай, я борюсь. Старюсь перемещаться на своих ногах.

За последнее время глубоко пожилая женщина, который язык не поворачивался назвать старушкой, сильно сдала, но Владимир принялся её заверять, что выглядит она великолепно.

- Говори, говори, - вздохнула она, - а я буду делать вид, что верю тебе.

Они сели за стол втроем.

- Я думал, что к нам присоединиться Эдуард, - не сдержался от разочарования Леонов. – Мне бы хотелось поблагодарить его за помощь в поисках брата.

- Он человек служивый, собой не распоряжается, - развела руками Яворская.

За столом шла неторопливая беседа. Владимир рассказывал о Франции, о своей семье, о новорожденном внуке Алексее, но Анастасия Романовна заметила, что он несколько рассеян, повторяет одну фразу по несколько раз и почти ничего не ест.

- Ты думаешь о предстоящей встрече с братом, – догадалась она.

- Я так хочу стать ему близким человеком. Честно признаюсь, что боюсь быть отвергнутым. Боюсь, что Александр не поверит ни одному моему слову. У меня нет доказательств, что он мой брат. Одна надежда, что Катерина и Григорий найдут в себе силы и признаются, то выкрали ребенка пятьдесят пять лет назад.

- Григория давно нет на этом свете, - сказала Анастасия Романовна.

- Значит, осталась одна Катерина. Надеюсь, она подтвердит мои слова, - без уверенности в голосе заметил Владимир.

- Может быть.

- Владимир Павлович, давайте я поеду в Пермь и поговорю с этой женщиной, - предложил Антон. – По рассказам бабушки я понял, что горничная вашей матушки любила вас, как собственного ребенка. Я попытаюсь ее убедить...

- Не лезь, куда тебя не просят! – резко прервала его речь Анастасия Романовна. Внук удивленно посмотрел на нее.

- Но я хотел, как лучше.

- Это дело очень деликатное, семейное, - попыталась смягчить свою резкость бабушка. – Ты правильно заметил, что Володечку Катерина любила, как своего сына, полюбила и Александра. Потому и выкрала его из родильного дома. Надеюсь, что ею двигало желание защитить младенца. Не думаю, что по прошествии стольких лет, она будет упираться и скрывать от приемного сына правду о его происхождении...

Александр Алышев остановился в гостиничном комплексе Измайлово, построенном к Олимпиаде. Его удивил вызов в Москву, но звонивший мужчина его успокоил: дескать, при подсчете выслуги лет закралась ошибка. Поэтому ему необходимо прибыть в столицу для перепроверки всех документов. Но встречу назначили не в Управлении кадров Министерства Обороны, а в небольшом кафе неподалеку.

Александр Григорьевич, как человек, прослуживший в Вооруженных Силах много лет, не стал задавать лишних вопросов, взял билет на поезд и отправился в Москву, заявив жене и дочери, что едет в командировку. Те удивились:

- Какие могут быть командировки у человека, отвечающего за гражданскую оборону на крупном предприятии?

- Надо пройти курс по повышению квалификации, - не вдаваясь в подробности, ответил он.

- А зачем тебе военная форма? – спросила любопытная дочь.

- Мне в форме привычнее, - увильнул от прямого ответа отец. Он сам не понимал, зачем скрывает истинную причину своей поездки в столицу...

В кафе к Александру Алышеву подошел военный в чине майора.

- Здравия желаю, товарищ подполковник! – поприветствовал он его, приложив пальцы к фуражке. – Я могу убедиться, что вы - Александр Григорьевич Алышев.

- Да, пожалуйста. - Подполковник протянул ему военный билет и паспорт. Майор сличил фотографию в документе с оригиналом, вернул документы, козырнул, бросил «подождите минуту» и исчез.

Вскоре в кафе зашел человек в штатском, но выправка у него была явно военной. Он поздоровался, без разрешения присел на соседний стул и сказал:

– Александр Григорьевич, это я вам звонил.

- Я все привез, - сказал Алышев, выкладывая на стол папку с документами, а сверху нее пристроил паспорт и военный билет, которые до этого продолжал сжимать в руке.

- Я вам сказал неправду. Скрыл истинную причину вызова в Москву.

- Не понял? - забеспокоился Алышев. Ему с самого начала не понравились игры в разведчиков.

- Александр Григорьевич, я хотел, чтобы вы встретились с одним человеком. Он сам вам все объяснит, - внятно произнес он, чтобы собеседник не начал терзать его вопросами.

- Я не думаю, что...

- Я не прошу вас предавать Родину, - успокоил его мужчина в штатском. – Единственно, что я могу сказать: это человек из вашего прошлого. - Мужчина встал и вышел, кивнув на прощание.

Алышев тоже хотел встать и уйти, но остался на месте. Посмотрел на ненужную папку с документами, потом стал сверлить беспокойным взглядом входную дверь кафе. Подумал о разведчике Штирлице из «Семнадцати мгновений весны», который вот так же сидел в кафе и ждал прихода жены.

Человек из прошлого, который хотел с ним встретиться, появляться не спешил.

Алышев допил чай, заказал сто граммов водки и легкую закуску, а когда ему принесли заказ, не стал ни пить, ни закусывать.

Что мне может рассказать человек из моего прошлого? И почему я так волнуюсь? Моя жизнь прозрачна, как горный хрусталь, – размышлял он, устремив взгляд на улицу. – Была какая-то история про раскулачивание. Отец с матерью не особо делились воспоминаниями о том времени. Как-то обмолвились, что были раскулачены и сосланы на Урал. Если так, то почему все проверки не вскрыли истинное мое происхождение? Тогда зачем они выдали скупую крупицу правды. И правда ли это на самом деле?

Минут через пятнадцать в кафе вошел мужчина, судя по одежде - иностранец. Он оглядел немногочисленное помещение и решительным шагом направился к Алышеву, который так погрузился в свои думы, что прозевал момент появления нового посетителя.

- Здравствуйте, можно я присяду за ваш стол? – с волнением в голосе поинтересовался незнакомец на чистом русском языке.

- Садитесь, - дернул головой Александр Григорьевич.

Мужчина сел и стал рассматривать лицо Алышева, причем делал это так скрупулезно, будто собирался писать его портрет. Потом оценил взглядом три звездочки на погонах, удовлетворенно кивнул при этом, словно звездочки были паролем.

Александр тоже изучал иностранца русского происхождения, мысленно составляя словесный портрет. На всякий случай. Немногим за шестьдесят. Явно ведет здоровый образ жизни: ни тебе выступающего животика, ни одышки, ни мешков под глазами. Черные, как смоль, волосы слегка посеребрились на висках. Лицо смуглое, вытянутое, глаза голубые... И чего это он так радуется?! Прямо светится весь! Дудки, меня так просто не возьмешь! Но первым вступать в разговор не буду. Пусть сам начинает, а я послушаю. А потом покажу ему Кузькину мать!.. Для вербовки мог бы одеться более скромно, чтобы не выделяться из толпы. А то вырядился в шмотки - вызов всему социалистическому строю: синие джинсы на щегольском ковбойском ремне с большой пряжкой, джинсовая рубаха, расстегнутая до неприличия. Хотел выставить напоказ свой накачанный торс, которому могут позавидовать двадцатилетние парни. Поверх рубашки нацепил светло-коричневый жилет, естественно не застегнутый ни на одну пуговицу, которых целых три.

На ногах «капиталиста», как его сразу нарек про себя Алышев, были не ковбойские сапоги, которые он видел в американских фильмах, а кожаные полуботинки. Он сразу обратил внимание на обувь, когда тот появился в поле зрения. Широкополая шляпа на голове также отсутствовала.

Мужчина еще не перешел к объяснениям, но уже вызвал неприязнь у Александра Григорьевича. Он не любил «вызывающей» одежды. Когда его сын в старших классах школы решил блеснуть перешитыми брюками, увеличив клеш с помощью вставленных клиньев, командиру батальона тут же доложили: «Александр Алышев-младший щеголяет

по военному городку в неприличном виде». Товарищ полковник вызвал машину, приехал домой, с порога заявив о желании увидеть испорченные брюки. Сын не стал пререкаться и отдал на растерзание последний писк моды... Мягкий и добрый человек становился невменяемым, если его дети «косились на гнивающий Запад»...

- Меня зовут Владимир Леонов, - представился мужчина, нарушив затянувшееся молчание.

- Александр Алышев.

- Вы... не Алышев, - неожиданно заявил иностранец, заворожено глядя на своего визави.

- Вам предъявить документы, удостоверяющие мою личность?

- Я... не в том смысле, - с трудом справившись с переполнявшими его эмоциями, заявил «капиталист». - Вы не Александр ... тьфу, что я говорю, - простонал он, - Вы... Александр, но не Алышев, Вы... Леонов, мой родной брат - Александр Павлович Леонов.

Если Алышев и удивился, то вида не подал. Он посмотрел на собеседника, как на сумасшедшего, только что перемахнувшего высокий забор психиатрической клиники. Медленно вытащил из пачки сигарету, повертел ее между пальцами, затем вернул на место, судорожно размышляя, как вернуть беглеца в родные пенаты.

- Бросил, а рука сама тянется, - пояснил он с милой улыбкой на устах. Он слышал, что душевнобольных нельзя злить.

- Зачем тогда носите с собой? - Леонов кивнул на пачку.

- Воспитываю силу воли.

- Как все коммунисты... Невзирая и вопреки...

- Что вы имеете против коммунистов? - недовольно поинтересовался Александр, оглядываясь по сторонам в поисках телефона.

- Ничего я против них не имею, - отмахнулся мужчина, назвавшийся Леоновым. - Извините, я очень волнуюсь, поэтому говорю не то, что хочу сказать.

- А вам есть, что мне сказать?

- Но вы же мой брат! Мой родной брат!

-... Допустим, что дальше.

Диссидент, - подумал Алышев. - Когда-то его выдворили из страны, теперь он вернулся, чтобы проповедовать свои взгляды и найти новых соратников по оружию, которых называет братьями. А кто тот майор и тот в штатском? Тоже братья? Или человек в штатском - резидент? Подсылает к людям, у которых слегка замарано прошлое, я имею в виду якобы раскулаченных родителей, вот таких фанатиков... Но что им от меня надо?

- Откуда вы приехали? - вкрадчивым голосом поинтересовался Александр. Спросил первое, что пришло на ум.

- Я живу во Франции, в Дижоне...

- Слышал о таком городе... Если не ошибаюсь, город Дижон славится производством горчицы.

- Да, у меня тоже есть небольшой завод по изготовлению горчицы и несколько лавок.

Капиталист, - вынес окончательный вердикт Александр, а вслух поинтересовался:

- Так что вы хотите от меня?

- Я долго искал тебя. Отец перед смертью просил найти своего младшего сына, то есть тебя... Мы дети русского офицера, который эмигрировал из России в двадцатом году.

- Вы сами это придумали или надоумил кто? - Александр так разнервничался, что руки начали подрагивать, а лицо покрылось красными пятнами.

- Ты мне не веришь?

- А вы как думаете? Приходит... какой-то... странно одетый человек и заявляет, что он мой брат? Пять с половиной десятков лет у меня не было таких родственничков, и вдруг появились!

- Я прошу, выслушай меня... И так, отец эмигрировал в двадцатом году. Тайно вернулся в Россию в двадцать пятом, чтобы забрать свою жену и сына. Меня. Но забрал лишь меня, мать тяжело заболела. Ей пришлось остаться в Москве. Спустя некоторое время он вернулся за нашей мамой. Но она была беременной тобой, переход через границу был нелегким и опасным, поэтому они вновь разлучились. Двадцать третьего февраля двадцать шестого года на свет появился мальчик, которого назвали Александром в честь Кутепова.

- Генерала Кутепова? – нахмурившись, уточнил Алышев. Он не знал, о каком Александре идет речь, но то, что мальчика нарекли именем белого генерала, ему не нравилось. Будто имя Александр было таким же редким, как Ледогор.

Леонов подумал и решил не отвечать, чтобы не уклоняться от темы и не переходить к ненужным убеждениям. Осознание того, что для брата он классовый враг пришло быстро.

- Наша мама умерла почти сразу после твоего рождения. – Он ждал вопросов от брата, но тот молчал, только исподлобья смотрел на него. - Твоя... приемная мать - Катерина Алышева - была горничной в семье Насоновых, которая принадлежала к известному дворянскому роду... Маму звали Лидия Андреевна Леонова, в девичестве Насонова.

- И что дальше?

- Катерина Алышева вместе с мужем Григорием выкрали тебя из родильного дома. Отец пытался тебя разыскать, но безуспешно. Мне повезло: я тебя нашел спустя пятьдесят пять лет. Исполнил последнее желание нашего отца.

- Зачем тебе это? – незаметно тоже переходя на «ты», спросил Александр.

- Не понял? – Что угодно ожидал услышать Владимир, только не это.

- Зачем ты рассказываешь мне небылицы? Какую цель ты преследуешь?

- Я выполняю последнюю волю отца. Он перед смертью просил отыскать тебя, – устало пояснил Владимир, удивляясь непонятливости брата.

- Где доказательства, что я не Алышев, а Леонов?

- В услужении у матери были Катерина и Григорий Алышевы. После ее смерти они выкрали ребенка и скрылись. Мальчика назвали Александром. Дата и год рождения совпадают...

- Вот, именно, совпадают... Это все СОВПАДЕНИЯ!

- Слишком много совпадений, - вздохнул Владимир.

- Значит, так, - громко стукнул ладонью по столу Александр. – Я тебя не видел и ничего не слышал...

- Задай всего один вопрос своей матери! Всего один и проследи за ее реакцией.

- Если бы... Я говорю, ЕСЛИ БЫ, меня выкрали Алышевы, то не стали назвать именем Александр. Резонно?

- Откуда я знаю, почему они не назвали тебя другим именем? Может, оставили имя Александр в память о бывшей хозяйке, к которой были привязаны.

- Я – Алышев Александр Григорьевич, сын простых советских людей Катерины и Григория, которые никогда не были в услужении у господ Леоновых! Я понятно выразился? – Он поднялся, пронзил напоследок ненавидящим взглядом «названного брата» и, не дожидаясь ответа, удалился.

Все-таки разговор с капиталистом пробудил у Алышева сомнения в его происхождении. Не отдавая отчета своим поступкам, вместо дома он направился в Пермь. Почему бы не задать матери-старушке простой вопрос. И проследить за ее реакцией.

Нельзя откладывать дело в долгий ящик...

Мать и сестра обрадовались гостю.

- А где Нина? – поинтересовалась сгорбленная старушка, пытаюсь разглядеть полуслепыми глазами невестку. – Рая, дай очки! – Приказала она дочери, которая всю жизнь посвятила родителям, так и не вышла замуж.
- Саша приехал один, - заявила заботливая дочь, но очки матери протянула.
- Один? Почему один? – забеспокоилась мать.
- Я был в командировке и решил по дороге заскочить к вам.
- Молодец, что не забываешь, - похвалила она, сын расцеловал ее в морщинистые щеки и со щемящей тоской заметил, что мать сильно постарела, даже ростом меньше стала. Но осталась такой же наблюдательной, как и раньше, несмотря на плохое зрение. Наверное, материнское сердце подсказывает. – Как ты себя чувствуешь? У тебя лицо пунцовое, может, давление поднялось? Голова не болит? – Завалила она вопросами.
- Побаливает немного...
- Рая, дай Саше таблетку! – приказала мать.
- Не надо, - возразил сын. – Раечка, сядь, отдохни, - пожалел он сестру. Та благодарно кивнула брату и присела на диван.
- Надо стол накрыть, - продолжала верховодить женщина.
- Успеем, давай сначала поговорим, - задумчиво произнес Александр.
- Что-то случилось, я сразу это поняла! И не нужно меня успокаивать. Говори, как есть!
- Не знаю, случилось или не случилось, - неопределенно сказал сын. – Со мной в Москве произошел странный случай... Я... Я встретился с одним человеком, и он сказал...
- Что он сказал, почему ты молчишь?
- В общем, он назвался моим родным братом.
- Ты виделся с Алешкой? - не сразу сообразила старушка, о ком идет речь. Она подумала, что Саша говорит о младшем брате, который жил в Подмоскowie – в городе Мытищи.
- Mam, причем здесь Алеша, - скривилась дочь Раиса.
- Но у меня всего два сына, - неуверенно пробормотала она, будто сама сомневалась в этом.
 - Мама, я задам тебе прямой вопрос и хочу получить прямой ответ?
- Ты меня пугаешь, - схватилась за сердце старушка.
- Может, отложим разговор, - встряла сестра, обеспокоенная состоянием матери.
 - Женщина отклонилась на спинку дивана и прикрыла глаза.
- Твое поведение наводит на нерадостные мысли - ты не хочешь откровенно поговорить со мной, - перешел на шепот Александр.
- Говори, - милостиво разрешила мать и открыла глаза, – мне уже лучше.
- Я хотел спросить... Я родной сын или... приемный?
- Как это - приемный? Кто тебе сказал такую глупость?
- Не нужно истерик, просто ответь на поставленный вопрос.
- Конечно, родной, - кивнула головой мать и перевела взгляд на дочь, ожидая от нее поддержки.
- Саша, почему ты спрашиваешь? – удивилась Раиса. – Неужели ты поверил какому-то авантюристу?! Может, он хотел у тебя денег выпросить или... ему жить негде, вот он и...
- Не думаю, что иностранцу нужны от меня деньги. Что с меня взять, кроме военной пенсии и небольшой зарплаты?
- Он... иностранец? – перешла на трагический шепот старушка. – Значит, он хотел тебя за – вер – бо – вать, не иначе.
 - Сын недоуменно уставился на нее, не понимая, шутит она или стареется увести от истины.
- Я серьезно говорю...
- И я серьезно, - с грустной улыбкой кивнула она.

- Хорошо, я допускаю, что ты правдиво ответила на мой вопрос. Но все ли ты рассказала? Тебе ничего не говорит фамилия Леонов?
- В соседнем подъезде живут Леоновы, - подсказала Рая.
- Рая! – прикрикнул на нее возмущенный брат, снизил тон и обратился к матери, - я имею в виду господ Леоновых, у которых ты, якобы, была в услужении.
- Где?
- В услужении, - терпеливо повторил он.
- Тю, придумал, - отмахнулась мать. – Я всю молодость прожила в деревне на Дону, там и замуж вышла за твоего отца, потом нас... раскулачили и отправили в Приуралье, под Пермь... Да, ты и сам все знаешь... - Вздохнула она и потупила глаза.
- Mam, посмотри на меня! Кажется, ты чего-то не договариваешь? – догадался он, вглядываясь в «правдивые» глаза матери.
- Есть за мной грех. Хотела перед Господом Богом покаяться перед смертью, но вижу, пришло время. – Сын с дочерью напряглись. – Когда нас раскулачили... Терпеть не могу это слово... Какие мы кулаки, всю жизнь работали, как лошади. Ну, было хозяйство, как у всех трудолюбивых людей: куры, утки, пара коней, коровы и несколько свиней. А у лодырей ничего не было, поэтому они решили забрать все у нас и разделить между собой. Ладно, бог им судья, - вздохнула она. – Дело было в конце лета, погрузили нас на подводы и повезли на станцию, там запихнули в вагоны и поехали мы в неизвестном направлении. Однажды ночью я проснулась от удушья. Смотрю: наш вагон горит, люди кашляют, суетятся, бьют окна, всюду крики, детский плач и треск... Будто сухие дрова в печь подбрасывают. Думаю, все, конец пришел, сгорим заживо. Разве ж выпрыгнешь на полном ходу? Некоторые, правда, выпрыгивали, но мы не решились.
- Как же вы спаслись? – спросила опешившая Рая.
- Машинист на повороте заметил, что наш вагон горит и затормозил. Многие в давке погибли, но нам повезло: только отравились угарным газом, но главное - остались живы. А документы сгорели. Всех пострадавших поместили в небольшую больницу неподалеку от места аварии. Когда мы оклемались немного, то решили сбежать. Ночью спустились на первый этаж и вылезли через окно.
- А я где был? – поинтересовался сын.
- Ты появился на свет через полгода.
- Так тебя беременную сослали?
- Кого это интересовало?
- Рассказывай дальше, - поторопила ее дочь.
- Ну, вот... идем мы с Григорием по лесу, а куда идем, не знаем. Запутали, в общем. Но опять повезло, после долгих скитаний вышли на проселочную дорогу. Решили идти по дороге, авось выйдем на людей. И только двинулись, а муж и говорит: «Смотри, два свежих холмика, наверное, похоронили кого-то». И показывает рукой, чуть левее от дороги. Мы переглянулись, и так нам страшно стало: подумали, что шальные люди здесь бродят. Гришка начал меня за руку тянуть, чтобы снова в лесу укрыться, а я ни в какую: хоть так, хоть этак, все одно смерть. Сколько ж это можно на шести сухарях и литре воды прожить? Нам к людям нужно! отошли мы подальше от тех холмиков, присели отдохнуть под раскидистым низкорослым деревом. И тут я заметила узелок. Взяла его в руки, развязала, а там... документы.
- Какие документы?
- Наверное, этих, что похоронены...
- А... фа...фамилии, какие у них были? - заикаясь, спросила несообразительная Раиса.
- Алышевы, - невозмутимо заявила мать. – Катерина и Григорий.
- Та-а-ак, - протянул сын. – Что же это получается? Вы присвоили чужие документы?
- Но у нас своих не было! – взвилась старушка. – А им они уже были ни к чему.
- Значит, вы стали Алышевыми. И дети ваши стали Алышевы, - побагровел полковник.

- Как наша настоящая фамилия? – заинтересовалась дочь.
- Какая теперь разница, - вяло отозвалась мать.
- А что было потом?
- Мы добрались до деревни, отсиделись там малость, потом поехали дальше. Остановились в небольшом городке, где потом ты родился, подождали, пока немного окрепнешь, и двинулись дальше. Мы с Гришкой решили поехать в Мотовилиху под Пермь.
- Снова туда же? - хором спросили дети.
- Туда, но в другом качестве, не сосланных, а простых советских людей. В Мотовилихе было легче затеряться. Да, и заработки неплохие...
- Но зачем ты рассказала нам о раскулачивании? – спросил Александр.
- Чтобы не было лишних вопросов. Откуда, да почему уехали. В то время такой ответ заставлял вас «прикусить языки». Мы, таким образом, приучали детей меньше болтать о прошлом их родителей.
- Неболтливые дети переглянулись, но ничего не сказали. Надо признать, что странная теория сработала на славу: все дети Алышевых старались не обсуждать своих предков с ровесниками, многие из которых любили хвастнуть боевыми дедами.
- Постой, - нахмурился сын, - если в могилах были тела тех Алышевых, о которых говорил Владимир Леонов, то где малец, которого они выкрали из родильного дома?
- Этого я не знаю, - задумчиво протянула мать. - Могильных холмика было всего два.
- Но его могли похоронить с кем-то из взрослых, - вставила Рая.
- Кто похоронил? И почему, именно, за кустами? Чтобы никто с дороги не заметил безымянные могилы? Если бы кто-то случайно нашел бездыханные тела, то перевез их в ближайший населенный пункт, а затем похоронил, как полагается, на местном кладбище, - высказался сын.
- Может, они вместе с ребенком богатеев прихватили кое-что из имущества, - предположила старушка. – В то время по дорогам много нехорошего люда шаталось. Они напали на Алышевых, убили их, ограбили и закопали на месте преступления.
- Других предположений нет, - согласился с версией матери Александр.
- Саша, тебе бы написать этому Леонову. Пусть знает, что его брата нет в живых...
- Он мне не оставил своих координат. И что я ему напишу? Может быть, вашего брата убили вместе с беглыми слугами. Доказательств у меня нет... И, вообще: я не желаю иметь дел с этим «капиталистом». – Повернулся к притихшей матери. - Что-то у меня кое-какие даты не совпадают.
- Ты о чем?
- Если вы нашли документы за полгода до моего появления на свет, а Алышевы сбежали с малышом в феврале двадцать шестого, может в марте... - Он застыл, проводя в уме нехитрые вычисления.
- Мы нашли могилы в сентябре, - заявила старушка и с осуждением посмотрела на сына. – Ты же на самом деле двадцать седьмого года. Двадцать третьего февраля двадцать седьмого года. Ты сам себе год прибавил, когда поступал в музыкальный взвод артиллерийского полка. Туда принимали мальчишек с десяти лет, а тебе было всего девять...
- Я забыл...
- Как я забыла, что мы не Алышевы.
- Mam, спасибо тебе за правду, пусть и запоздалую...

События последних дней не прошли даром: по возвращении домой у Александра Алышева случился инсульт. Частичная парализация не стерла из памяти встречу с Владимиром Леоновым.

Когда Александр Григорьевич стал возвращаться к нормальной жизни, то частенько подумывал: «А не написать ли книгу, которая начнется словами: «Я давно хотел признаться, что на самом деле не тот, за кого себя выдавал»... А потом придумать историю о мальчишке, которого выкрали из родильного дома...

Разрабатывая парализованную руку, он уже начал писать, но потом передумал. Засунул клочок бумаги в книгу, как закладку, и забыл о ней, пока не прошло несколько лет...

Маленькая Саша строила из книг, любезно предоставленных дедом, домик для кукол. Дед находился рядом и помогал советом. Вдруг одна книга скатилась с пьедестала и из нее выпал пожелтевший лист бумаги. Дед поднял его, прочел написанное, усмехнулся и задумчиво стал рвать на кривые полоски. Внучка с интересом наблюдала за его действиями, а затем принялась собирать обрывки бумаги. Она была девочка хозяйственной и ничего не выбрасывала. Дед насилу уговорил ее отдать ему клочки. После долгих уговоров та согласилась, но один, самый большой клочок, приберегла и припрятала в маминой шкатулке, проковыряв маленьким пальчиком отверстие.

Саше Козловской было около двух лет... Забывчивость – характерная черта нескольких поколений Алышевых- не Алышевых...

После встречи с братом, Владимир Леонов решил не задерживаться в Москве. Тепло попрощался с Анастасией Романовной и Антоном, и улетел во Францию.

- Кого мне напоминает Леонов? – в который раз задался вопросом Антон, провозжая взглядом самолет компании «Air France»...

А Владимир Леонов за время полета, которое составило почти четыре часа, мысленно разговаривал с отцом, пересказывал ему разговор с Александром. Он даже представил насупленное лицо отца, который остался недоволен старшим сыном.

Наверное, это моя вина, что брат не поверил мне. Но я так волновался, поэтому мой рассказ показался неубедительным. Александр не пожелал меня выслушать до конца. Увы, он сразу был настроен против меня... И что теперь делать?..

По приезду он все рассказал жене. Амели пыталась успокоить супруга.

- Один из вас землянин, а другой – пришелец с другой планеты, один глухой, другой немой! Какие еще привести сравнения, чтобы ты мог успокоиться и сделать вывод: ты и он никогда не сможете понять друг друга.

- Но мы сыновья одних родителей.

- Но тебя воспитали в одной среде, а его в другой. Живи, как и раньше, но с чувством выполненного перед отцом долга. Ты его нашел? Нашел! Он жив, здоров, и то хорошо...

Встреча постепенно стала стираться из памяти, забывалась грубость. Только не перекошенное от злобы лицо брата. У Владимира не возникало желание предпринять еще одну попытку, но потом ему так захотелось снова увидеть Александра, что он не сдержался и позвонил Яворской, как связующему звену между ним и братом.

- Александр скончался, - проскрипела старушка, которой недавно стукнуло девяносто пять лет.

- Но он моложе меня. Ему едва перевалило на седьмой десяток.

- Есть болезни, которые не щадят даже маленьких детей...

Владимир догадался, о какой болезни идет речь...

После их первой и последней встречи прошло восемь лет. Бездарные восемь лет, которые ушли на глупые обиды и метания из стороны в сторону. Так бывает. Грустно и печально, когда ничего нельзя вернуть, как невозможно повернуть реки вспять...

- Грустная история о двух братьях, которые не захотели стать родными людьми. – Этими словами закончил свой рассказ Владимир Леонов и повернулся к притихшему внуку. – И вот ты встречаешь в Париже правнучку той самой Яворской. Странное переплетение

судеб, не так ли, - с грустью заметил он. - После нашего последнего телефонного разговора, когда Анастасия Романовна сообщила о смерти Александра, она прожила еще пять лет и скончалась накануне своего столетнего юбилея.

- Дед, ты сожалеешь, что все так вышло?

- Теперь уже поздно о чем-то сожалеть, - вздохнул Владимир. - Прошло двенадцать лет со дня смерти брата.

- Ты с тех пор ни разу не был в России?

- Нет, даже желания не возникало. Родина там, где живут родные люди. Здесь, во Франции, моя жена и мои внуки, здесь могила моей дочери, здесь погиб мой отец.

- А я бы хотел побывать в России, - мечтательно протянул Алекс.

- Твое право. Но ради знакомства с правнучкой Анастасии Романовны я бы тоже отправился в Москву, - заявил дед и хитро покосился на Алекса.

- Необязательно ехать в Москву. Вы можете познакомиться в Париже. Анна обещала скоро приехать.

- В другой раз, - усмехнулся дед. - А хочешь, привози ее в Дижон. Мы с бабушкой будем только рады.

- Не думаю, что ее отец согласится отпустить ее со мной.

- А ты пригласи их обоих. Они нам не чужие люди, Яворская воспитывалась в семье твоей прабабушки.

- Не знаю...

Молодые люди при первой встрече почувствовали некоторую неловкость. Одно дело часами болтать по телефону, другое - встретиться после долгой разлуки, которой предшествовало короткое знакомство.

Алекс скользнул губами по щеке девушки, а она странно на него посмотрела: или ожидала чего-то большего, например, страстного поцелуя, или, напротив, удивилась его прыти. Парень замешкался, хотел обнять, передумал, отпрянул излишне резко, будто натолкнулся на острый предмет, и торопливо спросил.

- Куда пойдем?

- У меня совсем немного времени. Отец встречается с деловыми партнерами, но через пару часов он освободится, и я должна быть в отеле, мы приглашены на ужин.

- Два часа это, конечно, мало, но лучше, чем ничего, - философски заметил Алекс. - Что бы ты хотела увидеть в Париже?

- Твою квартиру, из окна которой ты рассматриваешь прохожих.

Они посмотрели друг на друга и поспешили в холостяцкую квартиру...

- Я мечтала об этом весь год, - откровенно призналась Анна, пристраивая голову на плече счастливого Алекса.

- А я боялся об этом даже мечтать.

Девушка медленно повела указательным пальцем по лбу Алекса, по носу, но губам - он поцеловал ее пальчик, сместилась на подбородок, на шею. Ладонь застряла на груди.

- Какой ты красивый. Какой красивый лоб. Какая идеальная форма носа. Какой мужественный подбородок.

- А губы? - усмехнулся он.

- Губы... У тебя порочные губы.

- Я млею. И не от слов. От твоих прикосновений. Твоя ладошка прожигает меня насквозь,

- задохнувшись от нахлынувшего желания, признался он.

- Мне уже пора, отец, наверное, заждался.

- Но ты могла заблудиться в Париже.

- Могла...

Через два дня Аня представила отцу своего друга Алекса Леона, внука того самого Владимира Леонова, с которым Антон Эдуардович познакомился в далеких семидесятых.

- Это невероятно! Кто бы мог предположить подобное! - с удивлением произнес отец взрослой дочери. Он ничего не знал о ее телефонных переговорах длиной в год. – Моя бабушка, Анастасия Романовна Яворская, сказала бы, что это судьба.

На приглашение отправиться в Дижон, отец с дочерью ответили согласием. Пока Антон Эдуардович заканчивал в Париже свои дела, Алекс и Аня гуляли, сидели в кафе, но в основном проводили время в маленькой квартирке.

- Хочешь, я поеду с тобой в Москву? – неожиданно предложил он, заплетая девушке косу.

- В качестве кого? – поинтересовалась она, хитро прищурился глаза.

- А в каком качестве ты меня представляешь?

- Любимого мужчины, - не раздумывая, ответила Анна.

- А жених и любимый мужчина – это одно и то же?

- Если девушка выходит замуж по велению своего сердца, а не расчету, то да.

- Ты сегодня говоришь цитатами. Почему-то после каждой твоей реплики мне хочется задать вопрос. Наверное, отупел от любви. Или хочу конкретики.

- Еще ругают женщин за то, что они любят ушами! – вздохнула девушка. – Это мужчинам нужно все объяснить, разжевать и в рот положить. Они четко понимают одну команду: «Я тебя люблю!»

- Почему ты называешь признание в любви командой?

- Конечно, это команда, как «фас». Можно брать ее! Раз любит, значит, согласна... на все! – в сердцах заявила Аня.

- Поэтому ты до сих пор не призналась мне в любви?

- А ты? – увернулась от ответа девушка.

- Я? Я говорил...

- В минуту страсти говорил я... - протянула она, подражая известной поэтессе, которая нравилась ее деду.

- Это имеет значение, когда и при каких обстоятельствах сделано признание?

- Наверное, имеет, - пораскинув мозгами, сказала она. – Представь: идет груженная сумками, как баржа, женщина, а рядом он – красавец-супруг. С пустыми руками. Порхает вокруг нее, читает стихи, восхваляет свою музу, и никак не реагирует на ее усталость.

- Может, ей это нравится.

- Погоди, это еще не все! Подходит пара к дому, женщина опускает сумки на землю в надежде, что «поэт» спуститься с небес на землю, схватит груз и дотянет его до квартиры. Но он продолжает парить, декламирует всякую белиберду. Женщина ждет.

- Час ждет, два ждет. Так и весна пройдет, наступит лето.

- Погоди! Останемся в весне. Вдруг мужчина замечает, что они пришли, глубоко вздыхает, прикладывает руку к груди и заявляет: «Я люблю тебя, дорогая! Я тебя безумно люблю, дорогая-я-я!» Тянутое «Я» залетает в подъезд. На улице остается одинокая женская фигура. С укоризной смотрит на сумки, приткнувшиеся к ее стройным ногам, тоже вздыхает, но не по причине томного воодушевления, а от земной усталости и надоевшего однообразия, прихватывает сумки и двигает за окрыленным любовью супругом.

- Такого быть не может, потому что...

- Не может быть, - с усмешкой договорила за него Аня.

- Потому что мужчина не позволит своей женщине надрываться.

- Поверь мне, в жизни всякое бывает! Не удивляйся, но в подобной ситуации я больше виню не мужчину, а женщину, которая позволяет так поступать с собой!

- Клянусь, ты никогда не будешь винить себя!..

Этот разговор в маленькой квартирке в Париже вспомнился Алексу в тот момент, когда он получил отказ. Тогда было все ясно и понятно. Пусть они открыто не говорят о любви, но они любят друг друга. Не сомневаются, что всегда будут вместе.

Не будут. Никогда. Потому что родные Анны не хотят видеть его рядом с ней...

Наверное, у Леоновых была привычка вспоминать незначительные эпизоды прошлого в ответственные минуты жизни.

Так Павел Алексеевич вспоминал посещение кладбища зимней ночью, когда стоял на пристани Севастополя и прижимая к себе маленького сына Владимира...

Алексу вспомнился разговор в его парижской квартирке, когда его вежливо попросили оставить Анну в покое.

А до этого были долгие четыре года, ставших испытательным сроком для молодых людей. Учеба в Сорбонне отошла на второй план, все мысли занимала русская девушка Анна Яворская. Алекс хотел бросить учебу в университете и поехал к ней, но она настояла на получении образования во Франции. Алексу оставалось только подчиниться. Он оживал на короткий срок, когда она появлялась в Париже. Сам он в Москве ни разу не был.

Так он незаметно окончил Сорбонну. И теперь его мечта осуществится – они с Анной всегда будут вместе.

Как он ее любит! Как он счастлив!

Был счастлив, когда летел на самолете к ней в Москву.

И не мог предположить, что вскоре получит такой страшный удар. Очередной удар.

Сначала мать. Потом дед. Теперь Анна. Все, все обманули его...

Как жить дальше? И зачем...

Дед. Он же обещал. Как он мог?!

Смерть деда была огромной потерей для двадцатичетырехлетнего Алекса. Не разыгранный спектакль, как на похоронах матери, а настоящее горе...

Когда зачитывали завещание, он не до конца оправился от горя. Поэтому не сразу осознал, что все движимое и недвижимое имущество должно быть поровну поделено между ним, Алексом, и родственниками брата Александра: его женой, дочерью и внучкой...

Мать. Дед. Анна.

Когда Яворские указали ему на дверь, он подумал, что это как-то связано с завещанием. Хотели заполучить богатого зятя, просчитались, отказали.

На следующий день Алекс Леон пришел к Яворским за разъяснением. Антон Эдуардович был немногословен и сказал, что причиной расставания с его дочерью послужило признание его отца, деда Ани. Он не может открыть семейную тайну, которую поведала Анастасия Яворская своему сыну перед смертью.

- Если тайна семьи Яворских стала причиной разрыва отношений с Анной, то она касается меня... или моей семьи, - догадался Леон. – Значит, я имею право знать правду!

- Молодой человек, вам лучше вернуться в Париж. Запомните: между моей дочерью и вами не может быть ничего общего! – отрезал Антон Эдуардович.

Алекс поднялся и на ватных ногах покинул негостеприимный дом.

Но он не сдался. Решил уговорить девушку уехать с ним во Францию и там пожениться. Решение было принято легко, но выполнить его не представлялось возможным: Анны в Москве не было. Где она, он не знал.

Скоро закончится виза, его выдворят из России, и все мечты останутся лишь несбыточными мечтами.

Алекс принял решение остаться в России. Пока на неопределенный срок. Все зависит от того, как пойдут дела.

Было два пути: первый – приобрести «липовый» паспорт, где черным по белому будет написано – гражданин России Александр Леонов. Или второй путь – фиктивный брак с гражданкой этой страны. Ему так хотелось стать настоящим русским с фамилией своих предков, что он не нашел ничего лучшего, как взять телефонный справочник города Москвы и начать поиски своих однофамилиц.

Алекс набирал номер и вслушивался в голос женщины на другом конце провода, стараясь угадать ее возраст. В зависимости от того, проходит она возрастной ценз или нет, молодой человек продолжал или заканчивал разговор. Для тех, кто проходил, начинался следующий этап. Алекс произносил кодовую фразу: «Я одноклассник вашего мужа». Выясняя таким нехитрым способом, есть у нее муж или она находится в режиме ожидания. Если мужа не было, он говорил, что ошибся номером, но голос незнакомки его очаровал и предлагал встретиться. Ему ни разу никто не отказал. Алекс объяснял, как он будет выглядеть при встрече у памятника, у входа в парк, у станции метро... Одевался он совершенно иначе, являлся на «смотрины» и издали оценивал предполагаемую жертву фиктивного брака. Если она была достойна стать жертвой, он раскрывал свое инкогнито и вступал в переговоры. Нет, он не предлагал оформить брак в ближайшем ЗАГСе, он прощупывал почву. Корыстных дамочек сразу отметал, уставших от одиночества - тоже: после свадьбы новоявленная супруга просто так не отстанет, ей нужен настоящий всамделишный муж, а не на бумаге, со всеми вытекающими обязанностями со стороны последнего. На это Алекс был не согласен. Ему нужна была фиктивная супруга, которая сама испытывает необходимость в подобном браке.

После каждой неудачной встречи он произносил понравившееся ему слово, которое услышал на улице: Облом!

Время работало против него: оно бежало, а он топтался на месте.

Алекс хотел быстро повернуть аферу с фиктивным браком и заняться поисками Анны. Любовь сжигала его. Но параллельно с ней в душе жила ненависть к ее родным, которые по непонятной причине разлучили влюбленных. Леонов жил надеждой, что они с Анной, вопреки всему, будут вместе. Они любят друг друга. Надо просто найти Анну и объясниться с ней.

Алекс видел одну причину отказа – материальная несостоятельность претендента на руку и сердце дочери Яворских. Конечно, бедным его можно назвать с большой натяжкой, но кто разберет этих новых русских...

Очередные три свидания с перерывом в полчаса были назначены в разных местах, но географически близко друг от друга. Если первая кандидатура отпадет при визуальной оценке, то он плавно перемещается на второе свидание. Алекс не требовал, чтобы фиктивная жена обладала модельной внешностью, основным критерием оценки было отсутствие отклонений от нормы и стандартов. Положено, чтобы было две руки и две ноги, причем одинаковой длины, значит, так и должно быть. Нормальное лицо, без изъянов и шрамов, стройная фигура без выпуклостей на спине – все это составляло для Алекса норму и стандарт.

Если во внешности женщины будут изъяны, это повлечет за собой массу вопросов. Каждому станет ясно, что дело здесь нечисто.

- Пойдите, уважаемые жених и невеста, подумайте пару-тройку месяцев, проверьте свои чувства, - предложат им.

Какие месяцы! У него времени в обрез!

Алексу нравилось шататься по городу и слушать русскую речь, в корне отличающуюся от той русской речи, к которой он привык, и которой его учили с детства. Будто все слова те же, но... другие. Он запоминал все выражения, включая и нелитературные, желая стать настоящим русским.

- Блин, - протянул он, завидев первый объект. Женщиной восхитился не только Леонов, но и все мужчины, находящиеся в радиусе ста метров от нее.

Фигура дамы соответствовала классическому X-типу, причем и верхняя, и нижняя часть были выше всяких похвал. А тонкая талия, перетянутая широким поясом, мысленно заставляла представителей сильного пола посостязаться в обхватывании оной двумя пальцами.

В голове Леона сразу возник резонный вопрос: «Почему такая женщина ищет знакомств с первым встречным?» А вдруг у нее есть свой умысел: ей тоже необходим фиктивный брак, причем незамедлительно.

Каждую даму Алекс готовил в телефонном разговоре к «несерьезному» предложению руки и сердца. Он плел, что гражданский брак стал неактуален, новое веяние в отношениях мужчины и женщины - сначала зарегистрировать брак, а после познавать друг друга. «Познавать» он произносил с таким обворожительным придыханием, что дамы уже представляли себя втянутыми в мир познания. Затем он произносил фразу, которая предназначалась в первую очередь ему самому: «Если одна из сторон разочаруется и предложит развестись, то вторая обязана ей безоговорочно подчиниться». Алекс думал, что таким способом может обезопасить себя в будущем: «Мол, помнишь, дорогая, перед свадьбой был договор... Так вот, меня не устраивает это и это. Так что, гудбай!»

Если за первый визуальный осмотр дама получала высший балл, то Алекс переходил к переговорам. Причем к каждому свиданию всегда готовился тщательно. Менял свою внешность: гримировался, прибавлял или убавлял возраст, чтобы не шокировать «взрослых» дамочек, которым он годился в сыновья, менял цвет глаз с помощью контактных линз, напяливал парик, клеил усы, бороду. Причем так преуспел в деле преображения собственной внешности, что любая из знакомых, с которой он встречался накануне, прошла бы мимо и не узнала его. Вспомнив уроки Амели, с помощью одежды менял фигуру. Если немного ссутулиться, то рост становится значительно меньше, а накачанная мускулатура «сжимается». Нацепив свободный пиджак, он превращается из мужика с развитой мускулатурой в рядового мужчину обычной комплекции...

Сегодня должны состояться три встречи с женщинами около сорока. Алекс легко преобразился: «состарил» лицо, прибавив себе морщин, оделся соответственно «возрасту» и «убрал» мускулатуру.

Дама с фигурой Х-типа заинтересовала его и получила пять с плюсом.

- Здравствуйте, я – Александр, - заявил он с приветливой улыбкой на лице и поцеловал даму ручку.

- Здравствуйте, - кивнула она, не обратив особого внимания на джентльменский прием. Марина, так звали женщину, была явно чем-то озабочена.

Надо «прощупать почву», разузнать, чем вызвана ее озабоченность, - подумал Алекс. – Мне не нужны чужие проблемы. Если женщина не проходит второй тур, быстренько подвожу черту и бегу дальше.

- Вы готовы, Мариночка, к несерьезному браку? – спросил он в лоб и получил конкретный ответ.

- Готова! – без раздумий, заявила женщина. - Я хочу выйти за вас замуж и как можно скорее, - протараторила она, словно скорость речи могла приблизить долгожданный момент превращения свободной женщины в женщину с отметкой в паспорте на странице «Семейное положение».

- Отлично, - потер руки Леон, но с опаской поглядывал на покладистую Марину. – Наверное, у вас есть причина...

- Есть, - не дала ему продолжить шустрая дама. - Мне... скоро сорок, - с грустью призналась она.

- Вам никогда не дашь...

- Мне не нужны ваши комплименты! – отмахнулась Марина и повторила, - мне скоро сорок. На замужестве, на реальном счастливом замужестве, я поставила крест, но год назад пришла к мысли, что хочу ребенка!

- Вы... хотите родить ребенка от... меня? – поинтересовался Алекс, приготовившись к низкому старту. Бег на короткую дистанцию до места, где пройдут следующие переговоры, – это способ избавиться от женщины, погрязшей в мечте о материнстве.

- Вы меня не так поняли, - успокоила его женщина. Побег пока отменился. – Я хочу взять ребенка из детского дома, но мне не дают, так как у меня нет... мужа, но есть небольшие проблемы со здоровьем.

- Все понятно, - с радостной улыбкой заявил будущий фиктивный отец и муж.

- Вы не волнуйтесь, Александр, нам от вас ничего не нужно, я материально обеспеченная женщина. Мы оформим брак, сходим в Органы опеки и попечительства, вы дадите свое согласие на усыновление, потом сходим в детский дом. И вы можете быть свободны.

Алексу Леону понравилась ее деловая хватка, и особенно понравилось слово «свободен»...

Так он стал фиктивным мужем Марины Леоновой, которая только при подаче заявления узнала, что ее будущий супруг является гражданином Франции.

- Я хочу получить образование в России, - плел он будущей супруге, - но для этого мне нужно получить гражданство...

Любая нормальная женщина знает, что в Москве полно студентов-иностранцев без российского паспорта, и для обучения и получения диплома совсем не обязательно регистрировать брак с гражданкой России. Но Марина так хотела стать матерью маленькой девочки, что ее мысли были направлены в одну сторону, ее даже не удивил возраст будущего, пусть и фиктивного, мужа, выглядевшего значительно старше своих лет. Не говоря о фотографии в паспорте. Казалось, что на ней красуется чужая физиономия.

Работники ЗАГСа покосились на странную парочку, но, повидав на своем веку немало, решили не задавать лишних вопросов, и даже ускорили регистрацию «молодоженов»... за неплохую сумму в конвертируемой валюте, предложенную нетерпеливым женихом.

Так Алекс Леон стал Александром Леоновым.

Теперь он мог заняться поисками Анны Яворской.

Алекс уже знал, с чего начнет. Со слежки за ее родителями.

Он торчал возле их дома, провожал отца до места работы, а вечером – домой. Сопровождал везде мать, которая нигде не работала, но дома не сидела. Моталась по бутикам, проводила время в кафе с подругами, ходила на выставки, не пропускала театральные премьеры. Каждый раз Алекс надеялся, что мать встретится с дочерью. Анна не появлялась. Она не посещала занятия в институте, она исчезла.

Алекс даже подумал, а не отправили ли ее учиться в Париж. Но бросать все и мчаться во Францию, он не спешил. Оставил в покое отца и мать, переместился к медицинскому институту, в котором училась Анна. Жаль, он не был знаком с его подругами.

Однажды Леонов заметил стайку девушек, которые восторженно обсуждали недавнее посещение операции известного профессора. Алекс терпеливо ждал паузы в разговоре, а когда дождался, вежливо извинился, представился приятелем Анны Яворской и посетовал, что не знает, где ее искать в лабиринте корпусов. Действовал наобум, а попал в «десятку».

- Вы ее не найдете, - ответила самая бойкая из студенток, - Анна больше не учится с нами.

- Как не учиться? Аня бросила институт? Или ее отчислили?

- Она перевелась.

- Куда?

- Мы не знаем.

Значит, дело серьезное, - подумал Алекс, вышагивая по тротуару. – Что же мог сказать Эдуард Антонович Антону Эдуардовичу такого, что Анну решили спрятать от меня и перевели из Московского меда в другой институт?..

Отчаяние достигло апогея.

Ему хотелось расправиться с несостоявшимся тестем. И он снова пошел к дому Яворских. Не знал, как поступит, что сделает, просто стоял и бездумно наблюдал за подъездом.

Антон Эдуардович не заставил себя долго ждать. Он разговаривал по мобильному телефону, улыбался, подошел к автомобилю, не замечая, кто стоит за его спиной на расстоянии вытянутой руки.

Алекс услышал фразу, от которой его ноги едва не подкосились.

-... Доченька, через два дня я буду в Питере и, мы увидимся... Я соскучился...

Аня в Петербурге! Ура! Давненько я мечтал посетить город на Неве. Конечно, могу составить незримую компанию Яворскому, который прямиком доставит меня к моей любимой Анечке, но ожидание и без того затянулось, поэтому я опережу его и постараюсь самостоятельно её отыскать.

Леонов был уверен, что Анна уехала не по своей воле, ее заставили так поступить. Они встретятся, все обсудят, и снова будут вместе. Теперь навсегда...

Уже утром он приехал в Северную столицу, выяснил, где находится Государственный Медицинский университет имени Павлова и отправился по указанному адресу. Он решил для начала проследить за Анной Яворской, прощупать почву.

Алекса обескуражило огромное количество корпусов мединститута, он закружился в водовороте снующих туда-сюда людей, как медперсонала, так и больных. Как в таком большом государстве отыскать маленькую девушку? Проблема из проблем. Молодой человек, оказавшийся чужим на этом празднике жизни, вертелся в разные стороны, как флюгер, и никак не мог сообразить, в какую сторону двигать. Собирался задать вопрос пробегающим мимо людям, но успевал только открывать рот. Пожалел, что не видно неспешных пенсионеров, которые смогли обстоятельно ответить на все вопросы. В итоге разозлился на невнимательный и безразличный народ, и поставил себе цель – найти невесту самостоятельно. Было бы желание. А желание у Алекса было громаднейшее.

Он бродил по дорожкам и читал таблички на больших и маленьких зданиях. Здание с двумя пристройками-наростами, одно в виде прямоугольника, а другое в виде обрезанного цилиндра, привлекло его внимание.

- Анатомический корпус, - прочел Леонов, осмотрелся и решил обосноваться неподалеку на скамейке. Он надеялся, что интуиция его не подведет и на этот раз...

Удача повернулась к нему лицом только на следующий день, но и это Алекс посчитал за счастье: его начали раздражать громкие разговоры людей, с нездоровым азартом повествующие о своих ужасных недугах. Причем каждый рассказчик старался похвастать своим заболеванием, как личным достижением. Они косились на молодого крепкого мужчину, внешний вид которого не вписывался в местную обстановку. Косые взгляды не пугали его, он с завидным упорством сидел на одном месте и мешал «восторженным» обсуждениям. Алекс не понимал, почему они толкуются на улице, если пришли за медицинской помощью, зачем сидеть под сенью деревьев на приглянувшейся лично ему скамейке? Иди к доктору и рассказывай о своих болезнях. Не нужен доктор – предпочитаешь самолечение и советы таких же «соратников» - двигайте отсюда. Создайте партию, в конце концов. Это сейчас модно. А то расселись неподалеку от непопулярного в народе здания и трещат, трещат, как сороки. У Алекса стало в боку побаливать, и колено заныло. Этак, скоро все чужие болячки на себя перенесет.

Больным, по всей видимости, тоже компания здоровяка не нравилась. Поэтому они облегченно вздохнули, когда он встал и ушел. Но ушел не сразу. Сначала насторожился, как гончая перед стартом, потом короткими перебежками двинулся по главной аллее. Забыв о болезнях, они с интересом наблюдали за его шпионскими передвижениями до тех пор, пока здоровяк не скрылся из вида...

Анна была не одна: с ней были две девушки и парень. Средним темпом они достигли главного входа, после чего группа разделилась. Алекс разозлился, увидев свою девушку в обществе парня приятной наружности. Они увлеченно что-то обсуждали, Леонов не прислушивался, его больше занимал вопрос, когда Анна останется одна. Он в который раз мысленно обругал родителей девушки, которые «сослали» дочь в Питер, пытаясь разлучить влюбленных, но был горд собой, что нашел ее.

Еще чуть-чуть и Алекс сможет прижать Аню к себе. Скажет, что любит, что скучал, что жить без нее не может. Она будет удивлена его неожиданным появлением и, без сомнения, счастлива.

Представшая его глазам картина заставила усомниться, что девушка будет рада его видеть. Леонов не мог предложить, что Анна Яворская быстро найдет ему замену.

Парень, который вертелся возле нее, сначала вел себя сдержанно. Алекс решил, что это всего лишь ее сокурсник, с которым ей по пути. Но всего лишь сокурсник стал наглотать на глазах. Бережно взял ее за руку, а она руку не вырвала. Напортив, расцвела, как роза в июльский день. Затем обнял за плечи и начал делать вид, что загорелся желанием сообщить ей великую тайну на ушко. А сам водил своими губами по румяной девичьей щеке. Одна его рука так и прилипла в ее плечу, другая рука тискала нежную ручку Анны. А потом он приложил эту ручку к своей груди, в область сердца. Видимо, чтобы она убедилась, как сильно оно бьется в ее присутствии. Жаль, сердце не выскочило наружу от энергичных плясок, а то бы Леонов с удовольствием поддал его ногой, чтобы оно улетело далеко-далеко. Анна слушала разговорчивого парня, прислушивалась к биению ее влюбленного сердца, загадочно улыбалась. Дураку ясно – ей все это нравилось. И даже очень. Тисканье, нашептывание, прислушивание вскоре перешло к жарким объятиям и жарким поцелуйчикам прямо посреди улицы. Бурлящая толпа огибала их с разных сторон. Кто-то недовольно бубнил, кто-то с интересом косился, кто-то не обращал внимания, некоторые пребывали в задумчивости и наталкивались на влюбленную парочку. Они с трудом оторвались друг от друга, и двинулись дальше. Рука парня покоилась на плече Анны, иногда сползала на спину и нежно поглаживала, потом возвращалась на место. Поклонник оторвался от Яворской лишь однажды, чтобы купить небольшой букетик цветов. Он протянул его девушке, та мило улыбнулась, приняла презент, засунула нос в лютики, восхищенно закатила глаза, что-то сказала, а даритель стоял с таким довольным видом, будто преподнес ей нечто неповторимое, чего нет у королевы Англии.

Алекс подобрался ближе, встал за киоск с вывеской «Пирожковая», раздумывая, появиться, как черт из табакерки, и врезать по зубам кавалеру Анны, или подождать, когда она останется одна. Потребовать объяснений, выслушать и решить, как вести себя дальше.

А парочка тем временем заспорила: ехать на автобусе или идти пешком. Анна настаивала на первом варианте, чем несколько порадовала Леонова: она хочет поскорее избавиться от навязчивого кавалера. Но после недолгих пререканий, которые со стороны больше походили на любовную игру, девушка согласилась прогуляться. Алекс скрипнул зубами и последовал за ними. Молодые люди наслаждались обществом друг друга, что выражалось в радостных улыбках на устах, неспешном передвижении и легких прикосновениях к губам. Страстные поцелуи больше не повторялись. Но это совсем не значило, что страсть пошла на убыль. И Алекс это понимал.

У него до тошноты разболелась голова. Идущую впереди пару он видел, как в тумане. Продолжал идти за ними, как привязанный. Осознание того, что его в очередной раз предали, пришло не сразу. Он пытался объяснить поведение Анны желанием забыть его, Алекса. Она послушная дочь. Ей сказали – он тебе не пара, она не стала спорить. Но это не значит, что девушка быстро перевернула страницу прошлой любви. Она страдает, мучается, ищет спасение в новом романе.

Но потом Алекс понял – это парень ей не безразличен. Возможно, Анна пока не погрузилась в море любви, но совсем скоро она в нем утонет. И забудет о каком-то французе русского происхождения. Было легкое увлечение и сплыло. Чтобы не пускаться в объяснения с бывшим кавалером, она не нашла ничего лучше, как перебраться в другой город. Это была ее инициатива, а не ее отца.

Боже мой, какой я идиот! – запоздало сообразил он. Головная боль стала нестерпимой. Он обхватил руками голову, боясь, что та сию минуту взорвется и разлетится на миллион крохотных частей.

- Вам плохо? – участливо спросила женщина и дотронулась до его локтя.

- Все... нормально, - проскрипел он и, пошатываясь, пошел дальше.

Вдали маячили две ненавистные фигуры. Алекс подумал, что смог спокойно убить их. И его. И её.

Жаль, не успел отравить мать, - неожиданно подумал он. - Если бы расправился с ней, то не было бы сегодняшней сцены. Я был бы богат. Очень богат. Анна любила бы меня, меня одного. Пусть сначала ответила бы на мою любовь, ответная любовь пришла бы позже. Я бы все сделал, чтобы Аня меня полюбила... Все из-за матери. После ее смерти все пошло бы так, как должно было пойти. Ничего нельзя изменить... Или можно?

Если не вышло с матерью, может получится с Анной? Все правильно, правильно. Он должен избавиться себя от нее! Только в этом случае жизнь сделает крутой вираж в лучшую сторону. Алекс обязан прервать череду обманов и предательств... Он перейдет из одного тела – тела Алекса Леона, обиженного и преданного всеми молодого человека, в тело Александра Леонова, который сам будет выбирать, кого любить, кого предавать, кого презирать, кого... сбрасывать со своей дороги.

Алекс в одну минуту превратился в киборга–убийцу, нацеленного на будущую жертву, которая не догадывалась, какая участь ей предрешена. Оказывается, она должна стать средством избавления бывшего возлюбленного от всех детских и взрослых обид...

Парень проводил Анну до дома. Они постояли еще с полчаса у подъезда, потом он хотел потащиться за ней дальше, видно не желал расставаться с возлюбленной, но та отправила его восвояси. Чем сохранила ему жизнь.

Их объятия и поцелуи больше не трогали Леонова. Перед ним были незнакомые люди, один из которых должен умереть. Если другой этому воспрепятствует, то он тоже отправится на тот свет.

Когда Анна исчезла в подъезде, ее сопровождающий закинул голову, полюбовался небом, раскинул руки в стороны, потом скрестил пальцы на затылке. Алексу показалось, что он пустится в пляс. Не пустился, но на месте подпрыгнул - показывал окружающим, что находится наверху блаженства. Повертел головой и поковылял к себе домой.

Алекс незаметно проскользнул вслед за девушкой в подъезд.

Думал, что Анна уже дома и придется приложить немало усилий, чтобы найти ее квартиру. Но она стояла у лифта с мечтательной улыбкой на устах, позабыв вызвать кабину. Не сразу заметила, как рядом выросла высокая крепкая фигура и вызвала лифт.

- Алекс, ты? – Мечтательная улыбка исчезла. Девушка была явно напугана.

Леонов молчал и смотрел на нее пустым взглядом.

Когда двери лифта открылись, он грубо втолкнул ее внутрь. Кабина поползла на верхний этаж.

На верхнем этаже из лифта вышел человек с кривой ухмылкой на лице. Не раздумывая, он начал спускаться вниз по лестнице.

На полу старого лифта осталось лежать тело задушенной девушки. На бездыханной груди лежал букетик свежих лютиков...

Через два года в областной центр, расположенный на юге России, приехал молодой человек. Он приобрел однокомнатную квартиру, устроился на работу тренера-инструктора в дорогой фитнес-клуб, и стал вести обычную, на первый взгляд, жизнь одинокого мужчины.

Почему Алекс, а это был именно он, выбрал для проживания этот город? Ответ прост – здесь проживали Алышевы. Люди, которых он так долго искал. Наступил заключительный этап – этап устранения конкурентов-наследников.

Сначала он без проблем избавился от жены Александра Алышева – Нины Степановны. Естественно, провел перед этим подготовительную работу. В качестве осведомителей подключил ничего не подозревающих бабулек на скамейке у дома, где проживала пожилая женщина. И выяснил, что она давно болеет сахарным диабетом, а «по врачам не ходит». «Разве так можно относиться к своему здоровью!» И все в таком духе. К своему здоровью надо относиться бережно, и если гора не идет к Магомеду, то Магомед направится к ней, – решил Алекс, переварив в голове полученную информацию.

Вспомнив уроки несостоявшегося врача – Анны Яворской, он знал, что будет делать. Для начала проверит уровень сахара в крови. Если уровень сахара в крови будет выше нормы, он сделает инъекцию глюкозы, если ниже – инъекцию инсулина. То есть, все наоборот, преследуя одну цель – ввести женщину в диабетическую кому. Пока помощь подоспеет, она уже будет мертва. Со стороны все будет выглядеть вполне естественно...

Так он предполагал, не допуская мысли, что кто-то может усомниться в смерти женщины преклонного возраста, которая давно страдала от неизлечимого недуга. Но, как оказалось, у её внучки появились подозрения...

Следить за Сашей он начал раньше всех. Боялся себе признаться, что она ему нравится. Его родственница была немного чудаковатой, и этим его и привлекала. Алекс был уверен, что его интерес к Саше Козловской не изменит его планы. Он с легкостью удалит ее со сцены, когда наступит время. Эта чудачка будет последней жертвой из короткого списка наследников его деда. А пока он будет наслаждаться игрой в кошки-мышки...

На следующий день после похорон бабушки, Саша отправилась в университет. Леонов знал, что она учиться в аспирантуре и совсем скоро собирается защищать кандидатскую диссертацию. Он любовался ее расстроенным личиком, старался приблизиться к ней ближе, чтобы почувствовать легкий аромат ее духов. Не боялся быть замеченным – преобразился так, что смотреть в его сторону не хотелось: походил на опустившегося мужика неопределенного возраста, который лелеет одну мечту найти деньги и подлечиться «апопсия вчерашнего». Даже окатил себя сорокоградусным «лекарством» для пущей убедительности.

Потерял бдительность, растворившись в желании приблизиться на опасное расстояние, и налетел на объект слежки, когда объект резко затормозил. Алекс впечатался в Козловскую, и излишне быстро, для «его состояния», поспешил прочь. И нет бы сказать какую-то грубость, подходящую для опустившегося человека, пребывающего в высшей степени раздражения, а он произнес слова извинения. Хорошо, что девушка была отделена от окружающего мира своими грустными думами, и не обратила на него внимания...

Алекс подумал, что надо над собой еще работать и работать. А то возомнил себя гениальным актером...

Здания университета Александра покинула через десять минут, чем удивила Леонова, который приготовился к долгому ожиданию. Она отправилась не домой, а на квартиру бабушки. Он привычно пристроился на скамейке.

Прошло не менее часа, когда на улице появилась Александра Алышева. Он знал, что на самом деле она Козловская, но ему больше нравилось называть ее ненавистной фамилией – Алышева, словно выплевывал из себя: А – лы – ше – ва... Заводил себя, чтобы

осаживать чувство заинтересованности этой вздорной девицей. И напоминать, кто она на самом деле! Она – враг. Она – человек, который посягает на его наследство.

Саша вышла из подъезда и с задумчивым видом двинулась вдоль дома. В руках не было сумки, поэтому Алекс заключил, что она еще вернется. Но дожидаться девушку на скамейке не стал, последовал за ней. Когда она занырнула в первый подъезд, он некоторое время постоял у входа, прислушиваясь к ее шагам, затем вошел и стал осторожно перебирать ногами по ступенькам. Он упустил момент и не заметил, за какой из дверей на четвертом этаже скрылась его подопечная. Достиг нужного этажа и прислушался. Сообразил, в какой квартире она находится, попытался уловить хотя бы слово, но так и не разобрал, о чем или о ком шла речь. Стоять далее было опасно. Алекс спустился вниз, и пристроился поодаль на бордюре – вполне подходящем месте для такой колоритной личности, как он.

Вскоре Саша появилась снова, ненадолго задержалась в квартире бабушки и отправилась домой.

На следующий день произошло то, что перечеркнуло заранее написанный сценарий. Поздним вечером к Альшевой–Козловской на улице привязались хулиганы. Алексу пришлось вмешаться. Знакомство с Сашей в его планы пока не входило. Заранее отрепетированная роль злодея была переписана на ходу: Алекс стал положительным героем, защитившим слабую девушку. Причем на сцене пришлось появиться без грима и прочих актерских атрибутов. Переработка сценария на ходу повлекла за собой кучу ошибок - Леонов не умел быстро менять амплуа.

Он злился на себя за несдержанность: ничего бы с Сашей не случилось. Пусть кто угодно, но не он, пришел ей на помощь. Но Алекс действовал инстинктивно.

После легкой победы над врагом Леонов схватил ее за руку, даже не за руку, а за локоть – уточнение весьма существенное. Этим он показал, что испытывает недовольством по причине сильной занятости, но будучи человеком положительным во всех отношениях не смог пройти мимо, на дальнейшее знакомство не рассчитывает. Бодрым шагом они двинулись к остановке общественно транспорта, но предварительно защитник поинтересовался, где она живет. Алекс мысленно проклинал свое рыцарство, на болтушку внимания не обращал, даже головы в ее сторону не поворачивал, чтобы его лицо не отложилось в ее памяти. Глупо, конечно. Чего уж теперь – сделал доброе дело, умей отвечать за него.

А так хотелось на нее смотреть и смотреть. И слушать. А он злился. Пытался разозлиться на нее. Убеждал себя, что ее болтовня его раздражает. Прямо бесит ее переливчатый голосок.

И чего болтается по темным улицам! Сидела бы дома, вышивала крестиком. А теперь Алексу придется выкручиваться, перепахивать великолепный сценарий.

Она милая, - подумал он, выпорхнув из вязкой злобы. – А почему бы ей не быть милой? Она из нашей дворянской породы! Троюродная сестра. Кажется, я не ошибся... А почему в душе поселилась такая подозрительная радость? Саша – моя троюродная сестра! Родственница! Поэтому... Поэтому что?

- Ничего! – вслух буркнул Леонов, провожая взглядом автобус со светящимися глазницами окон, в которых виднелась его троюродная сестра, претендующая на часть наследства Владимира Леонова – сына белогвардейского офицера...

Всю дорогу домой Леонов не мог понять, почему назвался Алексеем Гладышевым. Ну, с именем более – менее понятно: производная от Алекса. А фамилия? Откуда появилась фамилия Гладышев?

Дома он смотрел очередную серию понравившегося фильма «Место встречи изменить нельзя», и все понял...

Жеглов говорит Шарапову: «... Они Сеньку–Тузика раскусили, а он...» Сеньку–Тузика, сотрудника милиции Векшина, убили еще в первой серии. Алекс оценил игру артиста,

способного выложиться в маленьком эпизоде. В титрах он прочел его фамилию: Евгений Леонов–Гладышев. Запомнилась двойная фамилия. Алекс представлял себя в этой роли рядом с именитым Высоцким. И пусть эпизод! В эпизоде показать мастерство гораздо сложнее. Леонов смог бы не хуже Леонова-Гладышева сыграть роль Сеньки Тузика...

И когда Саша намекнула, что молодой человек забыл представиться, в его голове параллельно с Леоновым возникла фамилия Гладышев. Хорошо, что не брякнул свою. Вдруг Александр Алышев рассказал жене о встрече с братом Владимиром Леоновым, а та, в свою очередь, передала по цепочке... Конечно, во времена застоя люди прятали свою родословную за семью печатями, никто не хвастал своими дворянскими корнями, но с близким человеком Александр мог поделиться...

Понятно, что Леоновых в России, как грибов в лесу после дождя, но все-таки надо быть осторожным с этой умной девицей, которая кажется сумасбродной и чудаковатой...

На следующий день «режиссер» вывел на сцену нового героя, предыдущего персонажа он вывел из состава труппы за плохо исполненную накануне роль. Причем сразу нарек его Александром Луневым, на случай непредвиденных обстоятельств, которые стали все чаще вмешиваться в процесс игры. Фамилия Лунев была выбрана случайно, главное она начиналась на букву «Л». Ему хотелось сохранить инициалы «А. Л.»

Он следовал за Сашей по той самой улице, где избавил ее накануне от хулиганов, на некотором расстоянии и ловил себя на мысли, что не просто следит за ней, а любит ее: ее стройной фигурой, ее уверенной походкой, ее гордо поднятой головой, ее королевским видом.

Как не пытался внушить себе необходимость ее устранения, но приходил к мысли, что еще несколько таких шпионских дней, и ему станет жаль эту девушку, она перейдет из жертвы в другую ипостась и весь сценарий, удачно расписанный в течение нескольких лет, придется переписывать заново. Детектив с печальным концом может превратиться в счастливую мелодраму.

До сих пор Алекс в счастливую любовь не верил. И это обстоятельство его успокаивало. Сценарист, окончательно разочаровавшийся в любви, никогда не сможет написать любовную мелодраму. Начнет, и все равно съедет на детектив с героем-мстителем, умным и расчетливым, который легко уйдет от возмездия.

Перед его глазами встала картина прошлого: Анна Яворская на полу лифта. Потом были похороны. Красивая молодая девушка в подвенечном платье лежала в гробу. Рядом с гробом стоял он, ее убийца. Стоял и беззвучно плакал. Все думали - от горя. Ошибались – от счастья: он впервые смог наказать человека, который доставил ему душевную боль.

Алекс обманул всех. Даже Антона Эдуардовича, отца Анны. Он похлопал Алекса по плечу и произнес слова утешения. «Обезумевший от горя» жених находился в полубморочном состоянии. На кладбище не переиграл – в могилу, куда опустили гроб, не бросился, в голос не выл, по земле не катался. Продолжал беззвучно плакать, не обращая внимания на бегущие по щекам слезы и сочувственные взгляды.

Сцена была сыграна великолепно, Алекс мысленно рукоплескал себе. Он сделал вывод, что его мастерство стало гораздо выше, сравнив сцену похорон матери и Анны Яворской...

Александра не скрылась в здании университета, а свернула в ближайшее уличное кафе, села за столик и стала рассматривать прохожих, будто зашла туда, именно, с этой целью. Леонов сразу догадался, что девушка кого-то ждет. Ему показалось, что сейчас появится он, покоритель ее сердца. Ревность стукнула обухом по голове.

Пока он злился, мучился неизвестностью и пытался себя вразумить, возле Саши возникла мелкая пигалица. Алекс сразу нарек ее «девочкой с-пальчик». Приблизиться к девушкам и подслушать их разговор, было невозможно: вокруг открытое пространство.

Даже изменив внешность, он боялся, что наблюдательная сестрица узнает его, ведь, его неотразимый образ намертво засел в ее памяти. Он не сомневался, что не оставил её равнодушной. Впрочем, как и она его.

Сегодня Алекс превратился в прилично одетого молодого человека с серыми глазами и короткой стрижкой. Он походил на замученного наукой аспиранта, а никак не на вчерашнего качка с рельефными мускулами, выставленными напоказ посредством облегающей футболки. Вместо вчерашних модных джинсов на нем были светлые брюки с лезвийно-наглаженными стрелками, вместо футболки – обычная сорочка без лезвийно-наглаженных стрелок на рукавах, как у некоторых мужчин. На ногах – удобные замшевые туфли, а не любимые кроссовки. Сорочка была свободного кроя, скрывала мускулатуру.

Мимо него прошли два парня. Один кивнул в сторону кафе, где сидели девушки.

- Смотри, вон Дашка с Сашкой! – сказал один.

- Пойдем к ним? – спросил второй.

- Нет, - покачал головой первый, - они сейчас начнут тарыхтеть, одна о своей экономике, другая – о юриспруденции.

Спасибо, парни, - мысленно поблагодарил молодых людей Леонов. Сложив два и два, он понял, что подругу Саши зовут Дарья и она по образованию юрист. Он покопался в своей памяти, выдернул оттуда воспоминание о женщине юристе по имени Светлана, которая на ночь читала священную книгу всех юристов, где на обложке было выведено крупными буквами Шершеневич, а еще крупнее – «Учебник Гражданского права». Если бы Алекс был влюблен в даму – юриста, то приревновал бы ее к этому изданию начала прошлого века...

Пока девушки беседовали, в его голове созрел новый план. Он не переписывал сценарий, просто дописал еще одну главу...

Алекс почувствовал, что ему необходимо познакомиться с Дарьей, заинтересовать ее, влюбить в себя и превратить в источник информации. Тем самым он убивал двух зайцев: не надо таскаться целыми днями за Сашей, боясь выдать себя, и попытаться за это время, когда она не будет мелькать у него перед глазами, вырвать из сердца ростки чувств, как вырывают сорняки, едва появившиеся на клумбе.

Саша резко вскочила, бросила на ходу несколько слов и покинула подругу. Та проводила ее недоуменным взглядом.

Настал черед выйти на сцену Александру Луневу...

Детектив временно превратился в любовную мелодраму, режиссер, он же сценарист, заскучал. Облик Саши за несколько недель померк, заснули или исчезли чувства, он пока не разобрался, но понял одно: параллельно с мелодрамой необходимо закрутить еще трагедию...

Мотоцикл с человеком в черном шлеме наезжает на женщину... Крик, кровь, слезы при прощании...

Увлечшись параллельным сценарием, Алекс что-то упустил в мелодраме. Главная героиня, которая должна была до помрачения рассудка влюбиться в героя, уловила неискренность в его признаниях, и дала отставку. Нет, она не заявила об этом прямо, на поток любовных объяснений завернула.

Леонов удивился и затаил обиду. Переходить к кроважидному детективу, он пока не хотел, но обидчицу Четкинину решил наказать.

Задумавшись о наказании одной, он вспомнил о другой. Алексу так захотелось увидеть Сашу, что он не удержался и пошел к ее дому.

Леонов занял свое излюбленное место – под раскидистой ивой и стал смотреть на окна, вдруг мелькнет знакомый силуэт. Силуэт не мелькнул, а замер у подъезда. И не один, а с парнем. Алекс напрягся, ожидая страшной головной боли. Так было всякий раз, когда наступало разочарование. Но боли не последовало. Может, потому, что не было обмана

со стороны девушки. Она ему ничего не обещала, даже напротив, ожидала внимания со стороны привлекательного мужчины, вырвавшего ее из рук злодея, но не дождалась: спаситель исчез, отключив мобильный телефон на целый месяц, дабы не поддастся соблазну ответить на ее звонок.

Неужели «мой поезд ушел»? – подумал Леонов, но тут же осадил себя, - это я о чем? Саша – моя будущая жертва. Я должен ненавидеть ее! Дол-жен! Дол-жен! Для тех, кто не понял или забыл, повторяю: Александра Алышева – мой злейший враг. И все их семейство – мои злейшие враги! - Мысленно внушал и внушал он себе, не сводя взгляда с Саши и ее кавалера.

Как только пара рассталась, Алекс не выдержал, достал из кармана «мобильник для Саши», как он назвал его, и позвони по единственному номеру в перечне абонентов.

Он без труда сообразил, что девушка все это время ждала его звонка, но попыталась сделать вид, что не может припомнить, кто такой Алексей Гладышев. Ему понравилась игра, а Саша закралась в душу еще глубже, и это обстоятельство Алекса: чувство к ней пустит корни по всему организму, еще не хватало, чтобы склеило разбитое сердце.

В тот раз ему было отказано в аудиенции.

Хорошо, я подожду, - не огорчился троюродный братец с распространенной фамилией Леонов, - займемся пока «девочкой с пальчик». Дарье Чететкиной, отвергшей Александра Лунева, надо бы отомстить. Но перед этим сыграем финальную сцену мелодрамы, узнаем последние новости о ее ближайшей подруге, наведем справки о поклоннике...

Глава седьмая

Когда Лунев позвонил Даше, она без раздумий согласилась на встречу. Александр рассчитывал, что счастливая девушка бросится ему на грудь, но она повела себя довольно странно: чаще поглядывала на недотепу-жениха, выронившего букет, а не на него. И проводила его сочувственным взглядом, когда он двинулся прочь от места встречи с необязательной невестой. А затем и вовсе заявила, что ей нужно ехать к подруге, которая нуждается в ее поддержке. И тут Алекс услышал самое интересное. Оказывается, у Саши появилось подозрение, что ее бабушка умерла не своей смертью. Одновременно с этим громким заявлением последовали и другая новость: мать Саши с сотрясением мозга и покалеченной в аварии рукой оказалась на больничной койке. Увы, не на кладбище. Леонов об этом знал, но надеялся на худший исход. Он успел заметить, как Жанна рухнула навзничь, не успев сгруппироваться, и сильно припечаталась своей глупой головешкой об асфальт. У любой другой голова расколослась бы, как упавший арбуз. Не у Алышевой. Мелькала мысль – пробраться в ее палату и сдобрить кефирчик неким отравляющим средством собственного производства, но не хотел рисковать.

А месяц любви с Дарьей Чететкиной закончился, причем дал неплохие результаты. Теперь на сцену должен вернуться Алексей Гладышев.

Итак, переходим к детективу, в котором будет немного любви и много мести. Как говорилось в одном кинофильме: «В общем, все умерли»...

Алекс снова позвонил Александре и предложил встретиться. Удивительно, но она безропотно согласилась...

Когда улыбающаяся девушка выпорхнула из подъезда, Леонов, он же Гладышев, приложился к ее пальчикам, не удосужившись склониться в три погибели – хотел видеть её лицо, чтобы убедиться, что рада этой встрече, а не «Ваньку валяет», как ее кавалер.

Кавалер считал себя гениальным артистом, чего не скажешь о Сашке, поэтому мог с легкостью уловить натянутость в купе с брезгливостью, которую она попытается

превратить в робость и приглушенную страсть. Так они и замерли у подъезда в нелепых позах.

Алекс подумал о дешевом спектакле в затрапезном театре. Но что-то менять не собирался. Пусть думает, что он неискренен. Попытается его охмурить, потеряет над собой контроль, и тогда...

Пока рано! Ленов хочет насладиться своей игрой. Да, он скрывает истинные чувства к Саше за наигранностью, и это ему нравится. Он обманывает сам себя. Запутывает сам себя: где он настоящий, а где выдуманный?

Он великолепно вел свою партию.

Прижал ее ладонь к своей пылающей щеке и от восторга прикрыл глаза. Ему на самом деле хорошо, или он себе внушил? Ему на самом деле хочется схватить ее на руки и идти, идти, забыв обо всем на свете? Ему на самом деле хочется касаться губами ее волос, ямочек на щеках, милого ушка, ложбинке на шее? Или хочется схватить ее за шею и сжимать, сжимать пальцы до тех пор, пока тело не станет ватным? Как тело Анны Яворской. Получит ли он удовлетворение, как тогда, в старом лифте?

У Леонова ответов не было.

Но ему очень хотелось нести, касаться...

Они медленно прогуливались по парку, а он боролся с диким желанием. Он изнемогал от желания хотя бы коснуться ее. Вдруг в уме всплыли стихи, написанные много-много лет назад. Алексу показалось, что они заполнили все полушария мозга и вытеснили все мысли. Они гудели в голове, как улей, и просились наружу. Он попытался отделаться от любовной и нелюбовной лирики, задал несущественный вопрос, получил короткий ответ, который не заглушил желания процитировать вслух юношеские заблуждения.

Саша молчала. Сегодня она была непривычно молчаливой. В их первую встречу раздражала его своей неумной болтовней. Почему сегодня отвечает односложно?

Может, она его подозревает? С чего бы вдруг? Неужели он не может в нее влюбиться? Надо ее убедить. Но не показным прижатием ладони к своей щеке. Для начала надо рассказать о своем горе. Расположить ее к себе. Глядишь, язык и «развяжется».

Коротко рассказав о смерти деда, который на самом деле покинул грешную землю не в сентябре нынешнего года, а несколько лет назад. Он так надеялся, что она всплакнет на его могучем плече, поделится сомнениями: Алекс не знал, переходить ему к следующей части пьесы или подождать? Есть у него еще время, или его уже нет? Хотел узнать, как чувствует себя Жанна? Готова ли она к следующему испытанию, раз первое испытание преодолела с наименьшими потерями. Как любой «режиссер» он волновался за «труппу», хотел, чтобы все действующие лица выглядели здоровыми и с увлечением окунулись в перипетии развития событий. Леонов не торопил время. Теперь он не хотел избавиться от Жанны одним ударом, напротив, стремился продолжить игру пока без трагедийного конца. Конец наступит позже. Главное – не перейти грань, за которой начинается смерть. Это как испытание в воде: сунул голову человека в бочку с водой и ждешь, когда он достигнет черты жизнь–смерть. Он приближается к ней, ты должен прочувствовать момент приближения, выдернуть его из бочки, дать вдохнуть воздух, наполнить легкие кислородом и снова...

Пока ты играешь с жертвой, нужно наслаждаться игрой и не приближать момент развязки до тех пор, пока тебе это не надоест...

Сегодня был не день Леонова. Он не сумел совладать с «пчелиным ульем» и выпустил его наружу. Наверное, виновата сама девушка, самовольно перешедшая из одного ампула, выбранного для нее режиссером, в другое. Алекс не знал, чем заполнить паузу, открыл рот... И поехала, покатило...

Он удивлялся, что стихи четкими рядами выстроились в его голове. Он не жаловался на память: как актер, он должен легко запоминать большой объем текста. Тренировал себя долго и успешно. Избавлялся от ненужного хлама, убедившись в его ненужности. Эти

сложные замысловатые стихи были хламом. Оказалось, сохранились в подсознании. И он не сожалел. Порадовался всплеску и уже не мог остановиться, забыв следя за реакцией Александры.

Чтец говорил и говорил, пока слушательница не стала нервно постукивать каблуками. Он недовольно покосился на ее ноги, вина их в срыве декламации. Затем робко поинтересовался ее мнением, а она не нашла ничего лучше, как улизнуть в туалет.

Какая проза жизни! Как можно!

В душе поселилась пустота. Пропали все желания. Не хотелось играть, мстить, ненавидеть, любить. Хотя...

Когда Алекс общался с Дарьей Четкиной, то издали увидел ее мать – привлекательную женщину в расцвете лет, которая передвигалась на личном автомобиле. Эту дурочку окрутить ничего не стоит, – подумал он, несмотря на «увлечение» её дочерью.

Теперь он вспомнил о матери Дарьи. Не знал, что им двигает – примитивный инстинкт самца или месть Дарье, грубо отвергнувшей его.

Алексу всегда везло на женщин старшего возраста. Отношения с ними складывались легко, протекали эмоционально, заканчивались без особых проблем.

Он мысленно называл таких дамочек мамочками. Они умели любить, не требовали постоянных ответных заверений. Они мечтали об опытном любовнике, Алекс отлично претворял в жизнь их мечты. Не забывал дарить милые безделушки, выслушивал жалобы о нелегкой женской доле, сочувствовал, жалел, создавал праздник.

Когда любовница ему надоедала, отношения тяготили, он уходил без объяснений. Исчезал в один день. Естественно, мелодрама превращалась для брошенной любовницы в драму, но Леонова это не трогало. Для него это был конец отношениям, о которых он не вспоминал.

Алекс в новом образе тридцатипятилетнего мужчины по имени Леонид заранее подготовился к «случайному» знакомству. Проводил Людмилу до коттеджного поселка, проделал дырочку в колесе ее авто и стал ждать. Имя выбрал не случайно – оно являлось однокоренным словом фамилии. На этот раз решил ограничиться одним именем. Влюбленные дамы не отличаются дотошливостью – «был бы милый рядом».

Подготовка к завоеванию сердца дамы прошло как по нотам, вернее по сценарию. Испуг Четкиной сменился сначала расположением, затем сочувствием, а там и страстная любовь подоспела.

Ему нравились такие женщины, как Людмила Четкина: спокойные с виду, но горячие и ненасытные в постели, о чем они до этого не подозревали. Алекс чувствовал себя природным катаклизмом, разбудившим спящий доселе вулкан.

Страстная любовь со стороны Людмилы сменилась затворничеством и самобичеванием. Леонид донимал женщину телефонными звонками, но она мямлила что-то невразумительное, от всех предложений, включая предложение руки и сердца, мягко отказывалась.

Леонов не любил добиваться расположения женщины любыми средствами, если не был заинтересован в ней по каким-то своим соображениям. Поэтому решил отступить, но на время. Как чувствовал, что Людмила ему еще пригодится. А пока она сыграла свою роль: Алекс хотел отомстить «девочке с пальчик», он ей отомстил. Раздор в дружную семью Четкиных внес. Дарья не спускала с матери глаз, везде таскалась за ней. Ее озабоченная физиономия веселила Алекса.

Общение с Людмилой вправило Леонову мозги, вернуло в нужное русло. Пришло время переключиться на привычный детектив...

Всё сложилось великолепно. Он позвонил своей троюродной сестрице, она безразличным тоном сообщила, что защитила кандидатскую диссертацию. Недовольство

Алекс принял на свой счет, затем понял, что своим звонком он мешает сборам в дорогу. Дорогая Жанна отбывает на лечение в Кисловодск вместе с подругой. И никак не ожидал, что подругой окажется его любовница Людмила Чечеткина...

Встреча на площадке у памятника Лермонтову была спланирована заранее. Алекс сразу сориентировался: всех людей, как магнитом, тянет на это место. Их привлекал каменный поэт, рядом с которым можно было постоять, помечтать, полюбоваться двуглавым Эльбрусом.

Леонов был не исключением, на короткое время потерял контроль над собой, отключился от действительности. Но это сыграло на его стороне: когда Людмила появилась на площадке в обществе Жанны Козловской, одинокий мечтатель от неожиданности вздрогнул и искренне удивился.

Людмила представила ему подругу, он кивнул и переключился на любовную игру. До тех пор, пока на сцене не появился человек без комплексов, не сообразивший, что способен кому-то помешать. Он громко поздоровался с незнакомыми людьми, словно находился не в городе, а в своей деревне, где здороваться с каждым встречным было обычным делом, и сбил Алекса с мысли. Тут еще Жанна маячит перед глазами. Алекс не может сосредоточиться на разговоре с любовницей, путается, перескакивает с одного на другое. Сам не знает, чего добивается от Людмилы. И зачем она ему, когда его жертва так близко...

В ресторане Леонов понял, что устал и хочет скорее перейти к кульминации.

Все шло хорошо, просто отлично: и встреча на утро была назначена, и Жанна согласилась прийти одна, заинтересовавшись пространными намеками. Одно плохо - новый знакомый по имени Виктор испортил настроение перед финальной сценой...

Почему он поинтересовался отчеством Козловской? Спросил и настороженно замер в ожидании, а Леонов расслабился и брякнул: Александровна!

Виктор мгновенно повеселел. Алекс не догадался, какую оплошность он совершил. И была ли оплошность. Виктор спросил, Алекс ответил. Но почему на душе «кошки скребут»?

Или чувства так обострены, что он видит то, чего нет?..

Леонов гнал свой автомобиль и бубнил себе под нос: «Минус два. Остался всего один человек, и наследство будет моё, только моё! Как я вас всех ненавижу!»

Алекс давил педаль газа до упора. Ему хотелось оторваться от земли и парить в небе на своем скоростном автомобиле.

До чего же все удачно складывается! Все идет так, как он хотел. Как он рассчитал. Он был доволен последней сценой. И декорации, и игра актеров было великолепны...

Преодолев достаточное расстояние от Кисловодска, ему померещилось во встречной машине знакомое лицо. И не просто знакомое, а лицо его злейшего врага Александры Альшевой. Он начинает ею бредить. Или это была она?

Он не боялся, что подозрение в убийстве Жанны падет на Леонида. Он правильно все рассчитал: убийца исчез вместе со своей жертвой.

Кто такой Леонид? – задался он вопросом и сам ответил, - бывший любовник Чечеткиной? Что она может рассказать о нем? Ничего. Или почти ничего. Адреса его не знает, фамилии тоже, только марку автомобиля и номер. Но «жигулей» двенадцатой модели цвета бутылочной зелени пруд пруди, а номер... - Алекс порадовался своей сообразительности. Он крепил на машину липовые номера перед каждой встречей с Людмилой. - Но лучше от автомобиля поскорее избавиться.

Леонид испарился, как до этого испарился Александр Лунев.

На сцену выходит главный отрицательный герой, он же режиссер, Алексей Гладышев. Скоро не будет и Гладышева...

Я не изменила своего решения. Разбудила ни свет, ни заря Илью, совершенно позабыв, что сегодня суббота, а он любит в выходной выспаться. Потом позвонила Дашке и предложила прокатиться в Кисловодск. Та сначала не сообразила, так как приложилась к любимой подушке всего час назад, я повторила предложение несколько раз, до нее, наконец, дошло, и она прохрипела:

- Я возьму с собой Заура.

- Можно подумать, у кого-то возникли сомнения по этому поводу, - усмехнулась я и приказала быть готовой через полчаса.

- Ты с ума сошла! – возмутилась Дарья уже более бодрым голосом.

Я не стала терять время на пререкания и отключилась. На сборы ушло полтора часа, но главное мы двинулись в путь. Я и Дашка радовались, как маленькие девочки: мы ехали к нашим мамочкам, за которыми успели соскучиться. Я забыла о ночных слезах и обиде, радостно взирала на просыпающийся за окном автомобиля пейзаж и с благодарностью поглядывала на Кожевникова...

В квартире мы застали одну Людмилу Константиновну. Она странно посмотрела на нас, будто не узнавала. Дарья чмокнула мать в щеку, та «проснулась» и сказала, обращаясь ко мне одной, словно больше никого не было:

- Сашенька, твоя мама... она...

- Что-о-о? - протянула я. Мне показалось, что я тяну и тяну, не желая слушать ответ. Казалось, говорю шепотом, оказалось, что кричу, как сумасшедшая. – Ноги подкосились, и я брякнулась на стул, благо он оказался рядом. Запоздало подоспел Илья. Встал за моей спиной, положив руки мне на плечи – якобы контролировал.

- Жанна в больнице, - выдохнула Людмила.

- Она... жива?

- Сашка, раз она в больнице, значит, жива! – встряхнула меня Дарья, отгородив от своей матери.

- Поехали в больницу! – приказал Илюша.

Мы выскочили из квартиры, пулей слетели по лестнице и натолкнулись на Виктора Лобова. Он оценил мой испуганный вид, потом переключился на нашу взъерошенную компанию, включая старшую Четкинину, и спокойным тоном произнес.

- Не зря, Людмила Константиновна, я просил вас не отлучаться из дома. Я был уверен, что эта девица, - он кивнул в мою сторону, - уже днем будет в Кисловодске.

- Что с мамой? – Я прожгла взглядом математика, вина его во всех несчастьях.

- Я же говорил, что у меня дар предчувствия событий! – радостно доложил он нам. Пока мы этой радости не разделяли и с хмурым непониманием косились на Виктора. – Сейчас мы вернемся в квартиру, и я вам все расскажу.

- Я не сдвину с места, пока ты мне не скажешь, что с мамой?! – Я не заметила, как перешла на «ты».

- Не волнуйся, с ней все нормально! – Вздох облегчения прокатился по нашей группе, будто волна отхлынула от берега. – Она немного... поцарапалась, и руку снова загипсовали, но это ерунда... Мы к ней чуть позже поедem.

Мы двинулись гуськом обратно...

Лобов провел ночь без сновидений. Будильник на мобильнике просигналил в шесть утра. Виктор быстро собрался и пошел к дому Четкиной...

Около восьми из подъезда выпорхнула Жанна и двинулась в неизвестном для преследователя направлении. Преследователь двигался за ней на почтительном расстоянии, совсем не удивился, когда увидел человека, к которому она спешила. Дальнейшая слежка стала сущим наказанием для Виктора. Прохожих по дорожкам-маршрутам почти не наблюдалось, крадущаяся высокая фигура мужчины могла

привлечь внимание, поэтому Лобову пришлось отпустить парочку метров на пятьдесят. А когда они решили прогуляться по аллее роз, то и на все сто.

Виктор не нашел ничего лучше, как совершать короткие перебежки от одной стройной туи к другой. Со стороны это выглядело комично, успокаивало одно – его никто не видит. По крайней мере, он надеялся на это.

Когда Жанна и Леонид остановились на краю обрыва, у наблюдателя не возникло желание появиться рядом и попытаться защитить женщину. Ее лица он не видел, а профиль улыбающегося мужчины, а затем объятия, доказывали, что это обычный флирт. Лобов потерял бдительность, оглянулся на красивую птицу, пристроившуюся на сосне, и упустил самое главное.

Вернувшись к слежке за парочкой, он был очень удивлен и ошарашен: ни Жанны, ни Леонида на месте не было. Виктор повертел головой, выбрался из укрытия, пробежался по аллее, не боясь быть обнаруженным, и уже хотел идти назад, но в последний момент решил пойти на то место, где в последний раз видел мужчину и женщину.

Лобов старательно исследовал место у обрыва. Он не боялся высоты, но чувствовал себя неуютно у самого края. Исследование ни к чему не привело. Виктор хотел перенести поиски пропавшей пары в другое место, надеясь, что они заметили третьего лишнего и уединились в густом лесу, пока он отвлекся.

Вдруг он услышал странный шуршащий звук, похожий на скольжение небольшого размера камней по отвесной скале. Сначала подумал, что сам явился причиной камнепада, отступил от края обрыва и прислушался. Камни продолжали шуршать по скале. Тогда Лобов приблизился к самому краю, вытянул шею и попытался заглянуть вниз.

- Кто здесь? – приглушенным голосом спросил он, не желая испугать человека, притаившегося на отвесной скале.

- Помогите, - донесся до него слабый женский голос, очень похожий на голос Жанны.

Виктор опустился на колени и повторил попытку. Теперь он увидел ее. Козловская стояла на небольшом выступе и держалась руками за торчащие из скалы сухие корни деревьев. Деревьев вблизи нет, а корни есть, - не к месту рассудил он, снимая ремень. Сделал из него петлю на руке, и опустил ремень вниз. Жанна, запрокинув голову, смотрела на болтающийся высоко мужской кожаный ремень. Длины явно не хватало.

- Я сейчас, я помогу вам выбраться, только вы держитесь, - обещал, уговаривал и успокаивал женщину Виктор. Он начал спуск по обрывистому склону. Для страховки применял всё, что попадалось в свободную руку. Когда Жанна дотянулась до ремня, он приказал ей держаться крепко и двинулся в обратный путь...

- Если бы у Жанны Александровны действовали обе руки, она смогла вылезти самостоятельно, - сказал Лобов в заключение своего рассказа о спасении.

- Получается, что ее столкнул Леонид? – спросила Дарья и недовольно покосилась на мать.

- Столкнул, - кивнул головой математик, - но как-то... бережно. Или нехотя. Не придал ей ускорение на старте, а мягко спихнул с обрыва. Если бы она полетела по дуге, то... приземлилась бы... на дне ущелья, - тщательно подбирая слова, сказал он, поглядывая в мою сторону.

- Витя, ты думаешь, он не хотел ее убивать, как в прошлый раз? - поинтересовалась я.- Рассчитывал, что она спасется, придет в себя, а он продолжит непонятную игру?

- На этот раз твоей матери необыкновенно повезло. Это чудо, что все так удачно вышло. Убийца без сомнения собирался расправиться с ней.

- Как это ужасно, когда по земле ходит человек, который пытается тебя убить. Спрашивается, зачем? – задыхнулась я от возмущения, опомнилась и сказала, - Вить, спасибо тебе за маму. Если бы не ты...

- Теперь нужно найти Леонида! – вмешалась Дашка, заметив мое запоздалое желание разрыдаться. Так всегда бывает – опасность миновала, я расслабляюсь и начинаю жалеть себя или своих близких.
- Скорее всего, он смотался из Кисловодска сразу после покушения, - предположил математик.
- Все повернулись к Людмиле Константиновне.
- Я не знаю ни его фамилии, ни адреса, по которому он проживает, - вздохнула она.
- Но что-то ты о нем должна знать! – взвилась ее дочь.
- Подожди, Даш, - остановила я подругу, - Виктор, ты уверен, что мотоциклист и Леонид – один и тот же человек?
- Я не думаю, что твою мать преследует компания убийц, выбравших ее в качестве своей жертвы.
- Я тоже так считаю, но не могу понять, зачем Леониду, человеку, которого я лично в глаза не видела, преследовать ее? Если бы мама его знала, то выдала себя. А вы с Людмилой Константиновной дружно утверждаете, что до вчерашней встречи у памятника Лермонтову мама и Леонид не были знакомы.
- Леонид мне кого-то напоминает, - пробормотал Лобов, «завел ту же шарманку», что в ночном телефонном разговоре со мной.
- Кого? – хором спросили мы с Четкиной: она - с воодушевлением, а я – безразлично, лишь бы поддержать разговор и не обижать Виктора.
- Не знаю... Но поворот головы, походка... мне знакомы.
- И отчество Жанны Александровна он знает, - напомнила осведомленная Дарья.
- На Гладышева он не похож, - на всякий случай заметила я, игнорируя подсказку подруги.
- Я наблюдал за Гладышевым издали, даже лица толком не разглядел.
- На какого Гладышева? – взбодрился Илья. – На того защитника, который вступился за Сашу?
- Да, - отмахнулась я, надеясь, что Кожевников не станет задавать вопросы. – Что интересно: Алексея видела одна я, ну, и Виктор... издали, Леонида видели все, кроме меня. – Я повернулась к математику. – Что сие значит?
- Ты думаешь, что это один и тот же человек? – ответил он вопросом на вопрос. Я недоуменно пожала плечами.
- Но Гладышев наш ровесник или чуть старше, а Леониду тридцать пять, - в очередной раз встряла Дарья, которая знала о существовании Гладышева с моих слов.
- Есть еще одна подозрительная личность, - сказал до сих пор молчавший Заур Зацуков. Обалдевшая компания, исключая потупившуюся Четкину, как по команде повернулась в его сторону. Он пристроился на маленьком детском табурете и беспокойно смотрел на окружающих своими влажными глазами.
- Что за личность? – первой пришла в себя я, опередив остальных.
- Лучше я расскажу, - предложила моя говорливая подруга.
- ...И какая связь между этими тремя мужчинами? – окончательно расстроилась я, выслушав обстоятельный рассказ подруги о ее знакомом Александре Лунева. Потом опомнилась. – Надо в полицию на Леонида заявить!
- Уже заявили, - успокоил меня Виктор. – Но Жанна считает, что все бесполезно. Повторится та же история, что и с мотоциклистом.
- Я поеду к маме! – опомнилась я и помчалась к выходу.
- Я с тобой, - подхватился Кожевников.
- И я, - присоединился к нам Виктор.

По дороге в больницу у меня в сумке затрезвонил мобильный телефон.

- Это... Гладышев, - еле слышно произнесла я, взглянув на высветившийся номер, будто требовательный абонент мог меня подслушать.
- Интересно, что ему нужно, - недовольным тоном высказался Илюша. Откуда взяться удовлетворению, если его нареченная общается с подозрительным субъектом, и, скорее всего, не только по телефону!
- Саша, ты ответь. Не волнуйся, возьми себя в руки! – приказал Лобов.
- Я слушаю, - протянула я в трубку томным голосом, и сама на себя удивилась. – Да, привет, Алексей... Нет, сегодня мы не можем встретиться... Потому что меня нет в городе... Где я? Я... - Пришлось обратиться с вопросом к Лобову. Прочла по его губам и заявила, - я в Кисловодске! Как, что делаю, навещаю маму... Как мама? – Снова взгляд на математика. Тот показал большой палец. – У нее все хорошо... Видела... Вернусь и мы встретимся, - пообещала я и отключилась. Илья недовольно покосился на меня, я сделала вид, будто не заметила.
- Как он отреагировал на твоё заявление, что с Жанной все в порядке? – спросил Лобов, от нетерпения ерзая на сидении.
- Помолчал, а потом поинтересовался, видела ли я ее. Остальное вы слышали...
- Он не был шокирован новостью?
- Мне так не показалось. Он хотел встретиться со мной.
- Когда вернемся домой, ты с ним обязательно встретишься, - загадочным тоном произнес Виктор.
- Я не буду упираться руками и ногами. Если так нужно...
- Нужно! А мы с Илюшей будем неподалеку...
- Последняя фраза очень понравилась Кожевникову...

Я уговорила лечащего врача выписать мать из больницы. Тот согласился, но с условием, что рука останется в гипсе не менее двух недель, так как второе смещение кости может привести к «пагубным последствиям».

Мы заехали на квартиру Чететкиной, собрали вещи мамы и отбыли домой, прихватив Лобова, оставив Дарью с Зауром. Те не расстроились.

По дороге домой я думала о Людмиле Константиновне. Мне было жаль ее. Дашка поведала мне о любовных похождениях своей матери. Я ее не винила, я не имею права ни винить, ни оправдывать. Каждый поступает так, как считает нужным. Если женщина ищет приключений на стороне, то виноват мужчина, с которым она живет в браке. Превратил жизнь любимой жены в рутину, без праздников и выходных, и не замечает этого. Жена стала добавкой к интерьеру: если ее нет дома, то как-то неуютно, есть – отлично. Зачем с мебелью разговаривать, интересоваться ее проблемами, прошедшим днем? У него своих проблем достаточно, еще не хватало забивать голову всякой ерундой. Все, связанное с женой, представляется ему надуманным и никчемным. Женщина чувствует себя ненужной. Вдруг на горизонте появляется мужчина, который заинтересовался ею: говорит комплименты, дарит цветы. Она слушает его и поначалу не реагирует на непривычное мужское внимание. Вспоминает молодость, замужество, свадьбу, вспоминает, как они с Петей, Васей, Колей любили друг друга, как понимали друг друга без слов. И куда все ушло? Почему все ушло? В чем или в ком причина? Конечно, столько лет минуло, чувства потеряли остроту. А сколько? Уже двадцать... двадцать пять... Неужели? А она и не заметила, как молодость ускользнула, прихватив былую любовь. Старость не пугает, пугает одиночество вдвоем... Как дела? – спрашивает она вернувшегося с работы Петю, Васю, Колю. - Нормально, - отмахивается тот. И все... Она подходит к зеркалу, разглядывает свое отражение: конечно, не юная девочка, но еще вполне...

И это подтверждает красавец мужчина с букетом в руках. Раз, два, три... до тех пор, пока она не превращается из мебели в женщину. Привлекательную и любимую. Она устала

отдавать свою любовь и ничего не получать взамен, даже элементарного дежурного поцелуя. Она возвращается в молодость. А в молодости люди частенько не задумываются о последствиях, совершают ошибки...

Сегодня Людмила Константиновна больше молчала и старалась стать невидимкой. Она казнила себя за то, что стала мостиком между Жанной и Леонидом. И всё чуть не закончилось трагедией...

Я отчетливо поняла, что сегодня могла потерять маму. Как недавно потеряла бабушку. Я прильнула к маме, она чмокнула меня в макушку и погладила по руке.

- Не волнуйся, моя дорогая, моя любимая девочка, все уже позади.

Я не стала ее переубеждать. И не думаю, что она была согласна с озвученной ею фразой, которая была предназначена мне.

Моя мама была женщиной умной, тем более, ведьмой в третьем поколении, поэтому отлично понимала, что Леонид, или как там его зовут на самом деле, не отвяжется от нее. За двумя покушениями последует третье, если его не остановить. Мы обе это понимали, но делали вид, что все закончилось. Теперь наша жизнь станет безоблачной и счастливой. Наше поведение напоминало жизнь студента во время сессии: сдал первый экзамен и облегченно вздохнул, словно все уже позади. Ан нет, долби науку далее...

Я тоже решила долбить свои мозги до тех пор, пока они мне не дадут подсказку. Допустим, безбашенный байкер и любовник Людмилы – одно и то же лицо. Четкин старшая заверила нас, что не говорила ему о поездке в Кисловодск. При встрече он объяснил свое появление собственными умозаключениями. Мол, знал, что к этому городу–курорту Людмила испытывает особую привязанность... Возникает резонный вопрос: От кого мужчина икс получил сведения? За последний период времени в нашем окружении появились трое мужчин: Гладышев, Лунев и Леонид. Лунев отпадает, Дашка прервала общение с ним. Словам Людмилы Константиновны я склонна верить. Остается Гладышев... Я сама ему сболтнула, что мама собирается на курорт. Следовательно, он передал информацию Леониду и тот... Из этого следует, что любовник Четкиной на самом деле наемный убийца? Нет, на киллера он не похож, действует не теми методами. Я сама недавно излагала свои мысли по этому поводу Лобову. Он меня поддержал. И еще заверил, что жизнь моей мамы вне опасности. «Убийца не устал от игры», - сказал тогда Виктор. Тоже мне, успокоил. Где та грань, за которой ему наскучит игра? Хорошо, что Лобов последовал за женщинами в Кисловодск и оказался в нужном месте в нужное время... Так почему Леонид решил закончить игру? Устал? Надоело? Решил перейти на другой уровень? А кто там, на другом уровне?.. Если допустить, что смерть бабушки была неслучайной, а двойное покушение на маму, вообще, не оставляет сомнений, что кто-то целенаправленно пытается ее отправить на тот свет, то вероятнее всего следующей жертвой буду я.

В памяти всплыло высказывание Жанны в тот день, когда я нашла записку деда: «Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось». Почему она так сказала? Предчувствовала, какие неприятности обрушатся на нас, если я начну копать глубже? Кому-то может это не понравиться? Неужели мама меня обманула? Она что-то знала о прошлом своего отца, и это что-то должно было храниться под семью печатями. Все-таки, она - ведьма, которая чувствует опасность, или человек, умеющий хранить чужие тайны? Вдруг отец признался дочери об истинном происхождении. Именно, ей, любимому ребенку, а не сыну и жене...

Я покосилась на Жанну, она заметила мой интерес, сверкнула своими злато–кариими глазами и ободрающе кивнула.

- Мам, а Леонид привлекательный мужчина? – вырвалось у меня, хотя, еще минуту назад хотела задать совсем другой вопрос.

- Мачо, - одним словом охарактеризовала она любовника Четкиной без особых раздумий.

- Самец, - протянула я, вспомнив перевод слова с испанского. – Почему ты сделала такой вывод? Он агрессивный, грубый, как... - Я покосилась на присутствующих мужчин, расположившихся впереди, - как животное мужского пола?
- Наоборот, он сексуальный, напористый, физически сильный.
- А в чем проявляется напористость мачо?
- Он настойчиво идет к цели, и легко добывается желаемого. Причем любыми средствами. Его поведение не раздражает окружающих, они прощают ему все, как любимому чаду.
- Ты имеешь в виду окружающих его женщин?
- Конечно, но в среде таких же особей он ведет себя иначе. Там конкуренция, постоянная борьба за лидерство. У таких мужчин, как Леонид, нет друзей. Ему неинтересно в обществе мужчин, неинтересны их разговоры. Он любит быть в центре внимания, а в мужском обществе ему в этом отказано.
- Какую он преследовал цель, когда начал ухаживать за Людмилой Константиновной?
- Если тебя интересует, мог ли он влюбиться в Люду, то я могу с уверенностью заявить, что нет. – Она произнесла последнюю фразу достаточно громко, словно призывала Лобова подключиться к дискуссии. Мне тоже было интересно его мнение, но он сделал вид, что не расслышал. А может наоборот, слышал и обиделся на особей? Мама догадалась, что он не присоединится к нашей беседе и продолжила. – Я не считаю Людмилу дурнушкой, просто такие мужчины, как Леонид не влюбляются в таких женщин, как Чечеткина. Они встречаются с ними с определенной целью.
- Если он, как уверяет Дашка, искал выход на ее отца, то путь выбрал неправильный: надо было приударить не за женой, а за дочерью.
- Так, так, так, - задумчиво произнес Виктор.
- Мыслительный процесс пошел! – обрадовалась я его «возвращению».
- Он повернулся к нам и недовольно зыркнул в мою сторону, словно я помешала движению мысли в нужном направлении.
- Кто видел Александра Лунева, кроме Дарьи? – спросил Лобов голосом экзаменатора.
- Мне захотелось, как нерадивой ученице, не выучившей урок, стать невидимкой, потом я сообразила, что знаю ответ, и звонким голосом доложила.
- Заур! Но Лунев не догадывался о следственном эксперименте, проводимом им совместно с Чечеткиной у памятника Пушкину!
- Вот! - Он ткнул в меня указательным пальцем. Я проследила за направлением, обозрела свою грудь, ничего интересного не нашла и с недоумением уставилась на оратора. Виктор убрал указующий перст, и объяснил, - снова повторяется знакомство тет-а-тет, как в случае с тобой. Леонида сначала видела одна Людмила, Лунев – одна Даша, Гладышева – только Саша. И я немножко. – Он перевел взгляд на мою мать. - А Жанна, вообще бы, никого не увидела, если бы не обстоятельства. Получается, что только одного человека - Леонида - видели трое: кроме Чечеткиной, с которой он познакомился до поездки в Кисловодск, еще я и Жанна Александровна.
- Он не предполагал, что Люда поедет вместе со мной. Леонид приехал в Кисловодск с одной целью – избавиться от меня, - здраво предположила Жанна. – На курорте он случайно встретил любовницу вместе с объектом его «интереса» и ему пришлось раскрыться.
- Пораскинув мозгами, он понимает, что в этом есть свои плюсы, - продолжил Лобов, - теперь он может всюду следовать за женщинами, прикрываясь любовью к Людмиле. Он намекает Жанне, что располагает сведениями о дочери, та, как любая мать, пугается и соглашается на встречу.
- Без свидетелей, - подсказывает мама.
- Я знал, что мы имеем дело с сильным и умным соперником, но все равно недооценил его, - сокрушенно покачал головой Виктор. – Рассчитывал на то, что у нас есть время.

- Вы спасли меня, - напомнила Жанна. Я положила голову ей на плечо и облегченно вздохнула.
- Мы не расскажем папе, что с тобой произошло.
- Скажу, что шла по тропинке, зацепилась за корягу, упала и снова повредила руку, - придумала на ходу мать.
- Ты, оказывается, прирожденная врушка, - усмехнулась я.
- Нет, просто иногда я не все рассказываю, - заявила она.
- Мы с Виктором переглянулись.
- Если вы что-то скрыли от нас, то зря. И непонятно, в чем причина этой скрытности, - спотыкаясь на каждом слове, пробормотал Лобов, будто рассуждал вслух.
- Я волнуюсь за Сашу.
- Мы все за нее волнуемся, - оторвавшись от созерцания дороги, заявил Илья.
- Мам, ты меня пугаешь...
- Я должна все рассказать? – спросила она у математика, словно он был главным и решал, кому давать слово, а кому нет.
- Обязаны! – приказал «главный».
- Леонид и мотоциклист – один и тот же человек! – выпалила она и сжалась, будто ожидала наказания, как маленькая девочка, слопавшая втихаря банку варенья.
- Та-а-ак! – с угрозой в голосе протянул Виктор. – Что вы еще скрыли от нас?
- Леонид любит менять внешность! – И она рассказала про контактные линзы...
- Но он не может перевоплотиться до неузнаваемости! – без доли сомнения сказала я.
- Повисла пауза. Я была уверена, что каждый из нас размышляет над моим высказыванием...

Когда Илья предложил сделать остановку, все согласились. Жанна осталась наедине с Лобовым.

- Леонид грозился убить мою дочь, шепотом призналась она.
- Он... сам это сказал.
- А вы считаете, я все сочинила?
- Нет, но почему вы не рассказали раньше?
- Я не хотела пугать Сашу. Он сказал, у него есть веская причина... расправиться с нами. Он убил мою мать, два раза покушался на меня. Теперь он примется за Александру. Я боюсь за нее.
- Он не назвал... причину?
- Леонид пообещал раскрыть тайну моей дочери перед... перед... Я не могу! Я сойду с ума! - Жанна с трудом держала себя в руках.
- Они стояли возле автомобиля и издали наблюдали за мирно прогуливающейся парочкой.
- Мы вернемся в город, пойдем в полицию и напишем заявление! - успокоил ее математик.
- Только Сашеньке ничего не рассказывайте...

В понедельник я взяла с матери «подписку о невыходе из квартиры» и отправилась на работу. Сегодня у меня была лекция на втором курсе. Не сделала и пары шагов от дома, как мне позвонила мам.

- Будь осторожна, - попросила она меня в сотый раз за сегодняшнее утро.
- Буду!

Накануне вечером я разговаривала по телефону с Виктором Лобовым.

- Что и следовало доказать, - невесело начал он без вступления. Сначала я не сообразила, о чем идет речь, но математик не стал выдерживать многозначительную паузу и пояснил,

- номер, который запомнила Чечеткина, принадлежит автомобилю марки «Ниссан», владелец некто Геворкян Эдуард Ашотович. Я не поленился, поехал к нему, рассказал выдуманную историю. Будто бы мою сестру на пешеходном переходе зацепил автомобиль. Она запомнила номер... Я назвал номер его авто. Он похлопал меня по плечу: «Слушай, дорогой, моя машина стоит в гараже уже год! Дал брату покататься, а он в столб въехал, весь передок всямку. Отремонтировать все руки не доходят. Мне легче новый автомобиль купить. Пойдем в гараж, сам увидишь, что со старой машиной стало!» Мы потопали в гаражный кооператив. Он находится неподалеку от его дома. Эдуард открыл ворота, показал мне разбитый «Ниссан», а я вижу, номеров-то нет! Спрашиваю у хозяина: «Где номера?» Он походил вокруг автомобиля, похал и говорит: «Нэ знаю!»
- Про Леонида спросил? – поинтересовалась я, внимательно выслушав историю Виктора.
- Естественно, - возмущенно произнес он. – У Эдуарда Ашотовича таких приятелей нет!
- Учитывая умение Леонида перевоплощаться, немудрено, что он никого не узнал по твоему описанию...

Лобов позвонил Жанне Александровне и доложил.

- Я проводил Сашу до университета и сдал пост Илье!
- Спасибо, Витя, - поблагодарила обеспокоенная мать.

Накануне они ходили в полицию и написали заявление. Заявление приняли, причем без особой радости, даже не заверили, что «приложит все силы, чтобы найти преступника». Жанна и Виктор поняли, что надежды на родную полицию мало.

- Не стоило сюда приходить, - высказала сожаление Козловская, когда они покинули здание. Лобов и сам понял, что они лишь потратили время.
- Дайте обещание, что не будете покидать квартиру без сопровождения, - попросил Виктор.
- Зуб даю, - невесело усмехнулась женщина. – Меня больше беспокоит Саша.
- Не волнуйтесь, за ней мы будем вести гласное и негласное наблюдение по очереди с Кожевниковым...

Илья «принял пост» у Виктора, пристроился неподалеку от здания университета. Ожидание должно продлиться около двух часов – одна лекция, короткий перерыв плюс перемещения туда-сюда. После чего Илья «случайно» столкнется с Сашей и предложит проводить ее домой. Пусть она не поверит в случайность, начнет выказывать недовольство, Илья будет терпелив и настойчив. На него была возложена гласное наблюдение за объектом, он будет ходить за Сашкой хвостом, сносить ее эмоциональные всплески и получать удовольствие от ее общества.

Из здания показалась знакомая парочка - Дарья и Заур. Они были одни в целом мире: никого и ничего не замечали, смотрели только друг на друга. Кожевников не знал, как поступить: окликнуть их или остаться незамеченным. Но Зацуков, видимо, тоже находился «на службе по охране своей девушки», он окинул беглым взглядом пространство перед университетом, заметил Илью и потянул Дашу за руку.

- О, привет, - поздоровалась она, слишком поздно заметив приятеля Саши. – Козловскую поджидаешь? Есть новости?
- Все живы и более-менее здоровы, - вяло отозвался Кожевников.
- Как Жанна Александровна?
- За Сашу переживает.
- Думаешь, ей грозит опасность?
- Не будем об этом, - уклонился он от прямого ответа и, в свою очередь, спросил у Дарьи,
- Лунев не появлялся?
- Нет.
- Твоя мать осталась в Кисловодске?
- Да, мы решили, что так будет лучше.

- Илья, если понадобится моя помощь, то я готов, - подобрался Заур.
- Спасибо, может, и понадобится, - сказал Кожевников и посмотрел на наручные часы. – Что-то Саша задерживается...

После лекции я опередила замешкавшихся студентов и первой покинула аудиторию. Мой взгляд уперся в высокую фигуру мужчину, принявшего позу эсесовца: заложенные за спину руки, ноги на ширине плеч, вздернутый вверх подбородок и стальные непроницаемые глаза, устремленные в одну точку – на меня, вернее на дверь аудитории, из которой выпорхнула я. Это был Гладышев собственной персоной. Он, скорее всего, предался размышлениям или не ожидал, что я появлюсь первой, но в любом случае, он пропустил тот момент, когда лицо эсесовца должно превратиться в обеспокоенное лицо влюбленного мужчины, с нетерпением ожидающего свою девушку. При виде меня он изменил позу, словно получил команду «вольно», уста тронула «приветливая» улыбка крокодила, а сталь в глазах начала медленно плавиться, но совершить моментальную плавку не получилось.

Ледяное сердце не позволяет, - подумала я и тоже растянула губы в некое подобии улыбки, хотя, делать радостную мину от встречи с этим человеком, у меня не было желания.

Алексей расцепил руки и протянул их ко мне, будто ожидал, что я сию минуту брошусь в его объятия. Я не сдвинулась с места, тогда бывший эсесовец сделал шаг навстречу, схватил мою руку обеими руками и с чувством произнес.

- Здравствуй, Сашенька!

В моей голове вдруг зазвучали строки Пушкина: «Вечор, ты помнишь, вьюга злилась, на мутном небе мгла носилась»... Не знаю, что на меня нашло? Чем были навеяны эти строки? Наверное, холодом, идущим от Гладышева - не человека, а огромного куска льда. В теплом помещении мне стало зябко, я передернула плечами, постаралась расслабиться, но безуспешно. Меня слегка зазнобило, не так от холода, как от разгулявшейся нервной системы. Не скажу, что я боялась Алексея, скорее бесилась от невозможности выразить словами свое отношение к этому субъекту, который решил, что обвел всех вокруг пальца. Прямых доказательств у меня не было, что чутье подсказывало, что это именно Гладышев выступал в нескольких ролях. Фантастика? Нормальный человек на подобные выходки неспособен, а ненормальный в нужный ему момент способен перевоплотиться и гениально исполнить свою роль. Человек, терзающий мою руку якобы от страсти, был ненормальным. Не скажу, что сумасшедшим, но человеком с какой-то там манией, бесспорно. И мания появилась в далеком прошлом, когда он был ребенком. Остается узнать, за какие такие грехи должны страдать неповинные люди? Имею в виду всю нашу семью.

Я крепко стиснула зубы, дабы не брякнуть какую-нибудь гадость в его адрес или обличительное словцо, способное открыть мое истинное отношение к Алексею. Не думаю, что мой взгляд источал блаженство от его прикосновения или величайшую радость от встречи, но я старалась смягчить взгляд, мысленно щебетала: «еще не вечер, в запасе время есть у нас с тобой». Таким способом я призывала себя не трястись, не болтать лишнего. Вот придет время, тогда отыграюсь по полной программе.

Но надо было что-то говорить. Или прикинуться больной. Показать на горло и развести руками, мол, болею, голос потеряла. Тогда что я делала в аудитории? Веселила студентов мимикой и жестами?

- Рада тебя видеть, - проскрипела я, натужно пытаюсь изобразить счастье от встречи с таким мачо. Даже повертела головой для проверки зависти молоденьких студенток. Студенки, действительно, поглядывали на Алексея излишне откровенно. Не ограничились бы одними взглядами, если рядом не стояла серая мышь, она же преподаватель,

обладающий способностью отыгратья на экзамене. Покончив с изучением девичьего интереса, я спросила, - что тебя сюда привело?

- Саша, мне нужно с тобой серьезно поговорить, - деловито произнес он, расставшись с моей рукой. Почему-то отступил на шаг, будто желал убедиться, ту ли выбрал для серьезного разговора.

На предложение руки и сердца это вступление явно не похоже. Может, он решил, что я страдала от тоски в его отсутствие и желает объясниться? Зачем гадать? Вот возьму и спрошу! Не идти же за ним безмолвной коровой.

- О чем? – высокомерно изогнув брови, поинтересовалась я, цепко держась обеими руками за короткую ручку сумки-портфельчика. Не потому, что в сумочке была аккуратно сложена стопка кирпичей, просто появилось желание занять обе руки, чтобы неприятные типы вновь не пытались завладеть моими конечностями. Я еще с детства не выносила, когда меня хватили за пухлые ручки и сюсюкали: «Ой, какая славная девчушка, ой какие ручечки». Маме приходилось незамедлительно возвращаться домой и тщательно мыть мои руки.

Предавшись воспоминаниям, я пропустила тот момент, когда должен последовать ответ. Кажется, мой собеседник промолчал. И я не нашла ничего лучше, как повторить вопрос, прибавив звук – для особо бестолковых и глухих.

- О чем ты хочешь со мной поговорить?

Он очнулся и коротко ответил.

- О Леониде!

Будь осторожна! - предупредил меня внутренний голос, одновременно он разбудил дремавшую ведьму в четвертом поколении, ведьма подобралась, приготовившись подсказывать.

- Кто это? – невозмутимо поинтересовалась я, прислушавшись к подсказке.

- А ты разве ничего о нем не слышала? – недоверчиво протянул Гладышев, а я отрицательно покачала головой. – Леонид - мой брат. Это он... покушался на твою мать. – Он ожидал моих возмущений поступком брата. Но ведьма приказала мне пока помолчать и дослушать оратора. – Саша, мы не можем обсуждать здесь такие серьезные проблемы!

- Я не могу сейчас уйти! - прозвучавшая фраза удивила не только Гладышева, но и меня. Ведьма соображала гораздо быстрее. – У меня заседание кафедры, - повторила я за ней.

- Когда ты освободишься?

- Минут через тридцать, - шепнула она мне на ушко, а я произнесла внятно и громко.

- Я подожду.

Я кивнула и исчезла в кабинете, расположенном неподалеку.

Сначала подошла к окну, оценила высоту второго этажа. Преподаватели экономической кафедры не обращали на меня внимания, занимались своими делами: одни болтали, другие пили чай, третьи изучали расписание своих лекций. Рассказывать о своих проблемах я не собиралась. Не думаю, что мой бред кто-то примет всерьез. Решат, что молоденькая преподавательница хочет избавиться от надоедливого кавалера. Лично я так бы и подумала. Чтобы получить защиту, надо бы влететь на всех парах на кафедру и заорать: «Спасите, помогите!»... Безумие, и только.

Опять вспомнилось отсутствие доказательств вины Алексея Гладышева и его якобы брата Леонида. В связи с чем, вовлекать в эту историю посторонних было преждевременно.

Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Это я к тому, что надо самостоятельно выкручиваться. Я приложилась лбом к холодному стеклу, прикидывая в уме, сколько метров от окна до земли. Точно не скажу, но бегство на простынях отменяется: во-первых, боюсь высоты; во-вторых, не думаю, что на кафедре найдутся

простыни; в-третьих, не хочу лишаться работы – мои альпинистские навыки здесь точно не оценят.

Спасение утопающих – не дело рук самих утопающих. Можно прибегнуть к посторонней помощи.

Я решительно достала мобильник, который отключила перед лекцией, вернула ему работоспособность и позвонила Лобову. Он выслушал меня и отдал короткий приказ:

- Сиди на кафедре и не рыпайся!

Надо же, он такие слова знает!

Я не успела ничего ответить, как он отключился. Пришлось пристроиться на стуле, в непосредственной близости от окна, и ждать. Недолго, так как буквально через пять минут в кабинет просунулась голова Кожевникова. Он призывно дернул головой. Я приблизилась, не переходя границ кабинета, руководствуясь приказом математика.

- А ты что здесь делаешь? – без особой радости спросила я, словно Илья в роли защитника меня не устраивал.

- Шел мимо, вспомнил, что у тебя закончились занятия, подождал, ты не выходишь, тогда я зашел проверить.

- А там, - я кивнула за его спину, - никого нет? – Кожевников сделал полуоборот, предоставив мне возможность убедиться, что в коридор пуст. – Ни – ко – го, - протянула я, не зная, радоваться или расстраиваться. Может, сегодня все бы разрешилось, не появился Илья.

- Так что, мы идем? Или у тебя еще есть дела?

- Идем, идем, - заторопилась я.

На входе мы столкнулись с запыхавшимся Лобовым. Он тоже «случайно» проходил мимо. Скорее, совершал дневные пробежки. Под конвоем двух мужчин я проследовала до своего дома...

Дома меня ждали целых два сюрприза. К нам в гости приехала Раиса, сестра моего деда, которую мы с мамой всегда называли по имени. Это первый сюрприз, приятный. Второй сюрприз должен появиться чуть позже. Мама рассказала, что днем позвонил мужчина, представился нотариусом Кессельманом и обещал прибыть в семнадцать часов вечера. Не знаю, приятный это сюрприз или нет.

Я не прислушивалась к разговорам Жанны и Раи, моя голова работала на полную катушку: я придумывала причины, заставившие нотариуса по фамилии Кессельман нанести нам визит. Промаявшись час, я пришла к выводу, что Нина Степановна в тайне хранила семейные реликвии и решила их передать по наследству нам с мамой с пафосом, соблюдая все положенные при этой процедуре почести. Преподнести своим девочкам, как она любила нас называть, сюрприз после смерти при помощи официального лица. Нина всегда любила делать подарки, она была добрым и бескорыстным человеком, но хранить тайны – это не ее черта характера.

Я мучилась от неизвестности, бродила по квартире, как привидение, изредка вставляя в диалог мамы и Раисы пару умных, на мой взгляд, фраз. Те так не считали, видно мои реплики невпопад их удивляли, они косо поглядывали на меня, я догадывалась, что выступила не по теме, оставляла их наедине и продолжала ходьбу по замкнутому пространству.

На улице почти стемнело, хмурый ноябрь действовал на нервы своей туманностью и неприветливой серостью. Каждый день был короче предыдущего, я следила по календарю за каждой минутой, укорачивающей день, и страдала, словно вместе с убыванием светлого времени суток укорачивалась моя жизнь. Я стояла у окна и всматривалась в прохожих, спешащих укрыться от морозящего дождя в теплых квартирах. Деревья слишком быстро потеряли свой пестрый наряд. Еще недавно они шелестели листочками разных оттенков, а сегодня деревца выглядели нищенками в тряпье. Одна ива оставалась

зеленой, но слегка побледневшей, причем такой же пушистой, как и летом, только листья слегка пожухли. Едва температура переползет ниже нуля, как листва на иве разом упадет. Так всегда бывает. Я с напряжением каждый раз наблюдаю, как свернутые в трубочку листочки падают, падают на землю, как бумажные самолетики, входящие в штопор.

Стоя у окна, я пожалела, что заморозки не наступили: мне показалось, что под сенью раскидистого бледного влажного дерева стоит фигура. Я напрягла зрение, но не поняла, так ли это на самом деле или у меня начались глюки.

Наконец, мое созерцание вечернего города прервал звонок в дверь.

На пороге стоял старый еврей в плаще и шляпе, в одной руке он держал модный зонт-трость, в другой – кожаный коричневый портфель. На лице гостя выделялись колючие настороженные глаза и нос. Таких носов я не видела за всю свою долгую двадцатитрехлетнюю жизнь. Поля фетровой шляпы были немаленькими, но это совершенство для вдыхания и выдыхания воздуха оказывалось за пределами полей головного убора. Мне показалось, что нотариус должен гнусавить, словно являлся хроническим аллергиком. Я не угадала: мужчина не гнусавил, а картавил.

- Здррравствуйте, - прокаркал Кессельман, входя в прихожую. Картавость превратила его в ворона с огромным клювом. Он протянул мне зонт, словно я являлась прислугой в «благородном» доме. Не выпуская из рук кожаного портфеля, стоившего никак не меньше полугодовой зарплаты моей мамы-инженера, он с трудом освободился от плаща, оценил взглядом половое покрытие и после недолгого раздумья снял ботинки.

- Прошу, - деловым тоном сказала Жанна и показала вытянутой рукой на дверь гостиной. Ее вид меня порадовал: выглядела совершенно спокойной, будто нотариусы не переводились в ее доме.

Сегодня я не предугадывала события: я решила, что он для начала осмотрится, проведет взглядом ревизию нашего материального благосостояния, выражающегося в оценке интерьера и всего остального, потом подождет губы, выражая таким нехитрым способом свое отношение к «убогости» жилища. Хотя, мы считали себя людьми среднего достатка, но по сравнению с нотариусом и его портфелем, достаток стремился семимильными шагами к нулю. Человек-ворон отложил обзор на неопределенное время и сразу приступил к делу, потребовав от меня и матери документы, удостоверяющие нашу личность. Мы их предоставили. Мужчина внимательно изучил наши паспорта.

- Меня интеррисуют документы, подтверждающие, что в девичестве вы были Альшевой, а эта девушка, - он кивнул в мою сторону, - приходится вам дочерью.

Нам не составило труда выполнить его просьбу.

А потом грянул гром...

- Я... не знаю Владимира Леона, и к Франции не имею никакого отношения, – совершенно обалдевшим голосом произнесла Жанна после оглашения завещания.

Меня мало тронуло это завещание, я посчитала его ошибкой. Меня зацепил человек, который наследовал вторую половину. Как было сказано в завещании – это внук Владимира Леона - Алекс Леон.

В период глубочайшего напряжения моя голова работала четко и выстраивала логические цепочки, больше похожие на четки. Мысленно перебирая бусины четок, от одной к другой, я легко приходила к решению сложных задач. Не только математических, но и жизненных.

Я постаралась отключиться от диалога мамы и Кессельмана, и стала мысленно перебирать бусины, выстраивая цепочку. Первым звеном был Владимир Леон, далее...

Мне не понадобились православные четки, состоящие из тридцати трех бусин по числу земных лет Христа. Когда я пришла к завершению, то громко заявила:

- Алекс Леон – Алексей Гладышев - Александр Лунев – Леонид.

Присутствующие оторвались от обсуждения наследства и с интересом обратили свои взоры на меня. Я почувствовала интерес и продолжила.

- Алекс Леон – внук Владимира Леона и наследник его состояния, Алексей Гладышев – человек, набивающийся мне в женихи по непонятным пока причинам. Вернее причины известны, их две, но я не выбрала пока правильную. Александр Лунев – приятель Дашки, который возник ниоткуда, стал увиваться вокруг нее, параллельно интересуясь мною. А когда Дашка что-то заподозрила, он испарился. Далее... Леонид. Самовлюбленный тип, обхаживающий Людмилу Чечеткину.

- Зачем ему понадобилась Людмила? - полюбопытствовала Жанна, с интересом выслушав мои умозаключения.

- Может, ему нравятся женщины старше него. Но это вряд ли. Я думаю, хотел отыграться за Дашкино пренебрежение. Ах-ах-ах, как можно было не ответить на его чувства! Как она посмела отвернуться от него, повернуться к неказистому парню, который его мизинца не стоит. Ей надо было ему «ноги мыть и воду пить», как любила говорить наша Нина. А заодно рассказывать все тайны обо мне!

Кессельман непонимающе вертел головой. То останавливал взгляд на мне, то на маме. Раиса его интересовала больше нас, видимо, считал ее более разумной и способной ввести его в курс дела.

- Кажется, я одна могу сказать, какое отношение Владимир Леон имел к моему брату Александру Альшеву, - в паузе сказала Раиса.

Все-таки, я ошиблась: нотариусу не было никакого дела до наших с мамой разговоров, и до тайны, которую собиралась раскрыть сестра деда.

- Может быть, вы обсудите свои семейные отношения после моего ухода? – нормальным голосом произнес он. Я задумалась, в чем причина. Быстро сообразила – в этой фразе не было буквы «р». Кессельман подsunул Жанне бумаги на подпись. Она подписывать не спешила. Стояла у стола и хмурилась. А Кессельман тем временем переключился на меня. Прожег меня колючими глазками. – Подходите ближе. Вас это тоже касается.

Я присоединилась к маме. Мы переглянулись, поняли друг друга без слов, инициативу огласить наше решение взяла на себя старшая по возрасту.

- Мы отказываемся от наследства!

- И правильно! – тотчас поддержала нас Раиса. – Тем более, вы к этому французу русского происхождения не имеете никакого отношения...

- Почему отец никогда не рассказывал о встрече с Владимиром Леоновым, который назвался его братом? – растягивая слова, спросила Жанна, выслушав обстоятельное повествование своей тетушки. Нотариус давно ушел ни с чем. Но мы обещали написать официальный отказ от наследства.

- На этот вопрос может ответить только он сам.

Мой отец был в командировке, поэтому мы могли всю ночь предаться воспоминаниям и рассуждениям...

Днем я позвонила Лобову и Кожевникову и пригласила их в гости. Оба имели право знать о последних событиях.

- И что теперь делать? – обратилась я с вопросом к Лобову – мозговому центру нашей операции, после того, как обстоятельно обо всем рассказала.

- Ты прямо сейчас позвонишь Гладышеву и пригласишь его к себе в гости!

- С чего ты решил, что он побежит вприпрыжку?

- Погодите! – остановила нас моя мама.- Если этот... человек, - она сначала споткнулась на последнем слове, а затем произнесла его с таким презрением, словно это было гадкое дурно пахнущее существо, - играл три роли одновременно, - она покосилась на меня, я в подтверждении ее слов кивнула, - то я не желаю видеть в своем доме... убийцу собственной матери!

Жанна сама испугалась произнесенной фразы, закусил губу и бросила мимолетный взгляд в мою сторону.

Я не успела ничего сказать. Перед глазами встала картина прощания с бабушкой, она сменилась другой – безбашенный мотоциклист сбивает Жанну, затем еще одна – здоровый детина толкает маму в пропасть. В голове всё смешалось, закрутилось вокруг меня, включая присутствующих лиц. Я всегда была впечатлительной натурой, но никогда не была девицей, которая по любому поводу падает в обморок. Странно, но я отключилась.

- Она даже не реагирует на нашатырь, - сквозь пелену сознания услышала я встревоженный голос мамы.

Я попыталась поднять тяжелые веки, но мне это не удалось.

- Илья, чего ты стоишь! – взывала мать, - вызывай «скорую»!

- Жанна, не волнуйся. – Это была Раиса. – Посмотри, Сашенька ровно дышит, сейчас она придет в себя... Бедная девочка, на нее столько всего навалилось.

Чего я не желала, так это видеть около себя людей в белых халатах. Или правильнее, в зелено-синей униформе. Я снова представила, как Гладышев в роли врача склонился над бабулей, у него в руках шприц, он вводит иглу в вену... И родные голоса смолкли.

... У девушки низкое давление. – На это раз был чужой женский голос. Я снова попыталась вернуться в реальный мир.

- В чем причина, - спросила мама гнусавым голосом, почти как у нотариуса Кессельмана. Видимо, до этого плакала.

- Авитаминоз, стрессы, бессонница, переутомление...

- Она... недавно защитила кандидатскую диссертацию, - с гордостью произнесла мама и положила руку мне на лоб. Рука была ледяной, я окончательно пришла в сознание. Сразу увидела свою дорогую мамочку. Она держала ладонь на моем лбу и пристально всматривалась в мое лицо, словно мысленно призывала очнуться. Она издала радостный вопль, напугав всех соседей, а вся компания окружила меня плотным кольцом.

- Прошу мужчин покинуть помещение, - твердым голосом приказала докторица в униформе цвета морской волны. И обратилась ко мне, - сейчас я сделаю вам укольчик, и вы почувствуете себя гораздо лучше.

Я скривилась, устремила просящий взгляд на мамулю.

- Так надо, Сашенька, - ласково проворковала она и поцеловала меня в щеку. Мне стало так хорошо! Неужели может наступить страшное время, когда ее и папы не будет рядом. Представляю, каково Жанне после ухода Нины...

Врач неотложки с чувством выполненного долга удалилась. Мама распорядилась, чтобы к дивану, где возлежала я, придвинули стол. Мы приступили к чаепитию. За столом воцарилось напускное спокойствие: о «деле» никто не разговаривал, все вели непринужденную беседу о погоде, о политике, в общем, о чем угодно. На тему покушения было наложено негласное табу. Разговор о погоде меня не интересовал: природными катаклизмами я успела налюбоваться вчерашним вечером, когда ожидала прихода нотариуса. Возбужденно-радостные голоса меня раздражали. Минут через десять я решительно прервала светскую беседу.

- Я не тяжелобольная! И не нужно убеждать, что жизнь прекрасна и удивительна! – И попыталась подняться.

Мама пресекла мое намерение.

- Врач сказал, чтобы ты пару дней соблюдала постельный режим!

Все заголосили, наперебой стали уговаривать меня «лежать и ни о чем не думать!» Из нестройного хора голосов выделялся голос Раисы.

- Рая, - обратилась я к ней, - тебя нам послал бог! Не могу представить, как бы мы измучились с мамой. То, что мы бы отказались от наследства, без сомнения.

- Может, я зря вам все рассказала. Без моего вмешательства вы стали бы... богаче, - прошептала она.

- Ты, правда, так думаешь? – с угрозой в голосе спросила Жанна.

- Нет, конечно.

- А почему...

Я поняла, что наступает время разборок. Жанна в гневе могла наговорить много нелицеприятностей, о которых сама будет позже сожалеть. Одна я могла остановить поток обличительной речи. Недолго думая, брякнула:

- Я вот думаю, может, замуж выйти? – Сказано было так, будто решался не жизненно важный вопрос, а всего лишь обсуждалась возможность похода в театр на белибердовый спектакль. Все его видели, сказали, что полная чушь, а я хотела сама убедиться. Или свободное время убить.

Первым опомнился самый заинтересованный человек.

- За кого? – охрипшим от волнения голосом спросил Илья.

- За кого? – с задумчивым видом переспросила я и воззрилась на Виктора, намекая, что уже выбрала кандидатуру. На самом деле я так привыкла к его советам, что ждала ответных слов сначала от него.

Лобов разгадал мое желание погасить ссору между Жанной Александровной и Раисой Григорьевной на начальном этапе, но вступать в разговор не спешил. На всякий случай покосился на Кожевникова. Илье пришлось не по нраву мои переспросы, и тем более пристальный взгляд, обращенный не на него, он набылся и начал поглядывать в сторону входной двери, которая вскоре должна стать ему выходной дверью.

Наконец, опомнилась моя мамуля. Заботливо поглаживая гипс на руке, она вкрадчиво поинтересовалась:

- Саша, ты серьезно говоришь?

- Разве такими вещами шутят, - глубокомысленно изрекла я и с печалью вздохнула.

- Почему ты сказала об этом сейчас? - не унималась всегда догадливая Жанна. События последнего времени повлияли не только на ее характер, но и на сообразительность.

- Мне не шестнадцать лет, - озабоченно протянула я, намекая, что еще годик-другой и в мою сторону никто не взглянет. – Ты разве против?

- С чего бы мне быть против, - помедлив, хмуро заметила она.

- Вот и я думаю, почему бы кандидату экономических наук не сочетаться браком с достойным человеком?

Достойный человек напрягся, ожидая немедленного проведения съезда по утверждению кандидатуры жениха. А вдруг кто-то из делегатов забракует предложенную или выставит новую, более достойную для кандидата экономических наук.

Илья перестал коситься в сторону двери, присел на свой стул рядом с Виктором Лобовым, который сосредоточенно пил чай и приканчивал пирог с яблочным джемом.

Судя по обращенным взорам на Кожевникова, все остальные «делегаты» горячо поддержали его кандидатуру. Мама откровенно призналась, что о лучшем муже для своей дочери она и мечтать не могла. Отцу тоже Илья всегда нравился. Рая предупредила, что будет гостить до тех пор, пока Жанна не выздоровеет, потому что надо готовиться к свадьбе, и нужны руки. Она протянула перед собой свои, будто требовала надеть на них наручники. Один Виктор продолжал усердно давиться пирогом, осуждающе поглядывая на пустую чашку. Хозяйка услужливо налила ему еще чаю. Едва не перелила через край чашки, потому как боялась отвести взгляд от потенциального мужа ее дочери. Лобов схватил чашку в руки и стал жадно пить остывший чай, будто до этого не влил в себя несколько чашек. Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы не догадаться – горячо обсуждаемая в кулуарах тема не пользуется у него популярностью. Терпение любителя чая лопнуло, и, прервав хвалебные речи в адрес Кожевникова, он заявил.

- Я думаю, что нам с Жанной Александровной снова нужно пойти в полицию. Открылись новые обстоятельства, и мы обязаны оповестить о них полицейских.

Неужели его не устраивает мой выбор? А откуда он знает, на кого он пал? И почему все решили, что это именно Илья Кожевников? Вдруг я имела в виду совсем другого человека, который здесь не присутствует. Или присутствует, но это не мой старый друг. Сложная задачка! Особенно для математика с ученой степенью.

Мне нет дела, о ком он подумал. Нет, и всё! На меня накатила тоска. Черная тягучая тоска напозла на меня, как страшная грозовая туча, которая вот-вот должна обрушиться дождевым потоком... В горле заскреблись мыши, в глаза кто-то невидимый бросил шепотку песка... Я закусила губу, не желая выставлять напоказ свои слезы. Единственно, что могло спасти меня, это глоток воды. Я ограничилась остывшим чаем. Глупо решила, что никто ничего не заметил. Мать и Рая смотрели на меня озабоченно. Мама порывалась что-то сказать, но боялась усугубить ситуацию. Рая вздыхала и нервно теребила скатерть, боясь в очередной раз попасть впросак. Илья тушевался, исподлобья оценивал мое приглушенно-истерическое состояние, судорожно подбирая в уме тему для очередной светской беседы.

Пока остальные пытались, смотрели, теребили, боялись, Виктор Лобов поднялся, поблагодарил, прихватил с собой моего потенциального мужа, и они вместе покинули наш дом.

Я с трудом поднялась с дивана и отправилась в свою комнату. Разрыдалась навзрыд, уткнувшись в подушку. Мне никто не мешал. Немного успокоилась и сказала в пустоту: - Что ж со мной происходит: когда нужно плакать, я веселюсь, когда нужно веселиться, я реву? – хлюпнула носом и резонно заметила, - но время для веселья пока не пришло. И придет ли... Бабушку уже не вернешь. Мама пострадала. Перелом руки не самое страшное, но все же не примитивная икота или легкий ушиб.

Жанна и Рая переживали под дверью. Услышали мой голос и проникли в комнату. Мама держала в руках стакан воды и пилюли, Рая мяла в руках большую шоколадку.

- Сашута, выпей на ночь лекарство, - просящим голосом сказала мама, - доктор велел.

- Девочка, скушай шоколадку, давление стабилизируется, - просюсюкала Раиса.

Я беспрекословно подчинилась. Лекарство проглотила, запила водой, шоколад отложила на потом. После принятия снадобья начала беспрестанно зевать, играя на публику. «Публика» все поняла, расцеловала меня и удалилась, пожелав мне спокойной ночи.

Я выключила свет и села у окна. «Разговора» с луной не получилось: на небо снова накинули темное покрывало и спрятали под ним и ночное светило, и звезды. Тогда я переместила свой взгляд на одинокий фонарь у подъезда.

Я сама во всем виновата. Собственноручно выпустила джина из кувшина. Он там сидел много лет, а я выдернула пробку и началось. Зачем я пошла к Нине и начала расспрашивать про Алышевых? Зачем затеяла игру в родословную? Говорила мне ведьма в третьем поколении, чтобы я не копалась в прошлом, что это может привести к пагубным последствиям! Но у меня всегда есть свое мнение, и оно правильное!

Бабуля утверждала, что произнесенные вслух сомнения могут превратиться в реальность. Не в том смысле, что я высказалась по поводу дедовой родословной, и все подтвердилось через некоторое время. Неправда захотела стать правдой любыми путями...

Уличный фонарь внезапно погас, будто закрыл глаза в подтверждении моих слов.

Я должна... остановить ход неправды? Может, позвонить Дашке и посоветоваться?

Я испугалась: последнее совещание ни к чему хорошему не привело. В нашу игру в родословную вовлекли и мою подругу, от посягательств Александра-Леонида пострадала вся семья Чечеткиных.

Почему я его назвала Александром-Леонидом? Его зову Алекс Леон. Он внук Владимира Леона. Леонова. И его внук тоже Леонов. Он Александр Леонов! Теперь передо мной стоит задача – закрыть джинна в сосуде...

Я взяла в руки мобильный телефон, повертела его между пальцами. Потом отбросила на диван. Полет прошел нормально: мобильник совершил в прямом смысле мягкую посадку. По крайней мере, в темноте я не расслышала грохота по полу. Посидев несколько минут, я поднялась и на ощупь попыталась найти его. Он снова оказался в моих руках. Я не стала предаваться размышлениям, решительно выбрала нужного абонента и нажала кнопку вызова.

Абонент разговаривать со мной не желал. Я терпеливо ждала, пока не пошли короткие гудки. Я повторила попытку, не надеясь на удачу. Моя настойчивость была вознаграждена. В трубке раздалось напряженное «алло». Без приветствий и угроз, быстрым рэпом я произнесла тираду, которая родилась в моей голове молниеносно.

- Я тебе не сестра, мой дед не был братом твоему деду. Нам не нужно его наследство. Мы уже сделали официальный отказ.

Я сразу отключилась. Потом подумала и выключила телефон.

С последним заявлением я поторопилась, но у меня есть оправдание: мы все равно сделаем эту процедуру уже завтра. Главное - обезопасить мать и себя от дальнейших покушений Леонова. Неизвестно, сколько времени понадобится полиции, чтобы вычислить его. А на кону наши жизни...

Антон Яворский приехал на дачу к отцу. Эдуард Антонович, завидев сына из окна, вышел ему навстречу. После смерти внучки он долго болел. Сейчас пошел на поправку. После приветствий и вопросов о здоровье, мужчины расположились на скамейке. Сын поправил шарф на шее отца и заботливо произнес.

- Тебе не холодно?

- Мне все равно. Почему я не умер еще до того, как Анечка встретила этого Леонова. Тогда бы вы никогда не узнали правду, она вышла бы за него замуж и была бы счастлива. Она любила его.

- Ты правильно сделал, что всё рассказал. Анечка не могла выйти замуж за своего близкого родственника. – Антон долго раздумывал, потом протянул отцу конверт. – Это я получил вчера.

- Что это?

- Письмо Алекса...

Эдуард Яворский стал копаться в карманах в поисках очков. Непослушными руками вытащил из конверта лист бумаги и прочел короткое письмо Алекса Леонова, которое начиналось словами: «Это я убил Анну», а заканчивалось: «... Надеюсь, что найду силы и покончу с собой. После всего, что я совершил, мне одна дорога – в ад».

- Мы тоже виноваты, - сказал старик. - Надо было открыть ему тайну Анастасии Яворской. Рассказать, как ее муж отправил целую группу на поиски Григория и Катерины Алышевых, желая угодить любимой жене. Как эти люди расправились с ними и забрали малыша, сына Павла Леонова. Как сделали его своим сыном, подделав даты рождения, чтобы настоящий отец не догадался, что сын Яворских – Эдуард на самом деле – Александр Леонов. Анастасия Романовна вмешалась в родословную Леоновых, словно это не судьба человеческая, а всего лишь игра... А расплачиваться пришлось нашей девочке...

Полицейские установили место жительства Александра Леонова. На требовательные звонки дверь им никто не открыл. Дюжие ребята-омоновцы не стали терять драгоценное время и выбили дверь.

Вместо потолочного светильника в крюке висел обрывок веревки. На полу лежало скрюченное тело молодого мужчины с петлей на шее. На столе лежала записка. Ровным каллиграфическим почерком, совсем непохожим на тот, каким должен писать человек,

решивший покончить с собой, было написано: «Простите меня все. Может, на том свете найдется человек, который полюбит меня по-настоящему»...

Медицинская экспертиза установила, что Александр Леонов умер от обширного инфаркта.

Возможно, это случилось в ту минуту, когда под тяжестью его тела порвалась веревка...

- Такой молодой, крепкий парень и умер от инфаркта, - удивилась Жанна, выслушав рассказ Виктора Лобова. Он первым узнал о смерти Леонова. Теперь к нашей компании присоединились мой отец, Дарья Чечеткина и Заур Зацуков.

- Вы так говорите, словно сомневаетесь в этом, - удивленно протянул математик.

- От этого человека всего можно ожидать, - буркнула она. Мы напряженно смотрели на нее. – Уж, и пошутить нельзя! И не будем больше разговаривать на эту тему... Бог ему судья.

Наступила пауза, которую прервала Дарья, пожелавшая поделиться новостью.

- Мы с Зауром приглашаем всех на свадьбу!

- Когда?

- Через неделю...

- Почему такая спешка? – прищурившись, поинтересовалась я.

- Мы... я..., - замаялась Чечеткина. – В общем, невеста с большим животом смотрится... не комильфо.

Пока Заур за двоих получал поздравления, я увела Дашку в свою комнату.

- Ну, ты даешь, Чечеткина! И когда ты все успеваешь!.. Фамилию будешь менять?

- Еще чего! Останусь Чечеткиной. Дарья Зацукова звучит...

- Не комильфо! – досказала я. Мы дружно рассмеялись.

- Подруга, ты мне вот что скажи, - вступила Дарья, успокоившись, - почему ты так нагло пялишься на Лобова? Илья скоро вызовет его на дуэль.

- Я пялюсь на Лобова?! Я на него не... Это так заметно?

- Не знаю, заметно ли другим, а мне так сразу стало понятно, что ты в него втюрилась.

- Вместе с беременностью к тебе пришла прозорливость, - промямлила я. – И любопытство. Раньше ты никогда не лезла в мою личную жизнь.

- И не говори мне, что личная жизнь, она потому и личная... Слышали, знаем! Жизнь учит нас: делись своими тайнами вовремя, а то будет поздно все изменить.

Мы замолчали. Не знаю, о чем думала Чечеткина, а я – о своем любимом дедушке, который за восемь лет не решился признаться близким, что встречался в Москве с французом русского происхождения, вообразившим себя его братом.

Дед, действительно, не тот, за кого себя выдавал. Из сочетаний фамилии, имени и отчества, только имя было настоящим, все остальное досталось от людей, похороненных в безымянных могилах...

- Саша, хочешь совет? - нерешительно произнесла Дарья, словно не пришла к окончательному выводу: давать его или оставить при себе.

Я недоуменно пожала плечами. И подруга решила.

- Не делай поспешных выводов. Иногда мы принимаем за действительность то, чего на самом деле нет.

- Ты хочешь, чтобы я покопалась в себе и дала четкий ответ: кого я люблю больше?

- Не больше, - вздохнула умная Чечеткина. – Разберись, кого ты любишь на самом деле?..

Совет Чечеткиной вылился в бессонную ночь.

Я мысленно ставила рядом двух мужчин - Лобова и Кожевникова - и проводила сравнительный анализ. Перечисляла все плюсы и минусы, пока не поняла: человека любят не потому что и вопреки всему, а просто любят... Любовь – это не вызов обществу и не показатель наличия смекалки: мол, посмотрите на меня, на умницу, какого парня

отхватила и далее идет перечисление всех его преимуществ относительно других кавалеров.

Потом я произносила тихим шепотом по очереди имя каждого и прислушивалась к себе: сердце билось одинаково ровно. Что это значит? Я никого не люблю? Нет, скорее всего, мне симпатичны оба. Симпатичны?! Потому и сердце бьется ровно, что это всего лишь симпатия, не любовь. Мало ли ходит по земле людей, которым я симпатизирую! Может, дать обоим отворот-поворот? И им легче и мне жить проще. И все-то я знаю! Кому, что, как! Ничего я не знаю! Не знаю, как Виктор ко мне относится. Ну, смотрит на меня показательно, ну, не понравился ему разговор о моем выборе. Это все только кажется. Кажется, перекажется. А Илюша он... Он и в Африке Илюша. В том смысле, что всегда будет любить. Оберегать. И я буду его...

Нина утверждала, что утро вечера мудренее. Я сладко зевнула и погрузилась в сон, чтобы наутро принять окончательное решение...

Мне приснилась Дашкина свадьба с Зауром. Невеста была в белом дурацком платье с рюшами, в фате и с огромным пузом. Она сидела за свадебным столом, поглаживала рукой животик, и приговаривала:

- Погоди, сыночек, еще чуть-чуть! Вот все разойдутся, тогда ты родишься...

Рядом сидела я и пыталась втолковать подружке, что уже выбрала себе жениха. Четкина делала вид, что не слышит и гладила, гладила свой живот. Я не выдержала, стукнула кулачком по столу, даже бокал упал и разбился. Но все гости были в той стадии празднования, когда наступает всеобщее человеколюбие с подмешиванием глухоты. Поэтому моего недружеского порыва никто не заметил.

- Чего тебе? – простонала Дарья, обратив на меня внимание.

- Я выбрала себе жениха! – устало произнесла я, будто выбор шел без остановки двадцать четыре часа.

Четкина провела взглядом по присутствующим, выделяя сильный пол. Наверное, их «философские» лица ей не глянулись, потому что она скривилась, но для приличия поинтересовалась:

- Который из них?

- Это...

- Сашка, сколько можно спать! – возмутилась мама.

Я открыла глаза и посмотрела на часы, желая убедиться - сколько? Время близилось к полудню.

- Кофе, - хриплым голосом попросила я.

- Не баре! – отрезала Жанна. – Разбаловала тебя Раиса - Сашеньке кофе в постель надо подать, а я расхлебывай!

- Жаль, что она уехала.

- Ты же сама сказала, что переносишь свадьбу... И правильно сделала.

- Бабушка не так давно от нас ушла, - назвала я истинную причину.

- И я о том же.

Я вспомнила увиденный сон. Жаль, что мама не объявила подъем на несколько минут позже. Еще немного и я назвала бы имя претендента на мою руку.

Несмотря на возмущения в мой адрес, мамуля вплыла в мою комнату с чашечкой крепкого кофе. Я задохнулась от божественного запаха.

- Спасибо, - поблагодарила я родительницу и сделала первый глоток...

Возвращение к жизни сразу заставило мой мозг работать в том же направлении. Я решила встретиться с Лобовым и Кожевниковым и поговорить. Просто так... Может, при виде одного из них сердце даст намек.

Я позвонила Виктору и пожаловалась на Жанну, которая не отпускает меня одну на прогулку.

- Я мне так хочется на свежий воздух, - заканючила я.

- Я скоро освобожусь и составлю тебе компанию, - предложил математик.

Все время до встречи я посвятила чтению. Достала с антресоли книжки моего подросткового периода и стала перебирать их. Мама высказала предположение, что я впадаю в детство, я не удостоила ее ответом и, она ретировалась. Бабушка в таких случаях заявляла: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало»...

Надо записывать все изречения Нины, чтобы потом передать их детям, как ее наследие, - подумала я, продолжая свое занятие.

Одна потрепанная книжечка привлекла мое внимание. Открыв первую страницу, я сразу вспомнила ее содержание. Это было пособие для девочек переходного возраста.

Иногда тебе только кажется, что ты влюблена, а на самом деле, ты злишься, что молодой человек не обращает на тебя внимания, - прочитала я. – Все парни находятся под твоим магическим влиянием, а он один выбивается из общей когорты поклонников. Ты моментально заинтересовываешься им, придумываешь себе безответную любовь и стремишься завоевать неподдающегося чарам парня. Твой интерес пропадает в тот момент, когда молодой человек начинает выделять тебя из всех девушек.

Я задумалась: эта цитата имеет отношение ко мне? Скорее всего, нет. За мной не ходит толпа обезумевших кавалеров. Я не злюсь, когда в компании кто-то, но не я, становится объектом интереса почти всех присутствующих мужчин. Не стараюсь переключить их на себя. Не бьюсь до последнего. И никогда мой интерес к мужчине не появлялся на почве его безразличия ко мне – такой необыкновенной, такой единственной, такой, такой...

- Я никогда не была красива, но всегда была чертовски мила, - тихо промурлыкала я, подражая героине Фаины Раневской в советском кинофильме «Человек в футляре». И снова углубилась в чтение.

В старые времена несколько претендентов на руку и сердце благородной дамы состязались между собой. Я прочила о рыцарских турнирах, о чествовании победителя, который завоевывал любовь прекрасной дамы...

И вернулась к событиям нашего времени, которые касались лично меня.

Лобов оказал нам неоценимую услугу: он не только спас мою мать, но и направлял наши действия в нужном направлении, и в итоге, вышел на след убийцы. Значит ли это, что математик оправдал свое имя, ведь Виктор, значит победитель. И этой победой ученый-математик заслужил мое внимание, которое я приняла за внезапно вспыхнувшую любовь? Именно, вспыхнувшую... Как вспыхнула быстро, так скоро и погаснет.

- Вот она сверкнула и погасла, - пропела я, вспомнив слова старой песни.

Со временем очарование уйдет, и ему на смену придет разочарование. Я совершенно не знаю Виктора. Не знаю его, как человека, только лишь, как хорошего логического мыслителя. Но жить нужно с обычным мужчиной, а не с вычислительной машиной, просчитывающей всевозможные варианты, касающиеся не только глобальных вопросов: когда обзавестись потомством, когда купить квартиру, но и более мелких. Я уверена, что с годами плановая жизнь станет меня раздражать. Победитель незаметно перейдет в ранг тореадора с красной тряпичей в руках, а обычно спокойная и выдержанная Саша, превратиться в сумасшедшее животное с рогами, бегающее за ним по арене.

- Я и сама сильна в логическом мышлении, - вздохнула я, - для одной семьи двух мыслителей многовато...

Я не стала «сбрасывать со счетов» кандидатуру Лобова и перешла к другой занятой книжке, но замерла с ней в руках.

- Так, так, так, - пролепетала я, подражая математику. Минуту назад в моей голове промелькнула умная мысль... Даже не мысль, а доходчивое объяснение проснувшегося интереса к Виктору, но я не успела ухватить ее за хвост.

Я села в «позу лотоса», скрестив ноги подошвами вверх, положила ладони на колени и прикрыла глаза. Посидела немного, затем соединила ладони перед грудью. Это

упражнение восстанавливает умственную гармонию. Я хотела восстановить гармонию со своей головой и вернуть ускользнувшую мысль.

Прозрение пришло не сразу. Благо, что вообще пришло. Не хватало еще огоршить Виктора признанием в несуществующей любви...

Все так элементарно, тем более для кандидата экономических наук, хотя, экономика здесь не причем.

При первой встрече с ученым бизнесменом я сделала вывод: за умными речами и рассуждениями о женщинах скрыто абсолютное незнание. Гений в математике был совершенным профаном в жизни. Лобов так погрузился в науку, что представительницы противоположного пола для него существовали в параллельном мире. Я еще подумала, что он не встретил ту самую...

Проходит некоторое время, и я замечаю скрытый интерес к своей персоне. Мне это льстит и вызывает во мне ответную реакцию: я начинаю смотреть на него, как на мужчину, восхищаюсь его своеобразным умом. А потом произошло еще много событий, которые повлияли на мое отношение к нему.

- Спасибо тебе, книжечка, за подсказку! – с удовлетворением заявила я.

Вот такой я человек – никогда не присваиваю себе чужих медалей и не боюсь раскаться в неблаговидном поступке. Ох, какая я скромная!

Скромная, умная и догадливая.

Недолго думая, схватила мобильник, позвонила Лобову и сказала, что наша прогулка отменяется. Поблагодарила его за помощь, пожелала счастья и успехов - дала понять, что наше общение на этом заканчивается.

Зачем дурить парню голову, если он тебе был и всегда будет безразличен, - говорила моя бабушка, ведьма во втором поколении. А она-то всегда знала, что сказать и когда.

Снова взялась за мобильный телефон, дрожащими пальцами нашла нужного абонента, и стала ждать ответа.

- Сашка, как я рад, что ты позвонила!

- Илюша, я люблю тебя. Я жду тебя. Приезжай скорей...

Сентябрь – ноябрь 2010года.

Отредактировано 2014г.